

Пролог

Глава первая. «Железо»

Глава вторая. Конный спорт

Глава третья. Воспитание

Глава четвертая. Война

Глава пятая. Люди

Глава шестая. Дом

Эпилог

Комментарии

Литература

Приложение

бсолютно уверен, что тем, кто сделал своей профессией или своей забавой конный спорт, рысачьи бега, скачки, драйвинг и тому подобные развлечения, не стоит читать или даже открывать эту книгу.

Ничего хорошего о себе в этой энциклопедии спортсмены, жокеи, наездники и им подобные не найдут и не узнают.

Скорее наоборот.

Да как-то и не хочется иметь эту публику, с их злобой, упертостью и феноменальной агрессивностью, которую они проявляют, отстаивая свое право насиловать и мучить лошадей, в числе читателей.

Я бы предпочел остаться наедине с теми немногими людьми, кто или понял, или честно пытается понять суть взаимоотношений человека и лошади.

При всем желании очень трудно найти тему, которая была бы так пропитана ложью, нежели взаимоотношения человека и лошади.

Даже в самых третьесортных религиях — либо вранья меньше, либо оно искусно настояно на неких правильных догмах психологии и все же адресовано человеку, то есть существу, за которым всегда остается право послать вруна к известной матери.

Но меня, честно говоря, люди очень мало интересуют.

Эта книга — не о них, а об истории взаимоотношений человека и лошади.

О главных секретах лошади, ее феноменальном благородстве, уме, умении любить и дружить и о ее главном несчастье — близости с человеком.

Я, пожалуй, более авторитетно, чем кто-либо, могу говорить об этих ее чертах, воспитав без всякого насилия, без всякой грубости, без ремешков, железок и палок достаточное количество лошадей.

Когда я в первый раз гляжу на лошадь, которую мне предстоит обучить суперсложным вещам и фигурам «От эколь» (Haute Ecole^a), научить умению дружить и признавать мое право приказывать, — я, по обычаю школы, к которой принадлежу, как правило, безмолвно говорю себе: «Шунка-вакан килэ наги-ки уачи ело» — что в переводе с лакотского^b означает «Мне нужна душа этой лошади». Именно душа, и если я завоюю ее — все получится.

Тогда эта лошадь — без всякой уздечки, без всякого принуждения — будет послушна и благорасположена. Она будет делать невероятные вещи: ложиться, когда я сдвину брови, садиться и сидеть, ходить испанским шагом^c и делать пиаффе^d или каприоль^e.

При этом право приказывать основано отнюдь не на том, что я — человек, а она — лошадь.

«Старшинства» по этому крайне надуманному принципу ни одна лошадь не признает.

По счастью, мы — и лошади, и существа из надсемейства гоминидов, семейства гоминидов, рода хомо, то есть люди, — один животный мир, состоящий в удивительном родстве, имеющий общее происхождение и почти идентичные физиологические и метаболические особенности. Мы потрясающе родственны!

Единственно, у нас — существ из отряда приматов — более заметны, согласно гениальной формулировке Дарвина, приметы низкого биологического происхождения.

У лошади они тоже есть, но ее красота, согласитесь, несколько сбивает с толку.

Впрочем, в соответствующей главе я расскажу подробно обо всем этом и о том, что наибольшей глупостью из всех глупостей является попытка строить свои отношения с лошадью с позиции некоего высшего существа.

Но для начала — о вранье, о глупости и мифах.

Можно заглянуть практически в любую эпоху — и везде находишь поразительное количество вранья как относительно взаимоотношений человека и лошади, так и воспитания лошади.

Вранья дремучего и радостного.

Упоенного вранья.

От приторных сказочек и бредовых размышлений о глупости лошади до наставлений садиста Джеймса Филлиса^{1*} — "жечь лошадь огнем".

Можно, чтобы не мучаться — заглянуть поближе. Просто в абсолютное сейчас, на какие-нибудь спортивные состязания, например олимпиаду.

Там вы непременно увидите лошадь, у которой вся грудь и передние ноги залиты пеной (вспененной слюной), льющейся изо рта, набитого железками, — специальными приспособлениями для причинения лошади сильной боли. Это традиционная картина, обязательная для соревнований по так называемой выездке^f.

Выглядит это кошмарно. Физиологическая суть этого слюнотечения — трагична.

Но никого за это не наказывают.

Более того, там, на соревнованиях, это считается замечательным признаком, приветствуется судьями и служит предметом особой гордости

* Здесь и далее цифрами обозначены ссылки на Комментарии.

спортсменов. Когда вспененные слюни не текут или текут мало — судьи морщатся, а спортсмены смущаются.

Принято, чтобы слюни текли. Это якобы свидетельствует о том, что лошадь «хорошо работает ртом».

Или «хорошо отжевывает "железо"». То самое «железо», у которого нет никакого другого предназначения, кроме как причинение боли во рту.

Шизоидность спортивных формулировок рассмотрим ниже, в главе о лошадином «железе», а сейчас посмотрим на ситуацию строго физиологически.

Попробуйте плотно прижать язык к нижнему нёбу и пробыть в таком положении минут пять.

Даже если вы не выездковая лошадь, а просто читатель этих строк — у вас обязательно потекут слюни прямо на эту книгу.

А если вам еще и засунуть какую-нибудь объемную железяку в рот (а лучше две, как это принято в конном спорте), которая будет прижимать язык, бить по зубам и деснам и больно долбить в верхнее нёбо, а вы при этом инстинктивно попытаетесь от нее избавиться, стараясь хоть как-то двигать языком и щеками, то слюни польются во вспененном состоянии — и совершенно закроют и текст, и картинки.

Дальнейшее чтение этого драгоценного фолианта станет невозможным. И почти ненужным. Вы сами сразу все поймете.

Разумеется, для лошади в такой ситуации существует множество тяжких физиологических последствий, и в первую очередь — критическое пересыхание гортани из-за невозможности сглотнуть слюну и тому подобные проблемы.

Но вот в конном спорте принято, чтобы изо рта лошади ручьем текли слюни. И спортсмены этому ужасно радуются.

Вроде бы ярчайший пример физиологического, мягко говоря, неблагополучия — текущие вспененные слюни у любого живого существа — примета дискомфорта, боли, проблемы, пытки... Ан нет — в конном спорте это приветствуется!

Толстозадые дамочки в шляпках старого гробовщика — олимпийские всадницы — гордо позируют для календарей на залитых слюнями лошадях.

Если бы с их котом или их бабушкой произошло нечто подобное тому, что происходит с их лошадьёю, — они тут же вызвали бы врача, а особо чувствительные — и всплакнули непременно.

А тут радуются. Причем эти «дамочки» (обоих полов), будучи людьми преимущественно недалекими, но по лошадиному поводу, что называется, «не без некой слезы в душе», — убеждены, что все прекрасно, что лошадь залита вспененной слюной оттого, что радостно и охотно жевала железное орудие пытки, которое ей всунули в рот и намертво пристегнули ремнями.

Такая «дамочка» еще страстно поспорит и — от имени безмолвной лошади — обязательно расскажет о любви лошади к этому пыточному прибору, удилам или мундштуку.

Хотя достаточно открыть любой справочник по лошадиной стоматологии, чтобы сразу напороться глазами на статьи о диких травмах губ, десен, зубов, нёба и прочих чувствительных частей рта, причиняемых удилами или мундштуком, или просто знать то, что спортивным лошадям в обязательном порядке выламывают первые премоляры (так называемые «волчки»), то есть зубы, находящиеся в наиболее близком контакте с «железом», подставляя под удар вторые премоляры, то есть зубы более крепкие, которые не дробятся так быстро, как первые.

И это лишь самый простой и примитивный пример постоянной травмы лошади. Возможно ли вообще этим людям говорить о каком-либо желании или умении понимать лошадь?..

И это лишь самый простой и примитивный пример не только жестокости и тупости человека, дикой лжи обо всем, что связано с лошадью и верховой ездой, но и абсолютного нежелания и неумения человека понимать лошадь.

В том бесконечном вранье, которым человек уже окончательно себя запутал, уже не разберешь, чего же больше — тупости или природной злобы.

Причем вранье везде и всюду.

Родео, к примеру. 99,9% человечества убеждены, что мальчики в шляпах садятся на диких и свирепых лошадей, стремящихся их скинуть во что бы то ни стало. Все действие родео настояно на ковбойской героичности и символике, отработан ритуал и суровая хореография мальчиков в шляпах.

И все — ложь.

Все лошади, используемые в родео, демонстрирующие публике яростную истерику, отбивающие задом, «свечащие», «бочащие», двигающиеся по арене дикими прыжками, — это нормальные, деликатные лошади, давно заезженные и смирившиеся.

Просто перед тем как выпустить их из бокса на арену, им натуго перетягивают ремнем половые органы, вызывая дикую боль.

Задача проста — сильной болью, да еще и в таком деликатном месте, — довести лошадь до психоза, до бешенства и попозировать на ней, изображая укротителя.

Мало кто знает, что судорожные отбивки задними ногами, дыбки и прыжки в стороны вызваны вовсе не желанием сбросить всадника, а лишь простым отчаянием и желанием избавиться от боли.

Если взять с родео любого сурового мальчика в шляпе, стащить с него чаппарохос^s с бахромой и джинсы, сильно завязать ему веревкой яйца и начать за нее дергать, мальчик в шляпе тоже будет подпрыгивать, орать и махать ногами.

К сожалению, такая забава не практикуется.

Никак не могу сказать, что все это мое личное открытие.

Да и не открытие это вовсе. Все, что я в данном случае говорю, — известно очень давно. И это может стать понятно каждому, кто попытается об этом задуматься.

Очень далекий от любых лошадиных страстей основатель гениальной религиозно-философской системы, именуемой даосизмом, Чжуан-Цзы², присмотревшись к отношениям человека и лошади — еще в IV веке до нашей эры, в эпоху глухой древнекитайщины, — писал, что уздечка — мучение для лошади.

Будучи первым даосом, то есть постигателем феноменально прочных и тонких связей меж живыми существами, населяющими мир, Чжуан-Цзы сострадал лошади и пытался отгадать главный секрет: как можно быть вместе с лошастью, заодно с лошастью, на лошади — не против ее воли, а по ее согласию.

Он первый понял, что такой секрет есть и что это в принципе возможно. Он не разгадал его.

Но у Чжуан-Цзы профессия была другая — он был философ и большой шалун, он был очень занят — основывая одну из совершеннейших религий мира — и не имел времени и возможности искать разгадку тайны подлинных отношений человека и лошади.

Да, древний мудрец хмелел от красоты лошади, от ее биологического благородства — и проклинал «мастеров-лошадников» своего времени, повинных в муках и гибели лошадей. Это, пожалуй, и все. Но в своем «Внешнем Разделе» он уже тогда обозначил проблему, за что, собственно, низкий поклон ему.

Чжуан-Цзы умер, последний раз весело глянув в свое древнекитайское небо.

Черная лаковая крышка с алым киноварным драконом легла на его гроб, который запихнули в тесную пыльную могилу всхлипывающие древние китайцы, которым посчастливилось живьем слушать Чжуан-Цзы.

А мастера-лошадники со своими железками и тысячами виртуозных способов пытать лошадь дожили до наших дней и долго еще будут пакостничать и изгаляться над лошадьми.

И лгать.

Себе. Вам. Нам. Всем.

Представьте себе соревнования по конкуру.

Конкур — это когда люди в красных или синих пиджачках специального покроя и в бархатных касочках (с таким видом, как будто бы они заняты чем-то чрезвычайно важным), колотя хлыстами вспотевших от боли и ужаса лошадей, заставляют их перескакивать разные крашенные палочки.

Выглядит это очень серьезно и напряженно.

Тренькает колокол (обычно это ворованная рында), судейская коллегия возбужденно мнетя на ягодицах, орет громкоговоритель, визжат зрители, которых собирается действительно много, — ведь крашенные палочки подняты достаточно высоко, и есть надежда, что кто-нибудь из участников свернет себе шею или хотя бы сломает позвоночник.

Мужики в педерастических обтягивающих штаниках и бархатных касках — такие же толстозадые, как и дамочки в выездке, — заставив обезумевшую от боли лошадь перепрыгнуть все крашенные палочки, ломятся к телевизионным камерам, в поле зрения которых принимают особенно удалой вид.

Они охотно дают интервью, где обязательно упирают на некий свой контакт с лошадей, да и еще что-нибудь обязательно брякнут о любви лошади к перепрыгиванию крашенных палочек.

А теперь представьте, что неким волшебным мановением со всех лошадей сняты уздечки.

Инструмент, который жестко контролирует лошадь сильной болью во рту, — больше не функционирует. Лошади свободны.

И тут все мгновенно рассыпается. И выясняется, что никакого контакта нет и никогда не было, что лошади удерживались и принуждались только болью.

Мужички в обтягивающих рейтузиках, визжащие дамы в охотничьих, с булавкой, галстуках, роняя хлысты и бархатные каски, — все летят к чертовой матери, сыпясь с обезумевших от радости внезапной свободы лошадей.

Все.

Дегенеративная забава по имени конный спорт, как только из нее вынимается болевая составляющая, прекращает свое существование.

Нет контролирующей боли — нет соревнований, нет побед, нет интервью, нет мифа — нет спорта.

Из кривого дощатого сортира за опустевшими трибунами доносится шуршание стартовых протоколов соревнований, смягчаемых для некоего понятного использования.

Спорт закончился.

Конечно, за тридцать веков истории была масса причин, мешавших человеку понять лошадь и установить с ней те естественные и нежные отношения, при которых послушание лошади, готовность дружить и служить оставались бы теми же, но было бы полностью исключено тупое болевое воздействие, которое всегда провоцирует войну и взаимную ненависть.

Очень основательно подгадило насквозь антропоцентричное христианство.

Простой пример.

Осень 1535 года. Европа.

Шесть епископов и благочестивое рыцарство, всего сорок три герба, под разрывающий небо колокольный звон — великой процессией, с пением и крестами — вели одержимого дьяволом коня Аннабель к заготовленному для него костру.

Аннабель — чертовски талантливый, судя по всему, конь из бродячего цирка, был уличен в прямой связи с дьяволом. Подтверждением связи были сверхъестественные, по мнению епископского трибунала, способности коня.

Что он умел, чего не умел, — история умалчивает.

Я предполагаю, что это была банальная аппортировка предметов, способность сидеть, считать и тому подобные, выражаясь цирковым жаргоном, «корючки», которым сегодня можно за неделю обучить любую лошадь.

Вообще, тогда сжигали все необъяснимое.

Метод, конечно, впечатляющий, но не слишком эффективный. Сжигали котов, собак, еретиков, кресты не той формы, зарвавшихся ученых, братьев-христиан, иначе складывающих пальчики, кур, которые кощунственно могли склевать рассеянное в форме креста зерно.

Досталось и лошадям.

Причем случай с Аннабель был далеко не единичным. Прошерстив хроники, можно назвать, по самым приблизительным подсчетам, не менее 100 подобных прецедентов. И это только с лошадьми.

Собак и ученых я не подсчитывал.

Церковь держала оборону.

Наличие разума у любого существа, кроме человека, основательно разваливало догматы и саму экзистенцию веры. Вносило неприятнейшую смуту. Не в умы, а в некий принятый миропорядок.

Отчасти это, конечно, извиняется прорастающей сквозь всякую догматику, атрибутику и века привычкой любых жреческих сообществ к жертвоприношениям. (Христианские попы не исключение.) Костер, разжигаемый христианами с чем-нибудь живым в нем, умирающим в его огне, — нормальное, архаично-языческое желание принести богу в жертву его врага.

Угодливое желание приятно пощекотать ноздри начальства запахом горелого мяса его противников.

Пакостное, конечно, желанье, но объяснимое. Церковное вранье о том, что церковь лишь отторгала, регистрировала своим трибуналом некую аномалию, а уж палили «аномальную» живность (ученых, астрологов, ведьм, собак, еретиков) глупые гражданские власти, всерьез принимать все же не рекомендую.

Но возвращаемся к нашей истории.

Прежде чем взойти на костер, цирковая лошадь Аннабель подверглась всем ужасам обряда экзорцизма, то есть изгнания дьявола.

Ей засовывали горящие угли в уши, вырезали ножиком кресты на боках и крупе, ей даже хотели вспороть живот для того, чтобы выяснить, не прячется ли в брюхе дьявол, но не стали. Решили, что, если вспороть, точно помрет, — и благочестивая публика будет лишена огромного назидательного развлечения.

Под дикий вой толпы, под пение, звон, под наборматываемую сотней бледных губ латынь и лязг «доспешного железа» коня запихнули в гигантское каре из пересушенного хвороста, притянули цепями к стене, завалили еще сотней вязанок хвороста — и запалили.

Избитый и запятанный полумертвый конь отчаянно сопротивлялся и кричал так страшно, что несколько рыцарей решились заколоть его, чтобы избавить от мучений.

Епископы воспротивились, натравили на сердобольцев стражу — и вокруг гигантской кучи пылающего хвороста началась людская бойня, в которой изувечили и забили сгоряча человек, кажется, по десять с каждой противоборствующей стороны.

А костер оказался слабоват.

Конь, судя по описанию благочестивого хрониста, не сгорел сразу, как было задумано попами, а — заживо обуглившись — еще целый день агонизировал в остывающих углях.

Здесь дело не только в средневековой христианской шизофрении. Она абсолютно понятна и не обсуждается.

Церковь, признающая наличие разума и души у лошади, мгновенно разрушила бы этим признанием саму себя. Приводить канонические и догматические обоснования этого утверждения я не буду — они общепонятны. Христос, как вы помните, так и не сел на лошадь.

В местном прокате он взял ослика для торжественного въезда в Иерусалим.

Меня, в общем, мало волнует, что церковь дала человечеству.

Но что, по меньшей мере, десять веков по ее вине были потрачены впустую, — это совершенно точно. Колоссальное количество времени, вполне пригодного для исследования лошадиной души, для серьезных попыток понять, в чем же суть взаимоотношений лошади и человека, — было профукано.

Глупо, впрочем, винить одно христианство.

Так же бездарен был в этом смысле и мусульманский мир, и мир индуизма.

Чуть-чуть, очень слабенько и вяло, что-то теплилось в даосизме, в дзен-буддизме, абсолютно, кстати, не влияя в свете нашей темы на принявшие эти доктрины народы. Китайская безжалостность к лошади ничем не отличалась от безжалостности итальянской.

Впрочем, как я уже сказал, легонько вспыхивали светлые имена и мысли в старых дзенских рукописях, в даосских хрониках.

В XII веке огромное брюхо Поднебесной империи вспороли племена чжурдженей, накатившие на все северные и северо-восточные провинции Китая.

К этому же времени относится история о даосском отшельнике Юэ Фэе.

Чжурджени перебили весь монастырь, все пожгли и убили так много народу, что, возжаждав разнообразия, в качестве десерта к своему чжурдженьскому шоу живыми ослепили двух стариков: старика-настоятеля и очень старого коня, на котором монахи возили свитки в город. (Грамотеи-даосы подрабатывали каллиграфией.)

Чжурджениям, вероятно, это показалось смелой и блестящей новацией, принципиально новым словом в деле разорения горных монастырей.

Вырезав обоим глаза — они отправили двух слепцов бродить по округе.

Юэ Фэй не умел ездить верхом, никогда не садился на лошадь и просто брел рядом с ослепленным конем, грея об его шею застывающие ладони.

Когда слепой конь ложился в снег, монах пристраивался в его ногах и, пригревшись, засыпал.

Бог его знает, этого даосского старика, что он тогда понял и как. Но что-то понял.

На десятый день скитаний путь слепому коню и слепому монаху преградила богиня с серебряным лицом — милосердная Гуань-Инь.

Ее послали боги, дав ей с собой омытые и исцеленные на небесах глаза даосского монаха, наказав вернуть их Юэ Фэю.

Но Гуань-Инь, известная озорница, решила чуть пошутить и предложила Юэ Фэю сделать выбор.

Она сказала: «Одному из вас я могу вернуть возможность видеть мир. Выбери кому?»

Юэ Фэй не думал ни секунды и ответил богине с серебряным лицом: «Мир должен видеть тот, кто понимает его правильно. Верни глаза старому коню».

И Гуань-Инь поступила так, как решил монах. Она отдала коню омытые на небесах и исцеленные глаза даоса, глаза, наполненные великой мудростью и великой добротой.

Эта пронзительная история никакого влияния на ход мировой истории лошади не оказала. Над ней, вероятно, пару раз за восемь веков, всплакнули любители поковыряться в пыльных даосских преданиях, но не более того.

Именно взаимоотношения с таким поразительным существом, как лошадь, показывают, насколько глуп, безжалостен и жесток может быть человек.

Или, наоборот, — благороден, добр и светел.

К сожалению, в этой книге придется много внимания уделить первому, гадкому варианту, поскольку именно он является общепринятым.

Вообще-то, конфликту человека и лошади уже много-много тысяч лет.

Представлять участников конфликта с человеческой стороны особого смысла нет.

Это в равной степени и ослабившийся над свежезарезанной лошастью тупой монгол, и толстозадая девочка в шляпке старого гробовщика, набившая лошади рот «железом», и пропитой идиот-ямщик — изобретатель русской тройки.

Всех не перечислишь, впрочем, всех их объединяет способность не понимать лошадей и не задумываться вообще над тем, что же они делают с нею.

Их очень много, они чертовски похожи.

Если выстроить их всех, как живописно страшна будет эта толпа, орущая, тыкающая, трясущая хлыстами, перекладинами препятствий, хомутами, мулетами, оглоблями, битами для поло, звенящая шпорами...

Тут и красноносые, иссушенно-пропитые жокеи, лично отправившие в муках на тот свет по десятку лошадей с разорванными в клочья легкими (статистика!).

Здесь старые кавалеристы всех эпох, проковыривавшие усталым лошадям шпорами дырки до ребер и бросавшие их на марше помирать в канавах.

Здесь краснопиджачные конкуристы и девочки из выездки, накачавшие себе на дерганье лошадиных губ бицепсы, как у Геракла.

Здесь любители конного поло, рысачники и «троечники» — которые в угоду пьяной ямщицкой эстетике до перелома шейных позвонков заворачивали на галопе пристяжным шею вбок и гнали их по ледяным надолбам пьяных русских дорог, пока те не помрут.

Здесь шитые золотом рехонеадоры и пикадоры^h, которые всегда подставляют под удар бычьих рогов прежде всего лошадь и уходят с арены, путаясь в бычьих и лошадиных кишках.

Здесь же обветренные мордочки антисанитарного вида девочек с городских покатушек, злобных пятнадцатилетних дур, выжимающих из грязных, больных, скелетированных лошадей на городских площадях последние капли жизни.

Имя им легион.

И все на понтах.

И все шумны и агрессивны, и у каждого в запасе набор сладкой болтовни о любви человека к лошади и лошади к человеку и набор бредовых представлений о том, что такое лошадь и что с ней надо делать.

И против них, против всей этой гигантской, надрывно гогочащей, понтоющейся толпы — из всех эпох мы сможем собрать и поставить лишь несколько молчаливых фигур...

Тут умерший две с половиной тысячи лет назад в Китае старик-даос, с бесконечной болью глядевший в лошадиные глаза.

Тут парочка длинноволосых, в колетах и ботфортах французов семнадцатого века, отцов «от эколь».

Рядом с ними, краснея суконными вплетками в серых косах, — старики Великих Равнин, индейские заклинатели из касты Шунка-вакан юга вичаша... Тут немолодая, с тревожными глазами, парализованная немка на инвалидной коляске, да и еще пара наших современников... Все.

Нет, не все.

С ними, за ними — все лошади мира.

Всех эпох и континентов.

Живые и мертвые.

Впрочем, я забыл одно из главных лиц «нашей» маленькой лошадиной стороны — каноника собора Святого Патрика в Дублине.

Интригана, гениального писателя, который и верхом-то толком ездить не умел и никогда не был мастером воспитания лошади, — господина Джонатана Свифта.

Как помните, в одном из своих путешествий Лемюэль Гулливер попадает в страну гуингмов, то бишь лошадей.

Гуингмы совершенны.

Благородны, честны, мудры.

Не будучи мастером «от эколь», не работая ежедневно с лошадьми, Свифт, тем не менее, абсолютно понимал характер лошади и ее основные черты.

В рабстве у гуингмов находятся йеху. Лживые, агрессивные и похотливые твари. В них очень легко узнается человек.

Причем йеху ненавидят гуингмов и живут мыслью отомстить им.

Вообще, считается и считалось, что гений Свифт оскорбил этой книгой человечество.

Идиотизм и примитивность человеческой природы, как хорошо разглядел Свифт, виднее всего в его отношениях с лошадью.

Да, образ гуингма — классный литературный прием, великий способ лишней раз унижить не слишком милое его сердцу человечество. Но здесь не только прием. Здесь искреннейшая, нестерпимая боль, происхождение которой — в любви к лошади, в чувствовании лошади.

Он прекрасно смотрится, этот желчный английский интриган, рядом с вождями-заклинателями, с львиногривыми отцами Haute Ecole в стеганых колетах...

Легко представляю себе Свифта — старенького декана собора Святого Патрика.

Рассвет.

Парик здорово набекрень.

На старых щеках — синие и рубиновые пятна от витражного окна. Он бормочет, обкусывая с пальцев прилипший к ним воск, а свежезатушенные свечи чертят в цветном, рассветном сумраке библиотеки загогулины дыма.

«Эти идиоты, я имею в виду читающее человечество, извелись! Они ужасно хотят доказать, что то, что написано в странствиях Гулливера — лилипуты, великаны, гуингмы — все это ложь и фантазия. Они ищут доказательства. Они ищут жало гигантской осы, они ищут миниатюрных овечек. Ищут и не находят...»

Где-то в письмах Свифт сознается, что очень страдал оттого, что не имеет достойного собеседника. Конечно. Я же еще не родился. Мы зачем-то разминулись с ним во времени лет на двести. Но нашу беседу легко представить.

Его староанглийская, крючконосо-вислощекая физиономия озаряется великим и победоносным озорством.

— Есть одно доказательство того, что все правда. Есть, да. Оно здесь, в оранжерее. Идем-ка!

По пути из библиотеки в оранжерею он продолжает ерничать, задираться и кокетничать.

В оранжерее, на цепи, — сидит его главное доказательство. Живой йеху с острова гуингмов.

У йеху есть особо любимые игрушки: красный редингот, жокейка и хлыст.

Обычно он занят тем, что подолгу гадит, размазывает то, чем нагадил, чешется, обжирает подтухшую телячью голову, дремлет, воет или читает газеты.

Но он всегда ждет, когда о нем вспомнят и принесут игрушки.

Он принимает их с благоговением, так теряется от переполняющего его мутного счастья, что не сразу залезает в рукава красного редингота.

Это символическое, знаковое, потрясающее зрелище. Йеху, эта тварь, всегда волновалась при этом.

Он наряжается в редингот, нацепляет жокейку, хватает хлыст и начинает изображать всадника, лупя изо всех сил по воображаемой лошади и безжалостнейшим образом дергая ее за рот.

О, он хорошо знает, что символизируют его игрушки.

Он шалает, представляя под собой, в своей полной власти парализованное болью во рту то пронзительное воплощение красоты, доброты и благородства, что в великой книге Свифта именовалось гуингом.

Он лупил, лупил, дергал, снова лупил...

У Свифта даже его висячие староанглийские щечки — и то как-то всосались, хотя, вероятно, видел он эту сцену не один раз.

— Видал? Скажи мне, а уже родился тот идиот, который сказал, что йеху — это звучит гордо?

Я кивнул.

Он заранее знал ответ, но все равно скис:

— Бедные гуингмы...

Все так и есть. Сладкие сказочки об отношениях человека и лошади — это именно сказочки. И не случайно свифтовский йеху предстает перед нами в красном рединготе и жокейке.

Именно конный спорт стал концентрацией желания и умения человека истязать лошадь.

Впрочем, об этом чуть позже. В соответствующей главе.

Сперва я хочу разъяснить вам предназначение всякой железной дряни, вроде удил, мундштуков, пелямов, трензелей, классифицировать все эти предметы и поведать их историю.

^a *Haute Ecole* (фр. «Высокая Школа») — образно говоря, обозначение наивысшего мастерства в работе с лошастью. Для каждой эпохи эталон, разумеется, разный. В XVII веке это было просто исполнение очень сложных элементов на лошадях, находящихся в состоянии полного сбора, который достигался болевым воздействием, — с помощью шпор и уздечки. Так или иначе, для той эпохи это было верхом совершенства — лучше, чем мастера *Haute Ecole*, на тот момент в мире никто с лошадьми не работал. В XX и XXI веках вершиной мастерства работы с лошастью считается исполнение всех элементов, изобретенных в XVII веке, но уже без любых средств принуждения лошади. Более того, обучение лошади всем самым сложным фигурам и аллюрам должно происходить с сохранением полной свободы лошади. Не допускаются при обучении ни уздечки, ни удила, ни недоуздки всех типов. Категорически запрещаются любые наказания. В XXI веке *Haute Ecole* все так же обозначает наивысшую степень сложности и мастерства.

^b *Лакотский язык* — язык североамериканских индейцев сиу.

^c *Испанский шаг* — элемент Haute Ecole, заключающийся в очень ритмичном и мягком движении лошади вперед с предельной акцентацией поднимания передних ног.

^d *Пиаффе* — рысь, шаг или пассаж практически на месте. Есть несколько разновидностей пиаффе, например версальское,— пиаффе с почти неподвижными задними ногами, но очень высоким подъемом передних или флорентийское,— с примерно одинаковой высотой подъема задних и передних ног и др. Наилучшее флорентийское пиаффе представлял М. Люраши на гнедом андалусийце Дженио. Версальское пиаффе забыто и практически не исполняется.

^e *Каприоль* — буквальный перевод - «козий прыжок». Элемент Haute Ecole, когда вырвавшаяся на курбет лошадь резко отбивает задом в воздухе, практически вытягивая задние ноги.

^f *Выездка* — спортивная дисциплина, включающая в себя несколько простеньких элементов, вырабатываемых как рефлекторный ответ лошади в ответ на жесткое болевое воздействие всадника.

^g *Чаппарохос* — ковбойские кожаные полуштаны, которые надеваются поверх джинсов.

^h *Рехонеадоры, пикадоры* — конные участники убудочной забавы, заключающейся в публичном убийстве коров.

История лошадиного «железа», то есть удила, мундштуков и шпор, не может быть рассмотрена и понята вне очень драматической общей истории взаимоотношений человека и лошади.

Сама по себе история «железок» будет не очень понятна и, скорее всего, ужасно скучна.

На самом деле, важно ведь не то, наводилась ли полировка на грызла скифских удила и каков был изгиб псалий греческих или персидских мундштуков, а то, как это «железо» работало и что оно меняло в вечной проблеме отношений лошади и человека.

«Железо» каждой эпохи — фантастически правдиво.

«Железо» вообще очень правдиво.

Мастера барельефов, живописцы или литераторы могут сколько угодно и сколь угодно художественно врать об отношениях человека и лошади, созидать некую романтическую иллюзию, но стоит взять в руки «железо» той или иной эпохи — и все становится понятно.

Понятно, каковы эти отношения были на самом деле, чего хотел человек, чего не хотела лошадь, какой была верховая езда и насколько велико или ничтожно было мастерство всадника.

Я искреннейшим образом хочу, чтобы вам это было так же ясно, как это ясно мне, когда я перебираю бесчисленные мундштуки, удила и шпоры всех эпох, от времен луров³ до дней наполеоновских.

В каждой железяке — а они бывают поразительны — феерическое количество информации о стилях езды, о характерах лошадей, об амбициях и нравах эпохи, об особенностях войн, о людской глупости и лошадиной боли.

Для того я и пишу эту главу и именно с нее начинаю книгу, так как именно «железо» всегда было, есть и будет самым принципиальным и определяющим фактором в странных и очень драматических взаимоотношениях лошади и человека.

Вообще, все везде было очень похоже.

И в древней Скифии, и в Ассирии, и Лурском царстве, в Риме и Египте, и в древних пещерах кельтских кузнецов, и под пронзительно-белесыми лампами дневного света в мастерских современной Англии или Германии — на протяжении почти трех тысяч лет — происходило и происходит примерно одно и то же действие — изготовление металлической штуковины, железяки странной формы, которая дает че-

ловеку иллюзию власти над очень свободной, очень сильной и очень незащищенной лошадью.

С того момента, когда человек впервые понял, что только болью он может вынудить лошадь терпеть его на себе, он мастерил и выдумывал невероятные штуковины, то пытаясь уменьшить боль, которую он причиняет движением своих рук, держащих повод, то доводя ее до предела.

«Железо» в лошадином рту стало неким неизменным атрибутом взаимоотношений, волшебным ключом в деле управления лошадью человеком.

Я все же начну не с самого начала.

Всякие архаичные времена можно смело пролистнуть.

Возьмем некую высшую точку, момент, когда управление лошадью превратилось в очень сложное искусство, доступное очень немногим, но восхищающее весь мир.

Франция, XII век.

Здесь к этому времени уже практически создалась, обрела основные черты великая школа верховой езды, максимально раскрывающая способности лошади, названная Haute Ecole, то есть «Высокая Школа».

Haute Ecole имеет по крайней мере восемь канонизированных отцов-основателей.

Это — Фридерико Гризоне, Пигнателли, Соломон де ля Брюэ, Пиньятелеччи, Чезаре Фиаччи, Антуан де Плювинель, Франсуа Робишон де ля Гериньер, шевалье де Нестьер. Это все только законные, канонизированные отцы.

Про всякую историческую мелкоту⁴, что в мемуарах того времени намекает на свое отцовство, я и не говорю. Их еще человек тридцать, и все они, что называется, действительно приложили ручки, но канонизированы не были.

И канонизированные, и второстепенные отцы Haute Ecole были мастерами очень сложной выездки, забубёнными, прожженными лошаdnиками с мрачными биографиями и физиономиями, убежденными распутниками и драчунами.

Что любопытно, кроме много и шумно квасившего Чезаре Фиаччи и тихо спившегося Пиньятелеччи,— все они были людьми почти непьющими.

Шарм, развязность и репутация абсолютных магов открывали для них любые двери и задирали любые юбки.

Эти мэтры-лошадники, продававшие при всех дворах Европы свой талант,— стоили дороже, чем самые знаменитые поэты. Стишки в ту пору уже мог накропать каждый грамотный.

А вот научить лошадь курбету^a — величавому и страшному прыжку на задних ногах, когда лошадь, вставшая на псаду^b и оттого высоченная, эффектом прыжка вырастала в высоту еще на метр! — не

мог практически никто, кроме этих провонявших лошадиным потом, задиристых и грубоватых мэтров, спокойно дававших затрешины принцам крови и за любую неточность на уроке лупивших маршалов и министров хлыстом по рукам и спине.

Их товар, их талант был сказочно востребован.

Просто надо представлять себе, до какой степени ценилось в то время умение ездить верхом, как обожествлялось умение учить лошадь хоть чему-нибудь.

Верхом тогда ездили все, но ездили чудовищно и к концу XV столетия начали это понимать.

Готическая эпоха оставила Европе в наследство скверную посадку, при которой всадник откровенно мешал лошади двигаться, тенденцию к жутким избиениям лошади, очень громоздкое «железо» в лошадином рту, шпоры, боевая часть которых достигала 35 см, а главное — не оставила ни малейшего представления о балансе лошади под всадником, потому что и сама его не имела.

Здесь и далее я имею в виду и рассматриваю лишь некую высшую касту — созданной человеком иерархии лошадиного мира — верховых лошадей.

Лошади же, которых можно было бы объединить общим понятием «неверховые» — рабочие, крестьянские, повозочные, городские, — во все века, у всех народов имели одинаковую судьбу. Судьба и жизнь рабочей лошади готической эпохи ничем не отличалась от судьбы и жизни древнеегипетской лошади или лошади русского крестьянина. Моды, тенденции, зарождения и гибель школ — никак и никогда не влияли на их чудовищную, наполненную побоями и унижениями жизнь.

Основные задачи верховой лошади в готическую пору были следующие:

- доставить груз в виде всадника приблизительно туда, куда ему надо;
- по возможности кого-нибудь затоптать и искушать по пути;
- не умереть (в течение года) от гноящихся и воспаленных ран и потеростей, которые причинялись доспехами и очень сложной и всегда плохо подогнанной амуницией.

Походная, боевая, турнирная, парадная лошадь средневековья просто таскала всадника по некоей заданной траектории, неважно, что это была за траектория — от Парижа до Льежа или от флага на одном торце турнирного барьера до флага на другом торце.

Управление лошастью было на редкость грубым и беспомощным.

Не случайно рыцарские турниры всегда проводились через барьер — дощатую стенку, высотой около 120 см.

Не было бы этой стенки, всякие там раймонды тулузские и львиные сердца долго бы потешали публику, стремясь элементарно встретиться в пространстве турнирного поля на своих почти не управляемых лошадях или управляемых очень грубо.

Выучка турнирной лошади была примитивной, лошадь всеми способами учили максимально резво галопировать во всем этом дурацком «железе» вдоль стенки, которая и служила ориентиром. Больше от нее ничего не требовалось.

Насчет «резво» тоже, кстати, отдельная история.

Пажи и оруженосцы или «турнирные стражники», чтобы поднять рыцарского коня в галоп, лупили его сзади всем, чем возможно, — что правилами турниров не возбранялось.

Конь шел галопом вдоль стенки и в определенной точке встречался с другим конем, который точно так же двигался по ту сторону барьера. Тут уже рыцарство начинало свои манипуляции с копьями.

Вот, собственно, и весь сценарий классического турнира (в том, что касается лошадиной ее части).

Status Armarium — турнирные правила — предполагали обязательный загиб конца разделительного барьера.

Далее — суперкрасноречивая цитата: «Это делали для того, чтобы предотвратить наезд разогнавшегося рыцаря на ограждения или трибуны зрителей».

Вот вам в этих словах и вся характеристика реальной рыцарской верховой езды.

И дело вовсе не в глупости Боэмундов Тарентских, Роландов или Сидов, просто тонкости управления лошадью были совершенно не известны. И не в качестве лошадей было дело.

Полагаю, что французский король Генрих II мог позволить себе выбрать любого коня, но именно он, кстати, на турнире — только из-за неумения управлять лошадью — просто напоролся физиономией на копьё своего почтительного противника, который совершенно не собирался поражать короля, а как раз, наоборот, был намерен проиграть схватку.

Генрих, кстати, там же, на турнирном поле, и помер.

Киношные безбарьерные варианты турниров или всякие там сечи в чистом поле — чистый вымысел, а удаются они исключительно за счет бесчисленного количества репетиций и квалификации каскадерских лошадей, которых в первую очередь учат съезжаться друг с другом и проноситься мимо на точно заданном расстоянии.

Реальным рыцарским лошадям такие экзерсисы были не по силам.

Но времена менялись. Вместе с рыцарскими штандартами «выцветал» турнирный идеал верховой езды.

Сам собой он бы, конечно, выцветал еще долго — но грянуло Возрождение, которое почти сразу вколотило первый серьезный гвоздь в гроб готической езды, вытащив на свет божий античные идеалы с их

живописной легкостью, щегольством и мощью (что, к слову сказать, было совершеннейшей мифологемой).

Возрождение, как вы помните, — быстро въелось в жизнь.

В переводе на современные понятия — это была обыкновенная культурная революция.

Готическая культура, в том числе и всадническая, была разрушена за какие-то восемьдесят лет.

А затем появились мастера Haute Ecole, которые добились старые представления о всадничестве и предъявили миру образцы невообразимой по совершенству, принципиально новой езды верхом — так называемой «школьной езды».

А когда стало понятно, что школьная езда — это искусство, магия и религия одновременно, то от желающих целовать края туники богов этой религии, каковыми представлялись публике отцы «от эколь», — отбою не было.

Принцы крови, разбогатевшие бакалейщики и поставщики кружевного белья в бордели, заштопанные провинциальные дворяне, офицеры всех мастей, литераторы, короли, отставные инквизиторы, удачливые ремесленники, актеры, вельможи — все кинулись учиться и постигать школьную езду.

Высшим понтом было небрежно обронить фразочку типа того, что «вчера в старом версальском манеже мсье Плювинель сделал compliment моей посадке...»

Сказавший такое вполне мог рассчитывать на грандиозный успех своей персоны в любом просвещенном обществе, вне зависимости, собственно, от качества своей персоны.

Все мэтры-«отэколышки» — как неаполитанцы, так и французы — начинали с абсолютного нуля.

С единственной рубашки без кружев.

С единственного потертого луидора, зашитого в подкладку провявшего хлевом колета.

С попрошайничества, кислого вина, драк и очень дешевых проституток.

А к зениту или, на худой конец, к закату жизни практически каждый из них получал право хамить королям и выстраивать у своих дверей очередь из графов, виконтов и герцогов.

Все мэтры «от эколь» напоминали пауков в банке — они делили Европу, борясь за право властвовать над каким-либо королевским двором.

Все «отэколышки» друг друга терпеть не могли и безостановочно склочничали, выясняя, кто является чьим учеником, кто избрал пещеру, а кто каприоль.

Известно, что и Соломон де ля Брюэ, и Плювинель были реальными учениками Пигнателли, но оба всячески открещивались от учителя при любом удобном случае.

Мы не только ничего не знаем о дружбе между мэтрами, но знаем точно, что когда приходил срок и кто-либо из них помирал, у прочих даже мысли не возникало скинуться на венок или прийти на похороны.

Они не были ни «цехом», ни кланом, ни даже группой единомышленников — у них была достаточно жесткая конкуренция за право властвовать над каким-либо из европейских королевских дворов.

Цапались мэтры, деля Европу, страшно.

Кому-то, правда, доставался Версаль, а кому-то унылый манеж жадного датского короля в Фридериксборгском замке.

Лучше всех распорядился своим талантом Антуан де ля Бом де Плювинель.

Наделенный одним-единственным даром — воспитывать лошадь в изобретенной им же самим традиции Haute Ecole, он становится конюшим герцога Анжуйского, камергером, послом Франции в Голландии, членом Государственного Совета, воспитателем герцога Вандомского, моднейшим писателем, обладателем очень приличного состояния и всех мыслимых регалий того времени.

Кроме маркиза де Мариальва и Вильяма Кавендиша, герцога Ньюкастла (богатых и просвещенных энтузиастов, неканонических «отцов») титулы и «родословия» прочих лошадиных мэтров XVI-XVII веков, я подозреваю, были по большей части подделаны или куплены, но это никого не волновало.

При любом европейском дворе они могли за пару уроков обзавестись новым или дополнительным титулом.

Более того, что уж действительно удивительно, — у большинства из них были недюжинные литературные таланты (странный довесок природы к умению работать с лошадью).

Соломон де ля Брюэ блеснул знаменитейшей книгой, собравшей все наставления по его методу. Чезаре Фиаччи, Гризоне, герцог Ньюкастл — все понаписали прелюбопытнейшие книги, в которых методики езды и работы в руках переплетены с очень своеобразной философией понимания места лошади в мире людей.

Труд Фридерико Гризоне с изложением его взгляда на лошадь и на ее воспитание был удостоен благословения понтифика. (Я не шушу — книга получила полное одобрение Ватикана и официальное благословение папы Юлиуса Третьего. Переиздавалось произведение Гризоне 8 раз!)

Антуан де Плювинель, в частности, написал бестселлер своего времени — скромно назвав его «Наставления королю».

Франсуа Робишон де ля Гериньер создал другой абсолютный «хит» века — «Всадническую школу».

Помимо очень толково изложенной «лошадиной» практической части обе эти книги, — даже и сейчас переиздаваемые и читаемые, — блестяще написаны.

Правда, Гериньер в своем труде очень злобно комментирует основной труд Haute Ecole — сочинение Плювинеля, — с которого, по сути, все и начиналось, которое было первой и самой удачной попыткой систематизировать приемы школы. Гериньер — меланхолический толстячок, известный кротостью, — при одном упоминании о своем учителе и его книге начинал мастерски плевать ядом: «Он оставил нам Трактат, ставший столь притягательным благодаря гравюрам, которые доскональнейшим образом иллюстрировали придворные моды того времени». (Глава, если не ошибаюсь, «О пользе пиляр», то бишь XIII.)

Гериньер так никогда и не смог простить Плювинелю несколько пустых колкостей. Впрочем, редкие исследователи отношений великих мастеров убеждены, что дело было не в колкостях, а в том, что труд Плювинеля был иллюстрирован знаменитым художником и гравировщиком Кристианом де Па, что, разумеется, «усугубило» его популярность, а Гериньеру не очень повезло с иллюстратором.

Теперь о самом неприятном. Все эти «учителя», практически без исключений, пользовались крайне жестоким, жутким «железом» и в обязательном порядке изобретали в этом вопросе что-нибудь новенькое, свое, авторское.

До сего дня мы классифицируем раритетные мундштуки по именам мэтров Haute Ecole.

Мы говорим: вот канон мундштучного грызла, изобретенный мастером Гризоне, а вот так выглядит канон Пиньятелеччи.

Есть каноны Фиаччи, Гериньера, Плювинеля (см. приложение).

Методы воспитания лошади были в основном силовыми, и зачастую — просто омерзительными.

Стремление собрать лошадь любой ценой, то есть поднять и согнуть ей шею так, чтобы затылок стал верхней точкой, а задние ноги подвелись бы под корпус, обеспечивая одновременно силу, грацию и маневренность, приводило к использованию идиотских методов.

Кавендиш (известный богатый англичанин-энтузиаст), например, ежей к лошадиным хвостам привязывал, желая затолкать ноги лошади поглубже под корпус.

Фиаччи — крючьями цеплял лошадь за бедра, к крючьям привязывал ремни, которые держал в руке всадник, и в ответ на любую попытку лошади чуть отставить зад всадник дергал за эти крючья, причиняя ей страшную боль в бедрах.

К тому же времени относится изобретение и применение медиаканы (автор неизвестен, возможно, тот же Фиаччи) — острозубчатого нахрапника, который создавал, в комплекте с болью во рту и в нижней челюсти, — постоянный болевой фон в районе храпа (см. фотографию).

Позорных, запредельных страниц в истории Haute Ecole предостаточно. Но помимо позора и глупости — было маниакальное стремление вперед, вобщем-то к свету, к абсолютной сбалансированности лошади, к ее атлетизму, а у части «отцов» — к мягкости и доверию лошади.

Сбалансированность — это то единственное, что позволяет использовать лошадь под седлом без ее быстрого разрушения. Сбалансированность искусственная, то есть через «железо» во рту — всего лишь отодвигает момент полного разрушения на какое-то время, чуть отдаляет страшнейшие болезни спины, ног, шеи, мышц крупа, артриты и артрозы.

Но по тем временам и этого было не мало.

Осуждая «отэкольщиков» за дикие порой методы, надо всегда помнить через что именно им приходилось проламываться спустя двадцать пять, как минимум, веков абсолютного непонимания даже примитивных верховых функций лошади.

Для своего времени они, конечно, были великими всадниками.

Великие всадники рождаются очень и очень редко, реже, чем скрипачи или великие писатели.

Как и зачем история сконцентрировала их в таком количестве в тесном пространстве двух веков — отчасти загадка.

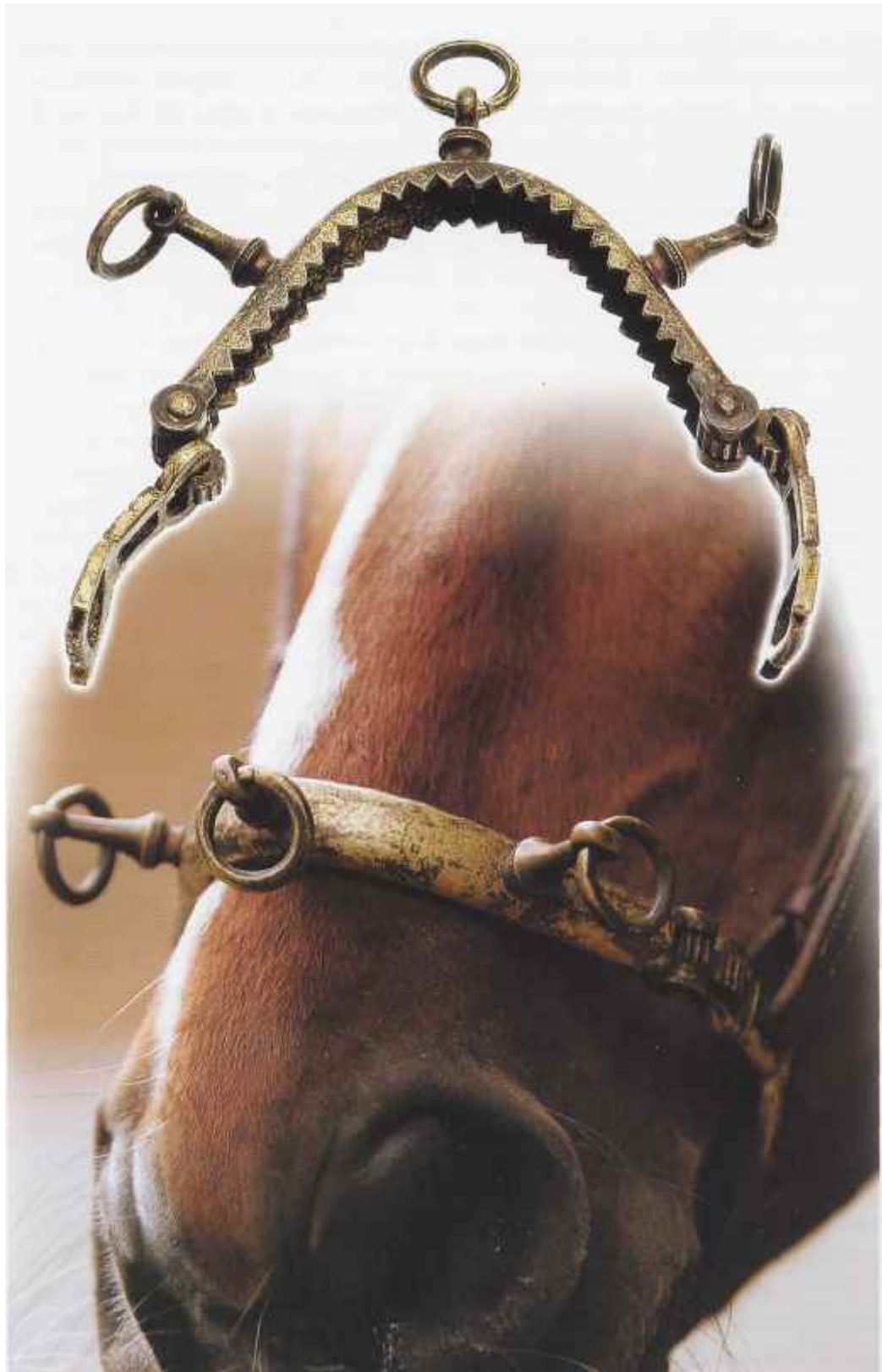
Но в результате этой концентрации родилась Haute Ecole.

Итак.

Провонявшие конским потом усатые мэтры слонялись по европейским дворам, давали уроки, писали книги, сколачивали состояния, задирали герцогиням юбки, «делали» их мужьям стоивших безумных денег «школьных» лошадей, сами, впрочем, не понимая, что создают на века главную, базовую школу мира, ставшую абсолютным эталоном мастерства обращения с лошадью аж до конца двадцатого века, пока несколько человек в разных концах света не опровергли основной тезис классической верховой езды и вообще работы с лошадью — тезис о том, что лошадь может работать, лишь имея во рту «железо», некий инструмент, оказывающий на нее болевое воздействие.

Что произошло в XVI-XVII веках, если излагать сухо.

Мэтры «от эколь» внесли в традиционную дворянско-кавалерийскую дисциплину — примитивную, кстати, до ужаса — изобретаемые ими фигуры, то есть некие экзерсисы, которые лошадь проделывала в руках мастера или под его седлом.

Медиакана

Довносились.

Уже к середине XVII века таких фигур насчитывалось не менее ста семи.

На самом же деле — тогда почти ничего не изобреталось.

За основу фигур брались естественные движения лошади, которые та демонстрирует в схватке или игре с другой лошастью или в момент ухаживания жеребца за кобылой.

Все элементы Haute Ecole — и каприоль, и курбет, и псада, и тер-а-тер^c, и испанский шаг и дуз^d, и пиаффе — это вольные, природные движения здоровой и возбужденной лошади.

Человек лишь добивается того, чтобы лошадь демонстрировала их в нужное время, в нужном месте и не нуждалась бы для их демонстрации во внешних природных раздражителях типа кобылы в охоте или жеребца, который близко подошел к чужим кобылам.

Вообще-то данное утверждение неоспоримо, ну а тех, кто лошадей знает плохо или у кого голова заморочена рассуждениями тупых конюхов об искусственности движений Haute Ecole, я с удовольствием отсылаю к самому авторитетному и академическому труду, посвященному поведению лошади в естественных условиях: «Horse Behavior» (Поведение лошадей) Джорджа Варинга (George H. Waring).

В главе «Motor Patterns» (Формы моторики) в табличном виде приводится полный список всех естественных движений лошади.

Разумеется, в таблице вы найдете и баллотаду^e, и каприоль, и курбет, и круппаду, и леваду, и мизер.

Там же есть описание всех движений, которые у нас маркируются как псада, то есть все движения на задних ногах при полностью поднятой лошади и высокое поднимание передних ног, известное, в сочетании с продвижением вперед, как испанский шаг или школьный шаг.

Там же и пофазовые изображения движения лошади при демонстрации ею каприоли, круппады, курбета и т. д.

Кстати, все фигуры Haute Ecole имеют чисто манежное, парадное происхождение и предназначение.

Вопреки расхожему мнению — никогда они не предназначались для войны или для ведения конного боя или поединка.

Достаточно сказать, что пока боевая лошадь была одета в доспехи — она могла двигаться лишь условно, природный баланс лошади разрушался, сложные, основанные на безупречном равновесии и балансе движения, вроде тер-а-тера или каприоли, были попросту нереальны.

Как только доминантой войн стало огнестрельное оружие, фигуры Haute Ecole стали еще более никчемны, ибо делаешь ты перед противником пируэт или не делаешь — мозги и тебе и лошади все равно вышибут с безопасного расстояния.

Так называемая «школьная» лошадь, то есть сбалансированная лошадь, имеющая образование Haute Ecole, наученная испанскому шагу, испанской рыси^f, пассажу^e, пиаффе, пируэтам^h, тер-а-теру, мизерамⁱ, дузу, сентаво^j, песадам, курбетам, баллотадам, круппадам^k, каприоли, сарабанде^l, обратному пируэту на трех ногах, куше^m, сентадоⁿ, левадам^o, лансадам^p, балансе^q и прочим фигурам и элементам, — это абсолютное произведение искусства, требующее многих лет труда, специального ветеринарного обслуживания, кормления и ухода, нереального в условиях любой войны того времени и стоившее тогда баснословных денег.

По цене такая лошадь вполне была сопоставима с картиною кисти Веласкеса или Ван-Дейка.

А из холстов этих ребят, как вы помните, никто никогда армейских палаток не шил.

Есть еще один непобедимый довод в пользу никчемности «школьных» элементов и фигур на театре военных действий: практически все они требуют специального манежного грунта. На кочках, на болоте, в вязких песках, в жидкой грязи, то есть на грунте, предлагаемом реальной войной, их исполнение невозможно. (В природе и в свободной жизни лошадь выполняет в момент драки или ухода от драки те движения, что послужили основой элементов Haute Ecole, причем почти на любом грунте, но без груза на спине, то есть без всадника, разрушающего ее природный баланс, — со свободной головой и шеей. Притом, как я успел заметить, жеребцы очень тщательно выбирают место для драки и дерутся тем успешнее, чем надежнее и ровнее грунт под ногами. Кобылы не так привередливы к грунту, но и не так широки и роскошны в гневных или агрессивных движениях.)

И основное: на войне от лошади требуется не умение выполнить каприоль или тер-а-тер, а способность остаться живой после недельного марша по грязи, недельной голодовки, с открытыми ранами на теле, с чесоткой, с разъедающими мокрецами на ногах — и с идиотом-кавалеристом на спине, с пятьюдесятью килограммами его пистолетов, карабинов, пуль, запасных подков, котелков, кальсон, кружек, одеял, палашей, табака, бутербродов (образно говоря) и другого необходимого в походе припаса и скарба.

Разумеется, и в античные времена, и в рыцарские, и во времена огнестрельные — и в арабских, скифских, персидских, индийских, греческих, европейских, китайских и прочих армиях — были лошади, приученные, к примеру, отбивать задом, кусаться или вставать на дыбы в нужный момент.

Вставание на дыбы, грамотно говоря — «песада», служила не способом ведения боя, а лишь возможностью прикрыться грудью и шеей лошади от стрелы или пули.

Но, повторяю, ничего общего все эти движения боевых лошадей с фигурами Haute Ecole, основанными на безупречном балансе лошади, ее многолетней атлетической подготовке, безупречной же посадке всадника — не имели.

К тому же был еще один серьезный фактор: кавалеристы, как правило, не умели ездить верхом, в высоком, «отэколевском» смысле этого слова.

Они лишь держались на лошади, но никогда не составляли с ней единого целого, ни их сёдла, ни их посадка, ни их подготовка, ни их главные функциональные обязанности этого и не допускали и не предполагали.

Это мнение звучит весьма парадоксально, но я могу легко его доказать.

Возьмем блестящую мюратовскую наполеоновскую кавалерию.

Возьмем гусар, как наивысшее воплощение военных всадников.

Это уже XIX век, вроде бы кое-чему кавалерия могла бы и научиться.

Открываем русский перевод «священного писания» гусар — знаменитую книгу де Брака «Аванпосты легкой кавалерии». Главу «Раны и травмы кавалеристов».

Первое, на что мы натываемся, — «ушибы ядер». «...Болезнь, весьма часто встречающаяся между кавалеристами, почти всегда бывает следствием ударов ими (ядрами) по седлу».

Что, черт побери, за «ядра» такие?

Ниже по тексту — расшифровка загадочного термина: всякому кавалеристу в качестве обязательной личной экипировки рекомендован «суспенсориум»... грубо говоря, толстый стеганый мягкий подгузник.

Цитирую далее: «Это верное средство предохранить деликатные органы от помятия при сильных движениях лошади...»

Это ж до какой степени нужно не уметь ездить верхом, чтобы получать такие травмы, да еще и в дивизионных, армейских масштабах думать, как от них предохраняться, и даже вводить специальные штатные памперсы!

И это наполеоновские гусары, цвет европейской кавалерии!..

Могу утверждать, что подобная травма свидетельствует не просто о плохой посадке всадника, а вообще об отсутствии посадки как таковой и о трагическом неумении вообще ездить на лошади.

Упомянутое де Браком деликатнейшее место, именуемое им «ядрами», может пострадать лишь в том случае, когда всадник на каждый темп — или через каждый темп — ударяется о седло, или, говоря более образно, когда его откровенно «колбасит».

Утверждение, что кавалеристы были очень скверными — если не сказать хуже — всадниками, парадоксальным кажется лишь на первый взгляд, и то при условии полного дилетантизма в этом вопросе, когда реальный образ кавалериста замещен в сознании его киновоплощением.

«Ядра» наполеоновских гусар — всего-навсего очень яркая иллюстрация, но помимо де Брака, который невольно засвидетельствовал отсутствие элементарных навыков в верховой езде у элитных кавалерийских подразделений, есть целый ряд непререкаемых в исторической науке, весомейших авторитетов, которые со всей откровенностью говорят о том, что кавалерист и искусство верховой езды — вещи несовместные.

В этом смысле абсолютно убедителен граф Дрюмон де Мельфор, опубликовавший в 1748 году свое «Эссе о легкой кавалерии».

Он со всей прямотой говорит о недопустимости попыток обучения кавалеристов любым «тонкостям искусства верховой езды».

«Все тонкости искусства являются избыточными для кавалерии».

Причем любопытно, но под тонкостями искусства Мельфор подразумевает такие примитивные вещи, как «более сильная опора на одно стремя, чем на другое».

Это эссе стало базой для всех практических уложений и ордонансов, таких, как книга мсье де ля Портери «Воинские инструкции для кавалерии и драгунов, изданные мсье де ля Портери, руководителем лагеря драгунов», или изданного в 1755 году «Королевского ордонанса».

Генерал де Боан, издавший в 1781 году «Принципы посадки на лошадь и дрессировки военных лошадей», категорически протестовал в ней против *любых* тонкостей дрессировки при обучении как кавалеристов, так и кавалерийских лошадей.

Фридрих Прусский еще более страстно ненавидел любые академические приемы.

А хорошим всадником — даже в самом простом и маленьком смысле этого слова — может быть лишь тот, кто не просто научен этим академическим приемам, но и в течение лет десяти имел возможность их практиковать.

Но это так, к слову.

Однако возвратимся к истории Haute Ecole и к «железу». Существует вполне научная точка зрения, что открытые «отэколыщиками» удивительные таланты лошади, способности к сложнейшим фигурам под всадником — это лишь следствие применения «железа» нового образца, куда более изощренно-жестокое, чем у конных народов, вроде скифов или сарматов, или примитивного «железа» средневековья, как раннего, так и готического.

Попробуем разобраться с этим утверждением.

Как вы уже поняли, существует великая иллюзия, заключающаяся в том, что лошадью — в спорте, в телеге, в кавалерии — управляет человек.

Это не так.

Лошадью управляет боль.

Болью лошадь останавливают, болью направляют и болью поворачивают.

По сути дела — вся история верховой езды — это история лошадиной боли.

А начиналось все очень просто, с маленького колечка. Много тысяч лет назад, желая управлять лошадью, человек использовал кольцо, которое вбивалось лошади в ноздри, проламывая носовую перегородку.

Кто эту глупость придумал первым?

Сохранились, например, шумерские изображения (2500 г. до н. э), на которых это кольцо в лошадином носу уже отчетливо видно.

Впрочем, это свидетельствует лишь о том, что шумеры умели и любили рисовать, а не о том, что они были первыми или вторыми, и не о том, что другие народы не практиковали этого способа.

Так или иначе, кто бы это ни был — но начало было положено скверное.

Благодаря шумерскому изображению технологию установки кольца легко себе представить.

Бронзовое кольцо вбивалось в ноздри, в носовую перегородку, проламывая ее, затем заклёпывалось.

К нему привязывалась веревка или две веревки — и всадник мог грубо и коряво, но все же управлять лошадью, сидя на ней или находясь в прицепленной к ней повозке или колеснице.

Способ был абсолютно неэффективен.

Во-первых, существовала огромная трудность в установке такого кольца.

Транквилизаторов не было, умение класть лошадь быстро, аккуратно и без всяких приспособлений было еще неизвестно — приходилось валить коня вдесятером, вязать ему ноги. Сама процедура вбивания кольца была муторной (с учетом заклепки кольца или связки его, если кольцо было деревянным) и достаточно непростой.

Антибиотики, разумеется, были неизвестны — бронзовые и деревянные кольца вызывали сперва острейшее воспаление, а затем некроз и разрушение очень тонкой носовой перегородки.

Тогда человек начал выискивать у лошади чуть более прочное, но столь же уязвимое, нежное и чуткое место, чтобы, воздействуя на него, управлять лошадью.

Он нашел это место. Этим местом оказался рот.

И тогда было изобретено так называемое «лошадиное железо».

За две с половиной тысячи лет, что прошли со времени создания шумерийского полотна «с кольцами», — какие только приспособления для лошадиного рта не изобретал человек!

Принцип всегда оставался примерно одним и тем же, но степень жестокости варьировалась.

Были, к примеру, скифские удила с так называемыми «колючими псалями»⁵ (см. приложение), которые при натяжении повода с нужной стороны глубоко накалывали губы лошади, облегчая для скифского всадника поворот ее головы в нужную сторону и соответственно поворот корпуса вообще.

Мода на «колючие псалии» держалась весь IV век до н. э.

Примечательно, что заточка двойных колючек на всех четырех ветвях псалий была настолько совершенной, что даже сейчас, пролежав в захоронении скифского вождя 2400 лет, она прокалывает палец до крови при самом малом нажатии.

Грызла удил, то есть та часть, что находится непосредственно во рту лошади, — какой только мерзостью не уснащалась — и режущими десна кольцами, и шипиками, и зубьями, и особой винтовой нарезью, чтобы усилить болевой эффект.

Мэтры-«отэколышики» XVI-XVII веков продолжили эту традицию человечества и поизгалялись, на первый взгляд, вроде бы от души.

«Железо» канона Гризоне (см. приложение) снабжено и острой лопаточкой для продавливания верхнего нёба, и дополнительными цепочками для удержания языка, и длиннейшим (31 см) рычагом, так называемыми бранше (branche), связанными меж собой для жесткости конструкции еще двумя цепями, именуемыми шанетт (chainette).

Я уж не говорю про грубость и мощь основной подбородной цепи гурметт (gourmette), осуществляющей давление на тригеминальные (троичные) нервы и кости челюсти снизу.

«Железо» канона Пиньятелеччи — чуть поскромнее, без особых наворотов во рту, но столь же убийственно жесткое для нёба и тригеминальных нервов (см. приложение).

Все «отэколевские» мундштуки любых канонов имеют среднюю длину бранше 30-32 см, вес около 550-600 г, и все они основаны на одном принципе.

Очень мощный за счет своей длины рычаг бранше при малейшем движении повода приводит механизм мундштука в действие: гурметт впивается в кость челюсти, пережимая тригеминальные нервы, а грызло (любого канона), чуть складываясь «домиком», — в нёбо. Шанетт удерживают бранше в жесткой связке и, раздвинувшись, не дают положить грызло в одну плоскость с языком. Все вместе действительно обеспечивает максимальное болевое воздействие на рот лошади.

Затейники вроде Гризоне, Пиньятелеччи, Фиаччи изобретали особые приспособления, крепившиеся на грызло, доводящие болевое воздействие до предела.

Это были розэр (rosaire) или шапелле (chapellete) — стальные четки, оказывавшие режуще-давящее действие почти на самый корень языка, требюше (trebuchet) — подобие маленькой катапульти, или кокиль (coquille) — узорчатой раковины, скребушей по нёбу.

Более редкий образец ужесточения мундштучного грызла — приспособление, автор которого не известен, именуемое шардон (chardon⁶) (все элементы мундштуков представлены на фотографии). Это механизмик, приводящийся в действие всадником, который легким натяжением повода раскрывает во рту лошади специальные шипы.

Впрочем, и без шардон и требюше «железо» той эпохи является чудовищным по силе воздействия.

Впечатленный мощью и жестокостью «железа», хорошо понимая механизм его действия, один из мэтров «отцов-основателей» — ше-валье де Нестьер, в пору своей очень романтической молодости ввел для своих учеников нечто вроде обряда посвящения в Haute Ecole.

Обряд заключался в том, что каждому новичку на голову надевалась специально сшитая для человеческой головы уздечка, а в рот вставлялось «железо», то самое «железо», которое находится во рту лошади, когда ею управляет всадник.

И сам де Нестьер, встав за спиной ученика, брал повод, пристегнутый к «железу», и начинал работать этим «железом» в человеческом рту так же, как человек работает им в лошадином.

Получалось что-то жуткое.

Ученика еще и вели под локотки те, кто уже прошел обряд Haute Ecole.

Слюни и кровь — лились ручьем.

Но уж зато каждый прошедший этот обряд посвящения на всю свою жизнь запоминал, что именно чувствует лошадь, какую она испытывает боль при так называемой верховой езде, пусть и самой мастерской.

Именно мастерской, ибо работал «железом» сам де Нестьер, прославившийся мягкостью рук.

В рваном отсвете факелов, под одобрительное гоготание учеников — с новичка снимали уздечку и «железо».

Де Нестьер подносил посвященному кубок и ритуально спрашивал: «Как на вкус „железо“?»

«На вкус, как боль», — должен был ответить новичок.

По мысли де Нестьера этот милый ритуал должен был навсегда запечатлеть в мозгах будущего всадника ощущения лошади.

Злые языки того времени объясняли поразительную, ставшую притчей во языцех молчаливость де Нестьера тем, что в свое время он сам прошел через подобный обряд, но порванный рот так никогда и не вылечил, отчего изъяснялся через боль и с большим трудом.

Итак, сочетание вроде бы предельной жестокости «железа», шпор, очень правильной посадки, приспособлений типа изобретенных Плювинелем пиляр (столбов в манеже, меж которыми привязывалась лошадь, с которой можно было со всех сторон делать все что угодно) — и позволило раскрыть поразительные способности лошади, изобрести фигуры и элементы, которые станут базовыми и для подлинной Haute Ecole, и для цирка, и для спортивной выездки.

Такая точка зрения является абсолютно канонической. Могу вас уверить, что это полный вздор.

1 — бранше (branche); 2 — шанетт (chainette); 3 — гурметт (gourmette); 4 — бофэтт (boufette); 5 — розэр (rosaire); 6 — трэбюше (trebuchet); 7 — кокіль (coquille); 8 — шардон (chardon)

Во-первых, очень строгое «железо» существовало еще в Персии и Греции, в скифском и киммерийском мирах, у сарматов и хунну (см. приложение).

Греческие мундштуки афинского и спартанского типов — это приспособления за счет шипов не менее жестокие, чем мундштуки Haute Ecole (см. приложение).

Даже и по жесточе, ибо в комплекте с таким мундштучком на голову лошади надевалась маска из бронзовых полос, а изящные крюки на псалях выполняли роль крепления к маске.

И что же?

Да ничего. Никакого особого эффекта. Никаких курбетов и каприолей, никакой особой выездности и никакой сбалансированности. Верховая езда искусством не становится, хотя греческий мир имеет и своего идеолога высокой выездки и разумного воспитания лошади — Ксенофонта. (Кстати, античный мир еще не знал стремян, то есть не знал правильной посадки.)

Древнее Закавказье (Иберия, примерно IV век до н. э., раскопки кургана Конгаети) тоже особо не стеснялось в выборе болевых средств воздействия на лошадь (см. приложение).

Типичные для той эпохи раскопочные сложносочлененные удила с псалями, которые я бы скорее отнес не к конгаетской или ахалгорийской культуре, а к типичным конным аксессуарам Северной Парфии, оказавшимся в Конгаетском кургане как военный трофей, — тоже ориентированы на причинение резкой разовой боли в районе мягкого нёба и сильного постоянного болевого воздействия на дёсны и зубы.

И опять ничего особенного, только грубая, примитивная езда, при полном неумении даже просто сбалансировать лошадь под собой.

Можно заглянуть в европейское средневековье.

Взять, опять-таки, стандартный для тех времен боевой мундштук XIV-XV веков.

При длине бранше аж 50 см грызло снабжено крюками для раздраконивания нёба, шипованными барабанами для дёсен и глубокого воздействия на лисса (lissa) — язычный хрящ (см. приложение).

И ничего.

Ничего кроме весьма обычной, пресной езды рысью и иногда галопом. Позже все было героизировано, поэтизировано, а затем еще и кинематограф приложил ручки.

Основной практикой был так называемый «таранный ход» — крупная, несбалансированная рысь, которая была основным аллюром любой средневековой атаки.

Арабский восток, повально исповедовавший принцип, что «с лошадью в конюшне надо обходиться как с другом и братом, а когда на ней едешь — как со злейшим врагом», изобретает «железо» и вовсе радикального свойства.

Очевидцы описывали его как «ужасное и мучительное конское орудие, которое столь губительно для лошадей, что может иногда разорвать им челюсти и расколоть даже их внутренние кости».

Это «ужасное и мучительное» «железо» в XIII веке будет, правда, в повсеместном употреблении в Европе, где будет именоваться как «арабское», «турецкое» или просто «охотничье».

Очевидцы же описывали стилистику арабской езды.

Применяя свое, арабского типа «железо», «народы сии редко останавливают лошадь без того, чтобы зев ее не наполнился кровью или не был в растерзанном, ужасном и жалком состоянии.

От внезапного и сильного порыва арабского мундштука все их лошади сильно осаживаются назад, от чего и бывают они разбиты целым задом».

В том же труде «Об азиатских и африканских лошадях» — и свидетельства об арабских шпорах: «равным образом и шпоры сих ездоков, похожие больше на гвозди, употребляются ими с великим бесчеловечием; а в Варварии на конной можно видеть лошадей в столь жалком положении, что из рыл и боков их кровь течет ручьями».

Справедливость этого труда, изданного еще в 1824 году, подтверждают арабские шпоры из моего собрания (см. приложение).

Несмотря на свирепость приспособлений — арабская, да и любая восточная езда, всегда была очень примитивной.

Конец XVIII века в Европе не привнес ничего нового в искусство верховой езды, более того — она становится гораздо более примитивной и грубой.

Открытый «отэколыщиками» и введенный в повсеместный обиход искусственный баланс лошади через «железо» во рту и подведенный зад — становятся нормой везде, кроме кавалерии.

Но!

Сложные элементы, требующие всаднической виртуозности, практически исчезают.

Дело в том, что во Франции Haute Ecole — как абсолютно аристократический атрибут — с особым воодушевлением добились прикладами французские революционеры, разорившие великие манежи, перестрелявшие учеников и мастеров.

(Знаменитый манеж де ля Гериньера — революционеры использовали под место для заседания своих шизоидных трибуналов.)

Тот же де Нестьер, к слову, в революционные годы становится «пропавшим без вести».

Дело было, правда, не только в революции.

К середине восемнадцатого столетия у отэколевской традиции появилось два смертельных врага.

Первым врагом «Высокой Школы» стала кавалерия, с ее желанием видеть в лошади лишь мясо на один-два боя и транспортное средство.

Вторым — англоманья, заразившая родину Haute Ecole любовью к примитивности и азарту скачек.

Особого уважения и посмертного доброго слова заслуживают младшие, неканонизированные мастера Школы: Д'Абзак и де ля Бинь. Эти двое отчаянно сражались — и в манежах, и в гостиных — с губительным для Школы английским влиянием. Англия, с ее скачками, с культом отвратительной посадки, с ее примитивизмом и грубостью в деле отношения человека и лошади оказалась могильщицей искусства верховой езды.

Д'Абзак запрещал в манеже все английское, включая английский фасон сапог и входившие тогда в моду английские охотничьи хлысты.

Де ля Бинь отказывался брать самых выгодных и титулованных учеников лишь на том основании, что они — англичане. Эти двое, к сожалению, были в меньшинстве.

«Английский стиль», стиль краснорожих эсквайров, азартно несущихся верхом за лисой, убивал школьную езду с ее поиском контакта с лошастью, с ее сложностью и вдохновенностью.

Англия в результате победила, так как сумела предложить миру более примитивные, демократические стандарты езды, которые к XIX веку уже полностью вытеснили «отэколевские».

Конфликт меж прокавалерийскими академиями и классическими школами наметился еще в восемнадцатом столетии.

Сомюрская школа, реально основанная в 1763 году, была главным идеологом кавалеризма, объединив под знаменем неприязни к «академикам» школы Люневиля, Анжера и Сен-Жермена.

Противостоял им только Версальский манеж, хранивший подлинные классические традиции, то есть исповедовавший тонкую, виртуозную и шадящую для лошади практику, в отличие от примитивной кавалерийской.

Противостоял недолго, а затем и его устои были расшатаны влиянием кавалерийских генералов, увлечением общества английскими скачками — а вскоре традиции Версаля были и вовсе, физически, уничтожены.

В корзину под гильотиной французской революции, вместе с напомаженными и пустыми, в лучших традициях галантного века, головами эпохи скатилась, к сожалению, и отрубленная голова Haute Ecole.

Искусство верховой езды, по сути, возвращается на уровень XV века.

Только место шпор адской длины теперь занимает искусственный сбор с помощью «железа».

Теперь уже он становится новой разновидностью пытки для лошади.

Ни Плювинель, ни де Нестьер никогда бы не позволили себе держать лошадь в искусственном сборе более одной-двух минут за раз.

Оба понимали, что за напряжение возникает во всем шейном отделе позвоночника лошади и во всей ее мускульной системе. Будучи, грубо говоря, изобретателями сбора, они всегда помнили, что свободная лошадь собирается лишь на несколько мгновений.

«Клоуны» типа Ф. Боше, Золотого Герцога или Д. Филлиса удалбывают лошадь сбором часами и учат этому своих адептов.

Жесткость мундштучного «железа» доходит до предела. Взять хотя бы этот, простецкий в общем-то мундштучок канона женетт (*genette*), весом 850 г, с боффэтт (*boffette*) из резной бронзы, с бранше длиной 20 см. Здесь легко заметить, что традиционная для «отэколевских» мундштуков четырехзвенная гурметт сменилась стальным грушевидным кольцом, обнимающим нижнюю челюсть лошади и способным не то что воздействовать на тригеминальный нерв, а попросту сломать челюсть легким натяжением повода (см. приложение).

Этот тип «железа» был настолько распространен, что даже был приведен в числе типических в «Энциклопедии» «L'Encyclopedie» Дидро и Д'Аламбера в томе «Art du Cheval», в главе «Eperonier». Данный мундштучок есть, по сути, европейская версия обычного арабского «железа», о котором уже говорилось выше.

Восемнадцатый же век вернулся к античной традиции установки на грызле зубчатых барабанов, которые, долбя по нёбному своду, — резко воздействуют на малый нёбный нерв (п. *Palatinus minor*) и ветвь верхнечелюстного нерва (см. приложение).

Более того — грызло опять становится монолитным, а не сочлененным. Общая конструкционная жесткость лошадиного «железа», за счет монолитности грызла, непомерно возрастает, равно как возрастает и его «убойная сила».

Но даже там, где глаз зрителя не поражается количеством шипов, колечек, барабанчиков, длиной ветвей — строгость и жесткость «железа» остается прежней. Можно взять простейшие скифские удила VI-IV веков до н. э.

Выглядят они вполне мирно (см. приложение). Но все дело в том, что «мирного», безболезненного «железа» в принципе не существует. У «железа», засунутого в рот лошади, есть одно предназначение — причинять боль.

Лошадиное «железо», грубо говоря, делится на две категории — «тригеминального» действия (когда основной болевой точкой выбраны

ветви тригеминального нерва, проходящие по костям нижней челюсти лошади) и «дентального» действия, когда воздействию «железа» подвергаются очень нежные беззубые края десен в лошадином рту, зубы (первые и вторые премоляры), язык, нёбо и губы,— то есть прямое болевое воздействие оказывается на малый нёбный нерв, ветви верхнечелюстного нерва, подъязычный нерв, альвеолярные нервы и лицевой нерв⁷.

«Железо» тригеминального действия — основано больше на запугивании. Лошадь, будучи феноменально умным существом, всегда помнит, какая «мина» заложена человеком в ее рту. Такое «железо» причиняет не постоянную жестокую боль, а предполагает лишь разовые, короткие «впрыскивания» этой боли в мозг и сознание лошади.

Скифы, киммерийцы, сарматы, хунну, аланы, анты, согдийцы — почти весь Древний мир — использовали «железо» дентального действия.

Оно вполне обеспечивало управляемость на резвых аллюрах, остановки, осаживания, подобия примитивных боевых разворотов на одной задней ноге, типа тех, что практикуются нынче в цирках, где они называются «крутки», — но не более того.

«Железо» дентального действия предполагает постоянное «цмыканье» им, что сейчас называется забавным термином «контакт со ртом», то есть болью и неудобством лошади постоянно напоминают о ее месте и ее рабстве.

На самом деле трудно сказать, какой тип — тригеминальный или дентальный — является более жестоким.

Я полагаю, что по жестокости они примерно равны.

Любое тригеминальное «железо» обеспечивает прямое болевое воздействие на малый нёбный нерв, ветви верхнечелюстного нерва, подъязычный, язычный и ветви тригеминального нерва (см. фотографии).

Сухой анатомический факт. Никуда не денешься.

Любое дентальное «железо» обеспечивает прямое болевое воздействие на малый нёбный нерв, ветви верхнечелюстного нерва, подъязычный и язычный нервы, альвеолярный и подглазничный нервы.

Современный конный спорт совместил в лошадином рту два этих типа «железа» — и тригеминальный, и дентальный.

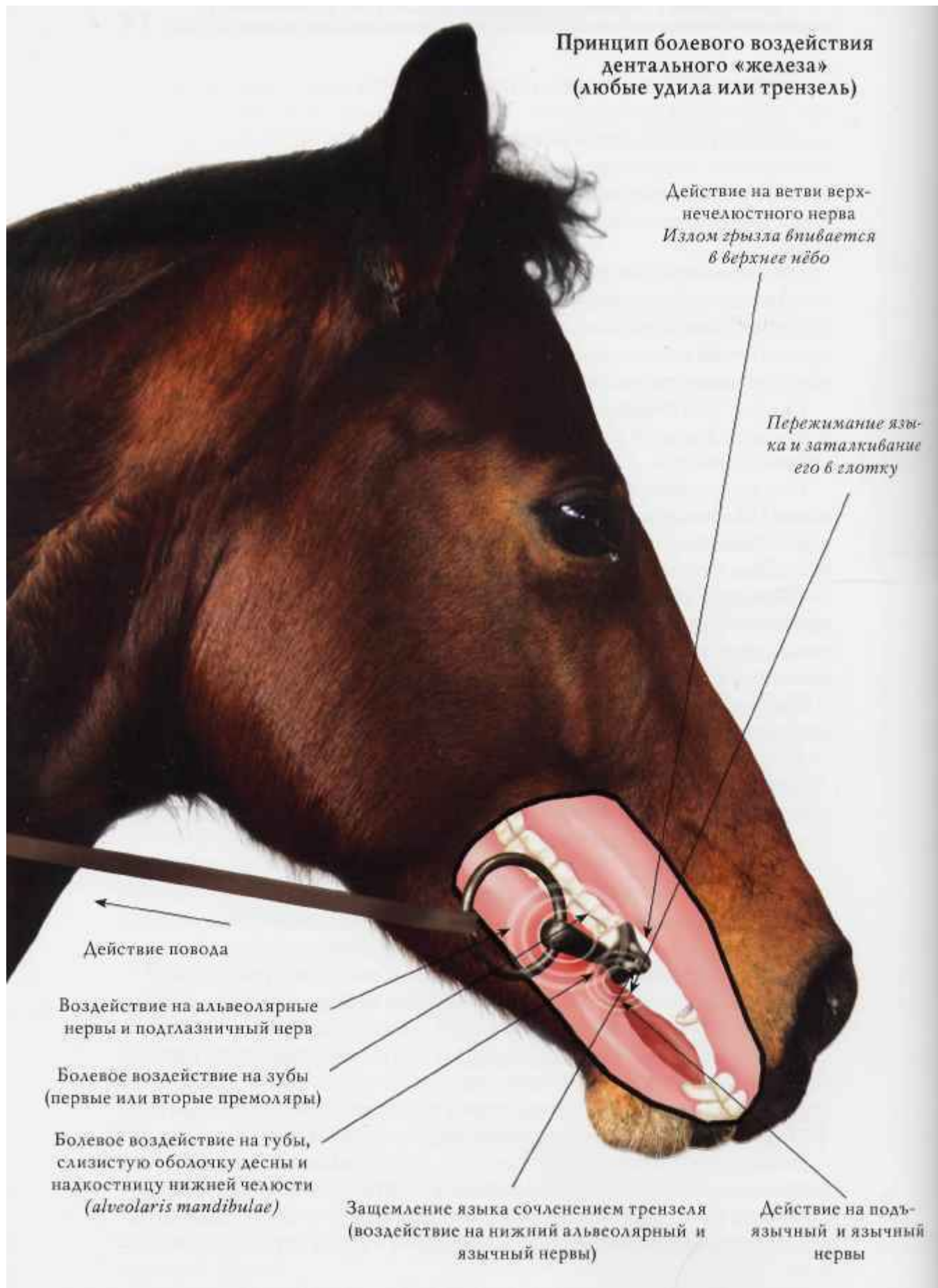
В рот лошади засовывается мундштук с грызлом примерно «пинья-телеччиевского» канона, только еще построже, да еще и удила, конструкционно ничем не отличающиеся от монгольских или скифских.

И тем не менее — ничего потрясающего не происходит.

Более того — спортивная выездка, робко намекающая на то, что является одной из наследниц «Высокой Школы», оказывается совершенно не способной к воспроизведению действительно сложных и эффектных элементов, вроде тер-а-тера, каприоли или сентаво.

В ней остаются лишь самые примитивные элементы, вроде пассажа и пируэта.

Принцип болевого воздействия
дентального «железа»
(любые удила или трензель)

Принцип болевого воздействия
тригеминального «железа»
(любой мундштук или пелям)

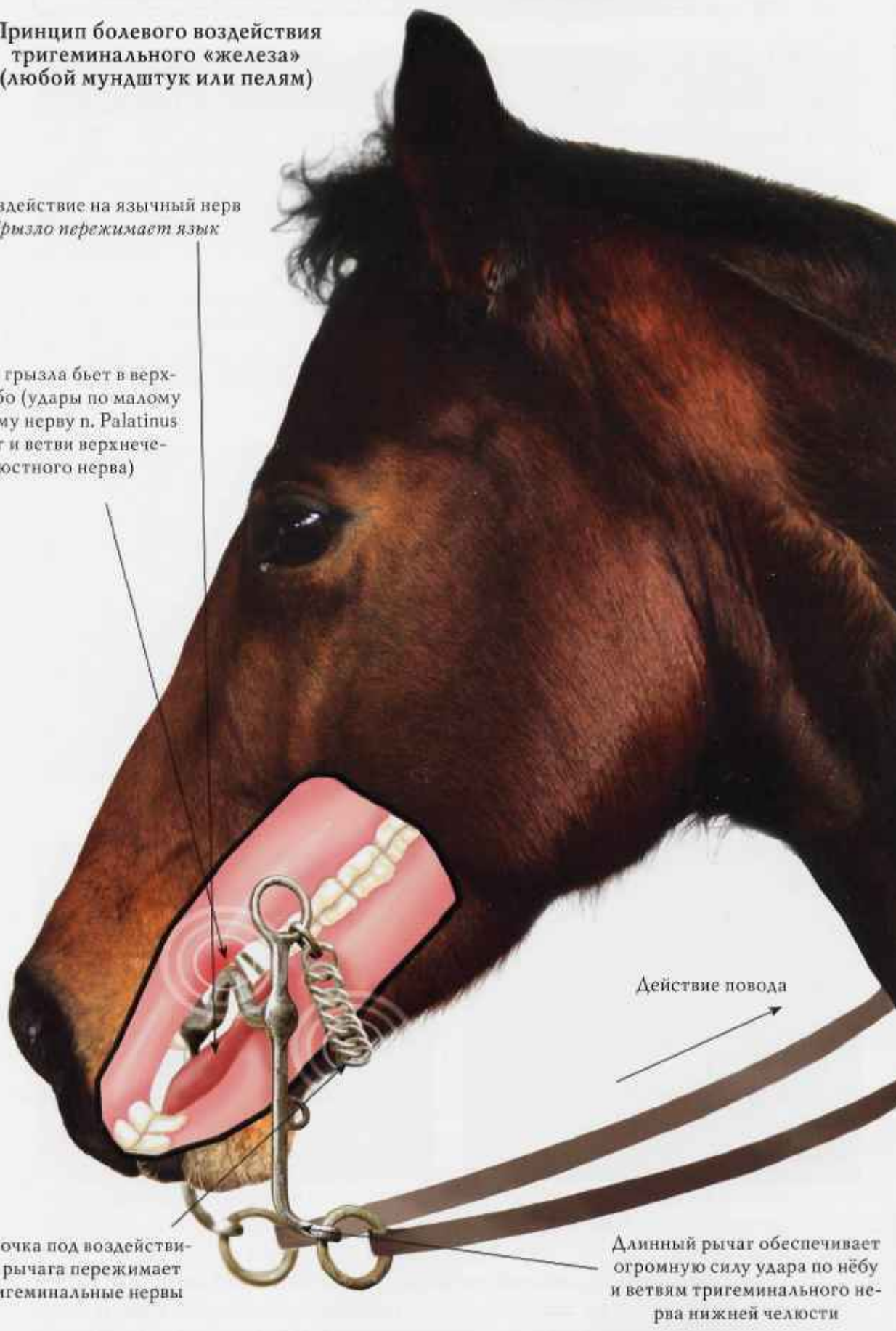
Воздействие на язычный нерв
Грызло пережимает язык

Изгиб грызла бьет в верхнее нёбо (удары по малому нёбному нерву n. Palatinus minor и ветви верхнечелюстного нерва)

Целочка под воздействием рычага пережимает тригеминальные нервы

Действие повода

Длинный рычаг обеспечивает огромную силу удара по нёбу и ветвям тригеминального нерва нижней челюсти

И это несмотря на то что в спорте откровенное, часами продолжающееся мучительство лошади — сочетание действий разного «железа», побои, принудительный сбор, калечащий шею и спину лошади, применение электрошока, подбивка — стало абсолютной нормой.

При этом отцы-«отэколыцики» подбивкой, то есть ритмичным битьем палками по ногам лошади, чтобы добиться большей высоты подъема ног на пассаже, пиаффе и балансе,— надо отдать им должное — все же не грешили.

А сегодняшние девочки-выездницы — хоть в России, хоть в Германии, да и во всем мире — вообще не работают без подбивки.

Более того, если в классических, скроенных по образу и подобию Haute Ecole школах (Королевской андалузской, Испанской школы в Вене) занятия с лошастью продолжаются не более получаса, то спортивная выездка мучает лошадь часами.

По два, по три часа.

И все же результат — нулевой.

Значит, строгость «железа» для раскрытия поразительных способностей лошади в общем-то ничего не дает.

И не в шпорах дело.

Шпоры в сочетании с «железом», кстати говоря, использовали еще хунну.

У меня есть редчайший экземпляр шпоры хунну — по воздействию она будет жестче, чем «отэколевская» или мексиканская (см. приложение).

Сравнивать с готической европейской шпорой, конечно, трудно — готическая шпора — это совсем уж патологический, запредельный вариант.

Притом это шпора прямого действия! (см. фотографии)

Своеобразие средневековой посадки (ноги сильно вперед, жесткий упор в стремя) никак не оправдывают такой длины, остроты шпор и способности (даже против желания всадника) пропороть лошадь до желудка в любой экстремальной ситуации. (Лошадь может завалиться, ногу всадника может «занести» назад и вбок при столкновении с другим всадником или пешим, лошадь, наконец, может что-нибудь перепрыгнуть, отчего неминуемо смещаются ноги всадника.)

Этот демонстрируемый образец шпоры, разумеется, патологический, но общепринятый в XIII-XV веках, как раз в сочетании с милым боевым мундштучком с крючьями на грызле.

Такая бесстыжая убийственность шпоры — а именно такой вариант был общепринятым боевым — лишний раз доказывает, что средневековая лошадь была, грубо говоря, «лошадью на один бой», существом ценным, но все же менее ценным, чем разовая возможность победить или удрать.

«Отэколевская» шпора (см. приложение) имеет совершенно другой принцип и, по сравнению с готической, со шпорой хунну, мексиканской, немецкими шпорами, — вообще образец деликатности и мягкости.

1

2

3

4

5

6

Шпоры

1 — хунну (III—IV вв.); 2 — готическая (Европа, XIV в.); 3 — Европа (XV-XVI вв.); 4 — Мексика (XIX в.); 5 — Австрия (XVIII в.); 6 — Франция (XVIII в., Haute Ecole)

Значит, секрет провонявших лошадиным потом блистательных авантюристов XVI-XVII веков не в «железе» и не в жестокости.

В конце XX века было убедительнейшим образом доказано несколькими людьми в разных странах, почти одновременно, что самые сложные элементы Haute Ecole, самые умопомрачительные фигуры лошадь замечательно делает и без всякого «железа» вообще и без всяких приспособлений, контролирующих ее голову или причиняющих какую-либо боль.

Более того, несколько человек в мире уже умеют воспитывать лошадей, добиваясь от лошади — только лаской и пониманием — самого чистого и правильного сбора, не применяя вообще никаких средств, никаких железок, никаких ремешков.

При этом я говорю о «стерильных» вариантах.

Не о тех, когда лошадь готовилась на «железе» — и лишь для шоу или иного выступления «раздевалась» и демонстрировалась.

Я говорю о вариантах, когда лошадь реально воспитывалась и выучивалась без всякого болевого принуждения типа «железа» или недоуздки, когда все воспитание изначально выстроено на апелляции к ее потрясающему разуму и готовности дружить с человеком.

В VIII-XIX веках подобные методы в очень редких случаях практиковали североамериканские индейцы из особой касты «заклинателей лошадей».

Делалось это в момент воспитания редких, «штучных» боевых лошадей, каждая из которых являлась целым состоянием.

У команчей, к примеру, за одну боевую лошадь, то есть воспитанную заклинателями, давали 100-200 обычных лошадей. Впрочем, обычной, массовой практикой североамериканских индейцев в отношении прочих лошадей была веревочная петля на нижней челюсти лошади, именовавшаяся «викан».

Эта веревка по своему воздействию мало чем отличалась от «железа».

Д. Р. Р. Толкиен абсолютно не будучи, судя по его биографии, лошадином, живя в реальности одной из самых жестоких в отношении лошади стран, а именно в Англии, тоже, вероятно, либо размышлял на эту тему, либо что-то чувствовал.

По крайней мере центральный персонаж его гениальной трилогии «Властелин Колец» — Гэндальф — строит свои взаимоотношения с лошадью без всякого «железа» и всяких уздечек, что Толкиеном подчеркивается.

Свифт в обворожительном эпилоге путешествия Гулливера в страну гуингнмов пишет: «Первые же свободные деньги я истратил на покупку двух жеребцов, которых держу в прекрасной конюшне... Лошади достаточно хорошо понимают меня; я разговариваю с ними по крайней мере четыре часа ежедневно. Они не знают, что такое узда...»

Античный мир тоже знал езду верхом без уздечки.

Правда, в несколько анекдотическом варианте.

Парфяне и нумидийцы первыми, в этом смысле, зарегистрировались в мировых хрониках, но и те и другие пользовались очень высоко, практически под ганаши поднятыми ошейниками.

А поскольку ездили они на очень мелких и, как правило, замученных лошадях — то при необходимости они могли лошадь «подушить» таким образом, что та снова начинала повиноваться.

Если верить Плутарху, Гай Юлий Цезарь практиковал езду без уздечки, но следует помнить, что тот же Плутарх объяснял зачатие Александра Великого тем, что его спящей маме между ног ударила молния.

Относительно правдоподобные свидетельства на эту тему приводит Монтень в своих «Опытах». Квинт Фабий Максим Рутилиан (III век до н. э) в битве с самнитами, отчаявшись проломить самнитскую оборону римской кавалерией, после трех или четырех отбитых самнитами атак понесся вдоль строя своей конницы, командуя всадникам снимать уздечки с лошадей.

Римская кавалерия подчинилась, уздечки сняла и ломанулась на самнитов, практически сразу проломив их ряды и расшвыряв к чертовой матери.

В проломы самнитской обороны сразу же вошла пехота и учинила бойню.

Самнитов-то, разумеется, победили, но долго потом бедолага-победитель Рутилиан собирал свою кавалерию.

Примерно такие же приказы отдавал и второй любитель безуздечечных атак — Квинт Фульвий Флакк.

Известно, что подобным способом он рассеял и разгромил огромное войско кельтиберов.

Опыт не прижился исключительно потому, что последствия таких побед были тяжелее иных поражений.

Втоптав кельтиберов в их родную землю, оказавшиеся без уздечек и ощутившие свободу римские лошади стряхивали римских катафрактариев или разносили их таким бешеным галопом, что всадник решал как-нибудь поаккуратнее упасть с обезумев-

шей лошади по собственной воле, чем нестись на ней дальше в неизвестность.

Долго потом римляне ловили своих лошадей по всей Кельтиберии, долго собирали по полям и гипсовали своих катафрактариев.

Больше таких попыток в римской истории никто не делал, хотя Тит Ливии в своих знаменитых творениях и подзуживал полководцев: «*Id cum maiore vi equorum facietis si effrenatos in hostes equos immittitis*» (Натиск ваших коней будет сильнее, если вы разнуздаете их, прежде чем броситься на неприятеля. Тит Ливии — XL-40).

По крайней мере серьезных документальных свидетельств о подобных атаках больше нет ни в римской истории, ни в истории последующей⁷.

Лошадь без уздечки, то есть без болевого контроля со стороны человека, — на века становится синонимом угрозы, опасного своеволия.

Лучшей иллюстрацией этому может послужить, к примеру, русский язык.

Существует живописнейшее, очень мощное русское слово, обозначающее неуправляемое, злонамеренное буйство, желание надругаться над правилами приличия, злобно своевольничать.

Это слово — «разнузданный, разнузданность», то есть в трактовке, хоть в строгой, хоть в вольной, означает всего-навсего «отсутствие уздечки».

Не только в России лошадь без уздечки представлялась опасной, неуправляемой и ни к чему, кроме буйства, не способной.

В английском языке тоже есть слово с таким значением — «unbridled» — и тоже, безудержный, опасный, распущенный. А по сути — «без уздечки».

Ошибочно было бы считать, что все ужасы «железа» остались в прошлом.

Сегодня «железо» конструкционно ничем не отличается от «железа» прошлых веков.

То же долбящее в свод нёба монолитное грызло мундштука, та же цепочка, вызывающая болевой паралич при сильном давлении на тригеминальные нервы.

И точно так же современное «железо» делится на «железо» денального и тригеминального действия.

И точно так же применяется.

Оно стало чуть менее затейливо, чуть укоротились бранше, появилась хромировка или никелирование, но суть совершенно не изменилась.

Поменялся лишь дизайн. Исчезли розэр, шапеле, трешюше, кокиль — так как стало ясно, что для причинения очень сильной боли

и воздействия на основные нервы головы вполне достаточно просто глухого грызла с изгибом или переламывающегося, как в современных пелямах.

Колоссальная длина бранше отменилась сама собой, так как слишком многим лошадям любой профан мог слишком легко сломать челюсть, чем лошадь просто убивалась, так как оказывалась неспособной есть и медленно, на глазах у всех умирала от голода.

Больно велик был процент отхода, грубо говоря.

Сработал принцип, который вообще формирует новейшую материальную культуру приматов — принцип достаточного.

Для продуктивного истязания лошади длины бранше современного мундштука вполне достаточно.

Удила не изменились вовсе.

Попыток расслышать лошадиную душу или подружиться с лошадью — никто, разумеется, не предпринимал.

Главный русский лошадиный конэсэр Иван Северьяныч из «Очарованного странника» Лескова — образчик тупого жлоба, совершенно лишённого дара понимать лошадь.

Все конфликты с лошадью, описанные в «Очарованном страннике», решаются мягкостью и терпением гораздо быстрее и эффективнее, чем идиотскими разбиваниями горшка с жидким тестом об голову лошади, побоев, завязывания глаз и прочих изысков.

А Иван Северьяныч — образ собирательный и не слабый, то есть не искусственный, а в действительности национальный, по крайней мере, в части воззрения на лошадь.

Более того — жлобство Ивана Северьяныча романтизируется и героизируется, и он считается персонажем, безусловно, милым и положительным и очень народным.

Есть русские пословицы, очень выразительные в этом смысле: «Кони не верь. Кобылий череп найдешь — и тот зануздай!»

Почти никто не предполагал, что кроме омерзительного и тупикового пути — через боль и истязания лошади — есть еще один путь, комфортный, поразительно простой и эффективный.

И все же возвращаемся к отцам-«отэкольщикам».

Как я уже сказал выше, они не были единомышленниками, они не создали связной доктрины лошадиного воспитания. Часть «отцов» Школы пользовалась самыми варварскими методами.

Стоит все же выделить основные фигуры.

Это, безусловно, де Плювинель, де Нестьер, де Гериньер.

Они первыми в истории человечества, вслед за Ксенофонтом, которого читали, штудировали и цитировали, вслед за Чжуан-Цзы, о

котором понятия не имели, заговорили о мягкости и дружелюбии как об основном ключе к отношениям с лошастью.

Это само по себе было абсолютно шоковой позицией для всех их современников.

Глупый человеческий мир накопил к тому времени представления о лошади как о биологическом механизме, который приводится в действие чистой жестокостью, и ничем более.

Де Плювинель же изгонял из «Школы» тех учеников, кого уличал в жестокости к лошади. А к старости он стал и вовсе нетерпим в этом смысле.

Де Нестьер отрывал рты своим ученикам, чтобы они на всю жизнь осознали, что чувствует лошадь, и орудовали бы руками помягче.

Франсуа Робишон де Гериньер уже впрямую писал о мягкости как об основном методе.

Это был малюсенький, робкий шажок вперед, возможно, гораздо более важный, чем изобретение сбора.

Никто из «учителей» и не мог бы совершить гигантского шага от свирепых «школьных» мундштуков в полную «безуздечечность» и мягкость, в дружбу с лошастью — это было невысказано, это противоречило тогдашним воззрениям на суть лошади с ее военными и манежными функциями.

Наконец, это было просто невероятно и фантастично и гарантированно не было бы понято их веком.

Глупо сейчас винить отцов-«отэколыциков» в том, что они остались при своем «железе», при своих шпорах и пилярах.

Да, они остались при всем этом.

Но некий мощный драйв, движение в направлении изменения отношений с лошастью дали именно они, и никто больше.

Это, по сегодняшним меркам, — малость, но с малости все и начинается.

Годы работы с самыми разными лошадьми научили «отэколыциков» прислушиваться к лошади, заставили задуматься о том, что не все так просто, как казалось их современникам.

Они были детьми своего времени, были жестоки, и их вина перед теми конкретными лошадьми, что попадали к ним под седло, — огромна. Но они были талантливы и, глядя в поразительные лошадиные глаза, они постигали их боль, их усталость.

А постигнув — менялись сами. Они умели делать выводы. Лошадиная мука становилась и их мукой.

Как говорил де Нестьер, «надо уметь испытывать лошадиную боль».

Римскому катафрактарию, готическому рыцарю, скифскому всаднику было совершенно безразлично в принципе, что испытывает ло-

шадь. Для выполнения их утилитарно-военных или перевозочных задач вполне доставало, чтобы лошадь вообще хоть как-нибудь двигалась. Качество движения роли не играло, настроение лошади ни на что не влияло, бежит, не падает — и ладно.

«Отцы-основатели» Haute Ecole были первыми, кто имел дело, грубо говоря, с лошадиной хореографией.

Они желали очень сложного результата — и первыми поняли зависимость этого результата от взаимоотношений с лошастью и ее состояния.

Они годами, черточку за черточкой, работая с лошастью в руках, под седлом и на свободе, терпеливо дорисовывали свои «шедевры» — каприоли, балансе, пиаффе, постоянно соприкасаясь с лошадиной душой, гордостью и добротой.

Они искренне искали методы воспитания помягче, нежели те, что были повсеместно приняты.

Плювинель, в частности, ввел в «отэколевский» обиход «люнетт» — специальные очки для лошади, наглухо закрывающие ей глаза, полностью лишаящие ее возможности видеть все, что происходит на манеже.

Он хотел предельной концентрации лошади и не желал наказывать бичом или «железом». Он пытался ввергнуть лошадь в очень покойное, медитативное состояние, в котором бы она могла полностью сосредоточиться на голосе учителя и своих ощущениях. Это было не очень эффективно и даже не очень умно, но кое о чем говорит.

«Отэколыцики» желали от лошади самого сложного из всего, на что она способна, — и были первыми, кто востребовал высокоорганизованные, сложные действия. Они всерьез позвали лошадь — она всерьез откликнулась.

И только в этом была причина их поразительных открытий и успехов, а совсем не в «железе» и не в шпорах.

Только поэтому некоторые из «отэколыциков» храбро и с полным правом шагнули в мировую историю лошади.

Не ту, которую придумали люди и которая есть весьма разнообразный реестр истязаний лошади.

Не ту, что традиционно пишут и переписывают на всех континентах и которая есть не история лошади, а история человеческой тупости. Я имею в виду подлинную мировую историю лошади, которая когда-нибудь будет иметь некую высшую точку.

Тогда, когда всякое «железо», являющееся символом страха человека перед лошастью, перед ее мощью и свободолюбием, символом поражения человека в трехтысячелетнем деле отношений с лошастью, перестанет быть нужным для всех и каждого.

Додумался же человек до каких-то пустяков, типа строения атома.

Лошадиная душа и возможность проникновения в нее — материя, конечно, посложнее.

Но надежды есть.
Хотя есть и соблазн самого примитивного, самого жестокого пути.
Пути свифтовского йеху.

Апогеем жестокости, тупости, неумения и нежелания понимать лошадь — стал конный спорт.

P. S. Я специально не помянул в этой краткой истории лошадиного «железа» стремяна, так как они никогда не являлись средством управления и мало влияли на ощущения лошади⁸.

Все, чем я располагаю по части стремян, я собрал и классифицировал (см. приложение).

^a *Курбет* — прыжок лошади на задних ногах с обязательным приземлением на задние ноги.

^b *Песада* — высокий подъем лошади на задних ногах.

^c *Тер-а-тер* — фигура «от эколь», изобретенная Гериньером, заключающаяся в равномерном и очень ритмичном подъеме передней части корпуса с резким подставлением задних ног.

^d *Дуз* — старинный вариант балансе. Характерен более высокими подъемами корпуса при переброске веса с одной ноги на другую, меньшей амплитудой раскачивания и сбором, который начисто отсутствует в обычном балансе.

^e *Баллотата* — один из «школьных» прыжков. Лошадь, прыгнув, поджимает передние ноги, а задние чуть расслабляет в скакательных суставах, но напрягает в путовых и как бы показывает подковы задних ног. В таком состоянии она делает короткий запис и опускается сначала на задние ноги, а затем на передние. Я не знаю сейчас в мире ни одной «школьной» лошади, которая бы делала баллотату. Дело не в сложности обучения этому элементу, как раз он очень прост в обучении, но эффектен он только на гравюрах и фотографиях, а при живой демонстрации слишком быстр и не производит должного впечатления.

^g *Пассаж* — очень ритмичная и медленная рысь с высоким акцентированным подъемом ног. Существует множество разновидностей пассажа. Элемент очень простой, исполняется повсеместно, явного лидера в исполнении нет.

ⁱ *Мизер* — невысокая песада, отличающаяся большей собранностью лошади и энергетикой.

^j *Сентаво* — проходка лошади на задних ногах.

^k *Круппада* — обычный прыжок на месте. Высота его небольшая — не более 50-70 см. Важно, чтобы при этом прыжке все четыре ноги лошади были бы в воздухе. Круппаде я обучаю всех лошадей, так как это движение, усвоенное лошадей в совершенстве, позволяет перейти к более сложным прыжкам — баллотатаде и каприоли.

ⁿ *Сентадо* — упражнение, когда лошадь в течение нескольких секунд сидит на крупе.

^o *Левада* — полупесада с некоторой паузой (3-5 секунд) в высшей точке.

^p *Лансада* — прыжок лошади с приземлением на передние ноги. Элемент легкий в обучении, но абсолютно не эффективный.

^q *Балансе* — ритмичное и широкое раскачивание лошади, которая перебрасывает вес тела с одной передней ноги на другую. Задние ноги при этом либо стоят, либо тихо пиаффируют.

^r Я понимаю всю условность, грубоватость и некоторую некорректность этих терминов, но других до меня изобретено не было. А необходимость классифицировать и разделить лошадиное «железо» по принципу «основной зоны поражения» все же есть, коль скоро в действительности оба типа «железа» сильно разнятся.

нглия.

XXI век.

Ветеринарная клиника «Росдейл и Партнерс» (Rossdale & Partners), рядышком с Нью-Маркетом.

Волшебны и легки сны юной скаковой кобылы Терезии Третьей, что сегодня оказалась здесь, на рыжих и голубых клеенках операционного стола.

Здесь абсолютная тишина.

Абсолютная стерильность.

Абсолютная медицинская техника — и великие руки Ричарда Пайена (Richard Payne), всеанглийской звезды ветеринарной хирургии.

Малышка Терезия Третья лежит на спине.

Глубоко провалился животик с малюсеньким, как у всех кобыл, аккуратнейшим выменем на два сосочка.

Шея, длиннющая и почти прямая шея дорогой английской чистокровки,— вытянута во всю длину, а в рот заведены голубые гофрированные шланги, подающие в кровь и легкие малышки чистый фторотан, мягчайший наркозный газ.

Все ножки ее подняты, намытые копытца — в прозрачных мешочках.

В запястье передней ноги, что-то весело бурча сквозь маску, хитрой блестящей железячкой копается хирург Ричард Пайен, глядящий на мониторы вокруг операционного стола.

На мониторах — операция артроскопическая — разбитый сустав, в котором шарит железячка.

Кроме Ричарда Пайена вокруг стола со спящей кобылой суетятся английские коренастенькие сестрички.

Одна из них все время разжимает веки малышки и светит в глазик фонариком, что-то сразу отстукивая резиновой рукой на клавиатуре. (Степень расширения зрачка, наверное.)

Терезия Третья спит. Из ее разбитых скачками суставов ушла боль.

И фторотановый газовый наркоз несет ее, милую красавицу-кобылу, прочь со стола, в огромные высокотравные левяды, к матери и сестрам. Несет в простор, в любовь и счастье, в ее родную настоящую жизнь.

И забывается та жизнь, что придумали ей люди.

Жизнь, переполненная болью в разбитых ногах, в горящих и разрывающихся легких, проходящая в темноте и вони денника, из которой ее вдруг выдергивают на слепящий свет, в крики, гам и вонь тысяч йеху и начинают рвать железками рот и бить.

Но сейчас на рыжих и голубых клеенках стола — эта вторая, придуманная для нее людьми жизнь куда-то исчезла.

Воспоминания о ней растаяли, как только растаяла боль.

И тогда малышка Терезия начинает свой бег!

И как бежит! Как вольно, как широко и мощно... Рыдали бы ипподромные дядьки в клетчатых кепках, делающие состояния на скачках, рожи бы себе расцарапывали в полном экстазе!

Она бежит во сне, но бегут и ее копытца в прозрачных мешочках — по всей операционной летят салфетки, трубки, клеенки, медсестры, мешочки и датчики.

На мониторах — помехи и серая рябь.

Качнувшись, рушатся капельницы с гроздьями бутылочек, отлетает и сам великий Ричард Пайен — а его железка, прочертив сверкающий след в стерильном воздухе операционной, впивается, аккуратно посерединке, в огромное расписание операций.

Спящая красавица несется, лежа на спине, посреди веселого хаоса в операционной.

Но пройдет несколько минут — и все будет восстановлено.

Поднимут капельницы.

Наладят мониторы.

Подадут другую железку, и на поднятых к небу копытцах утихшей Малышки снова будут надеты прозрачные мешочки.

Малышку Терезию, как и тысячи других лошадей, изувечили скачки. Ее судьба, ее боль — типичны для лошади после первого скакового сезона.

Ричард Пайен сегодня, безусловно, исцелит ее, совершив дико дорогую и сложную артроскопическую операцию.

По сути, исцелит лишь для того, чтобы она скакала снова, разбивая суставы, разрывая сухожилия и легкие.

Но когда стоимость лечения уже будет превосходить стоимость самой Малышки — хозяйка Терезии купит себе другую лошадь, а Малышка Терезия уйдет в никуда.

Уйдет под ножом или прямо на поле, или медленно умрет под толстожопыми девочками, играющими ее жизнью в свой спорт.

И направится Малышка Терезия Третья в небесные левады, к своему лошадиному богу.

Я совершенно не случайно начал главу, говорящую о конном спорте, с эпизода, больше имеющего отношение к скачкам, хотя, если ориенти-

роваться по общепринятым в лошадином мире представлениям — скачки и спорт не имеют друг к другу никакого отношения.

Но я для себя давно объединил все человеческие забавы, основанные на истязании и непонимании лошади, в одно целое и полагаю, что и тройки, и рысачьи бега, и скачки, и конная коррида, и цирк, и троеборье, и выездка, и прокат, и конкур — все это, по сути, одно и то же. Назовем это для простоты «конный спорт».

У всех этих дисциплин есть одна главная, объединяющая их черта — все они основаны на полном непонимании лошади, незнании ее, «неслышании» ее и представлении о ней как о биологическом механизме, обязанном обслуживать человека в его развлечениях, — просто потому, что она обязана это делать.

В этом есть определенная жестокая логика.

В животном мире есть лидер из отряда приматов, подотряда высших человекоподобных (кстати, гениальная формулировка Дарвина), — и он, в силу своей развитости, получает право съедать того, кого он хочет, и забавляться с тем, с кем хочет, не углубляясь в чувства съдаемого или в ощущения того, с кем он решил позабавиться.

Иными словами, есть развившаяся до мобильника, сериалов и электрошокера в руке обезьяна, которая спокойно насилует мир так, как ей это заблагорассудится, — в том числе насилует и лошадь.

Это так, спорить с этим глупо.

Я бы сказал, что это некая биологическая реальность, не столько неприятная, сколько нелестная.

Есть, правда, одна проблемочка — сия биологическая реальность совершенно не соответствует тем мифам, которые развившиеся приматы сами сложили о себе и в реальности которых они уверяют себя вот уже на протяжении тридцати пяти веков.

Я имею в виду всякие пустяковые, но милые мифы про душу, про совесть, про доброту, про бога и благодетельство и т. д. и т. п. (полный набор широко известен).

Понятно, что происхождение почти всех мировых религий — прямое следствие общечеловеческого комплекса неполноценности, стремление дистанцироваться от суетливого, волосатого, вонючего и очень непристойного пращура, каким является обезьяна, или *Pierolapithecus catalunicus*, или *Paranthropus* (пантроп).

Во все века и эпохи ясно ощущаемая непрестижность собственного происхождения была особым «пунктиком» человечества. Если бы Дарвин вывел нас, к примеру, от пантеры или от кого-нибудь столь

же эффектного и героического — уверяю вас, дарвинистов было бы в тысячи раз больше.

Но вот загвоздка — в классификации живых существ мы действительно числимся:

- 1) в классе млекопитающих,
- 2) в отряде приматов,
- 3) в подотряде высших человекоподобных,
- 4) в секции узконосых,
- 5) в надсемействе гоминоидов (человекообразных приматов) и так далее... Просто рыдать хочется!

Но!

Обращаю ваше внимание на п. 3.

Здесь ясно сказано — «подотряд высших человекоподобных».

Человекоподобие нам гарантировано наукой.

Но только «человекоподобие».

То есть подобие тому существу, которое, стыдясь своей природы, сложило о себе мифы, поверило в них и пытается жить и чувствовать в соответствии с ними, несмотря на свое гнусное биологическое происхождение.

Некая лазейка, заметьте, оставлена.

Крохотная.

Но она есть.

И совершенно в нашей власти — либо оставаться «человекоподобным», либо добровольно принять на себя весь груз, весь набор очаровательной неправды, впитать ее в себя, растворить в себе — и перейти в другую категорию.

Совершившие это растворение потомки мартышек и парантропов становятся композиторами, мучениками, философами, писателями, святыми, спецназовцами или художниками.

Но в отношении лошади человек всегда был и есть — лишь существом из отряда приматов.

Человекоподобным. (О редких исключениях типа Чжуан-Цзы или де Нестьера я уже говорил.)

А конный спорт, его философия, его практика, его обычаи и его порядок полностью подтверждают этот тезис.

Впрочем, все это гениально сформулировал Джонатан Свифт.

И не случайно здесь мы представляем свифтовского йеху в красном рединготе и жокейке — традиционном облике именно конника-спортсмена.

Кавалеристы, водовозы или шахтеры, к примеру, были, конечно, ничем не лучше, чаще и хуже, но они жили по законам своего времени, своей войны или своего адского труда. Ведь война, развоз воды на умирающих от суставных болей и натуги лошадях, кошмарный

труд в шахтах, куда лошадь опускалась примерно вот так, как это запечатлено в этом документе (см. фотографии), где сперва слепла, уже ослепшая тащила вагонетку, потом долго умирала, брошенная в закоулках шахты, выхаркивая черную угольную пыль, — все это омерзительно, но было вызвано некой серьезной необходимостью. Это не было забавой.

А спортсмены и подражатели спортсменам просто развлекаются.

Надо отдавать себе отчет, что все многозначительные действия с ритуальной установкой крашенных палочек на определенную высоту для конкурра, бряканьем стартового колокола, допинг-контролем, баллами и штрафными очками, фасонами шляпок и «железом», дурацкими олимпиадами, ухарской троечной ездой, скачками, рысачьими бегами, конной корридой, — все это не более чем развлечения, забавы.

Конный спорт — это, как известно, то, что может быть, а может и не быть.

Это явление никакой жизненной необходимостью не вызвано.

Ничья судьба, здоровье, жизнь — на карту не поставлены.

Донесение, грубо говоря, через линию фронта не доставляется.

Те, кто зарабатывает этим делом деньги, — просто придумали способ получать за забаву плату, не более того.

Спортсмены — в доказательство серьезности своих развлечений и с целью придания им некоего трагического веса — очень любят порассуждать об опасностях конного спорта.

Но геморрой, мозоли, травмы, пот, разбитые носы, сломанные позвончики и пробитые черепа спортсменов — к делу отношения не имеют и сочувствия не вызывают никакого.

В конце концов, спортсменов никто не заставляет забавляться именно так.

Солидные мартирологи стипль-чезов^а, конкурра и других забав, на которых действительно, слава богу, частенько ломают себе шеи истязатели лошадей, — это прежде всего проблемы истязателей.

В конце концов, не надо путать священную кровь гладиатора, которого вытолкали пиками на арену, с кровью и смертью бездельника, решившегося позабавиться ради адреналинчика, самоутверждения или ста рублей.

Итак, будем называть вещи своими именами.

Конный спорт — это забава людей, лишенных дара чувствовать лошадиную боль, лошадиную душу и убежденных со всей страстью человекоподобного примата, что низшее, по их мнению, существо, обязано их развлекать и им подчиняться просто потому, что обязано.

Поскольку добровольно участвовать в их забавах лошадь не хочет — эта публика использует инструменты для причинения лошади сильной боли во рту, в нижней челюсти, в затылке и шее, в пояснице и храпе.

Боль эта настолько сильна (на любых соревнованиях можно увидеть лошадь, которая испытывает болевую клоническую судорогу, а спортсмены рядом хихикают, убежденные, что лошадка просто трясет головой), что обычных, не очень сильных духом лошадей, быстро ломают.

Иногда стандартных средств причинения боли для обеспечения послушания лошади оказывается недостаточно.

Это не зависит от силы духа лошади, а лишь от того, насколько ее довели до исступления болью, причиняемой этими стандартными средствами.

Тогда в ход идет электрошок, побои обычные, побои изощренные, «многостаночное бичевание», битье палками по ногам, пневматическое оружие и откровенно пыточные средства продолжительного действия: мартингалы, чеки, обер-чеки, медиаканы, кавессоны, арниры шамбоны, гоги, шпрунты, вожжи для работы в руках и прочая пакость.

Этот пыточный арсенал позволяет, к примеру, намертво пристегнуть голову лошади к груди, зафиксировать ее в таком положении (арниры) или, наоборот, пристегнуть ее, грубо говоря, к спине, задрав и тоже зафиксировав (чек). Причем с пристегнутой намертво головой лошадь заставят бежать.

Делается это и для того, чтобы сломить всякое сопротивление, и для того, чтобы откорректировать движения лошади, подогнав их под принятый в этом виде спорта стандарт.

Я перечислил только две позиции из восьми или десяти, но и прочие имеют чисто болевое предназначение. Мартингал, к примеру, — конструкция из ремней, которая делает всякое нормальное резкое движение головой вверх сверхболезненным: мартингал в одной точке намертво прикреплен к подпруге, а в другой — к поводу, то есть к «железу» во рту. Рывочек головой вверх — резкий удар по нервам десен и зубов в ответ. И так часами.

К слову сказать — вся эта пакость есть неременный, обыденнейший атрибут конного спорта и «в ассортименте» водится на любой конюшне, где есть спортивные лошади. Правда, электрошокеры, и вообще электрические штучки, — атрибутика лишь дорогих, продвинутых конюшен, где занимаются так называемой выездкой или конкурром.

Надо еще представлять себе запредельную, феерическую серость спортсменов, рысачников, скакашников (термин подлинный), троечников и конкурристов.

Они, как правило, убеждены, что длинный перечень пыточных средств — это все нормальные, бытовые предметы, которые *необходимо* использовать, и что они воспитывают лошадь или улучшают ее движения.

При этом при наличии всаднического таланта ни один из этих атрибутов вообще не нужен. Ни из стандартного набора, ни из чрезвычайного.

А вот это и спортсменам, и их подражателям узнавать ужасно обидно и неприятно.

Как вы думаете, отчего российский мир «лошадников» так трясет от одного звука моего имени?

Да, конечно, я для них — омерзительное, оскорбительное зрелище. Они видят, как человек спокойно садится на диковатого, заводного четырехлетнего жеребца без всяких уздечек и тому подобных глупостей,— и этот жеребец, остающийся абсолютно свободным, безоговорочно слушается и делает те фигуры «от эколь», которые позволяется делать лошади в этом возрасте.

Конечно, смотреть им на это невыносимо.

Такого человека хочется убить сразу.

Я их понимаю.

И ладно бы — один я. Но сегодня-то в мире уже известны Жан-Марк Эмбер⁹, Люраши, Дельгадо, Гонза, Силк Валентин (список не полон).

Люди, которые делают примерно то же самое, что и я. И это не фокусники — это нормальные, практикующие мастера, показывающие миру образцы совершенно других отношений человека и лошади.

И их лошади — Никито у Эмбера, Дао у Дельгадо, Гастон у Гонзы, Бико у Силк — действительно счастливы и находятся в абсолютной, поразительной дружбе с человеком.

Эти примеры, а я привел их далеко не все, позволяют сделать следующий вывод: наличие любого болевого приспособления, будь то простое «железо» дентального или тригеминального действия, мартингал, арниры или обер-чек, есть признак полной неспособности понимать лошадь и быть ею понятым.

По идее, по здравой и простой логике, если у тебя нет способности без любых ремешков и железок объяснить лошади, что же ты от нее хочешь, — тебе нечего делать рядом с лошадью, ты, к сожалению, не талантлив в этом деле, и надо заняться чем-нибудь другим.

Я понимаю, что так называемым «лошадникам» — спортсменам, жокеям — очень хочется заниматься лошадьми.

И они ими занимаются.

Но вот ведь какая история — если у вас вообще нет музыкального слуха, но очень хочется дать вокальный сольный концерт в «Ла Скала»?

Что произойдет?

Да ничего.

Вас никто и никогда не пустит на сцену «Ла Скала», потому что у вас нет слуха и петь вы не можете.

Но если у вас нет «лошадиного» таланта — то вы все равно сможете стать чемпионом России по выездке, к примеру.

Или чемпионом Германии по конкуру.

Легко!

Ибо есть тот набор болевых приспособлений, что вроде бы может заменить талант.

А если есть еще и абсолютная жестокость, неколебимая уверенность человекоподобного примата в своем праве причинять боль низшему, как он полагает, существу — и способность идти к своей цели по лошадиным трупам, — то сочетание приспособлений, уверенности и жестокости дает, как известно, большие спортивные результаты.

Мотивацию людей, которые всерьез грезят олимпиадой и неумолимо, последовательно и страстно пытаются, калечат лошадей ради того, чтобы на нее попасть, — еще как-то можно понять.

Использование ими пыточных спецсредств основано на полном помутнении разума.

Торжествует и направляет все их действия известный психоз «жажды обладания».

В данном случае это обладание розетками (кусочками картона с ленточкой и надписью о занятом месте), кубками, грамотами и медальками разных размеров.

Никакого другого разумного объяснения их поступкам нет и не может быть.

Впрочем, некоторую роль играет возможность легкого самоутверждения.

Ведь конный спорт — удобная штука!

Можно быть хилым, одышливым, жирным, можно быть алкоголиком — и все равно числиться удачливым спортсменом, позировать для телевидения и делать спортивную карьеру.

Но за кубки, медальки и розетки надо платить лошадиными жизнями и лошадиной болью.

Спортсмены исправно платят. Эта цена пока что никого из них не смущала, хотя они, как правило, знают последствия своих забав.

Живая лошадь превращается в спортивный снаряд, в способ получения медальки или кубка.

Однако весь пыточный инструмент болевой корректировки поведения лошади или ее движений — применяют не только те люди, что мечтают попасть на олимпиаду.

Мотивация этой, другой категории мучителей для меня абсолютная загадка.

99% «лошадников» знают, что никакая олимпиада им и не светит, что всю жизнь они будут тусоваться в прокатной конюшне или выезжать на местные убогие соревнования, — но, боже, с какой важностью они цепляют на своих лошадях арниры и шпрунты, сколько клоунской серьезности в подборе «железа»!

Сколько смешного и ужасного понта в их тренировках и рассуждениях... Больше всего они любят сказануть что-нибудь от имени лошади.

Очень потешно бывает слушать дамочек-прокатчиц (любого пола), которые, зачем-то играя в спорт, — часок отдолбив толстым задом лошадь по больному позвоночнику и от души надергав ее за рот «железом», — слезши, сюсюкают, абсолютно уверенные в любви лошади к себе.

Зверствуют при случае они примерно столько же и так же, как и чокнувшиеся на розетках, но, как правило, менее последовательно, менее регулярно, и в самой жестокости они не так квалифицированы.

Но самого главного — того, что лошадь платит за их идиотские, придуманные забавы инвалидностью и болью, — они упорно не желают признавать, придумывая для себя самих тысячи сказочек и оправданий.

Давайте поговорим о том, чего все *они*, и первая и вторая разновидности, знать и осознавать не желают.

Почувствовать лошадиную боль может только очень опытный мастер, тем паче что у лошади грань между болью и усталостью — очень тонкая, почти неразличимая.

Лошадь, на свою беду, устроена так, что любую боль, кроме самой непереносимой, она будет скрывать до последнего, никак ее не демонстрируя и внешне стараясь почти не менять своего поведения.

Ее выдает лишь повышенная вспыльчивость.

Скрывать недомогание — один из ее глубочайших первобытных инстинктов, который совершенно не исчез за тысячелетия так называемого «приручения».

В живой природе лошадь, демонстрирующая боль, отсутствие тонуса или немощь, тем самым просто предлагает себя съесть.

Или сместить ниже по иерархической лестнице в табуне.

В естественной среде этот стиль поведения, может быть, себя и оправдывает.

Но в отношениях с глухим, в принципе, человеком, взобравшимся на ее спину и упоенным правом примата, — последствия для лошади весьма и весьма трагичны.

Тех простых сигналов, что подает лошадь, пытающаяся сказать, что ей больно, человек не понимает, воспринимая эти сигналы как неповиновение,— и начинаются избиения, применение спецсредств.

Лошадей в конкуре, отказывающихся прыгать (а отказываются они только из-за боли, которые причиняют прыжки), вынуждают прыгать стрельбой из пневматического пистолета в круп.

Делается это так: тренер занимает позицию у препятствия и, почувствовав, что лошадь готова к закидке (отказу от прыжка),— выстреливает в круп.

Обожженная болью лошадь перепрыгивает, так как резкая, внезапная боль в крупе оказывается сильнее ноющей, ломящей боли в спине и ногах. В конце тренировки спортсмен и тренер шпилькой выковыривают из кожи лошади маленькие свинцовые пульки, которые глубоко не проникают, дезинфицируют ранки и на следующий день повторяют «процедуру».

Дело даже не в ранках на крупе — от прыжков усугубились те невидимые «спортсменскому» глазу травмы, что не позволяли лошади прыгнуть добровольно.

Стрельба в круп — не единственный способ, есть и жесточе.

Причем стрельба в круп относится к разряду обычных средств.

Всякие применения электричества — тоже.

Кстати, как вы думаете, отчего стандартная, утвержденная международными правилами, фронтальная ширина препятствий в конкуре больше трех метров, чаще — все четыре метра?

Ну почему бы не сделать препятствия шириной сантиметров семьдесят, с сохранением той же высоты 130-160 см? Такие небольшие, экономичные и очень эффективные вместо нынешних громоздких, уродливых, многосоставных и огромных?

Да дело в том, что утвержденная ширина очень не случайна.

80 см фронтальной ширины, или даже метр, — дадут лошади свободу выбора.

Уже она будет решать — прыгать или не прыгать. Препятствие такой небольшой ширины она всегда может «обнести», то есть обогнуть, обежать.

А четыре метра не «обнесешь». Четыре метра по фронту капитально преграждают путь, деваться-то лошади некуда — вот она и прыгает, тем более что хорошо знает, как сильно будет бита, если откажется.

Но в том-то и дело, что у лошади в конкуре не должно быть никакой свободы выбора. Как, впрочем, и во всех прочих видах конного спорта.

Практически 100% спортивных лошадей — инвалиды, живущие и двигающиеся под дурманом дикой боли во рту, спине, шее, ногах, затылке.

(Бешеные пляски спортивной лошади, выпущенной гулять в леваду или в поле — не показатель отсутствия инвалидности и боли, — это всего-навсего материализовавшееся в диких движениях адреналиновое счастье от мгновений свободы и отсутствия направляющей воли человека, которая у лошади ассоциируется только с болью.)

Сейчас я постараюсь описать механизм физиологического и психического разрушения лошади спортом.

Я опускаю ужасающий в 99% случаев ритуал так называемой «заездки».

Понятно, что ничего, кроме отвращения к человеку, он вызвать не может, равно как и процедура таврения, через которую проходит любая лошадь, родившаяся на конном заводе.

Это когда жеребенка отсекают от табуна, загоняют в «раскол» и либо каленым железом, либо железом, выхоложенным до -330° С в жидком азоте прожигают ему спину или бедро, или плечо, чтобы отмаркировать лошадь на всю жизнь специальными буквами, цифрами или фигурами, что представляется человеку очень важным.

Чувства жеребенка представить себе очень легко.

Причинителем боли, разрушителем мира — выступает человек.

Это, так сказать, первое, еще шапочное, знакомство современной лошади и современного йеху.

Не забывайте, что и при таврении, которое почти всегда сопровождается дикими побоями, грубостью и сильнейшим болевым шоком, и при заездке, которая на заводах, в силу поточности, конвейерности груба еще более, чем таврение, — для жеребенка главным действующим лицом, зачинщиком кошмара становится человек.

Заездка — это первые, страшные удары «железом» по деснам, зубам и губам. Заездка — это первая боль в спине.

Впрочем, эта первая боль — только некий «анонс» тех ощущений, что гарантированы спортивной лошади в течение всей ее жуткой жизни.

Затем лошадь попадает в спорт, любительский или не очень, — и подвергается уже долгим, систематическим воздействиям «железа», которое начинает калечить рот, и воздействиям массы всадника, который начинает калечить ее спину.

Природная приспособленность лошадиной спины к весу всадника — абсолютный миф.

Природой лошадь рассчитана и «спроектирована» без всяких там «наростов» на спине, весом от 60 до 120 кг.

А тут «нарост» еще трясется и подпрыгивает.

Удары от всаднического колыхания аккумулирует в себе жесткий ленчик, основа всякого седла, который частично гасит, а частично передает эти удары спине, позвоночнику и мышцам.

Даже в том случае, когда седло подходит лошади, — гасятся только до 50% ударов и нажимов.

Если седло не подходит — то все 100% ударов и нажимов, возникающих даже при идеальной посадке всадника, проходят в спину и позвоночник.

Подходящим может считаться только то седло, которое было адресно сшито для конкретной лошади, по шести меркам спины с учетом индивидуальной природной асимметрии (присущей всем лошадям) и с учетом особенностей ее движений.

Спины у всех лошадей настолько же разные, насколько разными являются отпечатки человеческих пальцев, к примеру.

Случаев, когда лошади идеально или хотя бы терпимо подходило седло, сшитое для другой лошади или сшитое на некую абстрактную лошадь, — наукой не установлено.

Так называемые размеры седла (17, 18) к лошади никакого отношения не имеют — это лишь констатация той или иной степени массивности зада всадника.

Если седло является не подходящим для конкретной лошади (99% случаев) — удары не рассеиваются седельными подушками, не гасятся, как это задумано, а концентрируются в нескольких точках.

Плохо сидящее седло отличается от хорошо сидящего тем, что не повторяет полностью (в зеркальном, слепковом варианте) рельеф спины, а, следовательно, где-то прижимается больше, где-то меньше.

Точки большего прижимания, транслирующие удары в лошадиную спину, быстро организуют в местах трансляции очаги сильной постоянной боли.

Таким образом, в арсенале спецсредств появляется еще одно оружие пытки — седло.

Правда, это как раз тот случай, когда болевое воздействие происходит вопреки воле всадника.

Всадник, будучи по природе глух к чувствам лошади, не ощущает этих проблем, да чаще всего о них и не задумывается.

Раздражение лошади, продиктованное болью в спине, расценивается как непослушание или демонстрация характера — и начинаются, с целью усмирения, побои или применяются пыточные спецсредства.

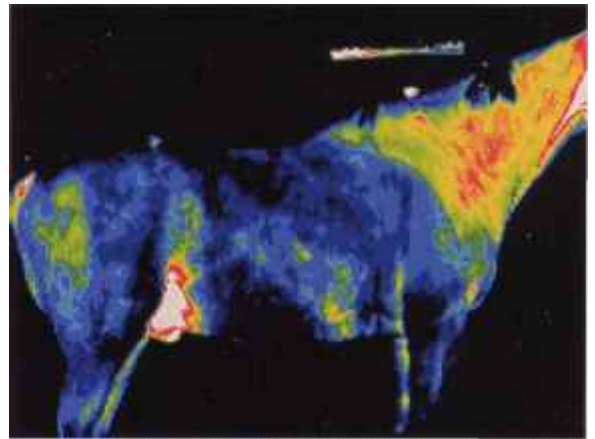
Дело, разумеется, не только в седле, хотя и в нем тоже.

Даже правильно подобранное седло не спасает спортивную лошадь от мук и быстрой инвалидности.

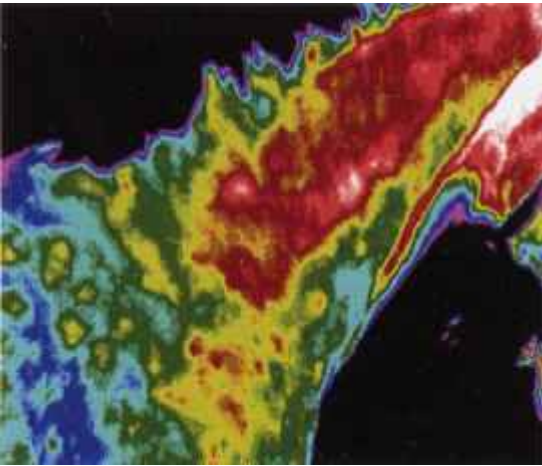
Сами методики тренинга и подготовки лошади в спорте организованы без учета чувств и ощущений лошади.

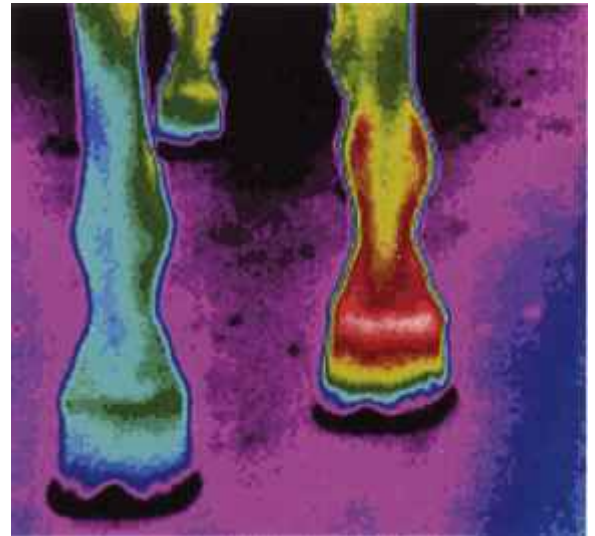
1

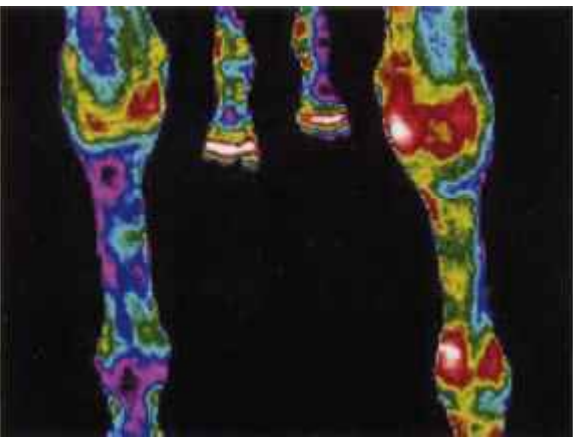
2

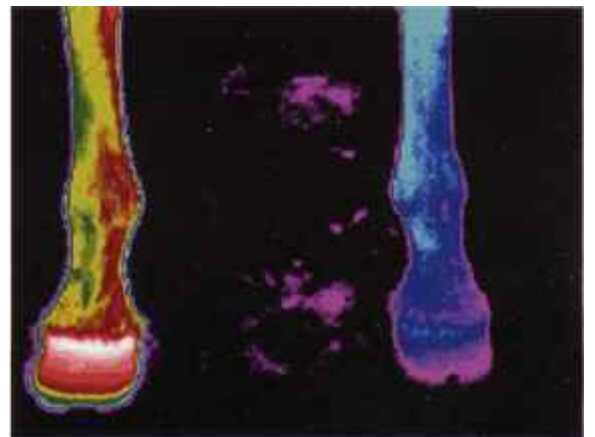
3

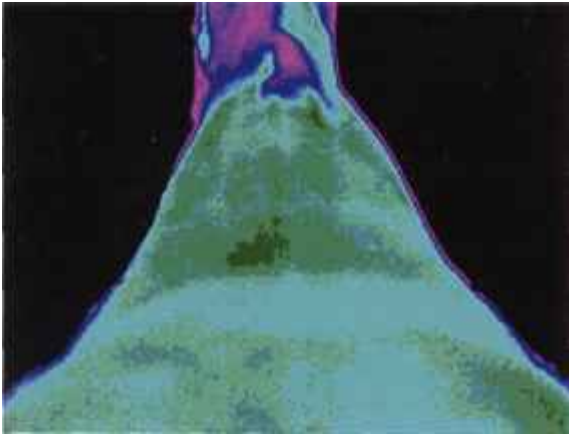
4

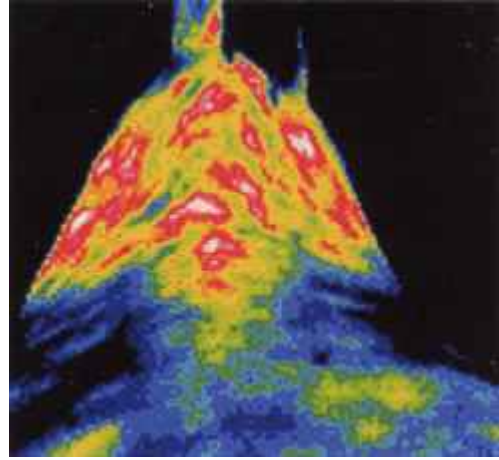
5

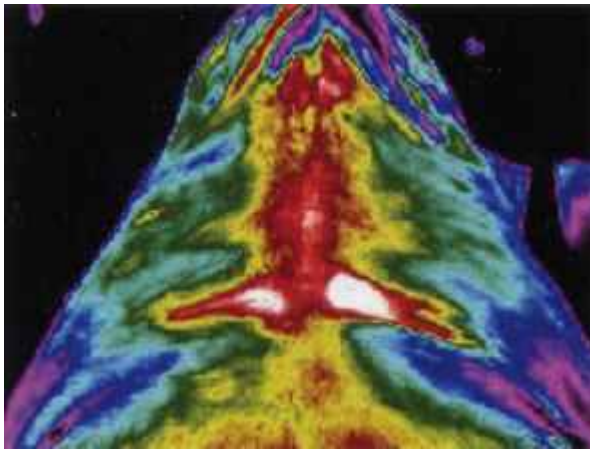
6

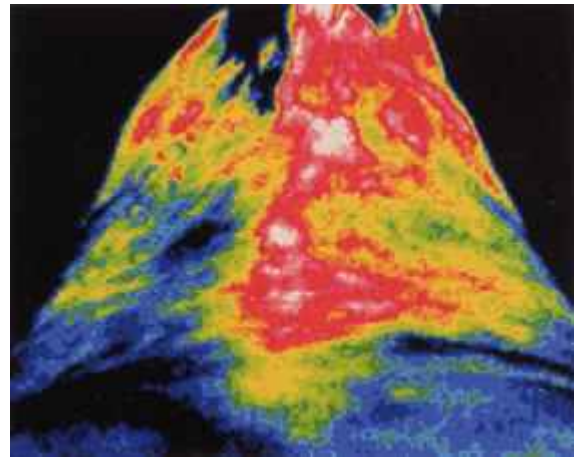
7

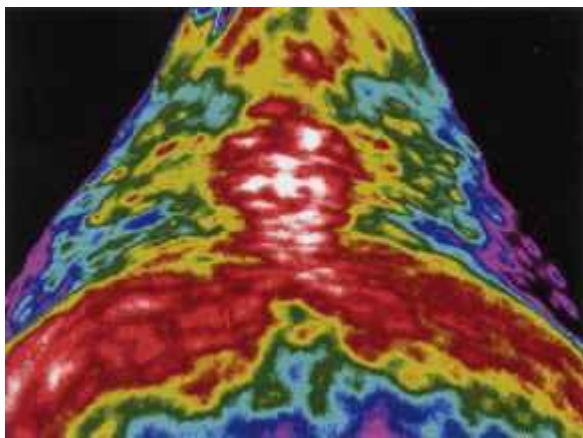
8

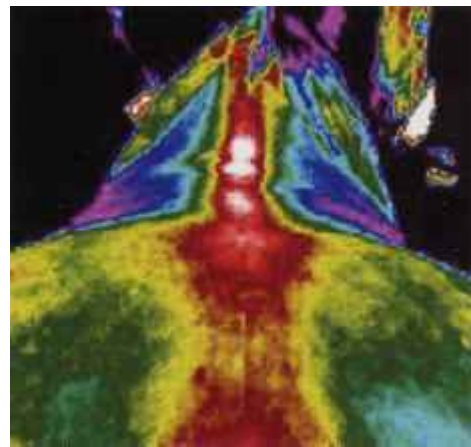
9

10

11

12

Термограммы

Эти методики писались, как вы понимаете, тоже спортсменами, то есть людьми, которые по своему складу лошадь «слышать» не могут.

Они не садисты, не звери — им просто не дано.

Остро ощущающий лошадь человек, слышащий и ее радость, и ее боль,— никогда конным спортом заниматься не будет, да и просто физически не сможет. Мучения лошади — а конный спорт соткан из них — станут и для него нестерпимой мукой, коль скоро он отчетливо слышит и воспринимает ее чувства.

Конный спорт возможен только при определенной глухоте к чувствам и ощущениям лошади, и чем эта невосприимчивость выше, чем сильнее глухота — тем выше спортивные результаты.

Ведь все летописи конного спорта написаны лошадиной кровью.

Я прекрасно понимаю серьезность своих слов.

Притом, что это не обвинения. Это констатация, не более.

Естественно, нужны доказательства.

Пожалуйста.

Есть такая волшебная вещь, как компьютерная термография, позволяющая со стопроцентной точностью диагностировать любые проблемы лошадиной спины, шеи, крупа и ног.

Секрет компьютерной термографии очень прост — она фиксирует любые воспаления и боли с умопомрачительной точностью и абсолютной наглядностью.

Термограф, выстраивая температурную картину любого участка тела лошади, видит и демонстрирует невидимые глазом под кожей лошади места нагнетов, травм, напряжений, спазмов.

Моя жена — профессиональный ипполог-термографист, ученый, член Американской академии териологии,— осматривает несколько десятков спортивных лошадей каждый месяц.

Из обследованных только за последний год двух сотен лошадей здоровой, в относительном смысле этого слова, оказалась одна.

Обследованные лошади демонстрировали проблемы прежде всего поведенческого характера — а при компьютерном диагностировании были выявлены тяжелейшие травмы спины, о которых владельцы или спортсмены даже и не подозревали.

Причем надо понимать, что обследуются, поскольку процедура не дешевая, только очень дорогие и перспективные спортивные лошади.

О том, что творится со спинами лошадей небогатых любителей, которые мучают лошадей с не меньшей страстью, чем спортсмены, — можно только догадываться, хотя, судя по статистике, — здоровых среди них нет.

Вот очень наглядные картинки — компьютерные термограммы (см. фотографии).

Их галерею открывает термографическое изображение здоровой лошади, с совершенно равномерной температурой кожи на шее, спине и крупе,— и ногами еще более прохладными, чем все остальное тело, что нормально. Исключение — маленькая точка повышения темпера-

туры в районе эрегированного, и оттого имеющего повышенную температуру, пениса (см. фото 1).

На термограмме 7 этой таблицы — изображение идеально здоровой спины. Нет болевых очагов, нет воспалений. В данном случае это спина пятилетнего жеребца Haute Ecole, четыре раза в неделю правильно работающего под седлом.

А это — термограмма спины спортивной лошади, работающей под седлом мастера спорта в выездке (8). Хорошо, очень наглядно видны многочисленные повреждения мышц спины, остро болезненные воспаления трапециевидной мышцы и надкостной связки. Виден мышечный спазм и нарушение кровоснабжения.

Еще одна спина спортивной лошади (опять выездка) (10).

Здесь уже чистая инвалидность. Множественные повреждения мягких тканей и позвоночника. Травмы остистых отростков позвоночника (подозрение на перелом остистых отростков, возникший в результате непосильной нагрузки на позвоночник от принудительного сбора).

Обе эти лошади на своей конюшне считались абсолютно здоровыми, возились на соревнования, выступали.

Хозяйку насторожило меняющееся поведение лошадей — они с каждым днем становились все возбудимее, «строже» и нервнее.

Обследовали этих лошадей отнюдь не на предмет спины — смотрели их ноги, которые тоже, кстати, оказались полностью пораженными.

Прочие изображения спин — типичные «сорванные» спины спортивных лошадей, испытывающих от любого движения боль, что является абсолютной тайной для их всадников.

На термограмме 11 типичные «конкурные» травмы: воспаления спины, поясницы, люмбо-сакрального сочленения, а также вывих крестцово-подвздошной связки. А это люмбо-сакральный узел (грубо говоря, смыкание поясницы и крупа) конкурной лошади: он весь воспален в результате прыжков. Боль, должно быть, адская. (На следующий день после термографирования хозяин-спортсмен выступал на этой лошади на каких-то мелких соревнованиях. Он счел травмы несущественными. Прыгал. Лошадь отказывалась, ее били.)

На термограмме 8 — сильно воспаленные мышцы спины выездковой лошади с повреждениями трапециевидной мышцы, возникшими от использования очень узкого седла, которое клали, как это принято в выездке, на холку. С такими травмами лошади очень тяжело передвигаться, но при этом ее ежедневно седлают тем же седлом и лошадь работает под ним в течение двух часов.

Вот, для сравнения (термограмма 4), здоровая нога лошади и больная, с тяжелой воспаленной травмой копытного сустава, как их видит термограф.

Здоровая нога — ровно синенькая, воспалений нет.

Больная — имеет характерный ало-оранжевый цвет сильного хронического воспаления.

На термограмме 5 — разбитые суставы левой ноги молодой спортивной лошади. (Эта лошадь, кстати, продолжает тренироваться и выступать.)

На прочих изображениях — в разной степени пораженные ноги, в частности — навикулярная болезнь, тяжелейшее неизлечимое заболевание 70% спортивных лошадей. Лошадь испытывает невыносимую боль, при этом заболевание никогда не замечается спортсменами, так как часто бывает билатерально, и лошадь хромотает на обе передние ноги.

На термограмме 3 — шея выездковой лошади с пораженным цервикальным отделом позвоночника, обширным хроническим внутренним воспалением, смещением позвонков и защемлением нервов.

Типичная для 100% спортивных выездковых лошадей шея, которая становится такой от принудительного сбора.

Лошадь продолжает выступления и тренировки.

Это ноги конкурной лошади (б): хорошо заметен периостит — воспаление надкостницы в результате подбивки железной трубой. (Чтобы лошадь выше задирала ноги и не сбивала крашеную палочку, ее подбивают снизу.)

На термограмме 2 — повреждение мышц и позвоночника троечной лошади.

Можно взять любую спортивную лошадь — по мнению ее тренера и берейтора^b совершенно здоровую — и увидеть воспаления каудального^c отдела позвоночника в результате насильственного сбора, воспаления мышц плеч, синдром «термоампутации» вследствие защемления нерва цервикального^d отдела... и так далее, и до бесконечности...

И, разумеется, у каждой лошади без исключения — глубокое, хроническое воспаление надкостницы десен, всей ротовой полости от «железа».

Я ведь нисколько не преувеличивал, говоря, что в спорте 100% лошадей — абсолютные инвалиды, которых заставляют бегать, поднимая ножки, или прыгать — только дикой болью.

Принуждающая боль, чтобы быть эффективной и заставлять лошадь выполнять распоряжения всадника, должна намного превосходить фоновую, хроническую боль от многочисленных травм.

Человек, впрочем, такой цели себе открыто не ставит.

Как правило, он об этом просто не задумывается.

Просто все средства принуждения — и «железо», и приспособления — сконструированы так, что от удара по тригеминальным нервам или по деснам обычная боль в спине, шее и ногах — забывается.

Есть еще один секрет. Лошадь никогда не привыкает к воздействию «железа». Ведь что такое привыкание?

Привыкание — это адаптация живых тканей к воздействию на них. То есть то, что по-русски называется словом «мозоли».

Но на слизистой оболочке мозоли не образуются — это закон физиологии.

А рот — это сплошная слизистая.

Любая из двух сотен диагностированных лошадей — по собственной воле не то что через крашенные палочки высотой в 1,3 м не стала бы прыгать или пассажировать, а вообще бы с места не сдвинулась.

Но все эти лошади, термограммы которых приведены в книге, и сейчас, вероятно, хрипя, таскают на себе дамочек в шляпках (страстных любительниц лошадей) или мужичков в бархатных касках.

По крупам, все мышцы которых заварены лютой болью, лупят хлысты, а по воспаленным деснам колотит «железо». (Дамы-«лошадницы», правда, озабочены еще и тем, как со стороны, на придиричивый взгляд, лежит на седле их попка и не морщат ли бриджи.)

Причем настоящих, клейменных садистов в конном спорте — едва один процент.

Все прочие либо не понимают, что они делают, либо боятся задуматься.

Ибо, задумавшись, придется меняться.

Так что же заставляет всех этих людей — так называемых «лошадников» — мучить, избивать, пытаться железками во рту лошадей? Что все же ими движет? Помимо страсти к собиранию кусочков картона с ленточками и медалек разного размера?

Напрашивается потрясающий ответ — любовь к лошади и обида на лошадь.

Как правило, чем сильнее любовь, тем глубже и обида, перерастающая в патологию.

Поначалу все они действительно любят лошадей.

Это особая любовь.

Непобедимая, диктующаяся особым складом личности, когда сердце останавливается от одного вида лошади, от ее храпа и запаха.

Когда есть сумасшедшее, страстное желание — вопреки всему быть рядом с ней, на ней, осязать ее, обонять, видеть и слышать. Когда слова «лошадь» и «счастье» становятся абсолютными синонимами.

Я не шучу.

В действительности все или почти все занимающиеся лошадьми люди — болезненно, до страсти и одури любят лошадей.

Верховая езда есть реализация этой любви (даже без особого фрейдизма), нормальный акт единения, которого всегда добивается любящий.

Но их проблема в том, что любят они безответно.

И все они это в глубине души знают и чувствуют.

По первости они утешают себя баечками и сказками о том, как радуется их лошадь (или их лошади) их появлению. Они морочат себе голову тем, что меж ними и лошадью есть некие отношения.

Разумеется, они никогда эти отношения не решатся испытать, но пока убаюкивают себя, принимая за отношения попрошайничество, то единственное, что они умеют воспитывать в лошади.

Но лоховские, дилетантские восторги быстро проходят. Сюсюканье в деннике — это одно, а реальность манежа или поля — это совершенно другое дело.

При этом «лошадники» делают все, чтобы испортить с лошастью любые отношения. Они засовывают ей в рот инструмент для причинения боли, бьют лошадь, когда она не слушается оттого, что ей больно, или человек неумело объяснил ей, чего он от нее хочет.

Постепенно лошадь, отказывающаяся выполнять идиотские и разрушающие ее требования, превращается во врага.

И начинает вызывать обыкновенную ненависть и желание выдавить из нее желаемый — большой или малый — результат любой ценой.

100% спортивных лошадей отказываются добровольно выполнять требования всадников, иначе лошадиное «железо» было бы упразднено за ненужностью.

В глубине души этим людям стыдно и муторно.

Они понимают, что делают какое-то очень пакостное дело.

И что это дело не имеет ничего общего с той искренней любовью, которая когда-то их привела к лошади.

И тогда для себя и себе подобных они придумывают утешающую терминологию, типа того, к примеру, что лошадь должна хорошо «отжевывать железо»... То бишь с удовольствием. То самое орудие пытки, которое засунули ей в рот и накрепко зафиксировали ремнями.

Кстати, насчет «отжевывания». Вы полагаете, лошадь, когда бродит по лугу, — ищет тимофеевку, люцерну или мятлик, или другую травку? Возможно.

Но по логике спортсменов — она ищет «железо», а найдя — начнет его жадно жевать и отжевывать, заливаясь слюнями.

А чего правду-то не сказать?

Что лошадь не «отжевывает» «железо», а пытается от него освободиться...

Всеми способами. И все ее движения губами, языком — это, образно говоря, взмахи самодельной лопатки графа Монте-Кристо, который пытается прорыть бесконечный ход на свободу из каземата замка Иф.

Но... они не желают этого понимать. Это неприятно для понимания.

Ладно, не верят мне — пусть откроют книги.

Их десятки.

К примеру — последняя «Equine dentistry» («Лошадиная стоматология»). Это сборник статей самых знаменитых в этой области профессоров современности — от Г. И. Беккер (G. J. Baker) до Д. С. Кноттенбельта (Derek C. Knottenbelt)...¹⁰

Тут куда ни ткни... «Расщепление губ может быть связано с травмами от удил...», «Травмы случаются в межзубном пространстве, там, где лежит "железо"».

Часто в результате травм от «железа» возникают изъязвления рорстрально премолярам и иногда — травмы находящейся под слизистой оболочкой кости sequestra. Более серьезные травмы — перелом верхней и нижней челюстей — также происходят от использования «железа».

Серьезные порезы, рассечения и даже разрубания языка не являются исключением и случаются при тех же обстоятельствах.

Здесь же — подробно о травмах языка, нёба, о дроблении зубов.

О том, что знаменитые выездковые пенные слюни лошадей, которые считаются нормой, — это тяжелое заболевание полости рта, вызванное «железом», — так называемое Ptyalism.

О переломах и микропереломах нижней челюсти тоже написано... О кусках надкостницы, отбитых от нижней челюсти, гниющих в десне, как об обычном явлении — также...

Даже в «Bits and Biting» — справочнике спортивного «железа» Элвина Эдвардса Elwin Hartley Edwards, который обязан знать каждый спортсмен (если, конечно, умеет читать), — и то почти все объясняется.

Объясняется, что от действия «железа» беззубый край челюсти повреждается настолько, что остатки еды собираются в кавернах десны и возбуждают инфекцию.

Объясняется и то, что действие «железа» не только повреждает надкостницу, но и разбивает на мелкие кусочки поверхность кости, скрытую слизистой.

Объясняется, наконец, даже то, что все действия языка лошади — это попытка защититься от «железа».

Любая авторитетная и специализированная периодика типа журнала «The Horse» (USA) настойчиво публикует статьи типа «Боль во рту».

Последняя такая статья вышла в указанном издании в феврале 2005 года.

В этих материалах — объективные ветеринарные свидетельства: «Случаются травмы, такие как рассечение, отеки и кровоизлияния (размозженная рана) лошадиного языка, диастем и верхнего нёба».

«Прошлые издевательства над лошадиным ртом заставляют лошадь всегда сопротивляться "железу».

Если рот поврежден, он поврежден навсегда».

«У лошадей развивается от действия "железа" мандибулярный периостит, когда кость диастемы воспаляется от повреждений и очень болит. Мандибулярный периостит нуждается в хирургическом вмешательстве».

Знаменитый ветеринарный хирург, профессор Американского университета ветеринарной медицины Роберт Кук давно публикует многочисленные труды, в которых скрупулезнейшим образом академически доказывает происхождение болезней респираторной и пищеварительной систем лошади от применения «железа».

Отеками легких лошади тоже, в большинстве случаев, обязаны «железу», что также доказано ветеринарной медициной.

Все эти выводы профессоров ветеринарии о травматической роли «железа» не новость.

Можно открыть «Ручную конскую книгу» 1851 года и обнаружить в ней все то же самое, только сказанное с поправкой на стилистику XIX века — другими словами: «Давление мундштука на челюсть, притягиваемого мундштучной цепочкой, причиняет не только раны в деснах, но и самую даже костоеду в зубных краях челюсти, с выхождением из раны гною и костных частиц...»

«Повреждения, бывающие на языке, суть: раны на нем, происходящие от удил. Случается, вследствие подобных ран у лошадей отваливается почти целая половина языка, или после неправильного сращения он получает искривленную форму и затрудняет лошадь в жевании...»

Еще в 1823 году в известном «Еженедельнике для охотников до лошадей» публиковался труд крупнейшего ветеринара того времени — немца Г. Рольвеса — «Опытное лечение».

И там уже тоже все сказано: «Когда удила лежат на языке лошади, тогда они производят на нем раны, которые оказываются посреди языка или по краям оного. Есть даже примеры, что удилами отрывали половину языка».

«Удилами повреждаются и самые челюсти так, что на них приметны бывают раны. Иногда повреждение бывает столь сильно, что даже сама кость раздробляется, по сему и должно рану осмотреть прилежно и, когда в ней находятся осколки (кости), тщательно вынимать их...»

Да что там «Ручная конская книга», Ровельс или новейшие исследования — еще Пелагониус, римский ветеринар IV века, описывает необходимость зашивать лошадиные языки, порванные «железом».

Давным-давно все объяснено и разъяснено.

Незнание трагической роли лошадиного «железа» уже нельзя оправдать никакой серостью, этой информации слишком много, она абсолютно академична, выверена и подтверждена всей мировой ветеринарией.

Но это так неприятно — знать, что 99% «лошадников», даже если и узнают об этом случайно, то делают вид, что не знают.

Они прекрасно понимают, что умеют управляться с лошадью только при условии причинения лошади сильной и постоянной боли.

Другие способы им неведомы.

Знание о подлинной роли «железа» им, привыкшим сюсюкать что-то о «любви к лошади», ставит их в крайне неловкое положение и несколько омрачает удовольствие от полюбившейся забавы.

Признание очевидной вещи — безоговорочно травматической, пыточной роли трензелей, мундштуков, пелямов — мгновенно переводит их из благородной роли «любителей лошадей» в разряд либо садистов, либо идиотов.

Садистов — если они знают и понимают все о роли «железа», но продолжают свои забавы.

Идиотов — если они не знают столь очевидных, важнейших и первоочередных вещей и не понимают, чем, собственно, заняты.

Ни к той, ни к другой роли «конская общественность» не готова.

Самое удобное и простое в этой ситуации — делать вид, что все в порядке, что краеугольной проблемы «железа» не существует.

К тому же есть могущественный «конюшенный» социум — люди, объединенные отсутствием «лошадиного таланта», способностью слышать лошадь или устанавливать с ней отношения. Люди, которые гипнотизируют друг друга бреднями о том, что иного пути, кроме болевого, в принципе не существует, или о том, что лошадь, к примеру, «любит прыгать».

Это как в старых кулинарных книгах очаровательно формулировалось, что «карась любит жариться в сметане».

И, опять-таки, отчего не сказать правду, не сказать, что прыганье через крашенные палочки невозможно без болевого принуждения и что это прыганье (тот самый конкур) есть разновидность истязания лошади?

Или эти же люди морочат себе и друг другу головы тем, что уж они-то употребляют мягкое «железо»!

Мягкого «железа» в природе не существует. Разве что ртуть, из которой мундштук или удила все равно не сделаешь.

Железо есть железо.

(Считается, что чем толще грызло удил, тем они «мягче». Это ахинея. В действительности при толстых, пухленьких грызлах болевое воздействие на складки губ слабее, а на язык сильнее, то есть на язычный и подъязычный нерв, так как большая толщина — это больший объем, то есть «железо» занимает во рту больше места, и давление на язычную часть и нёбо становится только сильнее.)

Разумеется, все глубокие раны и травмы рта, описанные ветеринарами древности и современности, не случаются каждую секунду с каждой лошадью.

Они, правда, в любую секунду возможны и в той или иной степени неизбежны для каждой лошади, которой в рот засунута железка денального или тригеминального действия.

Просто следует понимать, что серьезные раны и травмы есть всего лишь логическое развитие того болевого воздействия, которое еже-секундно испытывает лошадь.

Так называемая «мягкость рук» — это всего-навсего умение причинять парализующую сильную боль во рту лошади, не причиняя особенно глубоких ран или причиняя их редко.

Не более того.

Но конюшенная публика точно так же, как морочит себе и друг другу голову бреднями о «мягком железе», рассуждает и о «мягкой руке».

Проходит время, представители «конюшенного» социума добросовестно носят смешные каски и штаники, бормочут про «отжевывание», «прыжки» или «сбор», поклоняются тем, кто откровенным садизмом проложил себе дорогу на олимпиады, бьют и мучают лошадь, подражая кумирам, и все ждут, когда же лошадь ответит взаимностью на их любовь.

Затем они начинают убеждаться, что отношений нет, что лошадь либо ненавидит их, либо боится, либо просто полностью отчуждена.

Сделав все, чтобы превратить лошадь во врага, они обижаются на нее за то, что лошадь не желает их общества и всегда, когда есть удобная возможность, освобождается от человека.

Они обижаются, как старые козлы обижаются на содержанок, которые не дают или дают без страсти.

Они обижаются, но продолжают любить!

Они-то хотят единения!

Любой ценой. Любым способом. (Что за способы, мы уже знаем.)

В тусклоте огромного спортивного манежа — три или четыре парящиеся лошади, под всадниками.

Мертвые глаза.

Пена на «железе», шее и груди.

На них люди с хлыстиками.

Ими движет... любовь.

Странная, без всякого желания расслышать того, кого любишь.

Чем-то напоминает знакомые по фильмам ужасов совокупления дебилов с разбитой, полумертвой, одурелой жертвой, которую киношные дебилы волокут в паутиненную каморку, накрепко вяжут и... любят.

Таков конный спорт.

Если исследовать так же дотошно скачки, рысачьи бега — то и там все будет примерно таким же.

Та же глухота людей и те же лошадиные муки. Те же побои.

Впрочем, побоев, в принципе, больше, так как на скачках жокей вправе публично бить лошадь, сколько ему вздумается.

Никаких ограничений по количеству ударов нет.

Впрочем, как и в спорте, — бьют перед соревнованиями, чтобы «взбодрить», бьют на соревнованиях, бьют в денниках, на тренировках, при погрузке в коневоз и при чистке.

Правда, слово «бить» заменяют, как правило, удобным словом «наказывать».

Скачки для лошади в чем-то страшнее конкурра или выездки, в чем-то полегче.

Полегче, ибо ее судьба решается быстрее, нет размазанной на года муки. Два-три скаковых сезона — и 97% лошадей полные, абсолютные инвалиды.

Это в лучшем, в наиболее благоприятном случае.

Если очень повезет — быстрая смерть на скаковом поле.

Скачки, рысачьи бега — это, по сути, занятия, родственные изготовлению известной татарской колбасы.

А коль скоро во введении к этой книге я оговорился, что хотел бы остаться наедине с нормальными людьми, которые или поняли, или честно хотят понять секрет отношений лошади и человека, — я позволю себе не углубляться в совсем уж откровенную мерзость, типа технологии рысачьих бегов, скачек или изготовления конской колбасы.

По сути, отдельного разговора заслуживают лишь русские тройки — самый впечатляющий и примитивный символ мучительства, скобарское изобретение пьяных ямщиков, рожденное в жесткой конкурентной борьбе за пассажира, которого надо было, что называется, крепко удивить.

Чья именно дегенеративная фантазия сделала нормой сворачивание набок шей пристяжных со всеми последствиями, включающими переломы шейного отдела позвоночника, — уже не вычислить.

Суть в том, что более болезненную и более изощренную пытку для лошади придумать невозможно. Хотя ни ума, ни знаний, ни таланта

для организации тройки не требуется — это было вполне по силам и по уму безграмотным алкоголикам на старых трактах «Расейской империи».

Опять-таки, простейшее и стопроцентное доказательство: термограмма (см. фото 2).

Это шея очень молоденькой пристяжной лошади — здесь уже не только травмы и разрывы мышечной ткани, здесь цервикальный вертебральный спиноз, или, проще говоря, сдавливание спинного мозга в шейном отделе позвоночника.

Из-за постоянного ненормального положения головы — позвонки деформируются, защемляя спинной мозг.

Физиологи характеризуют такую боль как практически нестерпимую.

Эта лошадь после термографирования была снова запряжена самодовольным дураком-хозяином в сани и отправлена катать публику.

Она не умела кричать.

Она держала этот крик в себе невыкрикнутым, она даже разрыдаться не могла, эта лошадь, не могла просить пощады или жалости... Она очень боялась.

Она запомнила вкус «железа» и бича.

Впрочем, она знала, что осталось недолго.

В русских тройках искалечивание лошадей — норма с самой первой минуты.

Вот здесь исключений нет.

Особая история — цирк.

О! Это действительно совсем особая история...

Вкратце: все те же спецсредства, что и в спорте, вся та же тупость и жестокость, но...

Цирк — это некий мир, потаенный и закрытый. Это мир, в котором даже воздух, кажется, имеет принципиально иной химический состав, чем везде.

Цирк — для дурачка, для лоха, для корреспондента, которому разрешили чуть-чуть заглянуть в его закулисное чрево, — держит наготове клоунскую блаженную улыбку и пару старых баек о лошадках.

Цирк все знает о себе и умеет защищаться от ненужных глаз и ушей.

Веками отработана защита.

Дурачок посидит, посмотрит то, что ему покажут, — и удалится, уверенный, что видел цирк изнутри.

Это наваждение и ложь.

Цирк изнутри видят лишь те, из кого он состоит.

Только они сами могут видеть себя и себе подобных в их истинном облике. Только сами с собой или с подобными себе, с теми, с кем связаны красным тринадцатиметровым кругом манежа, — они перестают стесняться и лгать.

Чтобы видеть цирк изнутри, чтобы знать цирк,— надо пройти некое перевоплощение.

Надо стать частью цирка.

Пока это перевоплощение не произошло — ничто не будет видно, заметно и понятно.

Первоплощение заключается в том, что множество обычных человеческих понятий должны странно трансформироваться.

Добро и зло то меняются местами, то переплавляются в нечто третье, сочетающее эти два понятия в себе.

Муки, человеческие или звериные, перестают казаться муками, а начинают выглядеть как-то свежо, крепко и радостно.

Много удивительных метаморфоз!..

А вы знаете, как в цирке лошадей ставят на псаду?

Ну, на свечку.

Очень просто.

Берут лошадь.

Цепляют ее длинным тросом за «железо» во рту. За правое или за левое кольцо удил — неважно.

Трос поднимают наверх, под купол, во тьму, где перекидывают через блок. Тот блок, через который страхуют воздушников-гимнастов.

Конец троса, уже пропущенного через блок, опускают на манеж, перед лошастью или за ней.

За трос хватаются трое-четверо циркачей, которые подюжее, все в варежках, чтобы не ожечь руки.

Дрессировщик чмокает, шелкает кравашем^е — и троица в варежках рвет трос на себя, вниз, вздергивая лошадь через подкупольный блок за «железо» во рту до полного ее отвесного подъема.

Сзади еще двое профилактически полупливают лошадь по спине, чтобы та не пятилась и не заваливалась назад.

Спереди лупит дрессировщик, чтобы лошадь и не думала опускаться.

Рот лошадиный на таком мероприятии обычно рвется в кровь.

Мощнейшие лошадиные губы не выдерживают рывка, а закровеневшие глаза вылезают из орбит.

Обычная шутка дрессировщика после (посмеиваясь): «Вставь ей глаза обратно».

Это обращение не к кому-то конкретно — ни к ассистенту, ни к коноводу.

Скорее к богу, к тому бессильному лошадиному богу, который, видя все,— уже ждет душу этой цирковой лошади.

Да, забыл: когда все кончается — трясушейся мокрой лошади суют в разорванный рот нарезанную кружочками морковку.

Перепахканная кровью морковка сразу вываливается и раскатывается по манежу.

Да стоит перед глазами вашими сцена эта, когда вы в следующий раз поведете племянника в цирк!

Здесь, например, лошадей приучают непременно покакать перед выходом на манеж. Исключительно для того, чтобы этого не случилось на манеже, при публике, так как каканье омрачает представление.

Как учат?

Да просто — бьют в деннике, перед выходом на представление.

В процессе избиения лошадь, ничего не понимающая и точно знающая, что ни в чем не виновата, начинает страшно нервничать и возбуждаться — вследствие чего происходит дефекация.

Все очень просто.

Почти повсеместно такой способ практикуют «бабуины» — так на языке цирка называются те, кого в программках для публики именуют «джигитами».

А вот еще одна классная характеристика цирка.

Был у меня презабавный случай — надо было подготовить лошадь для съемок, причем она должна была, нападая на меня, свирепо скалиться и закладывать уши, как это делает всякая сильно разгневанная лошадь.

Скалиться (скорее гримасничать) я научил ее довольно быстро.

Нападения — вообще моя любимая тема, одна из главных игр, которым я сразу учу лошадь, так что с этим, разумеется, проблем не было.

Но вот уши жеребец, который был у меня в обучении и относился ко мне очень приятельски, полностью уверенный, что мы именно играем (как и было), никак на меня закладывать не хотел.

А в эпизоде, ну вот позарез закладывание ушей должно было быть.

Звоню своему приятелю — одному из самых знаменитых циркачей мира. Почтеннейшему мастеру.

Рассказываю ситуацию. Прошу совета. Слышу в ответ: «А ты ему проколи уши, вставь в проколы лесочки в масть — и пусть ассистент сзади лесочки дергает. Так уши и заложатся...»

Возникает дурацкий вопрос — «почему»?

Почему всего этого никто, кроме меня и еще пяти-шести человек, не видит и не хочет видеть?

Ведь все так потрясающе очевидно. И, к сожалению, однозначно.

Ужасно я был бы рад, если бы кто-нибудь смог произнести хоть что-нибудь внятное о болевой роли «железа».

Чудесно было бы, если бы хоть кто-нибудь смог опровергнуть все данные лошадиной стоматологии и вытереть ноги о сотни научных

трудов, фиксирующих огромные проблемы лошади от применения «железа»...

Еще лучше было бы, если термография, УЗИ, рентген и все прочие диагностические фокусы были бы объявлены бредом и шарлатанством.

Ну ладно цирк с его тайными полумистическими процессами, с его черно-цветным чревом, где под клоунский фальшивый хохот варятся, перемешиваясь, и люди, и лошади.

Подлинный цирк невидим, неизвестен и всегда лужу лошадиной крови на манеже присыпет сверкающим конфетти, да еще и спляшет и сжонглирует на этой луже, так что лох ничего не поймет и не разглядит крови, а увидит только блески и паясничанье.

Но конный-то спорт в его обычном виде свершается у всех на глазах!

Представьте на секундочку, что группа лиц, принарядившись и расфуфырившись, публично собралась, чтобы прилюдно, открыто, торжественно отрезать лапы котенку или выдавить глаза козе!

Причем собралась, чтобы не просто отрезать лапы котенку, а посоревноваться в скорости и чистоте отрезания.

Или устроила бы конкурс на скоростное отрывание ушей спаниелю... Тяжелое, наверное, дело, между прочим! Еще поди — выдерни. (Тоже можно объявить видом спорта.)

Понятно, что нормальные люди собрались бы и долго эту публику били, а потом отправили под замок.

Но на любых соревнованиях по конному спорту мы видим по сути то же самое — совершаемое ради забавы истязание поразительно благородных и поразительно беззащитных существ, именуемых лошадьми.

Просто надо внимательно наблюдать не за тем, перепрыгнула лошадь крашенные палочки или не перепрыгнула, а всмотреться в ее глаза, в ее рот.

Чтобы за мишурой соревнования разглядеть мучения — следует просто переключить внимание с сюжета... на саму лошадь. Это нелегко.

Конный спорт... Лошади, вообще-то, спортом не занимаются.

Но даже по самым тупым и традиционным человеческим меркам конный спорт по сути своей не может даже считаться спортом как таковым.

Спорт — это рекорды, победы, но рекорды и победы, купленные ценой собственного пота, здоровья, собственной крови и преодоления себя.

А конный спорт (если разобраться) есть паразитация человека на физических возможностях другого существа, абсолютно не согласного заниматься спортом и принуждаемого к этому болью и побоями.

Какой же это, к черту, спорт?

Почему так нагло трещат по телевизору толстые тетки в шляпках, как у старого гробовщика? Открыто существуют федерации этого «спорта»... транслируются соревнования?

Дичь какая-то.

Понятно, что привычку истязать лошадей быстро не искоренить, но истязатели и место свое должны знать, собираясь лишь где-нибудь тайком, за помойками и вздрагивая от каждого милицейского свистка.

Мне порой приходится бывать на спортивных конюшнях.

На всяких.

И на убогих, и на очень навороченных.

Везде всегда одно и то же.

Раньше я спокойно шел по конюшненным проходам, просто стараясь не глядеть в глаза лошадям.

Я убеждал себя, что те лошади, которых воспитываю я или мне подобные люди, лошади, которые не знают побоев, наказаний «железа», приспособлений,— это лошади с открытым сознанием, понимающие все полнее, правильнее и вообще по-особому.

Я полагал, что воспитанные мною (или подобными мне людьми) лошади образуют чуть ли не особую касту в лошадином мире, а несчастные лошади в спортивных конюшнях — это совсем другие лошади, сознание которых не открыто, которых превратили в идиотов, в спортивные снаряды.

Думать так очень удобно, но это абсолютная глупость.

Это тоже — высокомерие человекоподобного примата, который полагает, что сотня часов общения с ним качественно изменяет поразительное по своему совершенству творение бога.

У них открыто сознание, и каждая понимает, что к чему в этом мире и какую огромную беду для каждой из них в отдельности и для всех вместе — для гигантского, всемирного табуна — олицетворяет человек с его тупостью, жестокостью, высокомерием и теми садистскими приспособлениями, которые обслуживают его жестокость и высокомерие.

И каждая лошадь — конкурная, рысистая, скаковая, троечная, любая — точно знает меру человеческой глупости, знает, что все эти три тысячи лет, что мы (лошади и люди) провели вместе,— все могло быть иначе.

И им бы для этого меняться не пришлось.

Чтобы любить и дружить, им надо было бы всего-навсего оставаться лошадьми.

Пришлось бы меняться нам.

Впрочем, эпоха безграничного торжества йеху заканчивается.

Пройдут годы, и человечество со стыдом будет вспоминать свои убогие дикарские забавы вроде конкуры или троеборья.

Вспоминать с таким же стыдом, с каким сейчас вспоминает работорговлю, каннибализм или концлагеря.

Позабудутся, как страшный сон, тройки, скачки — все людские забавы, где подчинение лошади основано только на ее боли или на страхе боли и побоев.

Впрочем, даже теперь, зная, чего стоят лошади примитивные забавы спортсменов, любителей троек или бегов, зная, что, какие бы ни говорились слова и какие бы ни придумывались оправдания,— здесь все достигается истязанием лошади,— смотреть на это уже и теперь тяжело и омерзительно.

Как же гениален был Джонатан Свифт, написавший своего йеху!

И все же... эпоха йеху заканчивается.

Если раньше зло и глупость царствовали безраздельно, определяя судьбу каждой лошади, то сегодня уже имеет место противостояние.

Конфликт добра и зла уже начался.

Конфликт двух взглядов на лошадь и ее отношения с человеком.

Мы — в самом начале этого конфликта, исход которого, слава богу, предрешен.

Вопрос времени.

Ибо что бы там ни писал гениальный Джонатан Свифт, человек и йеху — существа все же совсем разные.

^a *Стиль-чез* — скачка с препятствиями.

^b *Берейтор* — человек, который думает, что учит чему-то лошадь.

^c *Каудальный отдел* — от лат. *Cauda* — хвост.

^d *Цервикальный отдел* — от лат. *Cervix* — шея.

^e *Краваш* — длинный хлыст без веревки на конце.

тро.

Огромный высокосводный учебный манеж.

Раннее яростное солнце на готических арках стен и в витражах окон.

В арках притихли толстомордые манежные воробьишки.

Передо мной — вороной жеребец четырех лет.

Тоненький, долгогривый, пылкий, равно готовый и влюбиться, и возненавидеть.

Он очень суетлив, очень заведен, но не по природе, не по складу, а по деликатным обстоятельствам своего крайне юного возраста.

У него режутся зубки, и весь рот, разумеется, полыхает огнем.

Из воспаленной десны лезет большой боковой резец, выпирая собой молочную зубку.

Есть страшный соблазн помочь резцу, вытащив зубку пальцами. Я вижу, что жеребец потрясающий, что — если не напорчу, не ошибусь — он будет волшебным конем.

Очень хочется вытащить молочную зубку и сохранить на память.

Смеюсь.

Он стоит, напрягшись, передо мной и орет во всю дурь своих огромных легких. Несмотря на крайнюю молодость у него сложная судьба.

На деснах — едва поджившие язвы от «железа».

Помучили, видать, мальчишку.

Он орет, обращаясь не столько ко мне, сколько к огромному объему пустого манежа, куда он вошел в первый раз.

Доспехи на стенах, арки, пиляры, витражи, пришипившиеся воробьишки, столбы солнца, тени, огромные зеркала, дым моей трубки... — ничто его не пугает.

Храбрый парень.

Помимо истории с зубиками и язвами на деснах у него еще и очень богатый сексуальный опыт.

В четыре года у него двое детей!

Какие-то дуры на колхозной конюшне, подобалдев от его статей и масти, подряд крыли им всех, кто еще мог принять жеребца.

Ожеребились двое.

Как бы и не очень существенно, но мальчика, что называется, втянули в радости секса.

По крайней мере, приехав вчера и впервые увидев наших кобыл, он устроил долгую радостную истерику, закончившуюся актом публичного онанизма.

Конюха Анфису, которой «посчастливилось» оказаться в эту минуту перед ним, забрызгало так, что она глаз не смогла разлепить.

Мощен, парень.

Яйца черные, огромные, наливные.

Огромные настолько, что при его мальчишеском тщедушии кажутся перешитыми от тяжеловоза.

Компьютерное термографирование, позволяющее увидеть любое, малейшее воспаление в коже, под кожей, в мышцах, отфиксировало следы недавних побоев хлыстом на плечах и крупе.

Удивительно, но на плечах удары сильнее, чем на крупе. Обычно бывает наоборот.

Можно было и не термографировать.

Понятно, что били.

Каоги Ич-Ичага.

Это его новое имя.

Когда лошадь приезжает ко мне — ей всегда, как во всяком монастыре, как при всяком начале новой жизни — дается новое имя. Старое забывается вместе со всем, что было до появления в нашем манеже.

Каоги Ич-Ичага — «заколдованный ворон» в переводе с лакотского. Очень ему, антрацитово-вороному, подходит.

Поорет, побычится на меня, покопает.

Подойдет, фыркнет на дым из трубки, снова набычится.

Как-то рано раскрепостившись, воробьи позволяют себе обсуждающее щебетанье. Еще не общее, но уже отчетливое.

Я все смеюсь.

Жду, что будет, когда вороной мальчишка увидит себя в зеркалах.

Пока ему было не до зеркал — он изучал меня.

Но вот с потрясающим, киношным развеванием гривы он недовольно мотнул головой и всей шеей — и на мгновение зацепил глазом собственное отражение в ближайшем большом зеркале.

Бабах!

Ого!

Это уже не человек, который есть мерзкое, но банальное обстоятельство.

Это уже свирепый и наглый черный конь, что живет здесь.

Конь гневается и суетится, вымахивая шеей приглашение подраться.

И маленький Каоги начинает бой.

Боже, великий лошадиный боже, какой же он отважный, этот малыш!

Ни разу не попытался ударить задом! Все передом (очень хороший признак). Молотит передними ногами, ходит на свечке, орет.

Манежные воробьи немеют в полном ужасе, суетливо закакивая щербатые арки.

Слава богу, зеркало настолько высоко, что Каоги не достать копытами и зубами до живущего в готическом манеже наглого жеребца. Но стенке достается. А вороной нахал оказывается трусом и исчезает. Без следа. Где он?

Гневно-внимателен из-под густейшей челки глаз маленького Каоги. Но зеркало пусто.

Хозяин манежа скрылся, трусишка. (Зеркало, как я уже сказал, висит достаточно высоко на стене, и, когда мой свирепый малыш подходит под стену, отражение пропадает.)

Впрочем, если чуть-чуть отскочить ближе к середине манежа, нахал в зеркале тут как тут.

И Каоги снова прогоняет его.

Уже увереннее.

Воробьи явно на стороне Каоги. Начинают нежненько, но бойко пощebetывать.

Черный снова появляется в зеркале.

Каоги вздымается, набегает, грохочет по стене копытами — и нахал снова исчезает.

На третий раз появление наглеца, который только и умеет, что побыковать издалека, а как доходит до дела — сразу пропадает, уже не интересуется малыша.

Он отставляет зад, распускается и толстенной, мощнейшей струищей, пробивающей манежный песок черт знает на какую глубину, победно мочится на захваченной земле.

Теперь этот манеж, эти щербатые арки, столбы солнца и витражи — все теперь его.

Воробьи уже галдят с очевидными нотками восхищения.

Меня все это, пока, вполне устраивает.

Я знаю, что сейчас, воодушевленный победой, малыш Каоги обязательно начнет разбираться непосредственно со мной.

По идее, увидев такое черное ослепительное чудовище, как то, что сбежало из зеркала, маленький Каоги по всем правилам приличия обязан был бы подбежать и, закосив головку, показать эдакий заискивающий полуоскальчик, узко растянув губы, чтобы, не дай бог, не показать лишних зубов, кроме передних.

Это умильно-дурацкое выражение означает желание немедленно и бесповоротно «построиться».

Любой жеребенок в любом табуне такую физиономию сто раз на дню должен скорчить.

И чтобы просто пройти мимо любого из старших, и чтобы не напороться на скандал с собственной мамой тоже.

Я немножко знаю табун, в котором вырос Каоги. Правила в нем ныне покойная, рыжая Химера, та еще авторитаршица.

Очень внимательная дама по части соблюдения внутритабунных ритуалов.

Гнедая, толстобокая Династия, непосредственная мамаша красавца Каоги, никогда даже в адъютантшах не хаживала у Химеры.

Она могла лишь взволнованно глядеть на то, как Химера «строит» ее малыша, который не так пробежал, не туда прошел, не так полежал и так далее.

Возражать Химере не полагалось.

К чему вся эта лирика?

Да к тому, что странно выглядит храбрость юного Каоги.

Обычно так отважно ведут себя лишь дети доминантных кобыл, которым действительно в табуне разрешено больше, чем остальным.

А тусклое, забитое детство этого малыша уж никак не предполагало такой доблести в сопливом четырехлетнем возрасте.

Но факт есть факт — мальчишка отчаянно храбр и дерзок.

Понимаю, сколь забавно это звучит, но ближайшая моя задача — вызвать в свой адрес такую же умильно-дурашливую гримаску почтения, какую, будучи жеребенком, Каоги обращал к покойнице Химере.

Причем средств у меня поменьше, чем у Химеры, царствие ей небесное.

Я не могу ударить.

К сожалению, не могу укусить и затолкать грудью или крупом.

Я никогда не надену на коня уздечку, чтобы болью от «железа» указать ему на его место, место раба.

Я никогда и ни за что, даже в шутку, не тресну его хлыстом, зная, что это — путь в никуда.

У меня есть только сухая веточка боярышника и некоторое знание того, как завоевывать лошадиные сердца.

И все.

А нужно мне очень много — исключительно искреннее и добровольное признание меня (существа абсолютно убогого, с точки зрения лошади) старшим братом, другом, который чуть-чуть главнее, с которым не скучно.

Причем, все, что составляет обычно предмет человеческой гордости, в этой ситуации ничего не стоит.

Лошадиный взгляд огромных, настороженно-грустных глаз из-под челки мгновенно девальвирует всю суету, из которой на 99% сделан человек.

Титулы, звания, деньги, машины, ученые степени, политика, имущество, религия, марка мобильного, ордена, причастность к спецоперациям или покорению космоса — все это в глазах лошади полная фигня.

Ни одна вменяемая лошадь никогда не признает твоего старшинства на том основании, что ты — человек, то бишь кто-то там из отряда приматов, секции узконосых.

Это вообще не основание. Это твои проблемы.

Переоценка воспитателем этого обстоятельства (принадлежности к секции узконосых) сделает всякие серьезные отношения с лошадью абсолютно невозможными.

Оставаясь наедине с лошадью, душу которой ты хочешь заполучить (а иначе воспитать и научить лошадь невозможно), надо вернуться.

Спокойно вернуться на несколько миллионов лет назад, к абсолютной биологической первобытности, к статусу просто живого существа, которое по причине общности метаболизма, физиологии, клеточного строения, а главное обстоятельств, хочет быть вместе с другим живым существом и имеет на это некоторое высшее право.

При этом все же следует помнить, чем были наполнены эти миллионы лет, и в основном хорошо известные последние три с половиной тысячи... Всегда надо помнить об ошибках и стыдиться принадлежности к разившимся приматам.

Еще очень полезно помнить о глупости, жестокости представителей твоего вида и вине твоего вида перед лошадью.

Правда, если вы будете держать в голове всю эту вышперечисленную чепуху про приматов, вину, метаболизм, — у вас никогда ничего не получится.

Великий всадник современности, гениальный каскадер и воспитатель лошадей, мой учитель Марио Люраши говорил: «Либо ты человек-лошадь, либо нет. Если нет — учиться бесполезно».

Ну вот, кажется, и моя очередь наконец пришла.

Окончательно изгнав «зеркального» нахала, Каоги теперь вызывает на бой меня.

Фальшивый птичий восторг обитателей арок — безграничен. (Каоги еще не понимает их двуличности и абсолютной корысти помыслов.)

Подбодренный победой и льстивым щебетаньем толстомордых манежных воробышков — он наступает.

Делает это он, правда, не так, как зрелые жеребцы, а, скорее, как жеребята.

Наскакивает с резкими поматываниями головой и шеей, причем настолько резкими и широкими, что порой еле держится на ногах.

Я, собственно, не собираюсь исчезнуть в зеркале, мне этот бой ох как нужен!

Я весело подзуживаю Каоги на схватку, дерзко треща прутиком боярышника по песку его манежа.

Но мое веселье и спокойствие настораживает юного жеребца.
Вроде бы я и дерусь, но как-то слишком спокойно и весело.

Малыш остановился в большом солнечном столбе, призадумался, жутко разволновался — и, как следствие, сразу наложил огромную парящуюся кучу.

Вот тут-то и выяснилось все двуличие его группы поддержки.

Не нужен был толстомордым манежным воробьям красавец Каоги, плевать им было на его победы.

Они ждали парного навозу.

Прославляющее чириканье смолкает — вся воробьиная туча уже в солнце, на навозе и уже всюю дербанят кучу, растаскивают, расклеивают, раскапывают, пока тепленькая.

Я делаю шаг вперед, замахваюсь и хлещу прутиком по песку.

И тут же отступаю, поскольку много раз в жизни играл эту «пие-су» и знаю ее наизусть (я же тоже лошадь).

Каоги бросается, еще удивленно, без злобы, уверенный в очень легкой победе.

Я: Щелчок по песку. Шаг вперед.

Као: Подъем на задние ноги и жеребцовское хрюканье. Условный бросок на меня. Запугивает.

Я: Еще щелчок, еще. Наступаю.

Као: Отскакивает, подняв с парящегося навоза всю воробьиную тучу. Но тут же мгновенно разворачивается на заду — и, разметав головой и грудью пяток взлетевших воробушков, снова вздымается с оскалом и долго-долго стоит в луче, осененный кружащимися перышками и пухом.

Я: Еще щелчок. Надо выманить его из луча, спровоцировать не на угрозы издали, а на налетание прямо на меня, до контакта.

Као: Вздымается и машет ногами. Пока метрах в пяти.

Я: Еще щелчок и три резких шага на него, щелчок по песку перед ним — и отступление.

Као: Налетает, налетает, выманился из луча! Подскакнув — вздымается, так что копытца где-то у меня над головой, да еще и во всю мощь длинной вороной шеи — стреляет в меня головой с оскаленными, крепко щелкающими зубками. Кусить хочет, что понятно.

Я: Уворачиваюсь. Маленький, конечно, и зубки режутся, а килограммов пятьсот уже весит.

Као: Еще наезд! Уже совсем яростный, с хрюканьем и попыткой вцепить мне копыто в лоб.

Стоп! Здесь я, оттеснив жеребца в его луч, хвалю и пытаюсь вознаградить его ярость овсяным печеньем.

Хвалю и по-испански, и по-французски, и по-лакотски.

Хвалю уверенно, голосом старшего: «Ната'н'пи! Чие чик'ала. Ната'н'пи!» (Нападает... маленький братик, нападает.)

Хвалю долго и проникновенно, как будто бы он, отважный малыш Каоги, выполнил какое-то очень важное и трудное мое задание.

Так и происходит: он нападает, я хвалю и наконец добиваюсь своего — он начинает брать печенью.

Нападает — получает.

Нервничает жутко, печенью отрывает вместе с пальцами, крутит глазом, топочет и раздувает ноздри, как после трех километров галопа.

Но берет.

Выясняется, что он еще и жутко честолюбив. Пока не выслушает все восторги — снова драку не начинает.

А я тоже молчу своим дразнящим прутиком — и шелканье по песку начинаю лишь отхвалившись.

Он дожидается окончания похвал, прутикового шелчка — и снова добросовестно воет, но уже не целит в меня, а так, обозначает.

Свои тигриные оскалы и попытки яростно куснуть он как-то и подзабросил в друг. Так, еле пощелкивает зубками.

Контуженные воробьи расселись вокруг нас, в песке, обалдело выставив перемазанные навозом клювики (обалдение лицемерно, они видели эту процедуру не раз).

То, что начиналось как драка двух жеребцов, постепенно превращается в балет, где Каоги за каждое яростное па и амбуатэ^а — немедленно требует похвал и печенью.

Реальность меняется.

Больше нет незнакомых и ничем не связанных жеребца и примата, чужих и страшных друг другу, столкнувшихся ранним августовским утром в огромном манеже с готическими арками.

Малыш Каоги и сам не заметил, что его начали учить... и что у него появился учитель.

Пройдет совсем немного времени, и отношения с малышом станут совсем другими. Я буду играть с ним в иные игры, втягивая ими жеребца в отношения со мной — все дальше и дальше.

Это будут разные игры, совершенно фантастические порой, но мы с ним никогда не забудем ту первую игру ослепительным августовским утром — игру, которую сероволосые лошадиные заклинатели в прериях называли «Ната'н'пи» — «атака».

«Ната'н'пи», разумеется, хореографизируется, рафинируется, из нее исчезнет всякая адреналиновая составляющая, и она станет просто способом общения двух очень разных в прошлом существ, которым хреново друг без друга и потрясающе весело вместе.

Дело в том, что, если есть общая игра,— есть отношения, а если есть отношения,— есть все. А если есть умело выстроенные отношения, которыми дорожат обе стороны, — есть дружба. (Я понимаю всю условность этого понятия.)

А если есть дружба — есть добровольное, осознанное желание лошади признать старшинство, так как любая дружба по природе иерархична. (Иногда, правда, главную роль в такой дружбе захватывает лошадь. Но это уже вопрос умения и таланта воспитателя.)

А тут — тут открывается нечто совершенно потрясающее.

При наличии подлинных отношений с лошастью делаются абсолютно ненужными любые средства принуждения или болевого контроля и становятся возможными любые трюки и фигуры «Высокой Школы».

Уже сейчас — а прошло около шести месяцев с того момента, как Каоги Ич-Ичага впервые поставил копыта свои на грунт моего манежа, — малыш легко ложится и садится по свисту, начинает пассажировать и пиаффилировать, делать тер-а-тер и пируэты, ходит испанским шагом, и все это — как на полной свободе, так и под седлом, без всяких, разумеется, уздечек и тому подобной гадости.

И что самое, наверное, главное, наиважнейшее.

Работа лошади, остающейся свободной,— это не экстремальщина и не экзотика. Это единственный способ не сделать ее инвалидом.

Я не заставляю ее, да и не могу заставить (у меня нет никаких средств принуждения), сделать что-либо, что может причинить ей боль или травму.

За ней всегда остается право отказаться от того, что покажется ей неудобным или болезненным, а при насильственном повторении могло бы привести к тем жутким последствиям, что характерны для лошадей в спорте (см. термограммы).

Сейчас Каоги счастлив.

Он очень прилежно учится и воспитывается.

Разумеется, его главной гордости — огромных черных яиц — не коснулся нож ветеринара. Он очень, очень интересуется девочками. Но как-то в рамках приличия.

Раньше он вел себя как пьяный грузчик.

Главное было забрать и вставить, а уже потом разбираться, на кого залез, и знакомиться, если вообще возникнет такая необходимость.

А теперь появилась стилистика денди на парижском бульваре.

Красуется, кокетничает, перестреливаясь глазками с прелестницами и лишь на иную наводя «лорнетку» чуть подольше, чем этого требуют традиции бульвара. («Лорнетка», правда, подросла и теперь имеет в длину не менее семидесяти сантиметров.)

Его молочный зубик, который у меня так чесались руки вытянуть и сохранить на память, сам собой вывалился и потерялся.

То ли в опилках денника, то ли еще где-то.

Его вороным роскошным телом, мощным и яростным, можно было бы овладеть достаточно просто.

Кастрировав.

Нацепив «железо», арниры, взяв вожжи для работы в руках,— самое дегенеративное и садистское из всех приспособлений, позволяющее усилить болевое действие «железа» в сотни раз.

Сев верхом, подавляя его нежелание быть вместе, его возмущение умелым причинением боли во рту, в затылке, в шее...

Но это будет просто овладение телом.

Скучное изнасилование.

Я бы не хотел в этой книге обсуждать такие способы воспитания. Да и не воспитание это вовсе — обычное скотство. Оставим его спортсменам.

Но мне... «Шунка-вакан килэ наги-ки уачи йело» — мне нужна душа этой лошади.

Так уж сложилось исторически, что именно лакотский язык, умирающий язык североамериканских племен сиу (тетон-лакота или тетон-сиу, оглала-сиу, миннеконжу, хункапа-сиу, черноногие, итазипчо) с легкой руки сегодняшних мастеров Haute Ecole, а в основном с моей, поскольку я серьезно занимаюсь лакотским, — стал главным языком школы, и почти все термины, за исключением некоторых неизбежных французских, итальянских и испанских,— это слова индейцев сиу.

Возможно, это произошло потому, что североамериканские индейцы пользовались языком, потрясающим по своему древнедикарскому звучанию и энергетике, совершенно экзистенциальным, в фонетическом смысле этого слова, языком, который лучше всего понимают лошади.

Тут даже особой мистики нет, просто есть то расположение гласных и согласных, которое лошадью усваивается проще, чем слова на русском, или немецком, или английском. (С другой стороны, причиной этому могут быть существующие очень стойкие и прелестные мифы об индейских заклинателях лошадей, в которые я заставляю себя верить.)

Кстати, и весь процесс воспитания тоже имеет лакотское название — «су-ичаго-пи» (буквальный перевод — проращивание зернышка). Есть французский термин, тоже достаточно точный, употребляемый Грюссом, Люраши, Эмбером — «L'education».

Так вот, игры, причем любые,— как были, так и остаются лучшим началом, лучшим способом установки отношений человека и лошади.

Безупречность работы под седлом, готовность выполнения без уздечки любых сложных элементов — все это начинается с игр и установки правильных отношений.

Все иерархические тонкости тоже устанавливаются в играх.

Поскольку человек все равно, как ни крути, выступает «заказчиком» музыки и инициатором, по воле которого такая потрясающая штука, как игра, начинается и заканчивается.

Вот уж не знаю, стоит ли вообще об этом говорить, или это и так понятно, но, разумеется, никогда, ни при каких обстоятельствах, ни в какой ситуации — лошадь нельзя ударить.

По разным причинам.

Начнем с причин технических.

Хлыст, краваш, прутик, шамбарьер и большой шамбарьер — на самом деле тончайший инструментарий корректировки высоты подъема ног, положения корпуса, степени подведения задних ног под корпус, высоты выноса груди и тому подобных нежнейших нюансов движений лошади при ее воспитании, особенно если она воспитывается для исполнения сложных движений и фигур.

Прикосновения хлыста должны быть исполнены такой разумной нежности, такой деликатности, чтобы лошадь даже никогда бы и не заподозрила, что у хлыста есть какое-нибудь иное, дебильно-спортивное, предназначение.

Для нее хлыст — это всегда помощник, подсказчик, чертовски симпатичный атрибут воспитания, от которого не надо ждать боли или подлости.

Однократное причинение хлыстом боли (при ударе) мгновенно выводит хлыст из статуса некоей дружественной вещицы.

Двукратное или многократное — учит лошадь бояться хлыста, то есть лишает воспитателя основного инструмента.

Простые примеры.

Когда я «с земли» учу лошадь делать тер-а-тер, я вынужден ограничивать высоту подъема груди, легонько тушируя ее прутиком. Если я не буду подсказывать лошади, что грудь выше вздымать не требуется, то тер-а-тер превратится просто в серию псадок (маленьких свечек), и лошадь не будет успевать сделать задними ногами то движение, что обеспечивает на этой фигуре продвижение вперед. Рукой я до груди не дотянусь, ведь лошадь на тер-а-тере движется в ритме пусть и очень короткого, но галопа.

Прутик — единственный ограничитель и подсказчик.

Та же история и при обучении с земли пассажи, пиаффе, дузу, да практически любому элементу.

Если хоть раз прутик, краваш или хлыст превратится в причинителя боли — всё, какую, пиши пропало — лошадь начинает бояться его прикосновений, его вида, его свиста. У меня больше не будет возможности регулировать движения. Ударить лошадь хлыстом может либо идиот, либо человек, который хочет ничему лошадь не научить.

Гениален был Молчальник де Нестьер.

Он очень мало говорил.

Даже короля, которого он учил верховой езде, он редко удостоивал целой фразой.

Как-то в его манеже присутствовал и король, и какие-то вельможи, наблюдавшие работу великого мастера с лошадьёю.

Де Нестьер, стоя на земле рядом с андалусийской гнедой кобылой, которую держал помощник, — учил ее пиаффировать.

В обеих его руках были форпайчи (что-то вроде малого шамбарьера, большие хлысты), у ног лежали свежесрезанные прутья боярышника, помощник, находившийся рядом, держал большие шамбарьеры и краваш.

Кобыла была мало расположена пиаффировать, она то пыталась укусить де Нестьера, то поддыбливала, то перла вперед, то осаживала.

На все попытки объяснить ей необходимость подплясывать задом, поднимая задние ноги повыше, она, что называется, отбивала (в переводе на общечеловеческий — пыталась лягнуть хлыстик, которым де Нестьер легонько тушировал ее над копытами).

Так продолжалось достаточно долго.

Де Нестьер, насвистывая, невозмутимый, продолжал туширование. Лошадь откровенно безобразничала.

Недоуменнейшими взглядами обменялся король с принцами крови и мигнул одному из них, молча показав на де Нестьера.

Тот подобрался со спины к мастеру и нашептал то, что прочел в глазах короля: «Отчего бы не врезать ей хорошенько?»

Молчальник даже не повернул головы (мастер не удостоивал своими репликами каких-то принцев крови).

Он продолжал тушировать.

Кобыла же продолжала слегка бесноваться.

Король закатил глаза. Сделал шелковой перчаточкой загадочный жест свите и сам подошел к де Нестьеру: «Почему ты ее не ударишь?»

Де Нестьер, держа в обеих руках хлысты, повернул к королю голову: «Мне нечем», — ответил он.

Антуан де Плювинель однажды был вынужден достаточно резко одернуть короля, которого учил искусству работы с лошадьёю.

Король попытался ударить лошадь хлыстом. Плювинель тем хлыстом, что был у него, шелкнул короля по руке. Как я понимаю, сильно.

«Есть много способов воспитать в лошади ненависть к человеку. Этот способ, — он указал глазами на хлыст в руке короля, — самый легкий».

Тут же Плювинель пояснил (цитирую): «Я утверждаю, что ни в каком случае нельзя бить ни в начале занятия, ни в середине, ни в конце».

его...» (Плювинель вообще был первым из великих мастеров, кто за-
прещал своим ученикам бить или наказывать лошадь.)

Не случайно введенный в XVII веке отцами-«отэколыщиками» тер-
мин «туширование» происходит от французских слова «l'attouche-
ment», что значит «прикосновение», и «la touche» — «клавиша».

Иными словами, хлыст — это некая дирижерская палочка,
которой нельзя ударить ни в коем случае, так как изменение его
статуса создает неразрешимые проблемы при воспитании и обу-
чении.

Нормальная лошадь даже на самые грозные манипуляции с хлы-
стом у нее над головой, над ушами, перед лицом, над крупом — долж-
на реагировать в худшем случае абсолютно равнодушно, а в правиль-
ном варианте — приветливо, заинтересованно и с юмором.

Это — техническая сторона вопроса.

Есть и еще одна сторона.

Отношенческая.

Если вы подружились с лошадью (через игры), стали ее старшей
лошадью, защитником и покровителем, то всякий удар, будучи обыч-
ным предательством, — разрушает отношения напрочь.

Это в особенности невозможно, если лошадь воспитывается «го-
лой», без всяких спецсредств, когда у нее на груди только кордео, то-
ненький плетеный, свободно болтающийся ремешок, чистый символ
урока, которым нельзя лошадь ни удержать, ни повернуть, ни сделать
ей больно даже в малейшей степени.

Кордео, будучи глухо зашитым в кольцо, не может явиться ни удав-
кой, ни средством управления. Кордео — это всего-навсего обозначе-
ние для лошади, что время игры кончилось, и сейчас наступило время
серьезного занятия.

Есть на груди кордео или нет — лошадь одинаково свободна, и лю-
бой удар вызовет у нее желание удалиться на некое безопасное рас-
стояние. Удержать силой лошадь на кордео нереально. Это все равно
что пытаться удержать ее за гриву.

А ее искреннее желание быть рядом, вместе, тесно, всегда — фак-
тор наиважнейший, ведь почти весь воспитательный процесс прохо-
дит, что называется, «в руках», когда мастер не верхом, а на земле,
рядом с лошадью.

При любом ударе теряется то, ради чего, собственно, все и затева-
лось,— доверие, контакт и желание быть вместе.

Ведь именно доверие и желание быть вместе есть основные, базо-
вые установки, только при наличии которых возможно правильное
воспитание лошади.

Лошадь, которую ударил человек, вместе с этим человеком быть не
захочет. Это, наверное, понятно.

Многое, разумеется, придется потерпеть. Молодые лошади страш-
но расположены к шалостям и кусательству.

Режущиеся зубки (а режутся клыки, например, аж до пяти лет, а моляры до пяти с половиной) провоцируют молоденькую лошадь все время как-нибудь безобразничать ртом.

При мягко-ироничной реакции воспитателя — и шалости, и кусательство довольно быстро проходят.

Порой, правда, эту мягко-ироничную реакцию приходится выдавливать из себя буквально сквозь слезы боли от особо удавшегося лошадиного укуса.

«Укус» все же неправильный термин. Молодые лошади скорее щиплются. Если бы лошадь укусила, то легко бы оттяпала пол-ладони.

Одна из моих кобыл, чистокровка Ташунко-Уашшта, в детстве жрала мои руки с такой страстью, что я не вытерпел и проводил занятия в стальных перчатках от рыцарского доспеха. Она, пошаркав несколько раз по стали зубами и выяснив, что это абсолютно неинтересно, — скоро вовсе бросила привычку кусаться.

Вообще, желание кусить, вернее щипнуть, — это нормальная шалость, нормальное желание подрастающего жеребенка спровоцировать веселейшую ситуацию.

Щипнул — отскочил — за тобой погнались!

Класс!

По-моему, тоже — это ужасно весело.

Такие вещи надо понимать и уважать. Любая энергичная (даже и доброжелательная) реакция воспитателя на щипок — для лошади есть свидетельство того, что игра началась.

Только абсолютная невозмутимость, ирония и хладнокровие воспитателя — это знак того, что он в эту игру не играет.

Но это все уже лирика, давайте все же покончим с темой любого битья, которое в мире «лошадников» есть необсуждаемая норма.

Битью — и вульгарному, и изощренному — придумано множество синонимов.

Тут используются любые словечки — от «наказания», «вразумления» до совсем уже откровенных терминов — типа «снять с хлыста» (популярно в конкуре и служит обозначением резкого удара хлыстом по крупу, заставляющего лошадь сигануть через крашенные палочки). Самыми употребительными, впрочем, были, есть и будут различные нецензурные заменители слова «бить».

Бьют больше всего именно в процессе обучения и дрессировки, когда неумело пытаются объяснить лошади, что же от нее требуется.

Хитрят и пакостничают спортсмены страшно.

Жокеи, к примеру. По идее, у них есть право прилюдно бить лошадь от души сколько захочется. Скаковые правила не оговаривают количество допустимых ударов во время скачки (либо, как в некоторых странах, количество ударов регламентировано, но их достаточно много).

Но этим гаденышам, вероятно, мало, и *изобретается особый* вид хлыста с аккумуляторами в ручке и проводками в хлысте, который помимо обычного удара может еще и очень сильно ударить током.

Емкость аккумуляторов позволяет жახнуть лошадь током 10-15 раз. (В 1999 году в использовании такого хлыстика был случайно уличен Б. Пэттинна (Арканзас Дерби), в 2003 — А. Югович. Это только официальные, громкие скандалы, тысячи подобных случаев остаются неразглашенными, хотя о них все знают.)

Надо сразу оговориться — мое воспитание, или те методы, о которых я расскажу ниже, не имеют ничего общего с так называемой «дрессировкой».

Дрессировка считается словом ругательным, и считается справедливо.

По сути она есть лишь выработка определенных рефлексов в ответ на болевые или вкусовые раздражители.

Дрессировке место в цирке и в спортивной выездке, которая, кстати, как спортивная олимпийская дисциплина, так и называется — «дрессаж» (то есть самая примитивная дрессировка, без исключений).

В цирке, как я уже говорил, исключения, как бы, есть. Но там и люди поталантливее, поартистичнее, чем в спорте.

По крайней мере у самых выдающихся цирковых лошадиников есть некое осознание позорности термина «дрессировка».

Помню знаменитого Алексиса Грюсса¹¹, французского циркача.

На какой-то мой вопрос о дрессировке он вспыхнул и потащил меня через черное чрево своего цирка в Булонском лесу, сквозь пропитанные опилочной пылью кулисы, мимо намытых шампунями слонов, мимо денников с текинцами и фризами, мимо цирковой кибитки, в которой сам Грюсс когда-то родился и которую возит с собой уже пятьдесят лет.

Вывел на манеж.

Там как раз собирали дневное представление, которое начиналось с карусельки из деревянных лошадок, на которых ассистенты Грюсса чего-то там выделывали очень милое и патетическое, не суть.

Короче, вытащив меня на середину манежа, Грюсс обвел деревянных лошадок ладонью и с чарующей простотой сказал: «Вот единственные дрессированные лошади в моем цирке!»

Ага, конечно...

Я много видел его репетиции. Видел всегда натуго пристегнутые арниры (те самые, которыми голова лошади намертво притягивается к груди). Видел, как при звуке шамбарьера у всех репетирующих лошадей вздрагивала кожа живота и чуть прикладывались уши (хорошо знают, что такое боевая сила шамбарьера, однако).

Я полагаю, очаровательно произнесенная фраза о деревянных лошадках была лишь словами. Цирк есть цирк.

При дрессировке интеллект лошади никак не востребован.

И от воспитателя тоже большого ума не требуется. Необходимо лишь знание того, куда ударить, где нажать, когда похвалить.

Лошадь, будучи феноменально умной по природе, принимает и эту схему взаимоотношений. Сквозь зубы, но принимает. (А что ей еще остается?)

Простым примером может служить обучение лошади ложиться по просьбе воспитателя или дрессировщика.

В цирке и в мире каскадеров этому учат с помощью штрабатов специальной системы веревок и браслетов, надеваемых на лошадиные ноги, с помощью которых лошадь многократно насильственно валят, а повалив, прикармливают, чтобы выработать у нее привычку ложиться по команде.

При сопротивлении — бьют смертным боем и прекращают бить только тогда, когда лошадь выполнит требование.

Технику описывать не буду — она достаточно мерзкая, но суть ее в одновременном выдергивании ног веревками и нарушении равновесия с помощью «железа» во рту.

Ну, грубо говоря, трое тянут за веревки, один уздечкой сворачивает лошади голову и шею. Делается это втроем, впятером, в зависимости от мощи, веса и темперамента лошади.

Причем проходит этот фокус далеко не со всеми лошадьми, а пакостность метода рано или поздно аukaется — и в самый неподходящий момент лошадь отказывается лечь. (Все без исключения лошади, которых учили ложиться насильственно, то бишь повалом, обязательно (и не раз) красиво подставляли своих дрессировщиков.) Близкое знакомство практически со всеми знаменитыми лошадьми цирка и кино позволяет мне утверждать это.

Обычно «подставы» происходят в тех случаях, когда лошадь точно знает, что основной метод убеждения — зверское битье — невозможен (на шоу, на съемочной площадке, на манеже цирка — то есть при публике).

Лошади великолепно оценивают ситуацию — со стопроцентной точностью сканируя эмоции наиболее понятного им из всех присутствующих человека — и делают свои очень точные выводы.

Учуяв, что человеку не удастся ударить, поняв его бессилие, выяснив, что у мучителя нет основного способа воздействия, — лошадь немедленно посылает человека к широко известной матери.

Причины такого поведения лошади понятны и достойны уважения.

А что вы хотите — у нее отвратительные воспоминания о том, как это происходило в первый раз, у нее стойкие ассоциации с болью, страхом, неудобством.

У нее, в конце концов, есть понимание того, что ее сильно унизили в очередной раз, что такое глобальное, в понимании лошади, дело, как укладка на землю — совершено теми, кто не имел на это никакого права.

Поясняю.

Если вам в спину воткнули длинную иглу случайные приятели или вообще некто ненавистный и чужой, нормальная реакция — гнев, боль, обида, сопротивление и желание мести.

Если ту же самую иглу втыкает тот, кто имеет на это право, медсестра, к примеру, — вы еще и поможете втыкающему, расслабив по его просьбе мышцы и приняв наиболее удобную для него позу.

Точно так же и с лошадью.

Она готова исполнить все, но только в том случае, когда вы, с ее точки зрения, имеете право приказывать и руководить ее действиями и движениями.

Требование вожака, старшей лошади, для нее, по сути своей, справедливы и посему необсуждаемы.

Лошадь — существо мудрое, но немножко даже сдвинутое на своих представлениях об иерархичности и социальности.

Честно говоря, немного зная мир живых существ, я не могу назвать никого со столь же обостренным чувством справедливости, как лошадь.

А в понимании лошади дрессировщик или спортсмен — это прежде всего тот, кто пытается руководить, не имея на это никакого права.

Возможность бить и причинять боль не является никаким правом человека, превращает его только в вечного врага, но никак не в лидера.

Когда спортсмен или циркач, замотав лошадь ремнями и веревками, по сути связав и парализовав болью, устраивает так называемые «уроки послушания», желая доказать, кто в доме хозяин, — он сильно ошибается, полагая, что приобретает авторитет или некие права на старшинство в глазах лошади.

Покорность лошади, наступающая в результате применения таких методов, может радовать только существо с мозгами спортсменаконника.

Ничего не произошло.

Просто лошадь поняла степень боли, которую может причинить человек, и, чтобы избавиться от этой боли, — временно смирилась. Она великолепно оценила и запомнила набор приспособлений, вызывающих боль, — и уважила скорее их, нежели усмирителя.

Тот же самый усмиритель — если попытается сразиться по-честному, без всяких приспособлений, — будет немедленно сброшен и, надеюсь, убит и затоптан.

Если у такого усмирителя в решающую минуту порвется или потеряется что-то из арсенала его спецсредств — он обречен.

Это доказывает очевиднейшую вещь — в результате своих укротительных действий человек не приобрел никакого старшинства, никакого авторитета и никаких прав приказывать.

Примеров такого рода — миллион.

Приведу самый живописный и самый понятный.

И греки, и сарматы, и европейское рыцарство — вся публика, практиковавшая бой верхом и очень много сентиментальничавшая в прозе и стихах о своем единстве с боевым конем, — обязательно укрепляли повод, идущий от «железа» к руке, металлом (цепью или пластинами), который не позволял этот повод перерубить неприятелю. Они знали: стоит перерубить или порвать один только паршивый ремешок — и все, лошадь неуправляема, бой проигран.

1258 год. Прославленный своей храбростью король Арагона рубится с французами на полях северной Испании.

Рубится яростно и успешно.

И тут какой-то французский умник ударом меча перерубает королю поводья.

Королевская лошадь начинает метаться, затаптывая свою же пехоту и откровенно желая удрать подальше с храбрейшим из королей на спине.

Если бы все королевские оруженосцы не повисли на этой лошади и не связали поводья, восстановив управляемость, то ходить бы королю Арагона в последних трусах. Унес бы его конь с поля боя.

Известны примеры из английских средневековых войн эпохи Алой и Белой роз, когда неприятель перерезал поводья рыцарских лошадей, и, чтобы лошади не унесли сидящих на них рыцарей напрямик к врагу, где те были бы пленены или убиты, — свои же арбалетчики рыцарских неуправляемых лошадей расстреливали из арбалетов в живот или протазанами^b рубили ноги.

В очень густых и хаотичных боевых свалках, характерных для городских войн в Италии XV-XVI веков, достаточно было просто удачно схватить боевого коня неприятеля за мундштук, чтобы прямо с рыцарем вывести его из схватки. Пяток копейщиков должны были работать прикрытием, не позволяя рыцарю поразить хватателя.

Подобные случаи фиксировались и во время мятежа Бьямонте Тьеполо в Венеции (1310 год) и в Генуе, в момент конфликта Фиески с дожем Дориа.

Кроме прямых конфликтантов этим приемом достаточно широко пользовались тогдашние правоохранительные органы, задачей которых было разнимать дерущиеся кланы, выводя из схватки рыцарей-зачинщиков (клановые войны в Капуе).

Известно, что в битве под Танненбергом самого Ульриха фон Юнгингена¹², магистра крестоносного ордена, дикие жмудины убили

именно таким образом. Вцепившись в мундштук его коня, они лишили магистра всякой маневренности.

Затем стащили его с остановленного коня на землю и тут уже, спокойно и обстоятельно поискав, нашли все щелочки в его великолепных доспехах, куда и стали тыкать своими кривыми засапожными ножиками, пока магистр не помер от возмущения и, вероятно, щекотки.

Контрмеры, конечно же, принимались.

Бранше средневекового боевого мундштука щетинилось во все стороны десятком шипов, расположенных таким образом, чтобы ухватиться за мундштук не было никакой возможности (см. приложение).

Перечислять спортсменов, которые теряли управление лошастью из-за порвавшегося ремешка уздечки или повода, было бы слишком долго.

Однако вернемся к укладке лошади.

Когда мне нужно, чтобы лошадь легла, — я никогда не буду класть ее насильно.

Да я и не могу.

У меня нет приспособлений (веревки, железки, ремешки).

Мне нужно всего-навсего научить лошадь понимать меня и воспринимать как абсолютный авторитет, как старшую лошадь.

Понимают же лошади все мгновенно, с потрясающей скоростью. Будучи помоложе и потщеславнее, я частенько демонстрировал этот фокус, когда после двух-трех часов общения с лошастью я трогал ей прутиком ногу — и она ложилась передо мной, легко сообразив, чего именно я хочу.

Это всегда производило шоковый эффект, но ничего сверхъестественного в этом не было.

Вообще, разговор об укладке — не случайный, это очень важный момент воспитания лошади.

Просто задача у меня заключается не в том, чтобы положить лошадь на землю, а в том, чтобы она поняла, что я прошу ее лечь и что я имею право это просить.

Для этого я буду играть с ней, устанавливая в очень экстремальных играх свое старшинство, пока лошадь не начнет делать мне губами и всей физиономией табунную гримасу почтения.

Начну я с легоньких, в физическом смысле, упражнений, вроде ап-портировки, сдачи затылка на свободе, остановочек по свисту, установки ног на тумбочки и т. д.

Я буду аккуратнo, нежнейшим образом, все время прерывая занятие для очень веселой игры, убеждать лошадь, что мои желания многообразны, подчас странны, но довольно приятны для нее в принципе.

Дружба — это всегда тяжелая работа.

Как известно, приходится частенько наступать себе самому на горло во имя дружбы. Если дружбу не созидать, не ткать с бесконечным терпением ее полотно, подгоняя ниточку к ниточке, — ничего не получится.

Дружба с лошастью — работа еще более тяжелая.

Но и результаты могут быть ошеломительны.

Однако об этом чуть позже, сейчас все-таки будет разумнее рассмотреть несколько разных систем воспитания лошади.

Не дрессировки, а именно воспитания.

Я полагаю, разницу вы уже поняли.

Есть знаменитые «Семь игр» Пата Парелли (о нем самом, о его методе — подробно и обстоятельно см. в главе «Люди»).

Пареллиевские игры хороши, но они так размягчают лошадь, так «сдувают» ее, приводя в состояние постоянного полусонного комфорта, так вытраивают из нее дух и задор, что школьная, грубо говоря, «от-эколевская» работа, требующая и гонора, и высочайшего духа, — становится невозможной.

Пареллиевские игры очень хороши для простого приятельства с лошастью, судьба которой — расслабленные прогулки с всадником на спине или без одного, легкие элементы езды и не глубокие, но симпатичные отношения с человеком (что и великолепно, что и нужно для 99% лошадей).

Если закрыть глаза на некоторое (незначительное, но принципиальное) лукавство учения Парелли — оно подходит почти для всех лошадей.

Но!

«Семь игр» Парелли могут воспитать лишь лошадь, которой никогда не придется заниматься ничем сложным, требующим «высокого духа».

«Семь игр» Парелли способны настолько «погасить» лошадь, что на нее всегда, без малейшего вреда для всех участников этой процедуры, можно будет посадить толстую девочку с Библией или старушку, которая не нашла другого места, чтобы заняться вязанием.

Понаписал всех этих «но» и самому стало стыдно.

Дело в том, что пареллиевское учение «Семи игр» — обращено к 99,9% обычных лошадей.

Ведь далеко не всем лошадям предстоит работать в кино, выступать на шоу или изучать старинные фигуры Haute Ecole под современными мастерами этой школы.

Сумасшедшая энергетика, которая необходима лошадям этих профессий, совершенно не нужна гигантскому количеству лошадей, владельцы которых желают просто мирного, безопасного приятельства с лошастью.

В этом смысле игры Парелли бесценны.

Потом, нельзя забывать, что примерно 90% лошадей, находящихся сейчас в руках нормальных людей, побывали в свое время в спорте

(конкуре, выездке, скачках), то есть, мягко говоря, являются инвалидами.

Излечение большинства из них — вопрос очень спорный.

Да даже и не спорный.

Спортсмены уродуют очень основательно, а главное — пока не изуродуют окончательно, не успокаиваются.

В большинстве случаев надежд на полное выздоровление побывавшей в спорте лошади нет. Им так и придется доживать (порой очень недурно) свою жизнь с неизлечимыми травмами спины, ног, шеи, рта, психики.

Вот здесь-то игры Пата Парелли — безопасные и для человека, и для лошади, мягкие, разумные — ничем не заменить.

Какие бы они ни были, как бы они ни «гасили» лошадь, — они делают полноценное и светлое общение с человеком вновь возможным.

Что в системе Парелли самое, на мой взгляд, ценное — в ней нет и микронной доли дрессировки.

Это именно воспитание. Своеобразное, но воспитание, основанное, как и у меня, прежде всего на апелляции к потрясающему разуму лошади, к ее умению дружить и любить.

Помню ужас спортсменов, узнавших о системе Парелли.

Ужас и искреннюю растерянность. Они недоумевали, как это так — дружить с лошастью и ничего не заставлять ее делать сверхсильного для нее, не выжимать из нее результатов?

Это было выше их понимания, как выше понимания надсмотрщиков концлагерей, когда война закончилась и концлагеря упразднились, было то, что можно просто разговаривать с людьми, стоять с ними в одной очереди, играть, вместе работать и жить.

Бывшим надсмотрщикам концлагерей казалось, что если не сдирать кожу, не выбивать золотые зубы, не заталкивать в газовые камеры — то как-то и общения не получится и человек не выполнит своего прямого предназначения: быть затерзанным, удушенным, дистрофированным, пущенным на кожу для абжуров и костную муку.

В системе Парелли нет сложных элементов.

Вершина мастерства, доступная лишь самому Пату, который, безусловно, великий всадник в своей школе, — это не очень совершенное пиаффе, но в этой системе есть все же бездна лошадиного счастья.

Есть понятая и понимающая лошадь.

А это — поважнее, чем любое пиаффе.

На сегодняшний день в мире есть несколько мастеров воспитания лошадей.

Что любопытно, почти все они стянулись под старую золоченую эмблему Haute Ecole, взяв от старой великой школы лишь фигуры,

элементы, отчасти идеологию и безграничный романтизм, но полностью, радикально изменив методы воспитания.

Сказочно талантливый чех Гонза, парализованная Силк Валентин, воспитывающая лошадей не вставая с инвалидной коляски, — это формально птенцы «гнезда Пареллиева», и собственной системы у них как бы и нет. Хотя, насчет чеха Гонзы и отсутствия у него своей собственной методики, — я бы все же не был так категоричен, я бы скорее отнес его к «отэкольщикам».

Равно как и Силк, учить которую элементам Haute Ecole довелось мне самому.

Подробнее я представлю вам этих «лошадников» в главе «Люди».

Есть система воспитания Жан-Марка Эмбера, в которой лошади тоже достаточно свободны.

Но о системе Эмбера пусть пишет сам Эмбер, у него все вечно меняется. Начинал он с воспитания на железе, которое затем снимал.

Марио Люраши, гениальный французский всадник, каскадер и воспитатель лошадей — возродивший в 1990-е годы во Франции чистую Haute Ecole, пользуется старыми, классическими методиками, жесткими по сути. Его удивительные отношения с лошадьми (а они есть) — скорее загадка, чем закономерность или следствие его метода. Соотношение чистого воспитания и дрессировки примерно 50 на 50.

Есть еще некто Монти Робертс, но он просто обслуживает лошадепожирающий механизм скачек и, являясь частью этого враждебного по сути своей для лошади явления, ни воспитателем лошадей, ни мастером считаться не может. Он с той, с мучительской стороны баррикады.

Для Монти психозы и трагедии лошадей — как для гробовщика стрельба в салуне. Он чуток, самыми примитивными способами подлывает искалеченную лошадиную психику — и, потирая руки, наблюдает, как жокеи ломают ее снова. Зарабатывает очень прилично.

Все прочие воспитательные системы мира, даже и такие эффектные, как те, что приняты в Венской школе, или Сомюре, или Королевской Андалузской академии, — системы, хоть и с просветлениями, но все равно предельно жестокие, мало чем отличающиеся от принятых в XVII веке, следовательно, — тупиковые, и основаны они только на дрессировке.

Те минимальные попытки понимания лошади и научение ее свободно и с удовольствием понимать человека — какие были при Плювинеле, такими и остались, никак не развившись за 400 лет.

На работу этих школ можно восхищенно смотреть только в том случае, когда не знаешь, ценой каких страданий лошади куплено все это искусство.

Как в той же Венской школе.

Про Королевскую Андалузскую академию можно только сказать, что медиаканы, вожжи и жуткое «железо» в ней — абсолютная норма воспитания, а любая испанская выездка даже в дремучие времена XVIII века считалась откровенно «мясной». Таковой она является и по сей день.

Тауромахия — конно-корридное ремесло расшитых золотом мальчиков, которые жертвуют лошадью, чтобы прилюдно убить корову, — добавила в стиль Андалузской академии свою гнуснейшую специфику.

Рассматривать, в общем-то, нечего.

Сомюрская академия, если точнее, — ее главное, представительское отделение «Кадр Нуар», могла бы развивать во Франции традиции Плювинеля и Гериньера, но, как хватанула в XIX веке огромную дозу бошизма (по имени Ф. Боше — идеолога механистической примитивной выездки), так и не оправилась по сей день, демонстрируя очень грубое, очень кавалеризованное подобие старой Haute Ecole.

Култ Боше существует по сей день в Сомюрской академии, в частных академиях Германии и в цирке^с.

Вот, по сути, и все.

Спорт я не беру в расчет, он за пределами добра и зла.

Историю ворошить бесполезно.

Древние греки имели идеолога раннего «лошадизма» — Ксенофонта, очень разумного и нежного к лошади дядечку, которого вся Древняя Греция коллективно не послушалась, оставив в военном и гражданском обиходе знаменитое шипастое «железо», жуткие маски, усиливавшие действие «железа» и моду на разинутые (от боли) рты лошадей.

Ксенофонт был вообще первым человеком в истории, который осознал необходимость сбора (или его подобия) и давал наставления древнегреческим всадникам о методе подведения задних ног лошади под ее корпус.

Как он советовал это делать, вопрос другой...

Дабы соблюсти «отэколевскую» традицию доброго отношения к Ксенофону — я не буду цитировать то, как он предлагал это делать.

Он же учил лошадь — для удобства залезания на нее всадника — вставать на запястья.

Никаких ценных (кроме Ксенофонта) древнегреческих писаний или хотя бы целевых упоминаний на тему воспитания лошади наукой не установлено.

Скифы, сарматы, анты, персы и прочие «лошадиные» народы никаких письменных свидетельств о своем способе воспитания вообще не оставили.

Персы, впрочем, оставили очень красноречивое «железо» (см. фотографии).

Я опять возвращаюсь к «железу», потому что по применявшимся средствам управления лошадью вполне и с полным основанием можно утверждать, что воспитательные методики были крайне примитивными, и о существовании у лошади души, разума, гордости и желания дружить никто не догадывался.

О многом можно судить по скифским удилам «с колючими псалиями» и по первым премолярам скифских лошадей из Пазырыкского кургана, ныне покоящимся в залах Эрмитажа в Петербурге.

Мне доводилось их осматривать, и там, где удавалось чуть отогнуть задубевшую за 2500 лет кожу губ, я внимательно разглядывал зубы.

Зубы верховых лошадей настолько раздолбаны «железом» (травмы характерные, не перепутаешь), что все об искусстве и о стилистике верховой езды скифов ясно сразу, и не нужно утруждать себя поисками древних методик воспитания скифских лошадей.

Их, кстати, и не существует.

Единственное, что известно, так это то, что скифы были первыми, кто заездку молодой лошади предварял обильным кровопусканием. Из лошади спокойно выливали литров пять крови и заезжали ее, в общем-то, без особых драм и проблем, так как большая кровопотеря обессиливала лошадь и гасила жажду сопротивления. Заезжали ее по последнему снегу, то есть совершенно измученную зимней голодовкой и сразу после мучительной кастрации. (Скифы кастрировали лошадей, раздробляя специальными молотками семенной канатик и яйца.)

Те же останки Пазырыкских лошадей свидетельствуют, что под седло — в реальную тяжелую работу и на войну — шли и жеребята: суставы, позвоночник и кости имеют характерные патологические изменения, присущие лошадям, грубо обремененным с малолетства, когда скелет еще не сформировался полностью.

У меня хранятся скифские жеребьячи удила III века до н. э., обнаруженные в одном из крымских могильников вместе с костями жеребенка. Их ширина — 6,5 см, при стандартной ширине взрослого скифского «железа» 13-13,5 см.

Как только лошадь бралась под верх — ей подстригалась грива, которая, в принципе, могла мешать стрелять из лука.

О римских традициях воспитания свидетельствует с абсолютной красноречивостью, опять-таки, римское «железо» (см. приложение).

На этом образце исчезли, вроде бы, греческие и персидские шипики, но добавилось некое коленце, обеспечивающее перелом ветвей под прямым углом и, соответственно, усиление воздействия на рот. (Понятно, что подлинного римского «железа» осталось в мире чрезвычайно мало — у меня хранится лишь этот вариант, который относится к позднему Риму (теоретически это времена Марка Антония,

египетские раскопки). Были, вероятно, и другие образцы, в том числе и с шипиками.

По крайней мере поэт Вергилий советовал заезжать лошадей на мундштуке с высоким грызлом, длинными бранше, с дисками и шипами на грызле.

Единственное, что имеет косвенное отношение к воспитанию и обучению — это свидетельства того, что лошадей с нормальным диагональным ходом переучивали на иноходь, перевязывая меж собой нужные пары ног (переднюю и заднюю) и заставляя бегать. Делалось это для удобства всадника. (Иноходь действительно более комфортный аллюр для сидящего на лошади, чем «живые», правильные диагональные аллюры.)

Средневековая Европа в свою готическую эпоху и позже продолжала традиции римлян, греков и скифов.

Лаврентиус Рузиус, очень модный автор конца пятнадцатого столетия, советовал в своем труде «*Hippiatrica sive marescalia*» прикладывать раскаленную железку под лошадиный хвост, чтобы приучить лошадь резво двигаться вперед.

Книга была переиздана множество раз, являлась абсолютным бестселлером.

До предела маразма дошел уже известный вам Фредерико Гризоне. В той самой книге, которая вызвала восторг Ватикана и официальное благословение папы Юлиуса III, он пишет: «Поставьте человека сзади лошади. Пусть у него на палке, животом вверх, будет крепко привязан веревками злой кот. Кот должен быть привязан так, чтобы зубы и когти его были свободны. Человек сзади должен держать кота на палке у ног лошади, чтобы кот мог от души ее кусать и царапать...»

Всю эту жуть с котом предполагалось проделывать только для того, чтобы заставить лошадь подвести глубже задние ноги под корпус.

Очень забавно. Прошло каких-то четырехста лет, и кота на палке заменили сходным по эффекту воздействия электрошокером.

Новое время (XIX-XX века) породило тучу шарлатанов-технологов, которые, опять-таки, искали силовую отгадку секрета лошадиной души.

Задача была совершенно такой же, как и тысячи лет назад: добиться абсолютного послушания лошади и сделать ее движения совершенными, то есть грациозными, легкими и сильными.

Когда серьезно познакомишься с тысячами приспособлений, изобретенных в XIX веке, каждое из которых было сенсацией и хитом, — сразу понятно, как направлялось сознание изобретателей, а главное, чем оно направлялось (см. фотографии).

Каждому из них, из тех, кто увлеченно изобретал одну садистскую шпучку за другой, казалось, вероятно, что достаточно придумать что-то немыслимо жестокое и заумное, сложно-механистичное — так сразу лошадь будет иной.

Все они искали некую секретную кнопку, при нажатии на которую лошадь начинает дружить, начинает быть искренно послушной, доброжелательной, трудолюбивой, грациозной и сильной.

Кнопку искали везде.

Кстати, не только во рту.

Сохранились воспоминания о специальных анальных пробках, которые, по мысли изобретателя, должны были «улучшить характер лошади... Так как громким газоиспусканием лошади нервируют и взвинчивают себя, слыша ужасающий звук сзади и не находя ему объяснения — шалеют и несут...»

Какой-то кретин-умелец действительно разработал специальную пробку, крепившуюся сложной системой ремней.

Но это курьез, а большинство изобретений курьезными не были.

На спину лошади при воспитании надевались жесткие деревянно-металлические конструкции с рогами от 40 см до 1 м, через которые пропусклась масса ремешков, мертво регулирующих через специальный переключатель положение головы.

Изобретались способы привязки хвоста к голове (!!!).

Считалось, что пребывание в таком положении влияет (в лучшую сторону!) на характер лошади.

Создавались системы, в которых все четыре ноги лошади — через блоки, замки и упоры — веревками приводились в некое марионеточное взаимодействие. (Подъем одной ноги вызывал повышенный подъем другой ноги и так далее... Так обучали пиаффе.)

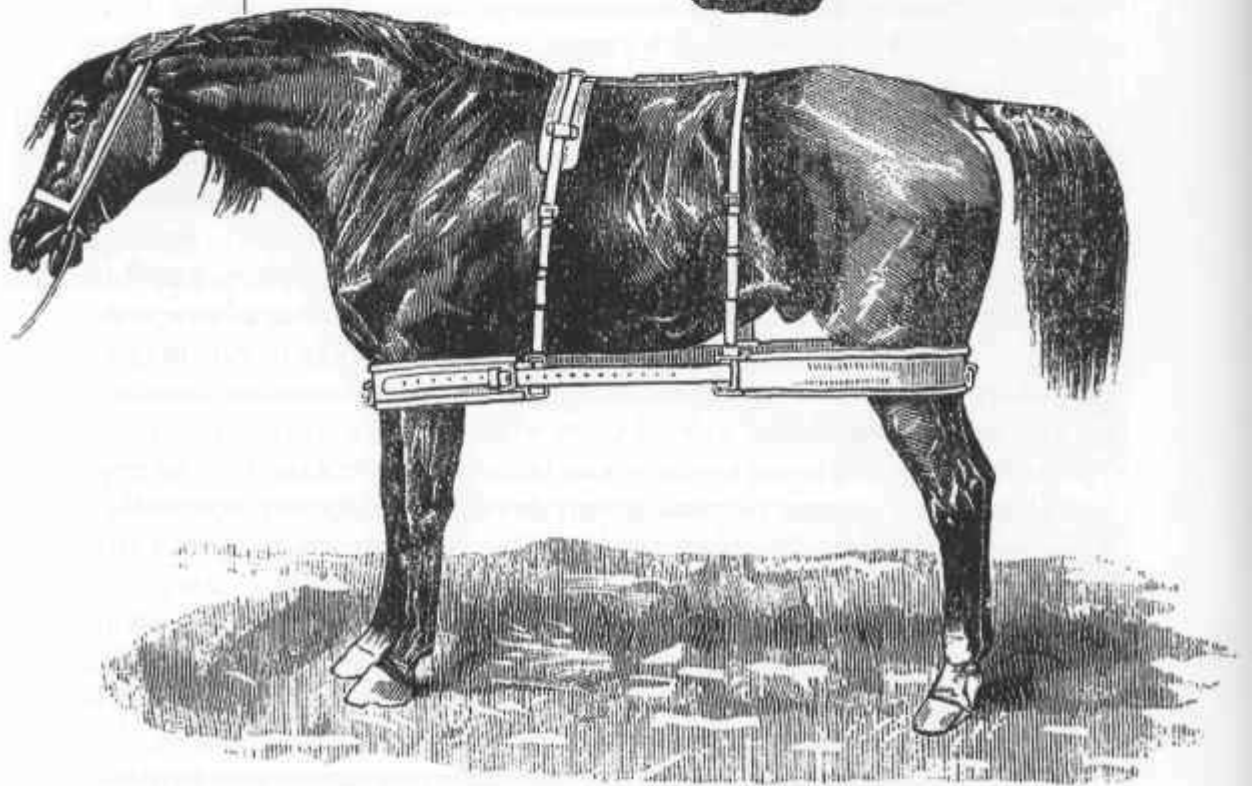
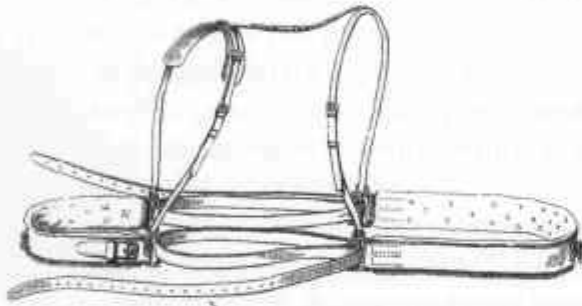
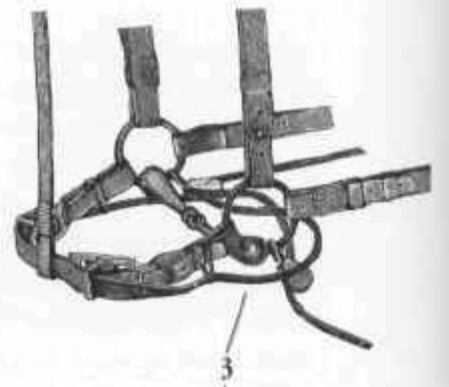
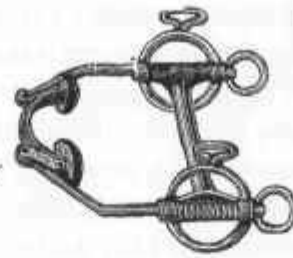
Появляются механические шоры (наглазники), работающие по принципу ставен, которые всегда можно было открыть или закрыть с седла или из повозки, а можно было устроить лошади некую встряску, как пишет их изобретатель, — «раз пятнадцать с силой и проворно закрыв и раскрыв их».

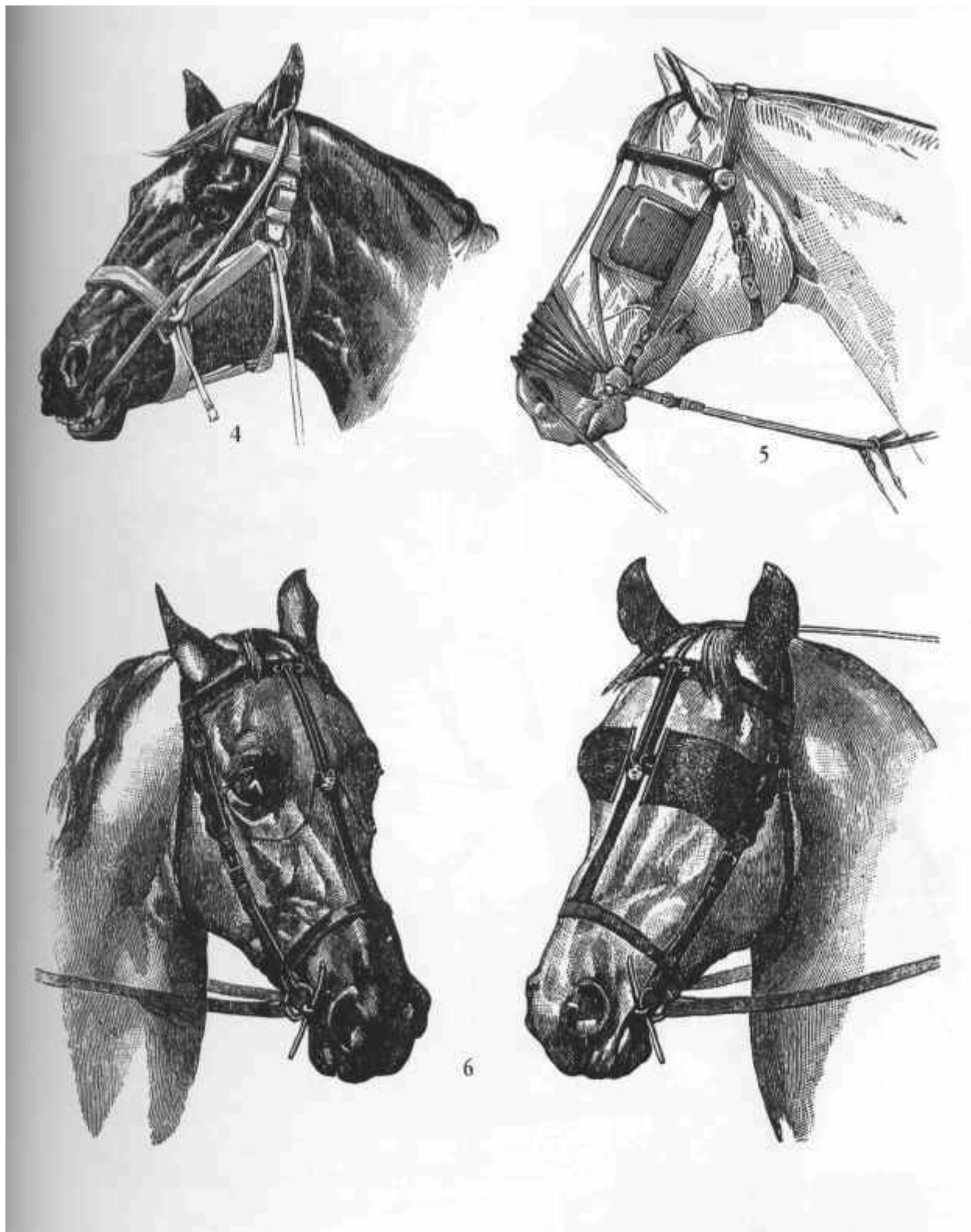
Изобретается автоматическое «железо», которое изменяет во рту лошади конфигурацию с помощью катушечных блоков и одновременно, благодаря системе нахрапных ремней, пережав ноздри, душит лошадь «Britt's Automatic Safety Bit» (см. фотографии).

Той же цели служат каучуковые шторы, в нужный момент силой специальных приводов перекрывающие ноздри лошади (см. фотографии).

Все это было в Европе и России.

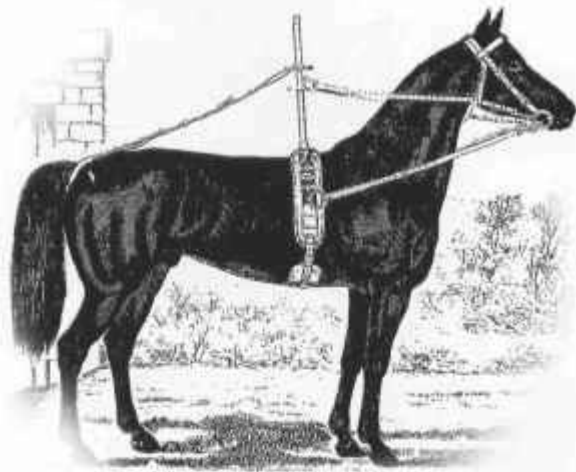
А на Американском континенте отводили душу еще не романтизированные ковбои. К примеру, известному ковбойскому приему *neck-reining*, когда лошадь поворачивает от одного лишь приложения повода к шее, учили следующим образом: били молотком одну сторону

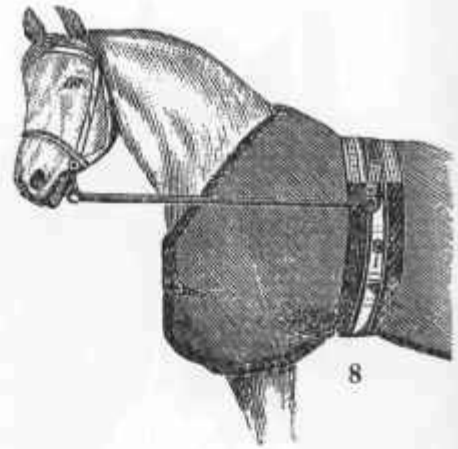

Инструментарий механического воздействия на лошадь

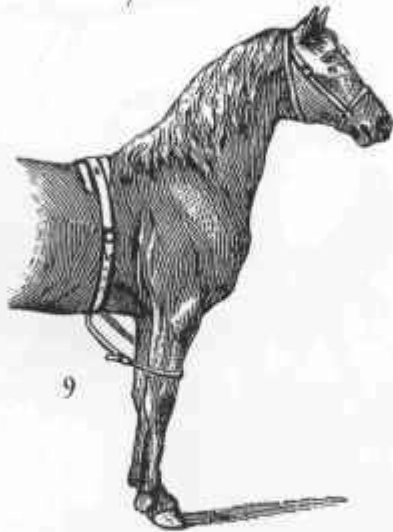
1 — Britt's Automatic Safety Bit; 2 — смирительный хомут; 3 — шведский аппарат для удушения; 4 — недоуздок для повала; 5 — уздечка с каучуковыми шторками; 6 — механические наглазники

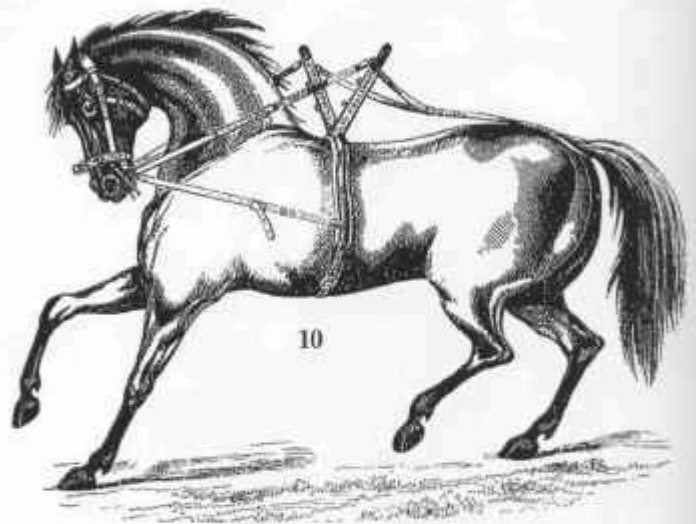
7

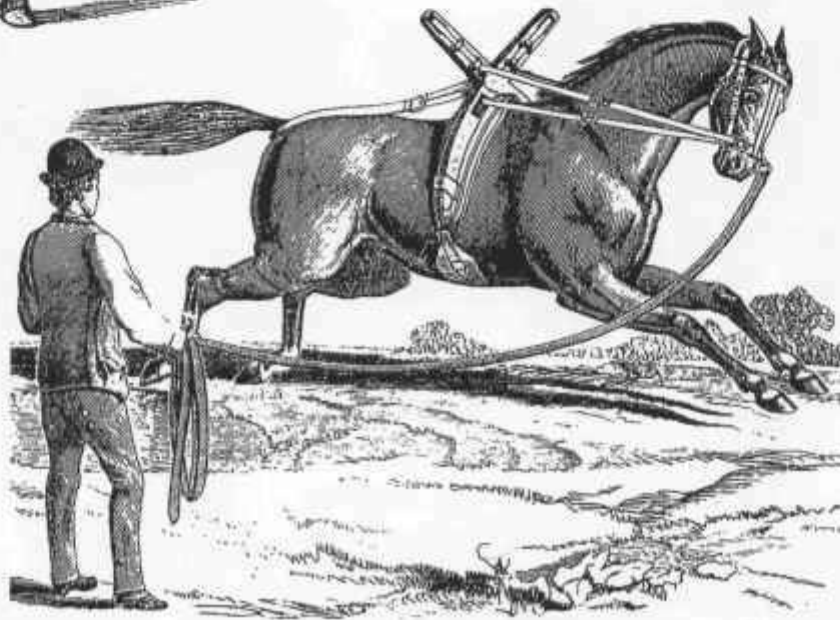
8

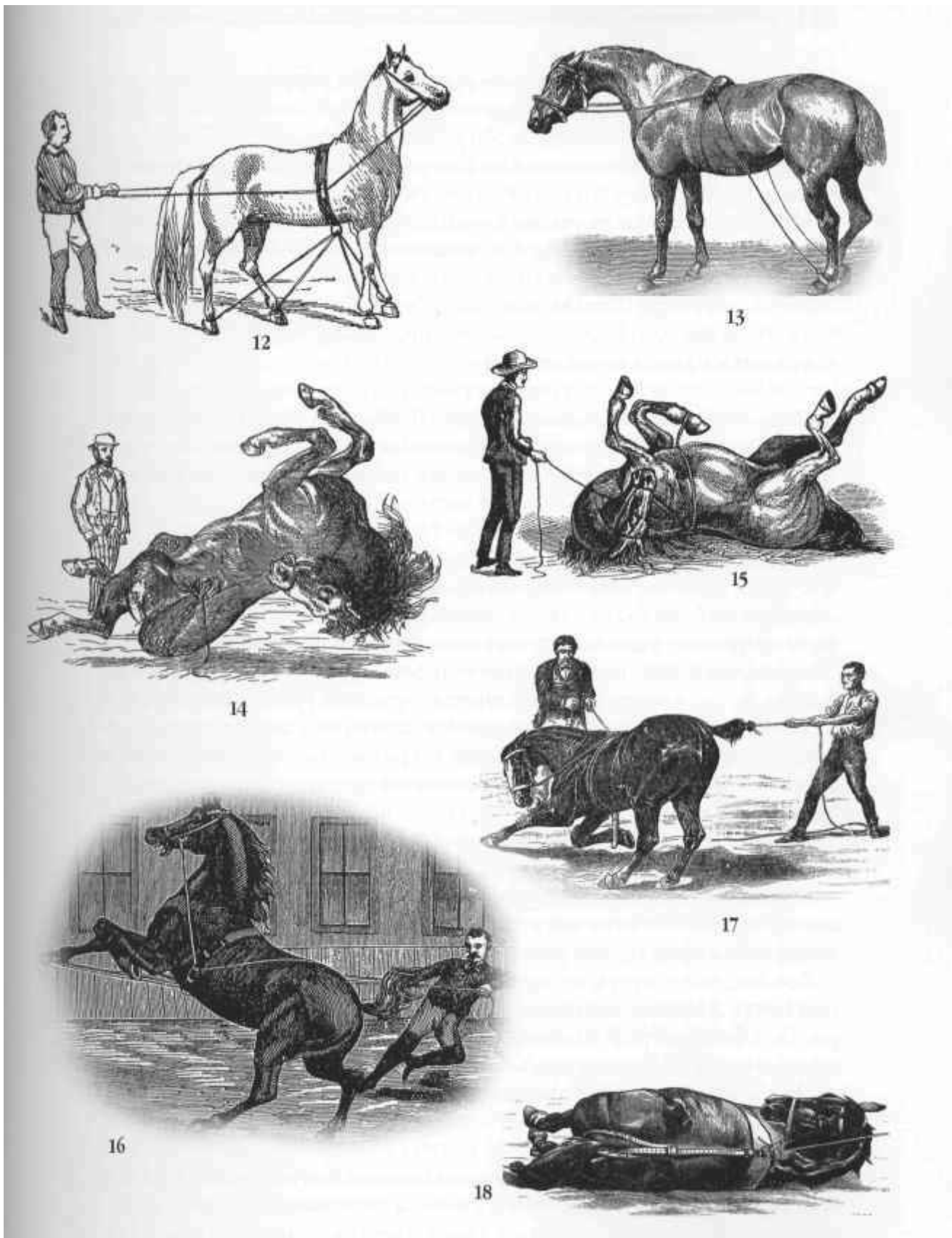
9

10

11

7,10,11 — приспособления для фиксации головы; 8,9 — смирительные подпруги;
 12 — «обучатель» пиаффе; 13 — трок графа Келлера; 14 — привязывание хвоста к
 голове; 15-18 — приспособления для повала лошади

шеи, после чего лошадь разворачивали другой стороной и снова били молотком по шее.

Америка же распространила по всему миру абсолютную новацию — «лошадеприучательную машину».

Машина состояла из узкого глухого бокса, укрепленного на платформе, которая вращалась с большой скоростью, вызывая у лошади головокружение.

Когда одурелую лошадь извлекали из бокса, она действительно была очень послушной, некоторое время.

Вращалась машина силою пара.

Появляются смирительные подпруги (!) (см. фотографии) и трок графа Келлера (см. фотографии), о котором сам изобретатель с грустью писал, что применение его «может иметь дурные последствия, а именно — перелом носовой кости».

Сегодня, с мнимой высоты XXI века, — хихикать особенно не над чем. Если собрать все, чем реально оперирует сегодняшний спорт, — наборчик тоже будет очень впечатляющим (см. фотографии). На этой фотографии нет и половины нынешних приспособлений, нет электрошокеров, электрохлыстов, пневматического оружия, железнодорожных рельсов, которые используются при конкурных тренировках для тех лошадей, что небрежничают и знают, что легкую крашеную палочку проще сбить, чем тужиться и прыгать высоко. Тогда вместо верхней палочки кладется рельс, который так же, как палочка, раскашивается.

Эффект, я полагаю, понятен.

К концу XIX века появляются и мастера-воспитатели, действующие совершенно в духе всех этих изобретений. Причем, каждый из них считал своим долгом разразиться какой-нибудь книжонкой.

Вообще, макулатуры по вопросу воспитания лошадей производится в конце XIX века огромное количество. Musany, Vaucher, Commines, De Mauleon, граф Lancosme-Breves, Fillis — всех производителей макулатуры и не перечислишь.

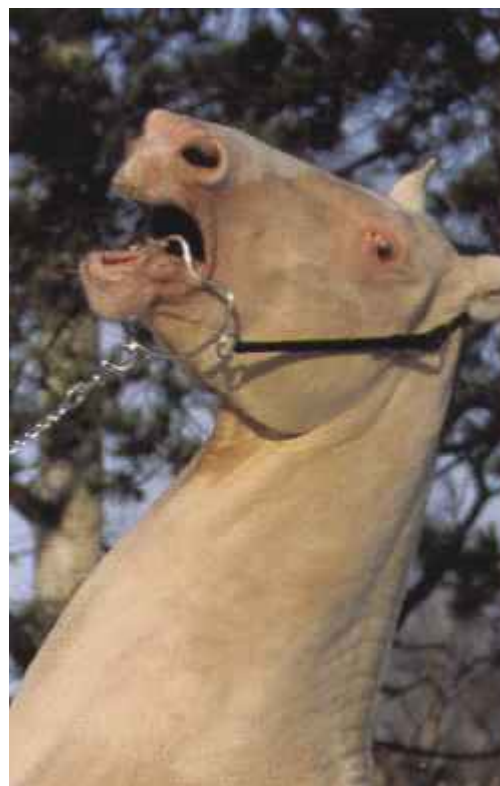
Примечательно, что тогдашние дамы-прокатчицы заучивали эту макулатуру наизусть, а авторов — обожествляли.

Наиболее почитаемым божком дам-прокатчиц становится Джеймс Филлис — идеолог откровенного и очень агрессивного садизма, окончательно закрепивший в мозгах своих адептов отношение к лошади как к биологическому механизму, который включается для использования только сильным ударом шпоры.

Цитирую Филлиса: «Шпорами надо сыпать удары, как барабанные палки выбивают дробь. Против ударов шпор, сыплющихся градом около подпруги, не устоит никакая лошадь. Если вы не в состоянии долго рабо-

1

2

3

4

1 — современные приспособления для «воспитания»; 2 — противосвечное «железо» Чифни; 3 — свернутая в тройке голова пристяжной; 4 — опускание лошади в шахту

тать шпорой, то берите хлыст, палку, зовите кого-нибудь с бичом, велите жечь лошадь огнем... Когда лошадь начинает упрямитесь, я обыкновенно сам, сильно и грубо, но сознательно, обрушиваюсь на нее... Когда лошадь начинает упрямитесь, ездок должен изо всех сил напасть на нее...»

Ну, ей-богу, ведь больной же человек!

А расплачивались за его бездарность и глупость не только Маркир, Жерминаль или другие его лошади, а еще и парочка поколений, выросшая в почтении к Филлису и его дебильным методикам.

Благодаря таким филлисам (а их было немало), человек опять оказался в дураках, причем надолго. Ему опять (в который раз) пришлось долго и мучительно ломиться в открытую дверь, выглядеть при этом зверем и идиотом одновременно. Ему опять указали путь в очередной тупик, причем указали с непередаваемой важностью и интонациями пророка.

Ладно там отцы-«отэколыщики» с их наивными (по сравнению с изобретениями XIX века) требующие и кокиль.

С того момента, когда холодные истертые луидоры легли в глазницы толстяка Гериньера — последнего из отцов Haute Ecole — прошло по меньшей мере 300 лет!

За этот срок родились и померли сотни филлисов, были изобретены анальные пробки и каучуковые шторки, электрошокеры и шамбоны, но ни шагу вперед в деле установления настоящих отношений с лошадью сделано не было.

Пытливое и настойчивое существо из отряда приматов желало результата, искренне желало (что поразительно!) дружбы с лошадью, но вместо того, чтобы просто и честно взглянуть в лошадиные глаза и попробовать совсем по-иному, громоздило дурацкие и жестокие изобретения, носило на руках садистов и придумывало новые способы издевательств.

Хотя двигаться следовало в прямо противоположном направлении.

Это направление многократно и очень авторитетно подсказывали человечеству самые разные мудрецы, как «отэколыщики», так философы и писатели.

Тонко, но абсолютно внятно подсказывал правильный путь древнекитайский старик, великий даос — философ Чжуан-Цзы.

Подсказывали наставники королей Антуан де Плювинель, имевший при дворе прозвище Грубиян, и де Нестьер по прозвищу Молчальник.

И уже не подсказывал, а криком кричал о верном и единственном пути каноник собора Святого Патрика господин Джонатан Свифт.

Но филлисы оказались сильнее.

Кстати, тему укладки лошади филлисы всегда тщательно избегали, так как совсем не представляли себе, как это делается, но век вокруг них побурливал на эту тему особенно страстно.

Едва ли не половина приспособлений девятнадцатого столетия была посвящена тому, чтобы положить лошадь.

Был изобретен аппарат Гамильтона, сверхсложная смирительная рубашка для лошади господ Раабе и Лизнеля и еще множество веревочно-ременных механизмов.

Можно просмотреть эти картинки (см. фотографии) чтобы понять, что особым «пунктиком» изобретателей и лошадиников прошлого были механические способы повала или укладки лошади.

Тогдашние лошадики, слава богу, не все были филлисами и не все уповали только на шпору и садизм.

Абсолютно не понимая лошадь, они очень смутно чувствовали, что укладка лошади — некий ключ к ее подчинению, и много писали об этом. Правда, они не представляли себе, что есть не механические способы.

Кое в чем они, разумеется, были правы.

Лежащая лошадь абсолютно беззащитна, что прекрасно сама понимает. Готовность добровольно лечь в присутствии человека есть проявление совершенного к нему доверия, признания его и существом безопасным, и защитником.

Но!

Любое употребление любых механических или вспомогательных средств — смирительных рубашек по типу господ Раабе и Линзеля, цирковых или киношных штрабатов, набора веревок для повала, по типу ветеринарного, даже простая грубость, битье по ногам или принуждение — лишает укладку лошади всякого смысла, ее основного предназначения.

Технологи середины и конца XIX века перепутали причину и следствие.

Не уложить ради воспитания и отношений, а установить отношения, чтобы уложить. (Что-то, черт возьми, это напоминает, и, наверное, не случайно.)

Хотя на укладке не следует заикливаться, это важный, но совсем не самый ключевой момент настоящего воспитания лошади.

Итак — воспитание.

Подлинное и чистое воспитание лошади, превращение ее в друга является делом абсолютно не сложным.

Есть путь Парелли, путь Люраши, путь Эмбера, есть мой путь.

Как вы помните — основой всяких отношений являются игры.

Сперва это «нат'н'пи», потом игра в мяч.

Это жесткие игры.

Достаточно экстремальные, но у меня особые задачи.

С самых первых минут отношений с лошадью я стараюсь не потерять ни малейшей доли ее природной энергетики.

Я культивирую в лошади гонор, духовитость и отвагу, и эти качества рассматриваю как величайшую драгоценность.

Именно они-то и позволят мне воспитать и обучить лошадь.

Будучи очень хорошо знаком с термографическими исследованиями и современной ветеринарией, я знаю, что чудес не бывает, что апа-

тичная, или покаяная (так называемая «спокойная») лошадь — это просто в большей или меньшей степени больная лошадь.

Спокойствие, покаяность, равнодушное принятие любых воздействий есть прямая и безошибочная примета болезни, примета того, что основные силы лошади уходят на преодоление внутренней боли или иных физиологических проблем.

Посмотрите на прокатных городских лошадей! Куда уж спокойнее и покорнее.

Их покорность и спокойствие — следствие некоей физиологической полумертвости, туда и попадают только совершенно разрушенные спортом или гужевыми забавами лошади.

В городском прокате здоровой лошади делать нечего. Здоровой и полной сил лошади на спину не водрузишь поддрых молодых или пятилетнего младенца.

(Прошу не путать с пареллиевскими лошадьми — те, будучи преимущественно здоровыми или почти здоровыми, намеренно «погашены», научены быть вялыми и безопасными.)

Итак:

Любая здоровая лошадь любой породы — всегда энергетична, всегда готова шалить и играть.

Игра в мяч с лошадью у североамериканских индейцев называлась «тх'ан».

О воспитательных методиках краснокожих я сознательно ничего не написал, так как любые сколько-нибудь документальные источники отсутствуют.

Все воспоминания очень эфемерны, основываются на устных рассказах стариков из резерваций, нет ничего, по сути, конкретного или настолько определенного, чтобы это можно было привести в серьезном труде.

Но вот, что называется, «по ощущению» — это как раз «то самое».

Воспоминания о старых играх команчей с лошадьми я с большим трудом вытянул из алкоголизированного и очень не живописного, стриженного ежиком старца Джошуа Пииа-Хутсуу (Джошуа Грязная Птица), который зарабатывал изготовлением и продажей сувенирных команчских дремкетчеров^d с перышками на родео в Техасе, в котором по молодости и глупости я принимал участие.

Известно, что когда-то для «тх'ан» использовался волосяной или кожаный шар, я использую обычный волейбольный мяч, чуть-чуть поддутый настолько, чтобы лошадь могла его взять зубами, но чтобы мяч при этом не утратил ни летучести, ни катучести.

Игра заключается в очень энергетических, веселых баталиях по отниманию друг у друга мяча. Я могу отбить мяч на другой конец поля или манежа — и ждать, когда лошадь его нагонит, врежет ему пару раз и задом, и передом, схватит — и галопом или энергичной рысью принесет мне, причем обязательно вложит его в мои протянутые руки.

Я должен рассыпаться в благодарностях, но не сбавлять темп игры, сразу спрятав мяч за спину, и начать убежать с ним.

Зазевавшись — я потеряю мяч, который лошадь попросту выхватит.

Это не так резко и эффектно, как «ната'н'пи», но ужасно весело.

Желание лошади играть с вами, играть самозабвенно, на все сто, — это первое ее признание человека, если не равным, то, по крайней мере, достойным внимания.

Как только завоеванное в играх доверие и расположение лошади становится стабильным, и она начинает понимать, что человек — главное событие в ее жизни, причем событие приятное, можно переходить к реальному, настоящему воспитанию и образованию.

Приметы этого расположения очень просты: лошадь постоянно желает быть вместе с воспитателем.

Она спокойно идет или бежит рядом, она останавливается, когда останавливаетесь вы, осаживает, если вам вдруг пришло в голову сделать несколько шагов спиной, подбегает на свист, на легкое дотрагивание прутиком до песка под ее ногами — ложится у ваших ног, а затем садится.

Все действия, которые я перечислил, она должна делать либо совершенно голая, либо с тоненьким ремешком, свободно лежащим на плечах.

Ремешок называется «кордео».

О нем я уже говорил, и достаточно обстоятельно.

Еще одной приметой расположения является мимика.

Чем лошадь безразличнее и враждебнее, тем строже, равнодушнее и однообразнее ее лицо.

Чем больше она втянута в отношения с человеком — тем мимика богаче и выразительнее. Первые гримасы, кручения глазами, беззлые оскаливания, верчение ушами, улыбки, а также похрюкивания, щипки зубами — все это очень хорошая примета, означающая, что лошадь внимательна к человеку, расположена к нему и воспринимает его не как мучителя и врага, а как приятеля.

Естественно, если физиономию лошади запаковать в ремешки, никакой мимики и не будет, для лошади она становится физически и психологически невозможной, но я уже говорил и готов повторить, что при настоящем воспитании лошади никаких средств насильственного удержания, вроде уздечки или недоуздка, быть не должно вовсе.

Нахождение рядом с человеком должно быть свободным и осознанным выбором лошади. Иначе — ни черта не получится.

Если начать серьезный воспитательный процесс до той минуты, когда лошадь стабильно желает быть рядом, то первое же минимально затруднительное для нее упражнение вызовет ее желание ударить и больше не приближаться.

Я очень не случайно говорю о желании быть рядом.

Вся первоначальная воспитательная работа делается на земле, рядом с лошадью, по-старинному говоря, «в руках».

От того, насколько лошадь готова быть всегда рядом, в нужном положении, — зависит успех всего воспитательного процесса.

Готовность лошади лечь по вашей просьбе и ее снисходительность к тому, что вы можете улечься сверху, — тоже необходимое подтверждение, некий сертификат безграничного доверия, который выдает вам лошадь.

Положить и посадить лошадь нетрудно.

Укладка лошади вообще не является проблемой при наличии доверия и вашего умения быть понятным. Несколько щелчков прутиком по песку у лошадиных копыт — и лошадь уже лежит.

С усадкой лошади на зад дело обстоит чуть сложнее.

Если вы кладете «сухую» и спокойную лошадь на не очень соблазнительный для нее грунт — то проблем, как правило, не бывает. Но если лошадь разгорячена игрой или занятием, то, улегшись на прохладный песок манежа, она почти никогда не может побороть искушение поваляться, крепко втираясь спиной и боками в песок, молотя по воздуху ногами, вертясь и переворачиваясь.

Ее совесть при этом абсолютно чиста.

Ее попросили лечь — она легла. А что делать дальше — не объяснили. Ну, она и занимается тем, что ей самой кажется наиболее приятным, — чешет о песок зудящее от раскрывшихся пор и пота тело.

В этом случае, как только лошадь в первый раз легла, — я сразу сажусь ей на плечо. Очень мягко, чтобы не напугать, но и очень властно. И начинаю ласкаться и разговаривать.

Как показывает опыт — мысль о валянии в такой ситуации даже не приходит лошади в голову.

Есть еще один способ, как отучить валяться при укладке.

Для этого на лошадь надо сесть и положить ее, что называется, «сверху».

Если вы понятны лошади — то и «сверху» проблем никаких не будет. То же касание прутиком, но теперь вы касаетесь не песка, а ноги.

В тот момент, когда лошадь под вами ложится, вы не соскакиваете, а остаетесь на ней, обхватив ее своими ногами.

И начинаете ласки и разговоры.

Еще один из моих способов заключается в том, что, как только лошадь легла, я прошу ее лечь на спину и сажусь ей на грудь, тем самым разъясняя, что если она легла, то игра не кончилась, а только начинается, и что в лежащем положении она должна помнить и о дисциплине, и о моем старшинстве.

Лошади поразительно умны и сразу сообразят, в чем дело.

Помимо всего прочего — лежащая лошадь полностью расслабляется. Это упражнение не стоит ей вообще ни малейших усилий. Для любой лошади укладка, если она произведена без принуждения, по доверию, является чистой воды удовольствием.

Когда лошадь стабильно и охотно ложится по первому требованию, как с всадником на спине, так и находясь просто рядом, и когда она лежит, сколько требуется, и терпит на себе, лежащей, своего воспитателя — можно учить лошадь садиться. При наличии серьезного расположения к вам лошади — это совсем просто.

Надо, чтобы лошадь, лежа с вами или по вашей просьбе, испытывала такой комфорт и удовольствие, чтобы не желала вставать.

И когда вы ее поднимаете, уговариваете подняться, она вроде бы и слушается, но ей так хочется продлить эти секундочки счастья, беззаботности и удовольствия, что она не встает, а как бы привстает, медлит со вставанием, хитрит — и в результате полусадится, предлагая вам некий, очень, с ее точки зрения, симпатичный компромисс.

Кордео — хороший помощник, но им надо не удерживать лошадь от вставания (все равно не удержите), а, наоборот, поднимать, когда она не желает подниматься.

Здесь необходима настойчивость. Отношения с лошадью испортить в этой ситуации, слава богу, невозможно.

Надо настаивать и все же поднимать ее выше и выше.

Поднимать надо легкими колебаниями, потрепыхивая кордео. Звать им, а не тянуть, разумеется.

И тогда — нехотя и обреченно — лошадь начинает подниматься все выше, упираясь передними ногами в грунт.

На той точке, которая является точкой относительно полноценного, высокого сидения, манипуляции кордео следует прекратить и наговорить лошади комплиментов.

Добиться высокого, прямого, классического сидения — так, как сидят мои лошади, — сразу не удастся.

Но это придет со временем. (Кобылам, из гигиенических соображений, можно позволить вообще сидеть на бедре, не поднимать их дальше и выше, до положения прямого сидения.)

Есть одна опасность, о которой следует хорошенько помнить! Сидение мобилизует массу мышц, растягивает выйную и надостную связки, что необходимо для сбора (международное обозначение — французское слово «rassembler»), развивает мускулатуру крупа. Благодаря регулярному, правильному, дозированному сидению можно очень основательно укрепить широчайшую мышцу спины (*m. Latissimus dorsi*), поясничную малую мышцу (*t. Psoas minor*), отвечающую за фиксацию позвоночника, сгибание поясницы и подтягивание таза, глубокую ягодичную (*m. Gluteus profundus*) и еще множество мышц спины, поясницы и крупа, что очень помогает впоследствии и для ор-

ганизации верного сбора, и для хорошего испанского шага, и для пируэтов, и для каприолей.

Но!

Как и всякое силовое упражнение, сидение первое время должно быть строжайшим образом дозировано и минимизировано.

Малейший перебор, буквально на секунду — и мышцы будут потянуты или вовсе травмированы.

Первые два-три месяца (для перестраховки) лошадь следует поднимать практически сразу.

Вообще лошадь научить проще, чем ее мускулатуру.

Головой лошадь понимает почти мгновенно, а вот ее мышечный аппарат понимает гораздо дольше, он долго привыкает к новым и неизвестным нагрузкам, разрабатывается и нарабатывается под эти нагрузки.

Лошадь прекрасно слышит свой мышечный аппарат и слушается его.

А он — чуткий и очень капризный советчик, вечный антагонист воспитателя-человека, мгновенно отзывающийся болью, онемением, крепатурой на любой перебор в усилиях или вообще любое форсирование.

Мышечный аппарат может без всякого зазрения совести «приговорить» тот элемент обучения, на котором его перегрузили.

А миологическая память у лошади так же сильна, как и обычная память.

Любое упражнение, даже самое приятное, начав причинять боль, теряет для лошади все свое очарование и превращается в наказание.

Как следствие — лошадь не будет его любить.

А упражнение, которое лошадь не любит, она никогда хорошо не выполнит.

С лошадиной миологией шутки очень плохи — самым незаметным для воспитателя перебором можно загубить любой элемент воспитания, даже если он блестяще начинался, и лошадь демонстрировала абсолютное желание выполнять его и потрясающие к нему способности.

Я знаю, о чем говорю, — именно таким образом мне довелось погубить пиаффе у очень расположенной к нему лошади.

С тех пор на миологическом поле я чувствую себя, как на минном, и боюсь, сокращая силовые занятия по отдельным элементам в два, а то и в три раза.

И, вообще, всяко заигрываю и постоянно ищу расположения у главного лошадиного советчика — ее мышечного аппарата.

Дружба с ним так же важна, как и дружба с самой лошадью.

От воспитателя вообще требуется бездна терпения, такта, абсолютное знание лошадиной анатомии и биомеханики.

Кроме сидения и лежания есть еще тридцать, по меньшей мере, элементарных упражнений, которые готовят лошадь к серьезной, силовой части ее воспитания и образования.

Для того чтобы закрепить собственную способность быть понятным лошади — годится любое из них. (Лошадь не надо учить понимать — она и так все великолепно понимает. Основной объект приложения сил — человек.

Еще Плювинель объяснял своему ученику-королю, что дрессировать (он употреблял этот термин) надо не лошадь, а всадника. Он был прав — человеку надо учиться быть понятным лошади. Со временем человек овладевает лошадиным языком, и любой новой лошади, попавшей к нему в воспитание, понятен будет практически сразу.)

Из множества простых, но совершенно обязательных для воспитания элементов, которые не представляют сложности ни для головы лошади, ни для ее мышц (как то: кранч^с (см. фото на сайте), установки ног на тумбочки, аппортировка предметов, игры, лежание, обратные пируэты на трех ногах и пируэты на скрещивающихся передних ногах, нормальные пируэты вокруг зада и переда на свободе, осаживание на голос, подход задом к издали зовущему ее воспитателю и пр.), стоит выделить в отдельную, особую категорию только *испанский шаг*.

Испанский шаг, введенный в обиход Haute Ecole де Нестьером, имеет абсолютно естественное, природное происхождение.

Североамериканские индейцы называли то, что было названо в Haute Ecole испанским шагом, — «Шунк-блока о-али» — что означает буквально «шаг жеребца».

Тот, кому знакомо естественное, табунное поведение лошадей, многократно наблюдал, как именно таким движением, то есть высокими и агрессивными вымахами передних ног, жеребец поначалу еще вежливо отгоняет посягателя на его кобыл или его территорию. (Это первое предупреждение посягателю еще до всяких песад и драк.)

Испанский шаг — это как бы уже и не подготовительное, а реальное, учебное, чисто «отэколевское» упражнение.

От правильности и чистоты испанского шага слишком многое зависит в дальнейшем воспитании лошади: и пассаж, и испанская рысь, и настоящий сбор.

Секрет эффективности испанского шага в том, что вы почти полностью лишаете лошадь передних ног как двигательного средства. Они слишком заняты исполнением эффектного, очень высокого рисующего движения, — и лошадь вынуждена учиться работать задними ногами и большую часть равновесия концентрировать в своих бедрах (см. фото на сайте).

Второй великий эффект испанского шага — в разработке плеч. Поясню. Передние ноги лошади практически не участвуют в движении (кроме тактового, легкого толчка для собственного подъема), но для их выноса и подъема мобилизуются обычно «полуспящие» и мало-востребованные мышечные группы, сказочно развивается трапециевидная мышца (*Trapezius thoracis*), дельтовидная мышца (*Biceps brachii*) и еще множество мышц.

Хороший испанский шаг делается только «в руках», на земле.

Ноги лошади трогать нельзя. Ни прутиком, ни чем иным.

В первые моменты воспитания можно провоцировать вынос ног и сердито-недоуменное, а затем и веселое топанье щелчками по песку перед копытами, но вообще ко всем провоцирующим методам лучше никогда не прибегать — они очень затягивают процесс обучения элементу.

Лошадь, как и человек, — чрезвычайно привычлива. Любое провоцирующее действие становится для нее составной частью этого элемента, причем порой провоцирующее действие и сам элемент сплавляются в единое целое, так что лошадь просто не представляет себе их порознь.

Очень часто бывает, что лошадь уже хорошо ходит испанским шагом, но не соглашается выполнять этот элемент, пока не будут произведены провоцирующие действия.

Лучше всего испанскому шагу учить через игру.

Объяснить с помощью одного или двух коротеньких щелчков по песку необходимость поднимать ноги.

А затем — предлагать находящейся рядом лошади двинуться вперед, но не пускать ее, придерживая ладонью за грудь.

Лошадь удивится.

Уже наученная двигаться вперед, она совершенно не понимает, почему ей это предлагается, но не разрешается.

Хорошо, если к этой минуте она не будет знать ни пассажа, ни пиаффе, ни тер-а-тера, потому что, если эти элементы ей известны, она предложит их все.

Феноменально сообразительная лошадь понимает, что есть некое условие продвижения вперед, и начинает гадать, что же это за условие, предлагая свои варианты отгадки.

Пока лошадь знает только сердито-веселый вымах передом, она со стопроцентной вероятностью предложит именно его. Это и будет первым темпом испанского шага.

Его необходимо будет закрепить, развить — но все с соблюдением величайшей осторожности, памятуя о миологии.

Месяца через два очень аккуратных занятий — лошадь сможет идти совершенно полноценным испанским шагом.

Вообще, чем больше «миологических мыслей» будет в голове воспитателя — тем быстрее пойдет дело и тем более потрясающим будет результат.

Испанская рысь — очень энергетическое, предельно эффективное движение — есть прямое следствие и продолжение испанского шага. Механизм обучения тождествен, но шлифовку, придающую импульсивность и правильный вымах испанской рыси, следует проводить все же на кордео или на полной свободе и только после этого исполнять испанскую рысь под верхом (см. фото на сайте).

Испанский шаг, помимо своего плечеобразующего значения, — это золотой ключик к пассажи и пиаффе.

Начнем с *пассажа*.

Самое скучное, но и самое точное определение пассажи дал Ф. Р. де Гериньер: «Пассаж, который раньше называли *passage* от итальянского слова — *spassegio* — означает буквально «прогулочный».

Это действительно прогулочный аллюр, очень легкий для лошади, менее эффектный, чем испанская рысь, но и менее обременительный.

По сути — это всего-навсего очень короткая и ритмичная рысь в абсолютном сборе с подвисанием диагоналей и с отчетливым подъемом ног.

Пассаж надо ставить всем не иберийским лошадям (у большинства иберийских лошадей он вообще природный).

Делается это очень просто — испанскую рысь, которую всякая лошадь делает в полусборе, с почти освобожденной головой, надо слегка укоротить и попросить лошадь полностью собраться. Практически сразу получается очень высокий и вполне кондиционный пассаж (см. фото на сайте).

С *пиаффе* еще проще — вы просите лошадь пассажировать, но либо не двигаться при этом с места вовсе, либо двигаться незначительно (см. фото на сайте).

Оба этих элемента «ставятся» либо в руках, либо просто на полной свободе.

Я уже не говорю о том, что на голове лошади ничего быть не должно — это само собой разумеется.

Но и в случае *пиаффе* (как бы ни были просты и примитивны этот элемент и пассаж, которые, кстати, и де Нестьер, и Пигантелли очень условно включали в набор элементов *Haute Ecole*, а большинство учителей и вовсе не признавали за ними принадлежности к «Высокой Школе») — все дело, опять-таки, в абсолютном, правильном и гармоничном сборе.

Вот здесь-то мы и подходим к самому пикантному моменту.

До сих пор мне еще удавалось юлить и выкручиваться, ловко обходя некоторые секреты Школы, которые выдавать я не вправе.

Теперь мне будет выкручиваться значительно труднее. Вообще, надо сказать, таинственность и любовь к секретности — это не мое изобретение, а традиция, которой я следую в силу своей принадлежности к Школе.

Другое дело, что я — еретик этой Школы и давно уже иду своим путем.

Я презираю «железо», уздечки, шпрунты, недоуздки, любые средства силового или болевого воздействия.

Пусть и без всего этого, но элементы-то я исполняю «отэколевские», и учили меня мастера *Haute Ecole*, и традиции я тоже соблюдаю «отэколевские». Прекрасно зная и помня позорные страницы истории Школы, я знаю и то, что она была единственной школой в мире, с которой началось постижение лошадиной души. В манеже у меня

висит герб Haute Ecole, где по традиции, на ожерелке старого рыцарского шлема, венчающего две золоченые лошадиные головы, написаны последние, предсмертные (по легенде), волшебные и точные слова Де Нестьера: «Le cheval et toujour droouate» — «Лошадь всегда права».

И я не стыжусь этого герба, хотя на нем есть лошадиная кровь, что сознавать мучительно.

Практически во все века мастера работы с лошадьми, у которых, что называется, «получалось», оберегали секреты строжайшим образом.

Открывались лишь кровавые, зверские тайны работы с лошадью — ими специалисты делились на всех ярмарках и в сотне книжонок, от Рузиуса до Филлиса.

Свято хранились, что любопытно, лишь секреты нежности, тайны проникновения в лошадиную душу, каббалистика удивительных редких контактов человека и лошади.

Доходили до предела, до абсурда полнейшего.

В восточной Англии и Шотландии в конце XVII и начале XVIII века существовало некое «Лошадиное братство», по сути, совершенно шаманское. Объединяло оно английских мастеров по работе с лошадьми. Режим секретности был высочайшим.

Сборища проходили изредка, по ночам. В моде были странные письма с вложенным волосом жеребца, очень много говорившим посвященным. Их получали по почте избранные как в Англии, так и во всей Европе.

Обрядовые заклинания и формулировки были разработаны с тонкостью и знанием шаманских фокусов...

В частности, известно, что члены восточно-английского «Лошадиного братства» клялись так: «Я... по собственной воле обязуюсь не разглашать секретов никому... также клянусь приходить на помощь любому из членов братства в окружности трех миль. Оправданием отказа могут быть только роды жены или кобылы».

Обряд инициации проходил на кладбище.

Мальчика ночью посылали туда, чтобы тот нашел на могиле подкову или хлыст. Когда он находил искомое — из земли высовывалась рука, хватала его и тянула, и кто-то говорил жутким голосом: «Брат, брат... Не разглашай секретов...»

Все это очень мило, но члены «Лошадиного братства» перестарались.

Все свои секреты они действительно, к сожалению, сохранили.

Никакой достоверной информации о том, что же на самом деле они умели, мы не имеем и по сей день.

Отрывочные свидетельства обмена на ночных сходках «силой над лошадью» — так и остались бессистемными, обрывочными свидетельствами, из которых так и не понятно — умели члены братства

хоть что-нибудь или все это было чистой пустой мистикой и поводом «потусоваться».

В Кэмбриджшире (Cambridgeshire) был зафиксирован обряд «для получения власти над лошастью».

Заключался он в поимке жабы, ее убийстве, закапывании в муравейнике.

Когда скелет жабы муравьи должным образом оголяли, его необходимо было забрать из муравейника и ночью (в ночь полнолуния, разумеется) идти к ручью.

Скелет жабы надлежало бросить в него.

Одна косточка должна была отделиться от скелета и поплыть против течения (та самая вилочковая кость, что похожа на стрелку копыта лошади).

Выловленная из воды вилочковая кость забиралась с собой и обеспечивала власть над лошастью.

Есть свидетельства, что «посвященные» вчистую сходили с ума, стрелялись или исчезали.

А когда человек на людях демонстрировал хоть какой-нибудь пустячок, доказывающий, что он талантлив в обращении с лошастью, говорили, что «он был у реки», подразумевая, что человек практикует сатанинские обряды, дающие магическую власть над лошастью.

Короче говоря, чем занимались члены «Лошадиного братства», так выяснить толком и не удалось, однако существование этого братства — факт бесспорный. (Подробнее о тайных «лошадиных обществах» можно прочесть в замечательном исследовании Клифа Ричардсона (C. Richardson «The Horse Breakers»)).

Еще раз «Лошадиное братство» мелькает на сцене всемирного лошадиного исторического театра почти в конце XIX столетия.

Лошадиный герой того времени Джон Соломон Ререй (Rarey), о котором трудно говорить всерьез, так как ничего, кроме легенд и мифов, о его работе с лошадьми не сохранилось, легко ставил на уши всю европейскую и американскую общественность.

Он поражал воображение современников легкостью обращения с самыми сложными лошадьми.

Начал Джон Соломон свою карьеру «лошадиного колдуна» с того, что в 20 лет заездил двух лосей, с которыми являлся на местные деревенские праздники. (Это известно достоверно, равно как и то, что был он одиннадцатым ребенком в бедной фермерской семье.)

Прославившись в округе, он взялся покорять мир и к тридцати восьми годам свою задачу полностью выполнил.

Русский царь Александр II, Наполеон III, лорд Дорчестер, принц Альберт и королева Виктория — это лишь ничтожная часть списка его клиентов. Он ездил по миру и везде к нему выстраивались гигантские очереди владельцев «сложных» лошадей.

Если верить не очень согласующимся меж собой источникам, он достаточно быстро и очень мягко исправлял самой проблемной лошади психику.

У него был набор веревочек, с помощью которого он клал лошадь, а потом делал с ней, как пишут восторженные современники, «все, что хотел».

Воображение королевы Виктории он потряс, раскрывая зонт перед лошастью, и «даже бил в барабан, сидя у нее на спине». (Честно говоря, не густо.)

Так вот, Джон Соломон долго хранил секреты, а потом через прессу потребовал со взбудораженной общественности 250 тысяч фунтов за раскрытие части своих тайн.

Время было шальное, помешательство на всякого рода секретах воспитания лошади было почти повальным — и быстро составилось общество из «кавалерийских генералов и богатых коневладельцев», которые по подписке собрали эту сумму и готовы были вручить ее Дж. С. Ререю.

Тут-то и началось самое любопытное.

В тот же день, когда генеральско-коннозаводческое общество огласило о сборе необходимой суммы, и в контору сообщества, и самому Ререю пришли письма, в которых ничего, кроме порванного волоска из лошадиного хвоста, не было.

Причем Ререю прислали волосок вороной лошади, а любопытным генералам — серой.

Все бы это было просто забавно, но, как назло, открыв конвертик, Джон Соломон Рэрей, здоровенный мужик тридцати восьми лет от роду, знаменитый лошадиный заклинатель, — взял да и помер от удара (инсульта).

Случайность, наверное.

Существуют еще более интригующие версии и вариации этой истории. Я специально привел наиболее банальную и прозаическую. Но, скорее всего (я очень надеюсь), — все это просто полная чепуха и мифы.

Дело в том, что основной секрет особых отношений с лошастью, которые дают человеку потрясающие возможности ее обучения и воспитания, заключается в том, что секрета никакого нет.

Вернее, есть, но он такой невзрачный, такой неэффективный, что даже как-то неловко о нем упоминать.

Когда вы встречаетесь с лошастью, когда вы знаете, что вам предстоит ее воспитывать, учить, связать с ней жизнь — надо очень отчетливо определиться, а что же собственно вы в этой лошади любите.

Если вы любите просто ее формы, очертания, косое мощное плечо, накачанный круп и ноги с чистыми сухожилиями — то ничего не получится.

Вы пойдете тем же унылым, банальным путем, которым до вас шли тысячи «спортсменов».

Вы будете тупо пользоваться этим крупом, сухожилиями, ногами, шеей — болью принуждая их выполнять ваши прихоти, пока не разрушите все это великолепие или не наиграетесь.

Вполне возможен вариант, что все это мышечное великолепие, восстав против вашего тупого и неумелого владычества, размажет вас по стенке манежа или сломает вам позвоночник, сбросив в полях.

Какой бы ни был исход, — вы всегда будете врагом лошади.

Если вы любите возможности, которые дает лошадь: возможность заработать розетку на соревнованиях, возможность похудеть, возможность самоутвердиться и похвастаться, возможность ощущать себя покорителем огромного, гордого и совершеннейшего существа, возможность представлять себя (благодаря лошади и своему положению на ней) неким романтическим персонажем, так сказать, всадником, — то у вас тоже ни черта не получится.

Вы будете врагом лошади и никогда ее не расслышите.

Да и лошадь останется вашим врагом. Любимым, обожаемым, но врагом, для подчинения которого всегда будут необходимы причиняющие сильную боль приспособления.

Секрет отношений с лошадью заключается в том, что, глядя на нее, надо любить ее существо.

Ощущать ее боль, испуг и неудобство как свои собственные, любить ее странный, с человеческой точки зрения, взгляд на мир вокруг и, по возможности, разделять его.

Надо уважать ее полную беззащитность, признавать за ней право на недовольство.

Надо отказаться от тупого приматского высокомерия, осознать отсутствие всякого своего превосходства из-за принадлежности к подотряду высших человекоподобных.

Секрет лошадиной души заключается в том, что лошадь ничего вам не должна и не обязана вас слушаться.

Ее послушание надо заслужить и завоевать, став ей понятным и доказав свою любовь делом и абсолютной готовностью ее понимать, умением стать частью ее души.

Завоевывать надо не шею и сухожилия, а нечто иное.

Это нечто иное замечательно сформулировали старые лошадиные заклинатели лакотских прерий — «Шунка-вакан килэ, наги Ки уачи йело»...

Только в этом случае что-то может начать получаться.

Итак, литературно-лирическое отступление закончено, возвращаемся к делу воспитания лошади.

Важнейшим пунктом образования и воспитания лошади является, разумеется, сбор.

Сбор есть то положение лошадиного тела, при котором она находится в состоянии некой психологической и мышечной концентрации, полной готовности к движению или к сосредоточенной абсолютной неподвижности.

Внешней приметой сбора является сильное подведение ног под корпус и поднятие затылка (см. фото на сайте).

Внутренней, безошибочной приметой сбора является чувствуемая всадником (да и при работе в руках тоже) концентрация большей части веса лошади в бедрах, пояснице и мускулатуре крупа.

Сбор — это именно то, чего так страстно желали от лошади отцы-«отэкольщики», что, по их мнению (и совершенно справедливо), позволяет лошади без особого вреда для здоровья держать на спине всадника.

Движение лошади без сбора со всадником на спине разбивает ее и калечит.

Огромный вес живота и его содержимого тянет вниз позвоночник, участь которого отягощена весом всадника.

Сбор, помимо всего прочего, мобилизует мышцы живота, переключая на них заботу о поддержании его тяжести.

Ценится только добровольный, естественный сбор, а не тот, что вырабатывается подталкиванием сзади (шпорой или бичом) и ограничением спереди («железом» или медиаканой, или капцугом).

Сбор должен быть только добровольным, то есть таким, при котором лошадь в любую минуту, почувствовав боль, поскольку мышечное напряжение предельно, могла бы легко выйти из этого состояния, расслабив шею и мышцы спины, да и бедра по своему усмотрению.

Принудительный сбор калечит.

Пятиминутный принудительный сбор создает серьезные проблемы в области шеи, спины, позвоночника и крупа, проблемы, которые приходится лечить не один месяц.

Двадцать минут принудительного сбора делают лошадь инвалидом на всю жизнь.

В естественном, природном состоянии лошадь часто собирается сама.

В жеребцовой драке, происходящей в основном на задних ногах, лошадь, разумеется, получает свободу бить противника передними копытами только на очень хорошо подведенном заду, то бишь при условии, что на одних только задних ногах она устойчива и легко держит равновесие. (Хорошо гимнастированная лошадь Haute Ecole должна легко делать элемент сентаво — то есть даже под весом всадника идти на задних ногах пять-шесть шагов. Без всадника — двенадцать-пятнадцать шагов.)

Быть устойчивой и держать равновесие на «откляченном» заду — нереально, следовательно, ноги должны быть задвинуты под корпус

очень основательно. Чем основательнее — тем выше (до абсолютно вертикального) возможен подъем лошади.

А чем выше подъем, тем больше преимуществ в бою, либо появляется возможность бить сверху вниз передними копытами.

При боевом природном сборе затылок становится высшей точкой по двум причинам.

Голова опускается до прижимания ганашей к шее, чтобы закрыть собой, защитить яремную вену, которую всегда стремится прокусить противник.

Голова опускается еще и для того, чтобы окончательно натянуть некое общее мышечное кольцо корпуса и обеспечить абсолютную маневренность, пружинность движений шеи, плеч и бедер.

Жеребец, соблазняя кобылу, тоже демонстрирует ей в первую очередь свой сбор.

Делает он это по разным причинам.

Сбор — штука абсолютно статусная.

Что-то вроде генеральских погон.

Тот, кто никогда не дрался и не крыл, не может хвостануть перед барышней сказочной разработанностью прямой вентральной мышцы головы (*m. Rectus capitis ventralis*), отвечающей за сгиб затылочно-атлантного сустава и опускание головы.

Разработанность затылка — примета опытного сердцеда и удачливого драчуна.

Статусно низкий жеребец, которого однажды поставили на место и посему лишили возможности практиковаться в драках, разрабатывая свой *rectus capitis ventralis*, которому по причине его низкой статусности не «давали» кобылы, который всю свою жизнь ходит раскляченный, снизу заглядывая в глаза настоящим жеребцам или доминантным матронам, — никогда не покажет хорошего сбора при ухаживании.

Конечно, он будет распускаться, хрюкать и гнуть затылок, будет что-то имитировать и врать, но кобыла сразу увидит отсутствие подлинного, блестящего навыка в сборе, который единственно и безошибочно свидетельствует и о высоком статусе, и о профессионализме в амурном деле.

При этом, как можно предположить, самые тонкие, непостижимые человеку нюансы качества этого сбора видны кобыле с той же отчетливостью, с какой вы видите разницу между сигарой и космическим кораблем.

Это же не выездковая судыха — ее не проведешь натужной выгнутостью шеи.

Кобыла хорошо знает, где сбор, а где трепотня по поводу сбора. (Все вышесказанное абсолютно не означает того, что низкостатусному обязательно «не дадут». Могут и «дать», это зависит от степени желания у кобылы или от большой любви, то есть когда выбирать особо не из кого, а замуж надо.)

Амурный сбор несколько отличается от боевого.

В нем меньше и угрозы, и защиты, посему почти отсутствует боевой прижим ганахами к шее.

Но чуть больше одухотворенности, мимики, которая вообще очень богата у лошадей.

Правда, богатство мимики редко проявляется при общении с человеком (с ним, как правило, и общаться-то не хочется) и при спортивно-прокатно-конюшенном содержании. (Если посмотреть на фотографии из концлагерей, то лица узников там тоже практически без мимики, выпотрошенные и апатичные.)

В амурном сборе нет такого отчетливого подведения зада, так как лошадь вообще очень открыта — открыта демонстративно, чтобы позволить обнюхать свои паха.

Правда, когда дельце, что называется, «выгорает», и жеребец чувствует, что вот-вот оно начнется, сразу появляется очень хорошее подведение зада.

Жеребец греет поясницу, которой предстоит серьезно поработать, и готовится залезть.

А вот чтобы аккуратно залезть и точнехонько вставить — надо обладать той же свободой в движении на задних ногах, что и в бою. Тем же равновесием и той же мощностью.

Это уже через секунду жеребец наваливается, обхватывая передними ногами даму, а в ответственный момент вставления — все происходит только на задних ногах.

От сбалансированности, равновесия и уверенности зависит очень многое.

Кобылы, как известно, бывают разного роста и сложения.

А попасть-то надо непременно! И чтобы выдержать хороший тон — с первого прицела.

При этом жеребец не видит, куда вставляет. Вот здесь опять нужна сказочно точная и мощная работа задних ног, которые позволяют скорректировать до сантиметра высоту и напор.

Жеребцы-дилетанты или дебютанты, которые сразу валятся на кобылу, чаще всего и «мажут».

Разумеется, кроме драки и любви, существует еще множество ситуаций, где появляется природный сбор, но мы рассмотрели основные. Я полагаю, этого достаточно.

«Отэколевская» лошадь должна работать в сборе добровольном, который есть следствие осознания лошадью всех преимуществ обладания собственным задом и сдачи затылка.

Лошадь, как я уже говорил, невероятно умна и чутка. Все преимущества от добровольного подведения задних ног под корпус и сдачи затылка она быстро понимает сама.

Ей все становится легко.

Движения, расхлябанные и ползущие, переполняются живой и легкой энергетикой.

Делается сбор на свободе достаточно просто, но это «просто» основывается на двух сложных вещах.

Во-первых, надо уметь апеллировать к разуму лошади, к ее феноменальной способности учиться и понимать.

Во-вторых, ее задние ноги, круп и поясница должны быть, как минимум, в той кондиции развития, которая бывает у свободно живущей лошади.

Свободно живущая лошадь имеет возможность много, энергично и свободно работать задом.

Поясняю.

В природе, в естественных условиях, ситуаций, когда лошадь встает на задние ноги, загружая их, поясницу и мышцы крупа, — великое множество.

Во время жеребьих и подростковых игр, в драках, во время флирта и акта любви, запугивая или приветствуя, удивляясь или гневаясь, лошадь встает на задние ноги, выполняя то, что в реестре «отэколевских» упражнений, слегка трансформировавшись, называется *песадой*, *мизером*, *левадой*, *сентаво* и т. д.

Лишение ее этой природной возможности страшно ослабляет и задние ноги, и мускулатуру крупа, и поясницу. (А лошадь лишают этого, так как во всех видах и разновидностях конного спорта, от конкура до рысачьих бегов, вставшая на «дыбы» лошадь — это бедствие и экстремальщина. Со вставанием на дыбы (есть еще один колхозный термин — «свечка») борются всеми средствами: «железом», резиновыми дубинками по голове, спецприспособлениями типа шпрунта и подобными глупостями.)

Причина этого в том, что вставшая на задние ноги лошадь абсолютно неуправляема для спортсмена. «Свечки» по большей части вызывают ужас, считаются чем-то запредельным, свидетельствуют об ужасном характере лошади.

Даже изобретается специальное «противосвечное» железо (изобретатель — английский жокей Самюэль Чифни (1753-1807), которое в ходу по сей день (см. фотографии).

Еще в XIX веке изобретаются идиотские методики, научавшие опрокидывать лошадей на спину в том случае, если она осмелилась подняться на задние ноги.

На самом деле — все иначе.

Движение на задних ногах — естественно, гармонично и необходимо для лошади.

Если всадник боится того момента, когда его лошадь встает на задние ноги, значит, всаднику нечего на ней и делать, так как положение «на задних ногах», а грамотно говоря — *песада*, естественнейшее и

непременное, нужнейшее для нормального физического развития лошади.

По этой причине все движения на задних ногах, произвольно возникающие на первом этапе воспитания, в играх и в простых упражнениях, приветствуются и поощряются.

«Отэколевское» воспитание без них — нереально, так как большая часть фигур, элементов и упражнений основана на полной привычности крупа, поясницы и задних ног к большим нагрузкам, грубо говоря, на «накачке» этой части корпуса.

Подобную «накачку» можно видеть у табунных жеребцов, много дерущихся и кроющих.

В условиях манежа для разработки крупа и поясницы лошадь сначала учат подниматься на 1-3 секунды на псаду, сперва на свободе, потом под всадником, постепенно переходя к сентаво — проходке на задних ногах.

Делается это очень просто — закрепленное в играх, поощренное и приветствованное вставание на задние ноги формализуется голосовой просьбой и легким движением кордео.

Первое время, ища равновесия, лошадь, поднимаясь, будет «месить» передними ногами.

Ей можно подсказать прутиком, что этого делать не следует, но можно и не подсказывать, а потерпеть, пока зад накачается и идеальное равновесие будет обретено. Беспорядочное махание передом на псаде пройдет само собой, и ножки будут аккуратно подвисать, согнутые в запястьях под прямым углом.

Здесь все дело в терпении воспитателя и страшной боязни как-нибудь нагрубить лошади.

Я не случайно предостерегаю от туширования, псада — дело энергическое, порывистое, лошадь из ваших рук устремляется вверх, достигая трех с половиной метров ростом, передние ноги при этом молотят по воздуху — и туширование может получиться слишком чувствительным.

А отношения с лошастью следует беречь, они — гораздо большая ценность, чем быстрота обучения фигуре или элементу.

Я, например, всегда жду, когда лошадь на псаде, пусть даже и очень высокой, очень порывистой, — устаканится сама.

Чуть позже я вернусь к теме работы «над землей», как говаривал Плювинель. Сперва все-таки следует закончить со сбором.

Хорошего сбора не может быть без накачки крупа и мышц поясницы.

Задние ноги «завязываются», и никакой работой под седлом с прутиком, никакими прыжками через крашенные палочки этого не компенсировать.

Как учить сбору.

Если лошадь достаточно отгимнастирована работой на задних ногах и, пройдя через двадцать-тридцать простейших упражнений, абсолютно понимает воспитателя, то можно начинать учить сбору.

Берется «голая» лошадь, у которой на плечах лишь кордео.

К кордео прицепляется корда.

Делается это лишь для того, чтобы обеспечить идеальную и постоянную окружность ее движения.

Берется большой шамбарьер. (К тому времени, откуда бы ни пришла лошадь, как бы ни была мрачна ее биография — лошадь уже должна понять, что и хлыст, и краваш, и форпайч, и шамбарьер никакой опасности не представляют и абсолютно их не надо бояться. Прекрасно будет, если она усвоит, что все эти штуковины — просто часть ее приятеля по играм и занятиям.)

Если лошадь хоть чуть-чуть, даже не боится, а просто еще остерегается хлыста или шамбарьера, то начинать учить сбору рано.)

Воспитатель просит лошадь сделать любой рысью кружочек вокруг него.

Как правило, лошадь делает его с совершенно свободной головой, раскляченная, цепляясь передом за грунт и семена.

Задача — заставить ее сдать голову, поднять затылок и шею, начать толкаться задними ногами, приобрести грацию, силу и уверенность.

Для этого за задние ноги лошади, на землю, заводится шамбарьер, который начинает следовать за ней, змеясь по грунту.

Лошадь должна либо не обращать на него никакого внимания, либо относиться к этим манипуляциям с юмором. (Когда я говорю «с юмором», я имею в виду то состояние лошади, при котором она, еще не понимая, чего хочет воспитатель, начинает коситься и снисходительно, и выжидательно. При этом очень хорошее состояние духа ее не покидает, ей все продолжает нравиться. Воспитатель обязан понимать прежде всего ее состояние, настроение, душевные движения. Если лошади не нравится — она и учиться толком не будет. Учить разгневанную, раздраженную лошадь — пустая трата времени. Основой воспитания является умение доставить лошади огромное удовольствие выучкой и освоением очень сложных вещей и элементов.)

Возвращаемся к змеящемуся шамбарьеру.

Через какое-то время хвостик шамбарьера подвигается ближе, практически под задние копыта. Лошадь начинает его чувствовать, а поскольку для нее шамбарьер — это некая часть ее воспитателя, она деликатничает, стараясь поднять задние ноги чуть выше, чтобы не наступить. При этом лошадь не ускоряется, сохраняет тот же темп, в чем ей помогают размеренное, как метроном, цоканье воспитателя и в такт цоканью легчайшие потрепыхивания кордео на плечах.

Потрепыхивания обеспечиваются движениями корды.

Шамбарьер становится настойчивее, хвостик его все чаще самым своим тонким кончиком оказывается под копытами.

Лошадь все чаще поднимает задние ноги повыше — и в какой-то момент толкает в первый раз сама себя задом.

Это и есть наиважнейший момент, который следует закрепить непомерными ласками.

После того как этот (еще не понятный и не видимый никому со стороны) момент наступил, можно снять кордео и заняться самыми разнужданными, веселыми и любимыми лошадью играми.

Любит мяч — тащите мяч, три мяча, десять мячей.

И играйте на всю катушку.

Любит «ната'н'пи» — пусть начинает атаку, ваше дело уворачиваться.

Важно отпраздновать этот момент. Любым способом.

На следующий день, при повторении этого легчайшего толчка задними ногами — снова следует похвалить и приласкать, почесать холочку и что-нибудь дать, но занятие продолжить, вплоть до того момента, как станет понятно и лошади, и вам, что хвостик шамбарьера сзади уже воспринимается как рекомендация толкнуться задними ногами.

Когда толчки войдут в привычку — лошадь понесет себя сама.

А как только она пойдет, что называется, вчистую с «зада», голова сама собой примет правильное положение.

Лошадь может сдать меж атлантом и эпистрофеусом, двумя верхними позвонками, может иногда сдавать не голову, а шею меж третьим и четвертым позвонком — никакого канона здесь не существует.

Нет задачи добиться сдачи затылка меж первым и вторым позвонком, есть задача сделать движения грациозными и сильными. Лошадь сама выберет, как именно ей следует согнуть шею и затылок.

Главное — объяснить лошади, какие сказочные преимущества она получает в сборе.

Тут же, когда сбор станет лошади понятным, можно доказать ей его полное преимущество, научив пиаффе и пассажу (см. выше).

Уверяю вас — потом будет большой проблемой на разминке уговорить лошадь пробежаться хоть десять кругов обычной расхлябанной рысью, она будет предлагать сбор не из желания выслужиться, а просто сообразуясь с собственным удобством.

Сложнее научить шагу в сборе на свободе, но если все получилось с рысью — получится и с шагом. Методика та же, единственное — отсутствует та понятность сбора для лошади, что есть при движении рысью.

При движении шагом сбор скорее является сложной работой, чем удовольствием, почему я и учу сперва сбору на рыси, а уж потом на шаге.

Примерно такая же история с галопом.

Собрать лошадь, идущую галопом, на свободе — задача вроде бы совершенно нереальная, но несколько месяцев занятий на свободе и в руках, закрепляемых под седлом, — и проблема исчезает.

Разумеется, я объяснил лишь основной принцип научения сбору «голой» лошади.

На выучку сбора лошади у меня уходит от одного до трех месяцев, но я, как уже говорилось выше, не тороплюсь.

Я сильно боюсь очень капризной, но абсолютно справедливой реакции мышечного аппарата.

Все, что я описал по методике усадки лошади, в полной мере применимо и к воспитанию сбора — та же миллиметровая поэтапность, та же перестраховка, аккуратность, та же боязнь причинить малейшее мышечное неудобство.

Занятие, которое не нравится лошади, — не имеет для меня ни малейшего смысла.

По-настоящему преимущества сбора, которому я учу на свободе, лошадь понимает, когда на нее садится всадник.

В эту минуту, тяжелую (будем откровенны) для всякой лошади, — она легко соображает, что только состояние сбора дает ей возможность терпеть воспитателя на своей спине без боли и дискомфорта.

Лошадь, которую воспитываю я, начинает любить сбор, так как понятия не имеет, что сбор может быть принудительным.

Я не гну ей затылок, не притягиваю голову к груди — я просто даю ей возможность убедиться, что положение сбора — наилучшее для нее. И она, будучи существом с феноменальными мозгами, понимает это очень быстро. Кроме того, она остается свободной и в любую минуту может расслабиться, а я обязан уважать это ее право.

Что я и делаю.

Сбор никогда не длится и не может длиться дольше, чем этого хочет сама лошадь, он становится ее личным делом. (Отсюда и любовь к нему.)

А что же происходит в спорте? Сбор достигается болевым воздействием сзади и сильным болевым ограничением спереди. Любая попытка лошади выйти из сбора, а хочет она этого лишь тогда, когда шее, затылку и мышцам спины и крупа уже не вмогуту, — немедленно пресекается «железом» и шпорами.

Нет в мире такого гения, что с точностью до доли секунды почувствует усталость мышц лошади и бросит повод, перестанет воздействовать «железом». Отвращение к сбору прививается на самых ранних этапах, при обучении ему.

Примат, по сути своей, — существо не очень чуткое и очень азартное, к тому же убежденное в своем праве приказывать лошади, поэтому злоупотребление сбором — удел и прокатных «чайников», и олимпийских чемпионов в равной степени.

Я проводил соответствующий эксперимент.

Хорошо собирающаяся без всякого «железа» лошадь (с добровольным наученным сбором) может находиться в этом сборе не более 45-50 секунд на первом году обучения.

На втором и третьем году продолжительность добровольного нахождения в сборе может достигнуть полутора минут, при условии, что лошадь совершенно атлетически развита.

Только на втором году лошадь начинает идеально сохранять добровольный сбор под всадником на маленьких вольтах, пируэтах, на сложных элементах.

Тут еще огромную роль играет правильность посадки всадника.

Мне проще, из всех видов посадки я признаю только «отэколевскую» — на максимально прямой ноге чуть вперед, на максимально длинном стремях. Именно старинная школьная посадка больше всего подходит как для поля, так и для манежа, и, как показал опыт, именно такая посадка более всего бережет спину лошади и обеспечивает наибольшую свободу ее движений. Хорошая посадка, впрочем, возможна лишь у человека, который абсолютно не задумывается о том, как он выглядит на лошади, а соразмеряет себя, свой вес, свое положение лишь с ее движением и ритмом, стараясь минимизировать свое присутствие на ее спине.

Соломон де ля Брюэ, один из отцов-основателей Haute Ecole, перечисляя компоненты хорошей посадки, упоминает «поясницу прямую и несгибаемую», «ноги, вытянутые и прямые, как если бы вы шли пешком».

Плювинель предлагает свою характеристику, полагая наилучшим положением всадника на лошади то, «которое позволяет перенести самое грубое движение лошади, сохраняя грацию и изящество».

Плювинель, судя по всему, помучался с определением посадки очень основательно. Кроме процитированного фрагмента им написано очень много, очень кудряво и не совсем внятно¹³.

Гениальнее всех определил хорошую, идеальную посадку Такуан Сохо — просветленный монах дзен в своей книге «Письма мастера Дзен мастеру фехтования» в главе «Дзен и езда на лошади».

Предыстория знаменитого определения такова.

Дзенский монах XVII века, каллиграф, художник, поэт, мастер чайной церемонии и изобретатель рецепта квашения редиски — очень веселый и храбрый, позже ставший центральной культовой фигурой японского дзен-буддизма Такуан Сохо — был раззадорен своим занудным другом Ягю Тодзима, который как-то рассказал о горе, на вершину которой круто вели то ли пятьдесят, то ли сто каменных ступенек.

Более того, Ягю что-то наплел Такуану о знаменитом всаднике старины Магаки, который один когда-то поднялся галопом по ступенькам на лошади.

Ягю собрался повторить подвиг Магаки и пригласил свидетелем Такуана. Гора называлась Атаго, если не ошибаюсь. Такуан и его при-

ятель Ягю добрались до горы, но как только Ягю увидел круто поднимающиеся вверх ступеньки, он скис и от замысла отказался.

Такуан сел на лошадь Ягю и как ни в чем не бывало проскакал на ней вверх по ступенькам, развернулся и галопом спустился вниз — «как будто бы это была ровная поляна».

Ягю онемел.

Такуан пояснил, заодно родив непревзойденное по своей точности и простоте определение хорошей посадки всадника: «Чтобы скакать верхом по ступенькам — надо осознать, что в седле нету всадника, а под седлом нету лошади».

По старинному дзенскому комментарию — мастерство начинается лишь тогда, когда мы достигаем способности не замечать себя в седле и лошадь под седлом.

Не люблю я всякую мистику и всякие там совпадения, но есть тут что-то загадочное.

Такуан Сохо родился и жил практически в одно время с Антуаном де Плювинелем.

Когда в марте 1608 года Такуан становится сто пятьдесят третьим настоятелем храма Дайтокудзи, Плювинель получает назначение послом Франции в Голландию и становится членом государственного совета.

На годы карьерного и духовного расцвета Такуана в Японии — приходятся годы становления *Haute Ecole* во Франции.

«Грубиян» Плювинель и знать, разумеется, не знал, что где-то на севере какой-то Японии, о которой он только слышал, в серой штопаной дзенской хламиде, в нелепой шляпе из бамбуковых листьев, узкоглазый и желтый, посреди черного сада камней стоит и хитренько улыбается изобретатель основной формулы «отэколевской» посадки.

Странно все это, согласитесь, хотя к делу особого отношения не имеет.

Здесь можно было бы сколько угодно позлословить по поводу обезьяньей посадки жокеев и конкуристов или деревянно-напыщенной, насквозь фальшивой посадки девочек-выездниц, думающих не о лошади, а о том впечатлении, которое они производят на судей и зрителей.

Но мы уже упоминали, что не анализируем патологию или глупость.

И тому и другому достаточно было уделено места и времени в главе о конном спорте и «железе».

Да, кстати, о стременах. Они считаются величайшим изобретением, хотя их значение для организации правильной посадки сильно преувеличено.

Кто изобрел стремя — величайшая загадка, отгадка которой будет ясна лет через сто пятьдесят, когда будут сделаны все возмож-

ные, еще не происшедшие археологические открытия, сопоставлены все результаты раскопок за последние двести лет и выявлено строго научным археологическим путем безусловное старшинство экспоната, а следовательно, и авторство того или иного народа.

Я знаю примерно восемнадцать существующих на данный момент версий изобретения стремян, где фигурируют в качестве их изобретателей и кельты, и китайцы, и хунну, и сарматы, и аланы, и древние индусы, и римляне, и сянбицы, и даже алтайские тюрки.

Но это не очень существенно.

Гораздо интереснее причина их изобретения.

Военные историки, которые в лучшем случае один раз в жизни сели на прокатную лошадь, от тряски сразу потеряли пенсне и беретик, а потом ходили неделю такой походочкой, которая бывает после рождения двойни, усердно, хором кивают на невозможность древних всадников стрелять, рубить и колоть, не имея возможности во что-нибудь упереться ногами.

Якобы именно эти боевые потребности и спровоцировали изобретение стремян.

Чушь полная.

Это давным-давно придумал какой-то дурак, а остальные, как по пугай, повторяют.

Стрелять из лука возможно, вне зависимости от наличия или отсутствия стремян.

Насчет «колоть» и «рубить» без стремян — тоже нет никаких проблем в том случае, когда есть очень высокая, выверенная до миллиметров управляемость лошадью, что доказано и мною, и Марио Люраши, и очень многими каскадерами, делавшими в кино бои на лошадях без седел и стремян.

Поясняю.

Успех удара, хоть колющего, хоть рубящего, зависит только от того, насколько тонко управляется лошадь, способна ли она пройти мимо противника галопом именно на расстоянии «руки и клинка». (Я несколько упрощаю, чтобы не разводить антимоний.)

Просто если лошадь слишком приблизилась к противнику, сократив расстояние даже на полклинка, то есть сантиметров на 50,— удар не получится.

Если взяла лишние 50 см в сторону — то тоже не получится.

Если лошадь перерезвила, сойдя с правильного мерного галопа, то и в этом случае нанести удар невозможно, если чуть раньше времени «потухла» — результата тоже не будет.

То есть секрет хорошего удара не в наличии или отсутствии стремян, а в управляемости лошадью.

А стремяна здесь вообще-то и ни при чем.

И не для облегчения ратного труда они изобретались.

И облегчить ничего стремяна не могли, ибо не может быть управляемой раскляченная лошадь, то есть лошадь не в сборе, лошадь, у которой подведение задних ног под корпус и сдача затылка не стали привычкой и нормой движения.

А хунну, тюрков, кельтов, индусов или сяньбийцев от сбора, основного изобретения Haute Ecole, отделяло, по меньшей мере, одиннадцать веков. Так что не в стремянах дело, и не было никакой «стремянной революции», о которой нынче любят пописывать историки, понятия не имеющие, что такое лошадь и управление ею.

Дело, как ни странно, в другом.

И даже не в том, что взбираться на лошадь было очень неудобно.

Сохранились свидетельства Гиппократов о том, что скифы и другие народы, привыкшие подолгу ездить верхом, страдали сильнейшими отеками ног, опухольями и воспалениями, так как ноги их очень подолгу находились в висячем положении, кровоснабжение стопы нарушалось.

Не сговариваясь с Гиппократом, римский врач Гален описывает примерно те же самые симптомы и у римских солдат.

Доктора на этот раз не соврали.

Будучи еще молодым и очень глупым, я решил проверить это утверждение Гиппократов и Галена и выяснил, что в действительности, даже не через пять или шесть часов, а уже после трех часов езды без седла со свободно висящими, как макароны, ногами, ноги все же отекают и немеют.

Это, вероятно, и было основной причиной, побудившей верховое человечество изобрести некий упор для ног.

Что же касается бесседельной посадки, то езда без седла — это особое дело, особое удовольствие, которым, к сожалению, нельзя злоупотреблять, так как седло прежде всего — защита лошадиной спины и позвоночника от всаднического веса.

При езде без седла в постоянном контакте с этим весом находятся остистые отростки позвоночника лошади.

Именно для их защиты и существует арочный изгиб седельного ленчика. Только на лошади с совершенно идеально здоровой, с «голубой», как говорят термографисты, спиной, можно изредка позволять себе бесседельную езду.

Очень изредка, несмотря на всю жуткую соблазнительность этого дела, его легкость, свободу и удобство.

Мне порой приходится почти силой заставлять себя седлать лошадь.

Отдельная история — шпоры.

Именно шпоры — привязанные к сапогам железяки — давно канонизированы человечеством и как самый главный всаднический символ, и как знак мастерства всадника, и как первая и самая романтическая примета принадлежности к миру лошади.

Существовал и существует культ шпор.

Со шпорами работают самые потрясающие мастера сегодняшней Haute Ecole: Люраши, Делгадо¹⁴, мастера безуздечной езды, такие, как Жан-Марк Эмбер, основоположники «Natural Horsemanship» Пат и Линда Парелли.

Шпоры в обязательном порядке цепляли на ботфорты Плювинель и Гериньер.

По старым канонам Haute Ecole, шпорами нежно покалывают или потыкивают бока лошади, чтобы сделать ее движения острее, возбужденнее, и через это добавляют «отэколевским» элементам нервную пикантность, придающую, как считается, особый шик и эстетизм.

По сути, шпора, в самом благородном ее варианте, немногим отличается от прутика, она лишь подсказывает лошади степень эмоциональности, необходимой для выполнения того или иного элемента. Ничего более. (О дегенеративном использовании шпор спортсменами я даже говорить не хочу — оно безграмотно, предельно жестоко и бездумно.)

Мне казалось, что в моем случае шпора — неременная, священная вещь, сакральность которой подтверждена веками всаднической практики. Тем паче что количество корректировок движения лошади при обучении сложным элементам или при их исполнении так велико, что без шпоры обойтись трудно.

Одномоментно подвести зад, обеспечить высокий подъем ног, соблюсти ритм, добавить огня в движение лошади с помощью лишь манипуляций собственным весом и прутика — кажется почти нереальным.

Но несмотря на святость и высоту имен шпороносцев, несмотря на абсолютную канонизацию шпоры в литературе и живописи, она остается в высшей степени мерзким предметом.

Если быть до конца честным, конечно.

У меня, правда, всегда была великолепная отмазка, заключавшаяся в том, что мои лошади работают без уздечек, «железа» и недоузтков и что, если я переборщу или нагрублю шпорой, они тут же мне об этом сообщат.

Я уговаривал себя, что мои шпоры — и не шпоры вовсе.

Это всегда были маленькие португальские *les eregons*, по сути — гардкроты, крепящиеся без ремешков, с обрезанным и мягко закруженным шенкелем.

В этом было некоторое нормальное обезьянничание, так как мой учитель, великий Марио Люраши, всегда цеплял на свои сапоги именно такие португальские шпоры с отрезанным острием.

Гардкроты и шпорами-то, по большому счету, считаться не могут. Происхождение их забавно.

Всемирная история шпоры вообще не богата.

Оригинальничали в дизайне шпор только сарматы и, возможно, по их примеру — сянбийцы, аланы и хунну. Только у них, судя по последним раскопкам сарматских захоронений, шпора представляла собой широкую скобу с шипами и двумя ушками, которая привязывалась к голени всадника шипами внутрь (см. фотографии).

Такая шпора «работала» постоянно, ежеминутно, пока всадник находился на лошади.

Разумеется, маленьким сарматским лошадам, обремененным тяжелейшими роговыми доспехами, тяжелыми всадниками, вечно недокормленным и разбитым на ноги (что подтверждают артритные и артрозные суставы лошадей из Пазырыкского захоронения), с больными спинами, чтобы двигаться, — требовался не только острейший, но и постоянный болевой раздражитель.

Отсюда и варварская форма шпоры «постоянного действия».

Римляне, греки, Европа до XII века знали достаточно традиционную форму шпоры, более или менее острую, покорооче или подлиннее, с большим или меньшим репейком, но все же это была обычная шпора, которой, конечно, можно было наделать беды, но не сразу.

Моду на шпоры с боевой частью в виде прямого или кривого шипа длиной 30–35 см привезли из Палестины крестоносцы.

Такая шпора, надолго вошедшая в европейский обиход, очень долго еще называлась «аравийской».

Как и аравийцы — рыцари пользовались ею напрямую.

Мифы о том, что подобной шпорой кололи сквозь толстую попопу, — абсолютный вздор. Не сохранилось ни в одном собрании иппических древностей ни единой попоны с пробоинами от шпор или следами шпоры.

Более того, если на лошадь надевалась стеганая толстая попона, то под шпоры оставались «окошечки», достаточно большие.

Кололся именно бок, и кололся очень глубоко, ведь кровь на лошадиных боках была приметой всаднического мужества и удалства.

При абсолютном неумении рыцарства управлять лошастью подобная шпора по крайней мере решала вопрос резкого подъема в галоп, и, опять-таки, как в «сарматском» варианте, только она могла заставить перегруженную и, как правило, больную лошадь хоть как-нибудь двигаться.

«Отэколыцики» в конце XVI и в XVII веке снова утвердили обычную, не «аравийскую» шпору как единственно возможную.

Правда, репеек, боевое зубчатое колесико или колесики (число их доходило на одной шпоре до трех штук) было еще достаточно большим и острым (см. приложение).

Кавалерия XVII–XIX веков, не требовавшая от всадника ни мастерства, ни фигур «Высокой Школы», ни особой резвости, сильно упростила шпоры, укоротив их боевую часть и несколько уменьшив репеек (то самое колесико).

Именно в таком виде шпоры стали непременной частью военной формы.

Но на балах острыми зубчатыми репейками галантное офицерство, танцуя, ухитрялось так располосовывать подола дамам, что те решились с танцами завязать, о чем сквозь слезы и заявили.

Лишение кавалериста танцев было лишением его всякого смысла жить дальше.

Танец, как универсальный метод флирта, был обязательным и неизбежным прологом перины или сеновала.

Выбор был тяжким.

Или казарменный гомосексуализм и козы, но в шпорах, или традиционный сладостный сексуальный разбой, но без шпор.

Гомосексуализм и козы на практике оказались страшнее, и именно они подвинули офицерство на снятие зубчатого репейка и изобретение некой бальной, декоративной разновидности шпор, так называемых гардкрот, безопасных для подолов. Как бы и наличие на ногах неких железяк, обязательных по форме, было соблюдено, и платья оставались целыми.

Танцы, ко всеобщему удовольствию, продолжились.

Тысячи брошенных коз по всей Европе переживали некоторое время страшно, но затем вернулись к исполнению своих рутинных козких обязанностей, лишь иногда позволяя себе грустное хоровое бляение вслед уходящим эскадронам.

В гардкротах, вернувших европейское офицерство к нормальной половой жизни, был один колоссальный недостаток: они не брякали, как настоящие шпоры.

С этим обстоятельством боролись пару десятилетий, внедряя в пустотелый штырек гардкроты разные шарики и колокольчики, но потом плюнули, забыли — и гардкрота, бальная шпора, осталась такой, какой мы ее видим сейчас: безопасной для платьев, но, тем не менее, в высшей степени болезненной для боков и живота лошади.

Шло время, и я начинал понимать, что все мои рассуждения о «мягкости» гардкроты — это всего-навсего отмазка, ничем не лучшая, чем разглагольствования спортсменов о «мягкости» трензеля или мундштука.

Более того, следуя моей же логике, любые шпоры, любые гардкроты — это очень красноречивая примета очень низкой квалификации всадника.

Если я, считающийся мастером воспитания лошадей, не умею без железок на ногах убедить лошадь быть энергичной и духовитой, то что же я вообще на лошади делаю и какое имею право называться мастером?

О каком понимании и чувствовании лошади вообще может идти речь? О какой дружбе с ней?

Энергичность и задор лошади, вызванные механическим, болевым раздражителем, и стоят недорого, и вызвать их под силу любому филлису.

И я набрался храбрости и честно сказал себе: «Пусть лучше у меня вообще не будет получаться, чем будет получаться благодаря шпоре».

И снял их.

Навсегда.

Дружба есть дружба. И шпора в эту дружбу уж никак не вписывается.

Лучше опуститься на ступень ниже в мастерстве исполнения каприоли или пируэта, чем добывать качество каприоли или пируэта прикрепленной к ногам железкой, которой периодически надо больно тыкнуть того, кто доверился тебе безоговорочно и полностью.

Но это так, к слову.

Интереснее будет вернуться к моему обещанию рассказать о тех фигурах, благодаря которым Haute Ecole и получила свое название.

Дело не в высокой самооценке «отэкольщиков», а только в том, что основные фигуры и элементы считались и назывались «высокими», то есть приподнятыми над землей.

И только поэтому.

Основополагающей, фундаментальной «высокой» фигурой является *песада*. О ней, впрочем, я рассказал уже достаточно.

У песады есть несколько производных — мизер, сентаво, курбет, балансе (на заду), дуз, левада, лансада, круппада, баллотата, каприоль. За каприолью следуют сарабанда и крест — набор из пяти-шести курбетов, выполняющихся либо последовательно по одной линии (сарабанда), либо два курбета вперед, два назад, два влево, два вправо (крест).

Начнем с простейшего.

Мизер — есть полупесада, короткий и легкий подъем переда, настолько высокий, что копыта поднимаются над грунтом примерно на один метр, но не более.

Серия мизеров формирует так называемый *тер-а-тер* — короткий галоп в два такта, введенный в обиход школы Пиньянтелеччи и хорошо классифицированный герцогом Ньюкастлом.

Из тер-а-теров в Haute Ecole делаются и все пируэты.

Ограничение высоты подъема достигается очень просто.

Когда лошадь желает подниматься высоко и мощно, как привыкла это делать в играх или на псаде, и игнорирует всякие просьбы воспитателя о меньшей высоте подъема, я, пользуясь тем, что лошадь очень привыкла двигаться в моем темпе, не прекращая поднимать ее за кордео, начинаю идти чуть быстрее.

Приученная двигаться неотрывно рядом и быть очень внимательной, лошадь недоумевает, но очень быстро принимает правильное решение.

Желая и поспеть за мной, и подняться на задних ногах, она продолжает делать псады, но на каждую псаду теперь времени очень мало — и лошадь сама сокращает высоту подъема, постепенно переходя на еще

очень высокий и бессвязный прообраз тер-а-тера, который через три-четыре занятия непременно нормализуется, свяжется из просто серии мизеров в двухтактный галоп и опустится до канонической высоты.

Обозначается для нее тер-а-тер легким тушированием прутиком по груди, а чуть позже — голосовой просьбой.

Затем уже можно переходить к шлифовке тер-а-тера на полной свободе.

Полная свобода — когда на лошади нет даже кордео и сама она находится метрах в двух от воспитателя — в сочетании с тонким тушированием груди дает просторность, бешеную энергетику этому элементу.

Пренебрежение доводкой тер-а-тера на свободе может аукнуться, со временем, что называется, «одеревенением» фигуры, то есть появлением зажатости и формализма.

А тер-а-тер — и в руках, и под седлом, — ценен своей отчаянной и веселой энергетикой, свободой и пластикой.

Это, впрочем, касается и курбета, и круппады, и каприоли, и балансе да почти всего.

Практически любой элемент, которому лошадь научилась в руках, лучше всего дорабатывать, шлифовать на полной свободе, чтобы у лошади возникало чувство собственного авторства элемента, абсолютная уверенность в его игровой, очень симпатичной подноготной.

При всем при том на всех занятиях, как под седлом, так в руках и на свободе — дисциплина должна быть совершенной, никакой самостоятельности и распушенности.

Да, я бесконечно дорожу отношениями с каждой лошастью, которую я воспитываю.

Но и лошади, будучи очень разумными, тоже дорожат этими отношениями. Плюс ко всему есть выстроенная и закрепленная иерархическая система отношений, в которой я все равно старший и главный.

Любые прыжки, самые сумасшедшие галопы и игры, демонстрация любых элементов на свободе — начинаются только по просьбе воспитателя и немедленно заканчиваются по специальному его же свисту.

Когда элемент сделан в руках, доработан на свободе — его можно исполнять под седлом.

То, что я рассказал о мизере, песаде и тер-а-тере, в такой же степени относится и ко всем прочим «высоким» элементам.

Что-то чуть проще, что-то чуть сложнее.

Основная опасность — перегрузить лошадь, привив ее мышечной системе отвращение к элементу.

Курбет — прыжок на задних ногах — постигается лошастью еще проще, так как дает возможность «выхлестнуться». В нем нет неразрешенности, регламентированности мизера.

Курбет не обязательно должен быть очень высок, лошадь не обязательно должна находиться в строго вертикальном положении, главное, чтобы она поднимала весь свой вес только усилием задних ног и на задние же ноги и приземлялась. Техника обучения курбету чуть посложнее техники мизера, но лошадь очень быстро понимает, чего от нее хотят.

Тут главное — не поторопиться и не нагрубить случайно, когда добиваешься отрыва, прыжка на задних ногах.

Этот прыжок (главное в курбете) должен произойти в первый раз по воле самой лошади.

Дело воспитателя — просто подвести ее к этому, сократив до предела тер-а-тер и одновременно энергетизировав его до предела. Любой лошади захочется выплеснуться, развернуться, поставить точку, к которой ее подталкивает воспитатель.

Опять-таки все делается в руках или на свободе.

Главное — концентрация веса в бедрах, абсолютный сбор, из которого лошадь резко поднимается вверх.

Грамотно поставленный курбет открывает легкий и достаточно быстрый путь к каприоли и круппаде, да ко всем элементам школы.

Я почти не описывал здесь реальную технику обучения.

Это невозможно.

Реальная техника обучения каждому элементу заняла бы книгу, равную по объему всей «Лошадиной энциклопедии».

Я лишь объяснил принцип обучения тем элементам, в которых, конечно же, самым потрясающим образом раскрывается вся сила, вся талантливость, вся интеллектуальность лошади.

Я очень не случайно выбрал основной темой этой главы именно воспитание в духе Haute Ecole.

Все, что я перечислял с такой легкостью, считалось, считается и будет считаться самым запредельно сложным.

Для обучения и исполнения этих элементов на лошадь традиционно навешивать километры ремней и засовывать ей в рот множество железок.

Я делаю без всего пиаффе, пассажи, каприоли, балансе... Лошадь остается всегда свободной.

И это ни в малейшей степени не говорит о моей гениальности или хотя бы талантливости.

Я полагаю, есть или будут мастера, которым я и в подметки не сгожусь.

Речь — о гениальности лошади, о ее потрясающих способностях понимать и исполнять запредельно сложные вещи без всякого принуждения и всякого насилия. О том, насколько чутка и легка лошадь в отношениях с человеком, когда они верно выстроены, — на нежности и уважении.

Лошадь действительно гениальна. Ведь это она преодолевает жуткий межвидовой барьер и вступает в контакт.

Мое дело, дело воспитателя, — всего-навсего научиться быть понятным для нее, облегчить ей этот подвиг, на который она идет только из-за нежности, уважения и желания дружить.

Иногда малыш Каоги Ич-Ичага, вороной жеребец Haute Ecole, прервав игру или занятия, застывает, подолгу вглядываясь под своды манежа.

В огромных дерзких глазищах — насмешливое недоумение.

Он вполуха слушает разворковавшихся голубей в арках и толсто-мордых манежных воробушков.

Я не тороплю его, ибо давно научился уважать право лошади остановиться и задуматься.

И из чистого озорства представляю себе лицо и глаза Антуана де Плювинеля, лицо Молчальника де Нестьера.

Потом воображение дорисовывает меж ними старика Чжуан-Цзы и всех, кто мне дорог в истории лошади.

Живых и мертвых.

Представляю себе недоуменные глаза Плювинеля и тихие шаги замшевых мягких ботфортов, сухую мозолистую руку, которая трогает кордео на плечах Каоги, тянется к его губам, к его рту, в котором нет никакого железа.

И слезы счастья в глазах Молчальника, наблюдающего за руками Плювинеля.

Взрываются голубями арки, вдруг яростно и трубно орет Каоги, как будто бы действительно его антрацитово-вороной шеи коснулась сухая рука давно почившего, великого французского старика.

Завершая эту главу, я хотел бы вам представить лошадей, которых я воспитываю и которые на фотографиях представляют элементы Haute Ecole.

С первым вы уже знакомы — это вороной жеребец Каоги Ич-Ичага. Мама его, Династия, — была английской чистокровкой, папа, Арарат, — русским верховым. Когда я дописывал эту главу — пришло известие, что у Каоги родилось, почти одновременно, два сына.

Рыжая, широкогрудая, мощная кобыла, что так потрясающе демонстрирует на фотографиях сбор, круппады, курбеты — это Липисина, русская верховая, третья дочка знаменитой Химеры, павшей в позапрошлом году под цыганским ножом.

Липисина — очень хитрая, очень ласковая, очень своенравная и взрывная лошадь с богатейшим темпераментом.

Гнедая кобыла, демонстрирующая пассажи, испанскую рысь и прочее — английская чистокровка Ташунко-Уашшта. С полутора лет скакала на ипподроме. За жуткий характер была снята со скачек, попала на маточное отделение конезавода, где до конца дней должна была бы рожать и рожать в навозе и голодухе, но какими-то странными судьбами попала в Питер, а затем и ко мне.

Ну и наконец бурый, очень мощный конь — это Перст, в котором смешались крови арабских и донских лошадей.

До того момента, как он попал ко мне, судьба его была чудовищной. На свою беду он был очень красив (как и сейчас, впрочем), но буен и непобедим.

С ним пытались совладать спортсмены, но кому-то он переломал ноги, кому-то заехал копытом в живот — и его стали перебрасывать с рук на руки как неукротимого.

Там, где я его нашел, с его буйством боролись очень просто — его месяцами не кормили, надеясь, что голод исправит его характер.

И он действительно на время приутих, затаился и целых два месяца никого не убивал.

Потом он попал ко мне, отъелся, снова разбуянился и расшалился. А потом — потом мы подружились.

Он, как был, так и остался хулиганом. Но хулиганом с золотым сердцем.

^a *Амбуатэ* — очень сложный и редкий элемент Haute Ecole. По сути, это ритмизированное и «размноженное» движение «нападающего» жеребца, который на подскоке с рыси высоко выбрасывает одну переднюю ногу. Ввиду сложности обучения демонстрируется очень редко, по сложности превосходит каприоль. Здесь под амбуатэ понимается природное движение. Организованное амбуатэ под всадником как элемент Haute Ecole см. на фото на сайте.

^b *Протазан* — копьё с широким и длинным наконечником.

^c Культиваторы Боше помалкивают о подробностях кончины кумира, но есть исторический бесспорный факт: в 1855 году, когда Боше собирался сесть на лошадь, находясь на арене цирка «Наполеон», — на него, наконец, упала бронзовая люстра. Лошадь, что замечательно, не пострадала. Боше больше никогда ни на одну лошадь не садился.

^d *Дремкетчер* — специальная индейская штукавина, которая волшебным образом фильтрует сны, отсеивая нехорошие или страшные.

^e *Кранч* — гимнастическое упражнение Haute Ecole, заключающееся в добровольном глубоком прогибе лошади (см. фото на сайте).

Эрмитаж в Петербурге.
Скифские залы.

Здесь, слава богу, никогда никого нет.

Тут мумийный запах и холод.

В стеклянном квадратном гробу лежит безымянный скифский рыжий конь (на старой картонке надпись лиловыми чернилами: «Труп коня № 10»).

Две с половиной тысячи лет назад он был убит над гробом такого же, как и он, безымянного скифского владыки. Убит вместе с его женами и слугами.

Он долго пролежал в своем глубоком бревенчатом могильнике, пока курганы урочища Пазырык долины Большого Улагана не были вскрыты и раскопаны.

А теперь его последним домом, его огромным роскошным курганом, стал императорский Эрмитаж в Петербурге.

Безымянного коня никто не беспокоит, даже взглядом.

Скифский владыка рядышком, но в стеклянном гробике поскромнее.

Черный, разумеется, несколько осунувшийся, с еле прикрытым тряпочкой срамом и соответствующим оскальчиком вполне благополучной мумии.

Мертвец как мертвец.

Мертвеца музейные старушки зовут почему-то Андрюшей. Если кто и забредает случайно в этот скифский холодный зал, то, потратив все силы, чтобы разглядеть под тряпочкой, что же за две с половиной тысячи лет стало с Андрюшиным пенисом, — удаляется, даже не заметив коня в стеклянном гробу.

По непонятому до сих пор погребальному ритуалу скифов в склеп, к телу царя, рыжий конь пришел увенчанный золотыми оленьими рогами, в войлочной, расшитой и обвешанной иранским золотом маске.

В его черепахе — всего одна дырка от удара бронзовым ритуальным клевцом.

Вероятно, скифский похоронный забойщик лошадей имел твердую руку и большой навык.

Тем же клевцом дырявились головы жен и слуг¹⁵.

Во всем этом жестокости было не больше, чем в аккуратном, по списку, собирании чемодана на курорт.

Скифского вождя собирали в путь.

И в той черной стране, куда он уходил, ему была необходима лошадь.

И она должна была быть такой же мертвой, как он сам, чтобы легко и уверенно поставить копыта на черные земли этой страны.

Древние евреи вели себя значительно гаже.

Библия без особых реверансов описывает следующий обычай своих героев и пророков.

Кого-то в очередной раз победив (то ли сирийцев, то ли Моава), святой, боговдохновенный богоотец, пророк и царь Давид, поэт-псалмопевец, распорядился практически всем захваченным лошадям перерезать «ахилловы сухожилия».

Изуродованная таким образом лошадь полностью лишена возможности передвигаться и дней десять, в непередаваемых муках, дожидается смерти, полуприсев на раскаленном песке библейской пустыни.

Я несколько не преувеличиваю — вот цитата: «И взял Давид у него тысячу семьсот всадников и двадцать тысяч человек пеших, и подрезал Давид жилы у всех коней колесничных...» (2-я книга Царств 8,4).

Святой пророк-псалмопевец не был новатором.

Он всего-навсего исполнял прямое указание библейского бога.

То самое, что чуть раньше было дано Иисусу Навину: «Но Господь сказал Иисусу, не бойся их, ибо завтра, около сего времени, Я предам всех их на избиение сынам Израиля; коням же их перережь жилы и колесницы их сожги огнем» (Иисус Навин 11,6).

Иисус Навин тогда именно так, в полном соответствии с волею своего бога, и поступил.

Давид всего лишь следовал традиции.

Ладно бы и с людьми обходились подобным образом, но нет, пленников убивали, конечно же, увлеченно, но быстро и безболезненно.

Самой страшной, невыносимой по мучительности смерти библейские святые сознательно подвергали только лошадей. Рыжих, гнедых, вороных, серых — любых.

В мертвом пыльном мареве одни Давидовы воины, вцепившись руками в «железо», держали пленных лошадей, впряженных в пустые колесницы. Мерцая в пыли кожаными чешуями лат и чищенной бронзой шлемов,— меж колесницами с воплями сновали другие Давидо-

вы богоизбранные воины, широкими бронзовыми мечами подрубая пленным лошадям задние ноги.

Колесницы, в которые они были впряжены, тут же зажигали мальчишки длинно чадящими факелами, подсовывая их под дощатое брюхо колесницы.

Пересохшие от пустынных жар прутяные плетеные, обтянутые кожей колесницы Моава и Адзара разгорались быстро и жарко, окатывая огнем спину и круп уже обездвиженной лошади.

Лошади пытались, вероятно, карабкаться и ползти на передних ногах по песку, но валились на запястья, пытались встать, валились вместе с горящими колесницами на бок.

Их, обожженных, тысячами оставляли в пустыне, скрючившись, умирать с перерезанными сухожилиями.

Вокруг них догорали колесницы и лежали те, кому было оказано великое милосердие, — убитые люди.

Давид, гадина, пел, вероятно, псалмы свои, поглядывая на дело рук своих¹⁶.

В блестящем XIX веке — наполеоновские гусары имели уже четкие уставные указания о том, как именно следует расстреливать пленных лошадей: «Нужно выстреливать ей в голову, так направляя выстрел, чтобы пуля рикошетом не могла ранить кого-нибудь из своих».

Это — слова великого идеолога кавалеризма де Брака.

Тот же де Брак, суммируя уставные указания Великой Армии, объясняет и необходимость расстрела упряжных артиллерийских лошадей, если нет возможности или нужды отгонять взятое орудие в свое расположение.

Спасибо французской истории, французским историкам и французским мемуаристам.

Никаких достоверных сведений о том, как это происходило, до нас, слава богу, не дошло.

А вот англичане, распинавшиеся перед всем миром о своей любви к лошади, оставили документец о своих методах во время Пиренейской войны.

По сути, они тогда почти повторили деяния библейских пророков.

При эвакуации из Корунны англичане не имели нужного количества кораблей, чтобы загрузить лошадей.

И тогда было принято решение — всех лошадей уничтожить, чтобы они не достались французам.

Англичане, согнав всех своих верховых лошадей (несколько полков, около двух тысяч душ) на главную площадь Корунны, начали расстреливать их из ружей и пистолетов, а когда закончился порох, был

отдан приказ рубить саблями, закалывать чем придется, перерезать горло, перебивать ноги, делать все, чтобы убить или изуродовать настолько капитально, что даже если французы и найдут лошадей, то те были бы уже ни на что не пригодны.

Пока триста английских кавалеристов уничтожали своих лошадей, остальные грузились на корабли, чтобы навсегда покинуть Корунну.

По мере истребления лошадей на площади и в улочках кавалеристов небольшими подразделениями очень организованно, но в темпе отводили к кораблям.

Эвакуировались в спешке, тяжелораненых лошадей не добивали, что, впрочем, было и невозможно, так как груды лошадиных тел на площади достигали полутора-двух метров в высоту.

Капитан Гордон из пятнадцатого гусарского полка свидетельствует о гигантской, нереальной по масштабам, азарту убийц и кровопролитности бойне на коруннской площади.

Причем, подчеркиваю, азартно убиваемые — были свои, родные боевые лошади. Некоторые из них пережили уже все походы и сражения Пиренейской войны, многие из них служили в полках по три-четыре года.

Всякие там скупые слезы на усатых кавалерийских рожах (которые, наверняка, были) — ни в малейшей степени не могли остановить или затормозить процесс уничтожения лошадей.

Но были, впрочем, и там люди со светлыми сердцами. «Слуга сэра Годфрейя Вебстера не мог убить лошадь сэра Годфрейя. Он под пулями гусар вытащил ее из бойни, сам получил случайные пули в ногу и затылок, довел лошадь до окраины городка — и пустил ее галопом прочь, прямо к французам».

Других свидетельств о нормальных поступках англичан в отношении лошадей при отступлении из Корунны не осталось.

Вероятно, их и не было.

Известно, что в разговоре с голландским посланником французский король, испытывая некие лингвистические затруднения, лукаво попросил Молчальника де Нестьера, находившегося рядом, дать точный перевод слова «кавалерист».

«Точный?» — переспросил де Нестьер.

«Да! Да! Да!» — очень темпераментно отозвался король.

«Кавалерист — это человек, которого близко нельзя подпускать к лошади», — медленно, запинаясь, глядя в кипарисовые наборные паркеты Лувра, ответил Молчальник. (Это, вероятно, была самая длинная из всех произнесенных им фраз.)

Де Нестьер был, как всегда, прав.

Для чего вообще пишется эта глава?

Понятно, что в драках приматов — как локальных, так и масштабных — использовалось все, что могло дать малейшее преимущество. Лошадь — в том числе.

Ее жизнь, ее чувства, ее душа — абсолютно не принимались в расчет, она была орудием, чаще всего разовым, смерть ее — пустяком, а страдания — ерундой.

Я, честно говоря, придерживаюсь точки зрения де Нестьера и вслед за ним могу лишь повторить, что «кавалерист — это тот, кого близко нельзя подпускать к лошади».

Но я готов изменить свое мнение при условии, что трехтысячелетняя история лошади, вовлеченной в человеческие разборки, предоставит хоть какие-нибудь факты, опровергающие мое убеждение.

Ведь миф о красоте и эффектности кавалерии так силен и настолько внедрен в человеческую культуру и историю, что, быть может, стоит пошарить поосновательнее и найти ему хоть какие-то подтверждения. Хоть где-нибудь и когда-нибудь.

Я пишу эту главу, абсолютно не понимая, как и чем я ее закончу.

Очень надеюсь, что она не превратится просто в реестр мерзостей.

Не забывайте, что упомянутый миф утверждает, помимо прочего, что война — одно из главных призваний лошади, что в военной лошади было воплощено все самое прекрасное, что вообще человек ценил и обожествлял в лошади, что именно война порождала то самое волшебное единение всадника и коня, что стало каноном в живописи, литературе и кинематографе.

А поскольку единение, дружба с лошастью — являются основной и главной темой этой книги, то возникает необходимость в написании некоей краткой истории кавалерии, опирающейся на проверенные, серьезные и характерные факты.

Естественно — эта история не будет рассматривать принципов кавалерийских построений и тактики.

Меня совершенно не интересует основной вопрос истории кавалерии — преимущество одношереножного строя перед двухшереножным, шахматное построение эскадронов или уступное.

Я не хочу спорить о приказах курфюрстов или мусолить вечную тему о роли гипосагитариев (конных стрелков) в пунических войнах или в тысячный раз, вслед за всеми историками кавалерии, ужасаться глупости Сервия Туллия, разделившего когда-то римскую кавалерию на восемнадцать центурий.

Все это не имеет ни малейшего отношения к лошади как таковой.

И к ее отношениям с человеком.

И я вовсе не намерен в этой главе воздыхать о непонимании лошади человеком, оно не обсуждается, а доказательств тому представлено во множестве в главах о «железе», спорте и воспитании. Война была апогеем всей этой дикости.

Я также не собираюсь повторяться и пытаться анализировать историю кавалерии через «железо».

Понятно, что и здесь — в истории лошади на войне — все решалось только безжалостным болевым принуждением.

Это уже не обсуждаемая аксиоматика.

Интересно другое — ведь лошадь и человек именно на войне могли быть исключительно близки физически, они находились в непрерывном контакте годами, они вместе страдали и голодали, ели и спали рядом.

Неужто такая близость не породила хотя бы намека на понимание лошади?

Хотя бы крохотного?

Неужели во всей истории кавалерии нет ничего такого, что стоило бы перенять, нет никакого полезного и доброго опыта, что помог бы в главном деле — безупречном контакте с лошастью?

На первый взгляд, похоже, что нет.

Практически во всех кавалерийских армиях мира — от древности до конца XIX века — военным лошадям обрезались под корень уши (полностью, до черепа) и обязательно перерезались голосовые связки.

Уши отрезались для того, чтобы в бою лошади не залило глаза ее собственной кровью, так как кавалеристы, махая саблями, чаще всего попадали по ушам собственной лошади.

Окончательно регламентировал это правило в кавалерии лорд Доноган, но и до него, как вы сами понимаете, превентивная обрезка ушей практиковалась со времен греков.

Голосовые связки перерезались, чтобы лошади не выдали место заставы или расположения войска своим ржанием.

Естественно, рассматривать историю кавалерии следовало бы, исповедуя главный оценочный принцип любого явления, заключающийся в том, что позднейшие проявления собрали в себя и положительный, и отрицательный опыт предшествующих, например, что мюратовские гусары при Баграме несли в себе опыт парфян при Каррах.

Это, в общем-то, бесспорно.

Правда, руководствуясь этим принципом, можно было бы ограничиться анализом того же де Брака, написавшего евангелие всех кавалеристов XIX века «Аванпосты легкой кавалерии», но тогда история теряет свою полифоническую пестроту, убедительность и объемность.

Вот кратенькая подборка фактов все же из разных времен и народов, достаточно полно иллюстрирующая отношение кавалериста к лошади.

1812 год

Сохранились детальные описания того, как французские драгуны, чтобы согреться, при отступлении из Москвы вспарывали животы своим лошадям, на скорую руку еще живых выпотрашивали, чтобы освободить в животе место, — и целиком (!) залезали в них, чтобы отогреться, пока лошадь не успела остыть.

Причем это делали офицеры, солдаты расхватывали теплые кишки, «которые наматывали себе на руки и совали за пазуху, как грелку».

XII век

Во время крестовых походов в войсках крестоносцев было скверно с провизией. Запасаться мясом было невозможно, так как в жаре палестинских пустынь все мгновенно протухало.

Был придуман способ постепенного вырезания небольших кусков мяса и кожи из живых лошадей, которые шли за отрядами. Крестоносцы вырезали куски конины, наспех зашивали и залепляли рану и гнали лошадь дальше, чтобы на следующем привале вырезать еще и иметь опять свежее мясо.

1793 год

Цитирую: «Лошадь гусара по имени фон Зиетхан была тяжело ранена в живот. Он пересел на другую лошадь и уехал по делам. Возвращаясь по той же дороге на следующий день, он увидел свою лошадь лежащей там, где он ее оставил, кишки ее вывалились и были наматаны на ноги. Он лишь сказал: „Я был удивлен, что лошадь подняла голову, когда мы проезжали мимо...."»

1400-е годы

Тимур особо премировал курьеров, представлявших доказательства того, сколько лошадей им удавалось загнать до смерти при доставке его распоряжений войскам.

Кастильский посол в Самарканде (1403 г.) г-н Гонзалес де Клавийо (Ruy Gonzalez de Clavijo) поражался в своих мемуарах количеству лошадиных трупов на мирной дороге Табриз — Самарканд, пока ему не пояснили, что курьеры, желая отличиться, поголовно делали все, чтобы на подходе к перевалочному пункту, где ждали свежие лошади, их лошадь пала бы от легочного кровотечения через ноздри и рот.

Это было приметой особого, исключительного рвения. Профи «курьерского» ремесла, имеющие отличия, убивали под седлом до тысячи лошадей за несколько лет.

Хрип, кровавая пена и смерть загнанной лошади становились для них не просто абсолютно будничным делом, но еще и предметом хвастовства.

1859 год

Генерал де Марбот описывает, как один из его офицеров — капитан Лебедуайр — разгневался на собственную, очень горячую и нервную лошадь за то, что та испугалась внезапного выстрела. «Лебедуайр соскочил с лошади и мгновенно, саблей, перерубил ей задние сухожилия. Лошадь упала и, заливая все кровью, потащила себя вперед на передних ногах».

400-е годы н. э.

Сарматы щеголяли друг перед другом массивностью и размерами брони, которую надевали на своих боевых лошадей.

Иные из сарматских лошадей были облачены в броню такой длины, что она закрывала лошадь от головы до скакательных суставов. Примечательно, что производилась эта броня из лошадиных копыт, выпрямленных под воздействием пара и очень горячей воды, а затем обточенных до формы большой чешуйки.

Для изготовления одного комплекта разом убивались или калечились до состояния неподвижности около ста лошадей, которым отрубали копыта.

1814 год

Воспоминания генерала Мерсье: «...Многие лежали на земле с вываленными кишками, они были еще живы. Одна несчастная лошадь возбуждала даже болезненный интерес солдат, которые порой бросали взгляды в ее сторону и, посмеиваясь, обменивались репликами. Эта лошадь, я полагаю, потеряла обе задние ноги и всю длинную ночь просидела на хвосте, в огромной луже густеющей крови, глядя по сторонам, издавая время от времени длинное и меланхоличное ржание.

Следующим утром, когда все покидали лагерь, страдалец все еще сидел на хвосте и тихо ржал нам вслед...»

III век до н. э. Пунические войны

Нумидийцы брали жеребенка и с самого раннего возраста надрезали ему ножами спину, причем стоило одной глубокой ране зажить, тут же рядом или накрест делалась другая.

Так продолжалось до трехлетнего возраста, пока вся спина не покрывалась густой сетью рубцов и шрамов. Это позволяло надежнее и крепче сидеть верхом, так как образовывалась некая шершавость.

Примечательно, что до середины XX века эту традицию сохраняли в Нигерии.

Россия, XIX век

Н. Волынский, известный историк русской кавалерии, описывает традиционный способ заездки армейских лошадей: «На дикую лошадь накладывали с чрезвычайными усилиями, иногда валя ее, мешки с песком от 5 до 6 пудов веса (80-96 кг) и гоняли до полного изнеможения на корде. Дня через два ее заседывали, переваливали через седло те же мешки с песком и процедуру повторяли. Затем всадник заскакивал на нее и, продолжая движение, начинал бить ее до полного изнеможения. Точно так же продолжалось и на другой день — и на этом кончался курс выездки: лошадь считалась достаточно приезженной и ставилась во фронт». (Примерно такой же способ заездки был и в войсках Чингисхана, у ассирийцев, сарматов.)

Северная Америка, 1876 год

Известно, что во время битвы при Литл Биг Хорн американские кавалеристы, оборонявшиеся от индейцев сиу, убивали собственных боевых лошадей, чтобы использовать тело лошади как бруствер.

Несправедливо, впрочем, приписывать этот обычай только солдатам и офицерам генерала Кастера — на самом деле убийство лошадей для использования их трупов в качестве баррикады или защиты от стрел и пуль практиковалось и древними ирландцами, и монголами, и средневековыми ландскнехтами.

Этот дикий, позорный реестр, характеризующий кавалеристов разных эпох и народов, можно было бы продолжать до бесконечности, но, поверьте, он однообразен.

Почти всегда — феноменальное равнодушие к любым страданиям лошади, безжалостность и тупость.

Та самая физическая близость человека и лошади, продолжавшаяся годами, которая, по идее, должна была научить человека хоть немного «слышать» лошадь, — ни к чему не приводила.

Кавалерист, как был, так и оставался существом, которого и близко нельзя подпускать к лошади.

Более того, у любого кавалериста насилие над лошастью, тупое и примитивное, было профессиональной обязанностью, и совершенствовался он не в умении понимать лошадь, а в умении глупо насильничать.

На самом деле все просто.

Именно кавалерист был тем человеком, который должен был развить свое умение не «слышать» лошадь почти до абсолюта.

Иначе выполнение «маршевых» или «боевых» задач было бы нереальным.

Ни в одной армии мира не существовало понятия «аритмия», то есть нарушение баланса движения лошади, указывающее на проблемы опорно-двигательного аппарата или на внутреннюю боль.

Настоящая, зримая хромота была обстоятельством досадным, но лошадь из строя не уходила.

Кавалеристы в массе своей отличались во все века еще и подлостью в отношении лошади, что тоже нельзя забывать.

Ведь что такое, в переводе с возвышенного языка, «кавалерист»?

Это военнослужащий, посаженный на лошадь.

Что такое военнослужащий, всем хорошо известно и в комментариях не нуждается.

К примеру, очень распространены были в кавалерийских частях случаи, когда солдаты и офицеры умышленно ранили своих лошадей. Иногда это делалось под покровом боя.

Иногда — на марше.

Выгода была очень большой, так как спешенный по причине травмы или болезни лошади кавалерист отправлялся в обоз, под юбки маркитанткам.

Де Брак пишет о способах ранения кавалеристами своих лошадей следующее: «Встречаются всадники, умышленно, из трусости ранящие своих лошадей, чтобы иметь повод уйти в обоз. Способы, к которым они прибегают, состоят в дурном накладывании потника или в затыкании камешков в его складки...»

Все просто — достаточно засунуть в складку потника камень или щепку, поседлать лошадь, пройти на марше 10-15 км, чтобы место под камешком намялось до живого мяса.

Намин всегда легко списать (если успеешь вынуть камешек) на разболтанность ленчика седла, на задубевший потник и еще на массу причин.

Плюс к этому, как помните, в главе «Железо» описывалось почти поголовное неумение кавалеристов ездить верхом.

Дело в том, что ездить верхом и держаться на лошади и не падать с нее — два совершенно разных умения.

Кавалеристы, как правило, умели не падать с лошади, иногда умели держаться на ней, но никогда не умели ездить верхом.

Многолетняя практика только укореняла ошибки, а неумение превращалось в традицию.

В главе «Железо» я очень подробно, со ссылками и цитатами, анализировал эту ситуацию, основываясь прежде всего на мнениях самых знаменитых идеологов кавалерии.

Кавалерийских генералов, считавших для строевого всадника вредным излишеством всякое мастерство верховой езды, понять нетрудно.

Как бы то ни было, но и всадник, и лошадь были массовым расходным материалом, углубленное обучение которого заставило бы отложить войны и обанкротило бы любое государство.

Тот же, уже упоминавшийся генерал де Боан, имевший академическое всадническое образование, знал, о чем говорит, запрещая солдатам и офицерам постигать даже азы его.

Он прекрасно знал, что реальное научение человека искусству верховой езды занимает пять-семь лет ежедневной тяжелой работы в манеже, а подготовка одной лошади, которая могла бы демонстрировать навыки выездки — не менее семи-восьми лет.

Естественно, при массовом обучении на это не было ни средств, ни времени.

Да, главное, — и необходимости не было никакой.

Подняться в галоп, проскакать, задавить неприятеля в сомкнутом строю массой лошадиного мяса — вот и вся задача кавалерии.

С особым удовольствием кавалерийские генералы всех эпох и народов пишут и о тупости кавалеристов так называемого «личного состава», признавая, что 99% имеют, как выражался де Мельфор, «достаточно узкий ум», не способный к принятию любой науки.

К тому же именно в армиях человек учился субординации, учился быть униженным старшим по званию и унижать младшего.

Лошадь любого кавалериста всегда для него была младшей по званию, на которой можно было отвести душу. (Очень смешно слушать байки о том, как лошади выносили раненых с поля боя. Ведь лошадь, как только болевой контроль над ней ослабевал из-за физического увечья всадника, уносилась из битвы, где было страшно и опасно.)

В конце концов, как никогда ни у одной лошади не было личной заинтересованности выиграть олимпиаду, точно так же никогда ни у одной лошади не было личной заинтересованности в том, чтобы стороной, на которой она якобы воюет,— была бы одержана победа в битве, в войне или схватке.

Прав был Бонапарт, страшно ругавшийся на лошадей и всегда говоривший, что «лошадь не имеет Родины и не желает за нее сражаться».

Лошадиные потери всегда были огромны.

Возьмем, к примеру, маленькую войну, почти неприметную.

За четыре года Бурской войны (1899-1902) англичане потеряли 350 тысяч лошадей.

Возьмем войну посерьезнее.

Наполеон вторгся в Россию, имея около 500 тысяч лошадей.

Это не только лошади боевой кавалерии, разумеется, тут были и обозы, и патронные, и орудийные, и провиантские фуры, и лошади артиллерии, и еще множество служб.

К концу войны у него оставалось, несмотря на постоянные обновления и поставки лошадей из Франции, Польши и Италии, — около 30 тысяч.

Примерно такие же цифры в русской армии.

Около полумиллиона в начале войны — и несколько десятков тысяч в конце.

В переводе с языка скучных цифр истории это означает, что дороги и поля России были завалены миллионом лошадиных трупов.

И лишь небольшая часть этих лошадей была убита в боях. Большинство лошадей, пораженных лишаями, вшами, чесоткой, мокрецами, страшными гноящимися ранами от плохо подогнанных седел и сбруй, умирали долго и мучительно, под снегом, дождями, в непролазной грязи, ведь война состоит в основном из походов по грязи, биваков в грязи и тому подобных неромантических подробностей.

Боевые потери, конечно, тоже были огромны и страшны.

Эти цифры, цифры боевых и так называемых «маршевых» потерь, обычно не интересуют историков кавалерии, ибо все они молчат о том, как в реальности страдали от болезней кавалерийские лошади. (Они молчат не в силу некоего заговора по данному вопросу — просто, как правило, их это интересует значительно меньше, чем фразеология генералов или цвета вальтрапов конно-егерей или споров о том, где находился чей фланг.)

О том, что думали и чувствовали эти лошади, как умирали и болели, — что примечательно — никогда ни один историк кавалерии даже не задумывался.

Читая работы по истории кавалерии, которых написано тьма-тьмушая, я всегда поражался тому, что о лошади или лошадях в них нет, по сути, ни единого слова.

Тем более о страдании лошади на войне.

Упоминания об этом в исторических трудах появляются лишь тогда, когда из-за состояния лошадей срываются или сами собой прекращаются сражения, что случалось, и нередко.

К примеру, в боях под Красным (1812 г.) Московский драгунский полк атаковал колонну французской пехоты, но, как пишет историк, «лошади были настолько больны и изнурены, что, добравшись до построения французов, оказались не в силах двигаться дальше. (Представьте себе, как их лупили, чтобы заставить добежать до этих построений.) Иные из лошадей — в трех метрах от неприятеля, не будучи задеты пулей, — тихо опускались в снег и умирали от сделанного последнего усилия.

Иные останавливались, вешали головы, и стронуть их с места было невозможно даже прямыми уколами штыков».

Так было на каждой, без исключения, войне.

И дело не только в голоде.

Живопись и скульптура, разумеется, преподносила сильно подслащенные сцены конных поединков, атак или кавалеристов на марше.

А на данный момент представление о лошади на войне радикально «кинематографизировались» благодаря тысячам постановок на данную тему.

Но в кино мы видим каскадерских лошадей, которые действительно, как правило, в хорошей форме, которые только что выгружены из комфортабельного коневоза или выведены из приличной конюшни, накормлены и обследованы ветеринаром досконально.

Современные кавалерийские шоу, типа Королевского Виндзорского или Французской Гвардии,— это опять-таки показуха декоративных парадных подразделений, существующих под стеклянным колпаком и не имеющих ничего общего с реальными кавалерийскими частями.

В действительности же на реальных войнах всех эпох все выглядело совершенно иначе.

Даже в наполеоновской, к примеру, армии до 90% лошадей во всех кавалерийских подразделениях были больны чесоткой, лишаями, страдали от мокрецов, имели сап, мыт, кожный сап, трипаносомоз, лимфангоит, пироплазмоз, энцефалоэмиелит.

Древние ветеринары, тот же Пелагоний (IV век н. э.) много раз упоминает мыт, сражавший конные подразделения современных ему армий.

О залишаенности, вшах, глистах и мокрецах пишут Варро (I век до н. э.), Колумелла (I век н. э.).

Массовые болезни кавалерийских лошадей были не исключением, а правилом. Понятие «эпидемия» до середины XIX века в ветеринарии не существовало, заболевшие лошади никогда не отделялись от еще здоровых.

Больные лошади, естественно, пока могли кое-как передвигаться, оставались в строю.

Рисунки дают представление о реальном состоянии боевых лошадей.

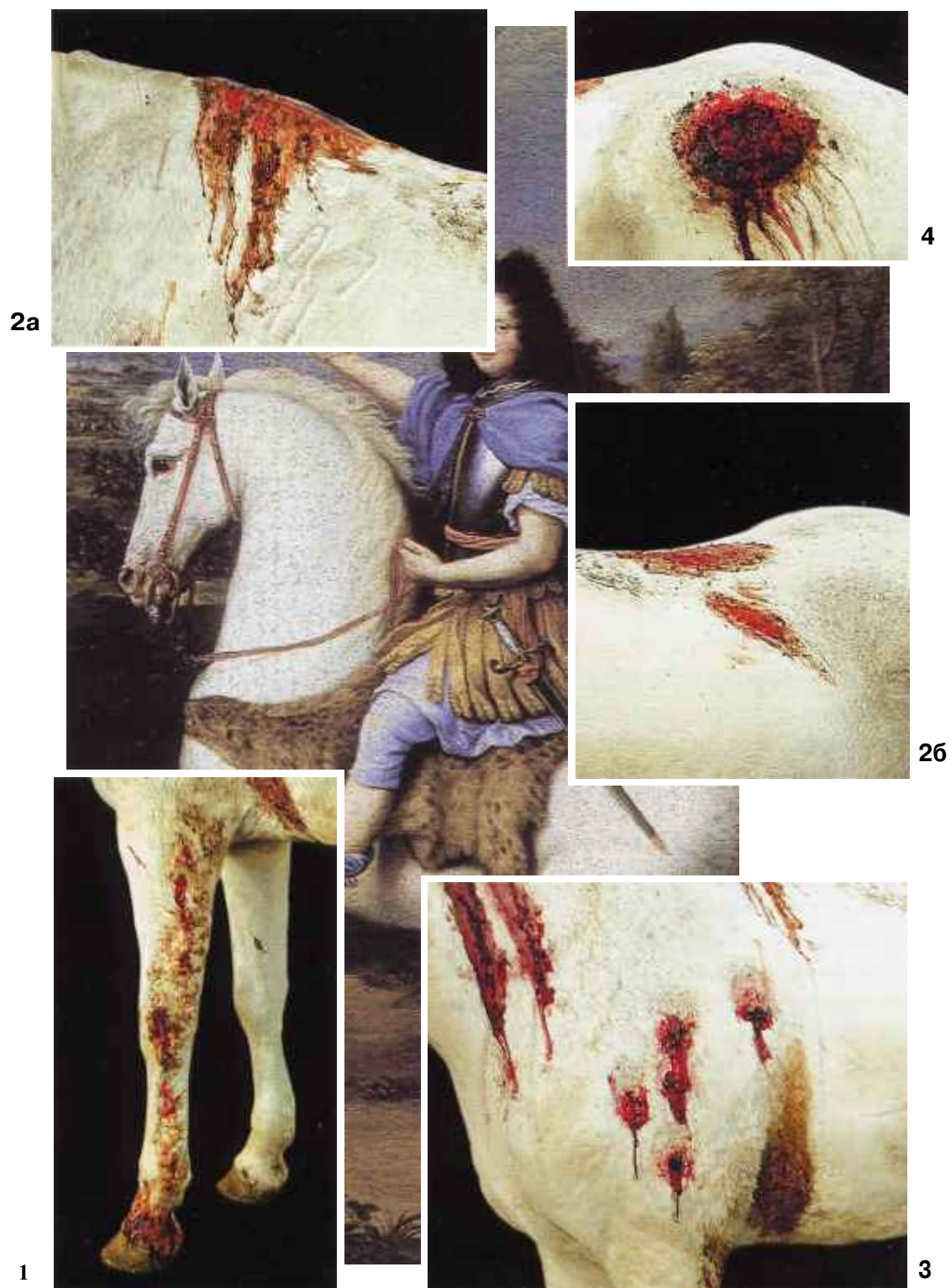
Эти раны сделаны сейчас, но сделаны специальным гримом под наблюдением ветеринаров и специалиста-ипполога и в точности реконструируют основные военные травмы, как маршевые, так и боевые.

1. *Мокрецы* — в переводе на общепонятный — это очень болезненный струп, который образуется на ногах любой лошади от грязи и сырости. Струп растет, трескается, растекается инфекционной желтой сукровицей и при отсутствии очень сложного и долгого лечения может охватить почти всю ногу лошади с внутренней стороны.

Чрезвычайно болезнен.

Даже в идеальных конюшенных условиях, с современными препаратами, лечение мокрецов может занять не один месяц ежедневного размачивания и счищения инфекционной коросты, втирания цинковых мазей и прочих процедур.

Понятно, что в условиях маршей и переходов по грязи и сырости, в условиях наступлений, отступлений и тому подобных глупостей, мокрецами заниматься было невозможно, и очень скоро лошадь становилась полным инвалидом.

1 — мокрец; 2a, 26 — нагнёт; 3 — картечные и сабельные раны; 4 — раны от крупнокалиберного оружия

2. *Нагнет*. Это самая распространенная проблема всех конных армий мира. Дело в том, что даже если седло и подходит лошади, что бывает очень редко, — то лошадь в походе, в условиях бескормицы имеет свойство радикально худеть.

Седло превращается в пыточный инструмент и очень быстро превращает холку лошади в одну сплошную сукровистую рану.

Душечка де Брак в своих «Аванпостах» рекомендует в случае появления нагнета следующее: «...нужно на ту часть его, что приходится на рану, наложить холст, чтобы шерсть не растревала ее, потом приподнять седло так, чтобы оно, по возможности, не опиралось бы о нагнет; поступая таким образом, можно залечить рану, даже не избавляя лошадь от службы...»

На прочих рисунках — боевые раны: картечные раны на плече, раны от сабель на шее и раны на крупе от оружия большого калибра.

Кроме раны на крупе — ни одна из этих боевых травм не считалась дисквалифицирующей.

Шея зашивалась нитками, боль от картечных ран лечилась страшными ударами шпор, «железа» по зубам или ударами ножен по голове, крупу, скакательным суставам.

На мокрецы, нагнеты, натертости до мяса от подпруги — никто особого внимания не обращал.

Равно как никто не диагностировал всерьез внутренние болезни. И не лечил их.

Простые примеры.

При появлении интенсивно кровавой мочи — ставился кавалерийский диагноз: наминка почек.

Рекомендации по лечению следующие: «Чтобы удалить причину боли, чемодан сдается в обоз». (Имеется в виду тот чемодан, в котором находятся личные вещи всадника и который на походе приторачивается за седлом. Вообще же «тяжесть, носимая лошастью легкого кавалериста, простирается от 112 до 115 килограммов». Намокший под дождем кавалерийский скарб, естественно, сильно прибавлял в весе. И это без учета тяжести съестных припасов и награбленного (трофеев).) Чемодан, разумеется, как правило, не сдавался, но даже если и сдавался, то лошадь очень надолго оставалась больной.

Страшнейшая, причиняющая дикую боль лошади болезнь, которую ныне именуют *ламинитом*, классифицировалась как «воспалительная разбитость копыт». «...Узнается по трудности, с какой лошадь движется, она с трудом упирается в свои члены, становится не иначе, как на пятки, идет только по принуждению».

Ламинит, а нет никаких сомнений, что здесь описан именно он, лечится с колоссальным трудом чаще всего методами хирургическими, с применением кортикостероидов, лечение занимает (если оно вообще возможно) от нескольких месяцев до года.

Кавалерийская практика ограничивается кровопусканием и клистиром с раствором селитры. После кровопускания и раствора селитры в попу — лошадь ставилась в строй и маршировала, медленно умирая, дальше. Не помогала селитра — в ход шло основное лекарство военной ветеринарии — дубина и бичи.

Ну слов нет! (Я про селитру.)

Понятно, что дикость. Но очень многие медицинские и ветеринарные рецепты старины — дикость, дело не в этом.

Мы не бредовость старой медицины обсуждаем. Я всего-навсего привел несколько примеров того, в каком состоянии были боевые лошади. Причем это уже в относительно цивилизованное время.

Даже эти две, тяжелейшие, навскидку названные мною болезни не предполагали выхода лошади из строя.

И с ламинитом, и с больными почками лошадь продолжала таскать на себе кавалериста с его пожитками, сутками стоять в холодной грязи и под дождями нерасседланной, атаковать и маневрировать.

А разного рода болезней, типичных для лошади, оказавшейся в условиях войны и походов, — около ста.

И в отношении практически всех их было характерно полное не придавание им какого-либо значения, лечение, которое могло только добить, или применение основного метода военной ветеринарии (см. выше).

Средневековье и античность были в этом смысле, разумеется, еще хуже. Конкистадоры, к примеру, любые раны и болезни лошадей пытались лечить вытопленным из трупов индейцев жиром (Ann Hayland «The Horse in the Middle Age»).

Я все-таки (с де Браком) привел примеры достаточно поздние, когда и житейский, и ветеринарный опыт уже был несколько поднакоплен.

Короче, в той краткой «истории кавалерии», которую мне сейчас приходится писать, всплывает еще одна мрачная и пикантная подробность — практически все войны велись на больных лошадях, удачные атаки, дерзкие набеги, отступления и наступления совершались на лошадях, пораженных тяжелыми внутренними и внешними болезнями.

Почему я берусь столь категорично это утверждать?

Потому же, почему я взялся бы предсказать судьбу хрустальной вазы при сбрасывании ее с высоты на каменную набережную.

Порой, увы, достаточно хорошо знать свойства предмета, чтобы легко рассчитать степень его деформации в разных, хорошо известных условиях.

Мне очень хорошо известно, что такое лошадь.

И, к сожалению, очень хорошо известно, что такое война.

Физиология, психология, метаболизм, скелетное строение, миология лошади в условиях, предлагаемых любой войной, кроме киношной, поражаются практически насмерть.

Дело в том, что лошадь поразительно хрупка.

Если ее извлечь из родной, природной, табунной среды и погрузить в некую конюшенную реальность — то для поддержания ее элементарного здоровья потребуется тысяча ухищрений, хорошо известных современной иппологии, науке о лошади.

Ну нельзя же объяснить лишь вульгарным желанием посорить деньгами непереносимое оснащение всякой мало-мальски приличной конюшни термографами, УЗИ, соляриями, душевыми, автоматическими системами очистки воздуха, обслуживающим персоналом, обеспечивающим стерильность, ветврачами, которые прививают и вовремя диагностируют, специальными подстилками из обеспыленных опилок или соломы, специальными сбалансированными кормами, в которых рассчитан до миллиграммов селен или кальций.

Если современный «большой» спорт убивает лошадь, уродует, но все же лечит (чтобы, вылечив, добить), причем, лечит, вбухивая в это миллионы, то война, уродуя, — не лечила вовсе, да и не могла этого делать в силу своей, так сказать, специфики.

Лошадь поразительно хрупка.

Когда она «проектировалась» природой и эволюцией (или богом, если хотите) — то нагрузки и лишения, придуманные для нее человеком, к сожалению, не были предусмотрены и учтены.

В главе «Воспитание» я говорил об особой деликатности во взаимоотношениях с миологическим аппаратом лошади при обучении ее сложным элементам Haute Ecole.

Для сохранения лошади здоровой, или относительно здоровой, — не меньшая деликатность и колоссальные знания требуются и в вопросах кормления, содержания, ковки, ухода.

Физиология лошади в неволе разрушается безвозвратно за несколько дней (*дней!*) неверного ее обслуживания, даже самого доброжелательного.

Весь опорно-двигательный аппарат при кажущейся его мощи — в условиях принудительного, неверно организованного движения под всадником, или в арнирах, или на вожжах — разрушается почти так же быстро, как и физиологические функции.

Война, доведя до абсолюта пренебрежение соблюдением всяких норм сохранения лошадиной физиологии и природной биомеханики, разрушала любую лошадь с рекордной скоростью.

Это, к сожалению, аксиома.

Пытаться проводить параллели меж природной, вольной жизнью лошади — и ее участием в маршах, биваках, стоянках и битвах — бессмысленно.

Те же мокрецы, которыми страдали сто процентов военных лошадей во все эпохи (кроме, возможно, колесничных лошадей в Древнем Египте, Ассирии, работавших в горячем песке),— *никогда* не наблюдались у вольно живущих лошадей.

Это самый простой пример.

Их можно привести тысячи.

В природе лошадь всегда сама дозирует свое движение, всегда сама выбирает грунт, по которому следует или не следует идти, всегда находит, если это необходимо, укрытие от непогоды или умеет к ней адаптироваться.

В общем-то, история кавалерии — жалкая и позорная история. Унизительная и для лошади, и для человека.

И не было на самом деле в ней никакого киношного великолепия.

Были лишь орды завшивленных, голодных, больных, измученных и совершенно несчастных лошадей, перемещавшихся с плюющимися на их спинами кавалеристами по кровавой грязи военных дорог.

И что, справедливо спросите вы, — не было жалости у кавалериста к лошади, не было слез при виде ее мучений?

Была и жалость, и слезы.

Но плакать, живописно положив себе голову умирающей лошади на колени — это не поступок, а обычная, ни к чему не обязывающая сентиментальность.

Поступок — это бунт против того порядка вещей, который убивает лошадь.

А это очень удобно: поковырял шпорами, побил, поубивал, поплакал — и сел на другую лошадь, чтобы поковырять, побить, поубивать и потом поплакать.

Помимо немногочисленных свидетельств о плакании — ни единого документального исторического свидетельства о жалости к лошади мировая история кавалерии не предлагает.

Что поразительно, история кавалерии могла бы стать чуть-чуть понятнее нормальному человеку, если боевое использование лошади было бы в действительности феноменально эффективно.

Но и это не так.

Давайте не будем запрашивать военных историков или генералов, они люди конченные. Достаточно обратиться к тем, кто хорошо знал войну, делал ее и жил ею.

Замечательно написал Макиавелли: «Опыт древности и наших дней показывает одинаково, что даже горсть сплоченной пехоты может чувствовать себя спокойно, так как она для конницы (или колесниц) — непроницаема».

Монтень пишет: «Предки наши, особенно в войне с англичанами, во всех знаменитых битвах и прославленных в истории сражениях, большей частью бились пешими, ибо опасались вверять такие ценные вещи, как жизнь и честь, чему-либо иному, кроме своей собственной силы и крепости...»

Это писал стопроцентный рыцарь, хорошо знающий свою эпоху и свое ремесло.

Самые знаменитые рыцарские битвы старины — Айзенкур, Кресси, Пуатье — это все битвы спешившихся рыцарей.

Судьбы античного мира решали не всадники, а пешие фаланги спартанцев и македонцев, а позднее — пешие же манипулы римлян. (В этом смысле очень красноречивы битвы конных орд Дария и Ксеркса с греческой пехотой, что при Марафоне, что при Платеях, что в Фермопилах.)

Все менявшие картину мира того времени войны (Греко-Персидские, Пелопонесские, Пунические), были войнами пехоты. В той же Марафонской битве у греков вообще не было кавалерии, ни единого всадника, равно как и в битве при Платеях.

Ледовое побоище, устроенное русским князем Александром, — это абсолютное торжество сплоченной пехоты над лучшей европейской рыцарской конницей.

В битве при Куртре (1302 г.) фламандская армия имела лишь 10 (!) кавалеристов и очень хорошую пехоту.

Против них собралось около 15 тысяч французской рыцарской конницы. Фламандцы разнесли их вдребезги.

700 пар золотых шпор веселые бюргеры содрали с мертвых рыцарей и очень живописно украсили ими алтарь в местной церкви.

Тысяча швейцарцев у горы Моргартен (1315 г.), опять-таки пешим, фалангоподобным строем уничтожила двенадцатитысячное конное рыцарское войско Габсбургов.

Кавалерия и колесницы служили неким соусом, не всегда обязательным и ничего не решающим.

Ксенофонт, великий лошадиный античности, описывает бессмысленность и уязвимость боевых колесниц в той битве, в которой участвовал («Анабазис», атака колесниц при Кунаксе).

Руф Курций дает точное описание ущербности, глупой помпезности и абсолютной неэффективности действия лучших колесниц того времени — персидских, в битве при Гавгамеллах. «Македонцы с обоих боков прокалывали животы напавших на них лошадей, потом они окружили колесницы и сбросили с них ~~возжиги~~».

Даже монголы¹⁷ использовали лошадей лишь как средство транспортировки гигантских армий.

Во всех серьезных случаях они спешили и дрались «на ногах» или вообще расстреливали противника (даже в чистом поле) из своих стенобитных орудий, как это было в случае с рязанским ополчением Коловрата.

Вообще, рассматривать монголов как конную армию — довольно смешно, учитывая, что ключевые монгольские победы — это умелые штурмы, осады и взятия городов и крепостей. А тут уж кавалерия была вообще ни при чем.

Монголы, будучи по сути прямыми наследниками славы хунну, наследовали и хуннские методы.

Штурмы городов, блестящее владение стенобитной техникой, умение выстроить из повозок за считанные секунды кольцевые стены обороны — все, чем блистали воины джихангира Бату-хана, изобрели когда-то хунну.

Стоит вспомнить историю Атиллы¹⁸, самого прославленного вождя конного народа хунну (гуннов), который в битве при Каталаунских полях, окруженный, имея около 80 000 конницы, вместо того чтобы прорываться из окружения, велел снять со всех лошадей седла, сложить их в гигантскую гору и поджечь.

В этот огонь Атилла предполагал броситься, если дела пойдут совсем плохо, то есть если римляне опрокинут передние линии обороны хунну.

Ярчайшая иллюстрация того, насколько мало сам Атилла верил в боевые возможности страшной конницы хунну, так прославленной живописцами и историками.

Столь же красноречива и судьба Теодориха, царя, так любимого вестготами.

В битве с гуннами Теодорих упал со своей лошади, и своя же вестготская кавалерия растоптала его в фарш.

Причем всадники видели, что делают, что убивают почитаемого и любимого ими царя, но не могли справиться с лошадьми.

Вообще, таких случаев в истории очень много, к примеру, при Сентинуме римская кавалерия, потеряв контроль над своими испуганными лошадьми, полностью затоптала собственную пехоту.

В битве при Киле, как ее описывает Аппиан Александрийский, самого Сципиона Африканского¹⁹ утащила из сражения лошадь, с которой он не мог справиться.

Сифакс, претендент на Нумидийский престол, в решающем бою упал с вдруг ставшей неуправляемой лошади и был пленен своим конкурентом Массинисой.

Клавдий Аселл, прославленный римский всадник, выдвигаясь перед стенами осажденной римлянами Капуи, не смог ни повернуть, ни остановить своего коня, и тот внес его прямо в открытые

ворота города, из которого в этот момент капуанцы шли на вылазку.

Таких примеров — и в древности, и в средние века, и в новейшее время — десятки тысяч.

Неумение по-настоящему управлять лошадью и ездить верхом было вечной проблемой кавалерии.

Апофеозом всякого кавалеризма, годами наибольшего блеска европейской конницы общепризнанно считаются тридцатые годы XIX века.

Что немудрено, так как целые серии масштабных войн в течение трех веков муштровали и воспитывали кавалерию Европы. Трудились десятки теоретиков кавалеризма, издававшие методики и ордонансы.

Начесав усы и подусники, позировали для сотен парадных портретов кавалерийские генералы.

Гусарство, эксплуатируя свой героический имидж, получало сверхскоростной доступ под юбки — как в провинциальных городках, так и в столицах. Эталонной считалась кавалерия Англии.

Прекрасную характеристику ее всаднических талантов можно найти в труде «Дневной порядок полка английской кавалерии», изданном генерал-лейтенантом П. Цорном в 1825 году.

Автор, не ерничая и не имея никакой идеологической цели, описывает верховые навыки и уровень всадников элитного полка и отмечает, что прославленные английские всадники «не имеют никогда власти над своими лошадьми, не умеют подобрать (собрать) по правилам искусства лошадь, не могут произвести и скорого поворота. За превосходство полагают они только то, чтобы лошадь их кидалась прямо вперед, как напролом, в атаке, так и в обыкновенной скачке²⁰».

Можно адресоваться практически в любую эпоху, на любую войну — и везде (даже до изобретения огнестрельного оружия) мы увидим абсолютную неэффективность кавалерии.

По идее, последние аккорды похоронного марша по кавалерии были отбиты еще на том барабане, на который чешские гуситы, выполняя последнюю волю Страшного Слепца Яна Жижки²¹ натянули его кожу, снятую с него, как только он умер.

Этот барабан, напоминая всем — друзьям и врагам — о доблести и победах Слепца, является также свидетельством полного, безнадёжного позора рыцарских кавалерии Германии, Италии, Франции, которые гуситские войска, мужички с цепями, косами и арбалетами «делали», как хотели, убивая конных рыцарей тысячами и у Шкаредного Пруда, и у Малешова, и у Немецки Брода — да везде, где только встречали.

Единственный за всю человеческую историю вроде бы бесспорный пример действенности лошади на войне — это начальная история конкистадоров Кортеса.

Хотя, надо сказать, и здесь все не так гладко.

Для начала можно вспомнить, что дикие противники Кортеса, воины Монтесумы, никогда прежде лошадей не видели.

Стоит также помнить и о том, что как только одна из лошадей была убита, а другая тяжело ранена — страх индейцев перед лошадьми сменился дьявольской изобретательностью, направленной на то, чтобы убить как можно больше лошадей.

На первых порах (после битвы при Тобаско) Кортес очень удачно мочрил головы дикарям, выступая чуть ли не от имени своих лошадей.

Те позиционировались как некие демонические существа, жаждущие крови ацтеков, свирепые, непримиримые и неуязвимые.

Как известно, для произведения большего впечатления на касиков, пришедших на очередные переговоры, Кортес распорядился спрятать в одной из палаток кобылу, касиков в аккурат поставил спинами к этой палатке — и вывел к ним жеребца.

Тот, учуяв рядышком кобылу в охоте, разумеется, продемонстрировал все, на что был способен.

Историки скромненько поминают всякие там копания передней ногой, ржание и кручение глазами.

Считается, что именно этот жеребцовый набор и поразил раскрашенных гостей Эрнана Кортеса, но я полагаю, что жеребец очень основательно распускался (эрекционировал).

Ничего не знавшие про спрятанную кобылу, касики все продемонстрированное жеребцом, естественно, отнесли на свой счет.

И в первую очередь, эрекцию.

И струхнули окончательно.

Они легко относились к перспективе быть убитыми, но быть изнасилованными, да еще и таким чудовищем, им как-то не очень хотелось.

У Кортеса все пошло очень гладко, вплоть до первой битвы с тласкаланцами, которые, возможно, не так боялись сексуального насилия.

В первой же битве с ними все лошади Кортеса были ранены.

Испанцам хватало ума скрывать это всеми способами, но информация об уязвимости лошадей все равно распространилась — и мешикские армии Монтесумы уже сооружали ямы с острыми кольями для заманивания в них и уничтожения лошадей.

Чуть позже (грустно фиксируют конкистадорские хроники) в районе Наутла были убиты Хуан де Эскаланте и его лошадь.

Возможность реально убить лошадь, представлявшуюся ацтекам существом сверхъестественным и бессмертным, перевернула сознание противников Кортеса, после чего все завоеванные прибрежные районы мгновенно вышли из-под контроля испанцев.

В последовавших за этим городских схватках в Мехико и других местах индейцы уже прицельно уничтожали в первую очередь лошадей.

Берналь Диас, летописец конкисты, тщательнейшим образом вел лошадиный мартиролог.

Он описывает, как в Сан-Жуане погиб гнедой жеребец Кортеса. Тот самый, чьим пенисом Эрнандо Кортес когда-то пугал касиков у палатки.

Он сообщает также о том, как толпа индейцев заколола светло-гнедую кобылу Педро де Альворадо, как погиб вороной Эль Арриеро, как умирала серая кобыла Алонса... и так далее.

Прорываясь из Мехико, конкистадоры только за одну ночь потеряли сорок пять лошадей.

Даже самый поверхностный анализ этой войны показывает, что, как только дикари выяснили степень уязвимости лошади — все пошло своим обычным, военным чередом, и сражения конкисты ничем особо не отличаются от прочих сражений мировой истории. Индейцы научились убивать лошадей и перестали их бояться, а испанцы научились и в этой дикарской войне полагаться только на свою пехоту.

Кортес, впрочем, хорошо понимал, сколь многим он обязан лошадям, и очень патетично, с большой болью и страстью поминал их, приписывая начальный, стартовый успех своей потрясающей авантюры, как он выражался, «лошади и Богу».

Приоритеты, надо отдать ему должное, он расставил правильно.

Как помнится, Кортес искренне делал все, чтобы сохранять с покоренными ацтеками добрые отношения: прилюдно убивал мародеров из числа своих солдат, судил и даже как-то легонько карал насильников... в общем, что называется, дорожил отношениями с населением.

Тем более поразительно, что, узнав об убийстве индейцами двух лошадей, Кортес сжег заживо восемь вождей, которые косвенно имели к этому убийству отношение.

Чувства, однако!

Вообще, и раннее, и позднее средневековье знают примеры странной по тем временам чувствительности.

Русь, февраль 1150 года

Под Луцком, в бою меж людьми Изяслава Киевского и Юрия Долгорукого, под сыном Юрия Андреем был смертельно ранен его боевой конь.

И тогда, несмотря на полтора века христианских традиций Андрей Юрьевич совершает греховнейший, по меркам церкви, поступок — призвав благословение старых славянских богов, он велит хоронить коня старым языческим чином, с воинскими почестями и воздвижением кургана над его телом. «Грешу смело и радостно. Если не будет этого коня в Царствии Небесном, то и мне там делать нечего».

Андрей Юрьевич потребовал от византийских монахов соборовать и причастить коня перед смертью. Священники отказали, сказав, что «скоту и лошадям нет места в царствии небесном».

И тогда, несмотря на полтора века христианских традиций, Андрей Юрьевич совершает греховнейший, по меркам церкви, поступок — призвав благословение старых славянских богов, он велит хоронить коня старым языческим чином, с воинскими почестями и воздвижением кургана над его телом. «Грешу смело и радостно. Если не будет этого коня в Царствии Небесном, то и мне там делать нечего».

Ни чернявый испанец в мятой и окровавленной кирасе, ни русский бородатый князь в соболях — не были, вероятно, кавалеристами. В самом прямом смысле этого слова. Но оба все же подозревали, что лошадь — это нечто большее, чем транспортно-военное средство. Однако они были чертовски одиноки в истории и уж, разумеется, ничего не могли в ней изменить.

Макиавелли был прав, говоря о древности и о своей эпохе, а слова его о неуязвимости организованной пехоты для конницы многократно подтвердились и в позднейшее время.

В общем-то, тактическое бессилие конницы было общим местом, это знали все знакомые с военной историей.

Но в среде развившихся приматов продолжали рождаться удивительные существа с особым, патологическим складом сознания, у которых презрение к чужим жизням, людским и тем более лошадиным, было физиологическим, естественным проявлением.

Но это бы еще полбеда! Помимо презрения к чужой жизни эти существа всегда полагали, что рождены на свет для некоторого изменения хода человеческой истории.

Они вырастали и непременно становились генералами. К сожалению, почти всегда кавалерийскими.

И эти генералы в сотый, в пятисотый, в тысячный раз — командовали, направляя конные толпы под огонь.

В битве при Павии (1525 г.) — 1500 басков, вооруженных аркебузами, легко и без всяких потерь перестреляли французских рыцарей, которых Франциск Первый без колебаний двинул под пули, надеясь на некий «моральный эффект» рыцарской атаки.

В Седане (1870 г.) пять французских полков (егеря и гусары) получили приказ атаковать прусскую пехоту. Все было известно заранее, но атака все-таки состоялась.

Менее чем за час пять полков были уничтожены шквальным огнем, практически все люди и лошади погибли. Прусская же пехота потеряла три человека.

1941 год. Деревня Музино

Две тысячи советских кавалеристов генерала Доватора получают приказ атаковать немецкие позиции 41-й артиллерийской бригады. Две тысячи лошадей были убиты пулеметным огнем немцев менее чем за двадцать минут. Несколько всадников прорвались к позициям немцев и были убиты там винтовочными выстрелами.

Немецкое подразделение не потеряло ни одного человека.

Такими атаками переполнена история кавалерии.

К тому же, не забывайте, помимо всего прочего, о существовании «эспин», или «трибул», или, по-русски говоря, — «чеснока».

Все народы во все времена применяли эти штуки, которые любую атаку любой кавалерии делали и бессмысленной, и губительной для атакующих. Поля больших сражений, где ожидалась (в соответствии с рельефом местности или с тактическим расположением) атака вражеской кавалерии, засевались этими «эспинами» настолько густо, как это только было возможно. Существовало множество хитростей и маневров, смысл которых заключался именно в том, чтобы рассеять как можно больше эспин в местах, где могут оказаться вражеские лошади.

Они применялись повсеместно.

Любое музейное историческое собрание, даже самое бедненькое, насчитывает сотни таких эспин самого разного типа. С крючьями на концах шипов и без крючьев, с гранеными жалами и плоскими. Такое феноменальное богатство экспонатов этого рода связано с тем, что их очень много сохранилось, они очень дешевы и их очень много обнаруживают в раскопках и при распашке полей.

В Эрмитаже я обнаружил в фондах Арсенала, Рыцарского зала, полный ящик (килограммов 15) шведских, голландских, русских, немецких эспин. Даже я не смог их все с точностью атрибутировать по их «национальности», настолько эспина была интернациональным, повсеместным, общепринятым делом.

Это очень хитренькая штучка (см. приложение). Как ее ни кинь — она обязательно встанет острым концом вверх и будет абсолютно устойчива на любом грунте. И совершенно неприметна в траве, песке, да и в грязи.

Лошадь, напорываясь на эспину, получает страшный по силе и глубине прокол копыта. Жало эспины проходит через роговую подошву копыта до глубокого сухожилия сгибателя, до навикулярной и самой копытной кости.

Лошадь, продолжая, по инерции, свое движение вперед, вбивает эспину все глубже в ногу, проворачивает ее там, вызывая разламывание копытных стенок, смещение и дробление кости и раскалывание роговой подошвы.

В условиях отсутствия антисептиков и противостолбнячной вакцины подобная рана для лошади всегда была смертельной.

Невозможность ступить на пораженную ногу, страшный болевой шок — делали лошадь хромой до такой степени, что даже побоями ее невозможно было заставить двигаться^а.

Эспины были известны в Ассирии, Скифии, средневековой Европе, в Азии, в новейшее время, везде и всегда.

Судьбы кавалерийских атак решались даже не лучниками и арбалетчиками, не пулями и картечью, хотя били все и всегда в первую очередь по лошадям, как по более крупной и перспективной мишени, а маленькими эпинами, которыми засеивались поля сражений и места схваток.

Об эпинах, о том, что они могут быть везде, о том, что попадание их в ногу лошади смертельно для нее, — знали все, во всех армиях мира, во все времена. А безоглядно летящая во весь опор на врага кавалерия — это кинематографическое вранье, не более того.

(Кстати, та свобода, с которой конкистадоры крошили поначалу ацтеков, та возможность прямой конной атаки, что так потрясала их врагов, — были связаны прежде всего с тем, что воинам Монтесумы были совершенно неизвестны эспины. Они были, очевидно, единственным народом мира, который их не знал до поры до времени. Уже во время Писарро эспины появляются и здесь).

Мифом являются также конские доспехи.

Можно навесить на лошадь сколько угодно железа, но самые хрупкие ее части — ноги — защитить, не сковывая полностью двигательных функций лошади, — невозможно.

А ноги в действительности — поразительно хрупки.

В них практически нет ничего, что можно было бы травмировать без глобальных последствий для лошади. Любой удар камнем, палкой, топором, мечом — мгновенно делал лошадь хромой и непригодной к дальнейшему бою.

В битве под Легницей (1241 г.), где лицом к лицу встретились монголы Батые с западноевропейским рыцарством, именно монголы целенаправленно и мерно истребляли рыцарских лошадей, подрубая и простреливая им ноги. Им, со своих низкорослых (около 120-125 см в холке) лошадей это было нетрудно. Монгольские лучники при Легнице практически не стреляли по самим рыцарям или в защищенную грудь лошадей.

Организованно, прицельно и с дьявольской меткостью стреляли по лошадиным ногам, пробивая запястья и путовые суставы. (Для хорошего стрелка из лука — запястье или путовый, или скакательный, сустав лошади — достаточно крупная мишень.)

Примерно так и погиб в этой битве Великий Герцог Польский и Силезский Генрих II (Благочестивый) — монголы перебили все четыре ноги его коню, а затем забили свалившегося Генриха Благочестивого кистенями и топориками.

Дело тогда, кстати, закончилось полной победой монголов, как и вообще все другие схватки с рыцарскими тяжелыми подразделениями.

Монголы как никто умели быть беспощадны к лошадям и, возможно, лучше своих противников знали, как их можно убивать быстро и помногу. (Опыт в этом вопросе был у них колоссальный, ведь монголы росли только на лошадином мясе и действительно были вспоены конской кровью, которую пили в большом количестве и с удовольствием.)

Лошадиные рыцарские доспехи нисколько не препятствовали тем массовым лошадиным бойням, которые монголы устраивали и под Легницей, и при Сандомире, и во всех битвах своей «мадьярской» и «польской» кампаний.

Мне довелось тщательно осматривать реальные боевые доспехи европейских лошадей.

Подолгу и очень внимательно.

Лишь в Уорвикском замке в Англии мне удалось найти на крупьер доспеха что-то похожее на следы ударов алебардой или большой пикой. Но все прочие лошадиные доспехи вообще не имеют боевых изъязвлений на своей верхней части.

Попадание арбалетного «болта» или длинной стрелы из тяжелого лука оставляет на любой средневековой броне — как человеческой, так и лошадиной — очень характерный след.

Практически ни на одном боевом лошадином доспехе их нет.

Я не говорю о парадных, церемониальных, золоченых или инкрустированных шанфрейнах^b, накрупниках или нагрудниках.

Я имею в виду относительно простые боевые доспехи, бывшие, по всем признакам, в частом употреблении.

Под «всеми признаками» я подразумеваю наличие старого лошадиного волоса на стыках с внутренней стороны, там где «шов» доспеха всегда и гарантированно тер лошади шкуру.

Кстати, судя по обилию этих волосков, которые легко достаются пинцетом из этих швов, — практически никакие попоны под латы не поддевались. Носили эти доспехи многие лошади, так как пинцет извлекал из швов шерстинки всех мастей, шерстинки летней короткой и длинной зимней шерсти.

На многих доспехах заметны тщательно выправленные в позднейшее время гигантские замины, которые образуются на доспехах из-за падения лошади.

Но ни следов стрел, ни следов прямых ударов мечом или пикой на этих доспехах практически нет, несмотря на то что носились они явно помногу и в самых разных ситуациях.

По всем этим приметам можно безошибочно догадаться, что все удары адресовались только ногам, животу и внутренней стороне шеи, то есть тем местам, где доспехов в принципе быть не может.

Барельефы Колонны Траяна сохранили откровенно фантазийные изображения сарматских лошадей, одетых в некое трико из чешуйчатой брони. Этой броней, которая, по идее, делалась из распаренных и распрямленных конских копыт, покрыта, будто бы обклеена, вся лошадь, включая ноги, копыта и ноздри.

Если бы это в действительности было так, то толщина любой ноги лошади увеличилась бы втрое, за счет толщины наложенных друг на друга, имеющих некую основу и подкладку роговых фрагментов, и любое суставное сгибание для любой из ног было бы абсолютно нереальным.

Хотя, впрочем, защищенность сарматских лошадей, по свидетельству и Арриана, и Павсания, была в действительности очень фундаментальной и превосходила все мыслимое, что и породило фантазийные бронетрико на барельефах.

Фундаментальность чешуи, покрывавшей верх шеи, грудь и круп, совершенно не мешала римским пехотинцам постоянно бить сарматскую кавалерию, что они и делали в Мезии (зимой 69 года), и во время Маркоманнских войн (173 г.), и во время Римо-Дакийских войн, когда сарматы были верными союзниками дакийского царя Децебала.

Отдельная история — транспортировка лошадей на войну.

Возьмем цивилизованные времена — самое начало Бурской войны (1899 г.).

Лорд Блакцуов, лейтенант девятого уланского полка, в письме своему отцу сообщает подробности перевозки английских кавалерийских лошадей через Индийский океан. (Вкратце предыстория: лошадей перевозили либо на верхней палубе корабля, перегораживая палубу досками на сотни маленьких отсеков, либо на гондэке — орудийной палубе. На «Саре», которая везла лошадей английской кавалерии, был принят порядок размещения на верхней палубе.)

«Качка была невыносимой, и волны огромны. Деревянные ограждения стойл не выдержали... Вся палуба была покрыта борющейся за жизнь массой лошадей, смешанных с досками от стойл. Всю эту гигантскую кучу (несколько сотен лошадей) с силой бросало от одного борта к другому. Уже в первые секунды этого ужаса большинство лошадей было страшно изранено, выколоты глаза острыми отломами досок, переломаны ноги. Я ухитрился выстрелить в своего коня из револьвера, и я счастлив, что ни одна из моих лошадей не пережила такого же ужаса, как другие лошади...

...Оторвался огромный бак с водой и, катаясь, начал давить лошадей, которые лежали на мокрой палубе с переломанными ногами».

Если суммировать содержание письма лорда Блакцуова — за двенадцать часов качки погибли 83 лошади.

До сих пор на всех морских картах мира есть «Лошадиная широта». Если корабль, перевозивший лошадей для покорения и освоения Америки, попадал в глухой штиль — иногда на несколько недель, а иногда на несколько месяцев, — то первым делом на корабле кончалась пресная вода.

Тогда всех лошадей выводили из гондеков на верхнюю палубу и сбрасывали в море еще живыми.

Здесь был простой, житейский расчет. Лошади без воды умирали очень быстро. Но если дожидаться их смерти в гондеке, то потом морякам пришлось бы на себе вытаскивать пятисоткилограммовые тела.

Поэтому, пока лошади еще могли идти сами,— их выводили на палубы и топили в океане.

Отсюда и название — «лошадиная широта», в память о сотнях и тысячах погибших здесь, посреди океана, испанских лошадях.

Генерал де Шампальер, известный откровенностью своих афоризмов, когда-то сказал: «Лучшая военная лошадь — это лошадь, которая может страдать в течение очень долгого времени».

Вероятно, Шампальер имел в виду «страдать, не умирая».

Другой смысл заподозрить возможно, однако тогда генерал-афоризматик выглядит совсем уж откровенным садистом.

Но он был всего-навсего кавалерийским генералом-практиком и, вероятно, далее в афоризмах сохранял некое косноязычие.

Остановимся все же на моей трактовке знаменитого афоризма. Он становится полностью понятным и звучит совсем откровенно: «Лучшая военная лошадь — это лошадь, которая может страдать, не умирая, в течение очень долгого времени»²².

В этом откровении — весь смысл, все предназначение военной лошади.

В истории кавалерии бесполезно искать секреты взаимоотношений лошади и человека.

В этой истории нет ничего, кроме лошадиной боли и лошадиной смерти.

Нет ничего, кроме очевиднейших примет глухоты и высокомерия человека, его дикой, тупой и примитивной жестокости, которая лучше любых Дарвинов характеризует его «низкое биологическое происхождение».

Я полагаю, мне удалось расставить все точки над «і» и покончить с мифом о кавалеристе.

Это было необходимо сделать для воспитания правильности и чистоты понимания лошади, ее души, судьбы и природы.

Нельзя оставлять эти мифологические, приторные сорняки невыполотыми.

Правда — неприятная штука и, в общем-то, не очень нужная, но иногда ее знать надо.

А тот, кто хочет прыгать через крашеные палочки или кататься на тройках, или делать из лошади колбасу,— пусть верует в миф о кавалерии.

Именно эта публика, как правило, миф этот и культивирует.

А вот желающим по-настоящему понять, что такое лошадь, придется с этим мифом расстаться.

К тому же сейчас нам приходится иметь дело с прямым наследником дела кавалерии — с конным спортом.

Целью войны всегда была смерть другого существа.

Война же была абсолютной нормой приматской жизни. История развившихся приматов настаивалась на смерти, как водка на перце, до получения сегодняшней, предельной крепости. (Сегодня, правда, научились подмешивать ароматизаторы и вкусовые добавки, чтобы она была не так омерзительна на вкус.)

Впрочем, еще в десятых веках до нашей эры крепость настоя настолько уже пугала человечество, что массово начали сочиняться разного рода религии, суть которых сводилась к необходимости и возможности воскресения из мертвых.

Таких религий много, христианство лишь прилепило свой брэнд на этот наиболее коммерчески и идеологически успешный проект, начавшийся с Озириса. (Воскресали все кому не лень. Воскресал убитый в день Рогнарэка «окровавленный светлый бог» Бальдр, воскресал и его папа Один, распятый на мировом древе, именуемом Игдрассиль, и прободенный копией, воскресали шумерские Таммуз и Инанна, финский Лемминкяйнен, возносился на небеса воскресший сын божий Геракл, воскресали Адонис, Авалокитешвара, воплощения Бодисхатв и даже забияка король Артур — и тот под шумок ухитрился воскреснуть.)

Примечательно, что наиболее честно и тонко оценивавшие мир и глубоко его менявшие религии, такие как Дао и Дзен, ни о каких воскресениях и не заикались, понимали весьма примитивную конъюнктуру темы и чурались ее, оставляя манипуляции с нею религиям второго и третьего сорта.)

Лошади на этом вечном мифологическом карнавале всеобщих воскресений как-то не очень везло.

Известно лишь, что древнеяпонская Аматаэрасу, богиня Солнца, потрясенная выходкой бога Сусаноо (тот же синтоистский пантеон), оставила мир в долгом черном мраке и наотрез отказала и людям, и коллегам-богам в солнечном свете.

Навсегда.

Подвигло ее на лишение людей и богов света то, что Сусаноо содрал, забавляясь, кожу с живой лошади.

Эка невидаль!

Вся история кавалерии на протяжении тысяч лет только тем и занималась.

Перед смертью мадам кавалерия обзавелась достойным наследником в лице конного спорта, который продолжил ее дело, правда в несколько опереточном и уже полностью обесмысленном варианте.

Во времена мамы кавалерии было некое реальное действие по доставлению, скажем, депеши.

Пусть в этой депеше был очередной бред очередного генерала, но лошади убивались все же не совсем просто так, не ради смеха и впечатлений публики.

Сейчас такую же ситуацию реконструируют троеборье или стипль-чез. Правда, неясно зачем.

Ничего уже не доставляется, а лошадей все так же убивают.

Вероятно, за тысячи лет у человечества возникла генетическая привычка видеть боль и смерть лошади.

И этот зуд мучительства порой так беспокоит, так свербит, что для его удовлетворения устраивают соревнования по троеборью, скачки или рысачьи бега, выездку или конкур.

Изучение истории военной лошади, истории кавалерии, дают возможность безошибочно определить происхождение садизма конного спорта и других человеческих забав, в которых участвует лошадь.

Впрочем, начиная эту главу, я, помнится, обещал найти хоть что-нибудь ценное и светлое во всей истории лошади на войне.

Хоть что-нибудь, любую малую крупницу света.

Вот она, эта малая крупница.

Генерал Кастер, очередной маниакальный кавалерийский генерал армии США, в 1876 году решил добить остатки оглала-сиу и союзных им шайенов. Его основным противником был сиукский военный вождь немислимой храбрости по имени Ташунко-Витко (Неистовая Лошадь).

В субботу, 25 июня, возле Литл Биг Хорн в Монтане произошла битва. Генерал Кастер наконец встретился с Ташунко-Витко.

Когда все закончилось, аккуратно оскальпированный генерал остывал на поле вместе со всем своим седьмым кавалерийским полком, который он, поднимая в атаку, душевно величал «Седьмой великолепный».

«Седьмой великолепный», тоже полностью свободный от скальпов, лежал так густо, что меж лошадиными и человеческими трупами не видно было земли.

Воины Неистойой Лошади убили всех и ушли.

Когда подтянулись опоздавшие на собственную смерть кавалерийские части Ноулена и Бентина — они не увидели ни одного раненого. Ни стопа, ни шевеления. Только мертвые.

Ветер гудел в пестрых опереньях сиукских и шайенских стрел, которыми были утыканы спины, животы и лица «Седьмого великолепного».

И вдруг из месива мертвецов медленно поднялся конь и, шатаясь, встал над полем. Израненный и кровавый, со съехавшим под живот седлом.

Глядящий в никуда.

Лейтенант Генри Ноулен узнал лошадь капитана Кеогха.

Лошадь звали Команч.

Это высокое имя он получил в Блафф Креке, в Канзасе, когда была война с команчами. Получил за храбрость и выносливость, роднившую коня американских кавалеристов с этим великим племенем.

Как он уцелел здесь, на поле Литл Биг Хорна — совершенно не ясно. Без исключения все лошади седьмого кавалерийского были либо убиты сиу, либо застрелены самими кавалеристами, которые использовали их трупы как бруствер.

Как свидетельствует история, первым желанием обнаруживших Команча кавалеристов было — добить его, избавив от мучений.

Но нашелся среди них некто Густав Корн, кузнец, который решил дать Команчу шанс. Разглядев страшные раны коня, Корн заколебался. Но затем снова решил дать шанс, потом опять заколебался и решил все же пристрелить, но к тому времени поступил грозный телеграфный приказ из Вашингтона, где уже прослышали про ужас Литл Биг Хорн: «Всех уцелевших на пароход!»

А уцелел только один Команч.

Его, выполняя приказ, и начали эвакуировать со всеми почестями и предосторожностями.

Коня долго и мучительно вели, по сути несли целых 15 миль — к истоку реки, где находился пароход, который должен был вывезти раненых.

На палубе ему сделали навес и подстилку. Ветеринар зафиксировал 12 тяжелых ранений от стрел и пуль.

На базе седьмого полка в форте Линкольна Команч оправился от ранений и полностью выздоровел.

В годовщину Литл Биг Хорн пришла еще одна директива из Вашингтона, следствием которой был феноменальный приказ по седьмому американскому кавалерийскому полку.

Вот этот приказ (цитирую дословно):

1. Лошади, по имени Команч,— единственному выжившему свидетелю трагедии при Литл Биг Хорн (Монтана, июнь 25, 1876) — седьмой кавалерийский полк обязан создать самые лучшие условия, забота о лошади должна стать почетной обязанностью полка, задачей является максимальное продление жизни лошади в комфорте и холе.

2. Командующий офицер должен следить, чтобы конь всегда был обеспечен удобным жильем, построенным специально для него. Никто, ни один человек, ни при каких обстоятельствах не имеет права заставлять его делать какую-нибудь работу и никто не должен ездить на нем верхом...

Этот уникальный приказ честно выполнялся всю жизнь Команча. Он жил в форте Рилей, в Канзасе.

Ему было позволено все.

Он бродил по газонам и клумбам, он объедал первые, самые нежные розы на больших розовых кустах, но больше всего он любил подсолнухи в росе.

Он засовывал голову в окна, клал ее на подоконник и мог подолгу, внимательно и дружелюбно рассматривать человечью жизнь.

Никто не имел права ни наорать на него, ни ударить.

Он бродил, когда хотел, с жеребятами, которые жили в форте, когда хотел, дремал в своем уютном деннике или носился по полям.

Судя по сохранившимся многочисленным фотографиям Команча на покое, он был гнедым, очень ладным и красивым конем.

Если Команч решал вздремнуть на солнышке на том месте, где проводилось полковое построение, то полковому горнисту давалась некая специальная отмашка, и горнист тихонько, едва-едва похрюкивал в свой горн, чтобы не разбудить старого коня.

Что самое поразительное — присутствие пенсионера Команча, его счастье и спокойствие обеспечило в седьмом кавалерийском полку «какой-то странный перелом в отношении к лошади».

Я не хочу здесь ничего сочинять и додумывать — я не знаю, в чем заключался и как выглядел этот «перелом в отношении», о котором скупом упоминает один из капитанов седьмого кавалерийского.

Я полагаю, я надеюсь, я уверен — это был очень добрый перелом.

Шутка ли — человек впервые, возможно, за много веков увидел, как выглядит лошадиное счастье. И человек выяснил, что зрелище лошадиного счастья — совершенно гипнотическая штука.

И это лошадиное счастье, при внимательном его рассмотрении, кардинальным образом меняло людей, пробуждая у них вроде бы совершенно иррациональные желания, никак не увязанные с обычной житейской логикой приматов.

Желания, несмотря на любые траты, сделать жизнь еще хотя бы нескольких лошадей столь же счастливой, как жизнь Команча.

Ведь его портреты публиковались во всех американских газетах того времени. Его историю знали все.

Очень многие изувеченные кавалерийские лошади в ту пору были выкуплены и поселены, по примеру Команча, для тихой счастливой жизни на маленькие ранчо.

Самого Команча, звезду Литл Биг Хорн, наперебой пытались купить посвященные в его судьбу граждане Америки, но все эти попытки решительно отвергались Вашингтоном и «Седьмым великолепным».

Со всей Америки ему шли посылки.

Мешками.

Овес, сахар, отборнейшее сено, сухари в сахарной обсыпке и соленькие гренки, бесконечные попоны с вензелями и вышивками, с кружевными оторочками, отлитые из чистого серебра подковы и мягчайшие щетки.

Ему писали письма!

Писали дети и старушки, взбалмошные одинокие официантки, грустные торговцы шурупами, проститутки, степенные столяры и проигравшиеся в казино истерики.

С ним советовались.

Ему изливали душу.

Прыщавый, меланхоличный капрал, когда писем накапливалось достаточно, улучив момент, когда Команч пребывал в относительной не-

подвижности, тихо зачитывал их коню, прерываясь лишь на шмыганье носом и тщательное вытирание глаз грязным лиловым кулаком.

Умер Команч шестого ноября 1891 года, в возрасте 29 лет, прожив в полном счастье пятнадцать лет.

Эта глава закончена.

Закончена для человечества, слава богу, и история кавалерии.

Поверьте, я шадил ваши чувства и не описал еще очень и очень многих известных мне нравов, обычаев и воинских ритуалов разных времен и народов, среди которых есть и пострашнее, чем те, что попали в эту, четвертую, главу «Лошадиной энциклопедии», именуемую — «Война».

Свою тупость и жестокость в отношении лошади человек долго оправдывал некоей необходимостью. В первую очередь, необходимостью военной.

Теперь этой необходимости нет.

Остался, как я уже говорил выше, некоторый зуд мучительства.

Но это уже победимо. Ведь, как я уже говорил, тех, кто занимается конным спортом, — убежденных клейменных садистов — едва ли один процент, да даже меньше. Остальные либо не понимают, что они делают, либо боятся задуматься.

Ибо, задумавшись, придется меняться.

Ибо меняется мир.

И меняющийся мир рождает все больше и больше потрясающих людей, способных понимать лошадей и быть ею понятыми.

^a Известная цирковая фигура «галоп на трех ногах» ставится в течение трех-четырёх месяцев, еще полгода репетируется, и только потом «галоп на трех ногах» становится, пусть вымученным и уродливым, но все же способом передвижения лошади по ровной арене. Что бы ни врал по этому поводу Филлис, делается это с типичной цирковой жестокостью: передняя правая или левая нога перехватывается натуго ремнем в согнутом состоянии и подцепляется к троку или гурту, которым опоясана лошадь. В таком состоянии лошадь учат бегать галопом, с помощью побоев, разумеется. Впрочем, даже в цирке существует понимание, сколь это движение мучительно для лошади, и подготовка его идет очень долго и очень постепенно.

А «галоп на трех ногах» я упомянул лишь для того, чтобы развеять всякие сомнения в способности лошади передвигаться таким образом «на трех ногах» сразу при получении глубокой раны копыта.

^b *Шанфрейн* — боевая маска лошади (как правило, стальная или бронзовая).

дин из младших конюших двора стареющего Людовика XIV (кажется, это был Перилье по прозвищу Козий Глаз, бездарный всадник и очень сладкий тип со смешным бельмом, которое располагалось не как полагается бельму, а как-то поперек, делая глаз Перилье ужасно похожим на козий) как-то отпечатал афишу, которую надлежало приклеить на двери одного из манежей Лувра.

Афиша была патетического свойства и должна была повергать в священный трепет всякого, кто ступал под своды манежа.

Предполагалось, вероятно, что по прочтении оной придворные перестанут сморкаться на грунт, разбрасывать по манежу объедки и громко гоготать.

В афише, под роскошной виньеткой — очень красиво, ступенечками, с большим дизайнерским шиком — размещались имена всадников, которые когда-либо занимались в этом манеже.

Там было множество известных имен, и имя Плювинеля в том числе.

Перилье притащил афишу до приклеивания на утверждение Молчальнику де Нестьеру, который по иерархии был чуть ли не самым главным среди конюших двора дряхлеющего короля-«солнце». (Если быть совсем точным, он имел звание конюшего-ординарца Большой Королевской Конюшни, превосходя старшинством и де Салверга, и де Нойи.)

Молчальник, просмотрев афишу, ткнул пальцем в имя Плювинеля и жестом показал, что *это* имя должно быть набрано гораздо крупнее.

Козий Глаз протестующе всплеснул ручками.

Но де Нестьер, резко растопырив обтянутые алой перчаткой пальцы, как будто бы хотел схватить Перилье за сердце, еще раз указал требуемый размер имени великого мэтра.

Имя Плювинеля должно было занять ровно половину афиши.

Бедняжка Перилье, который, вероятно, был главным дизайнером афиши — изобразил лицом ужас.

Молчальник строго кивнул и еще раз ткнул пальцем, но уже в собственное имя и показал ладонями, какого оно должно быть размера (судя по всему, ровно на оставшуюся половину).

Отчаявшийся Перилье прищурил свой козий глаз и решился ехидно спросить: «А где же печатать имена всех остальных всадников?»

Молчальник, пожав плечами, ответил: «С той стороны, где клей». Очень правильная позиция.

Примерно такой же я собираюсь придерживаться в этой главе, где расскажу о людях, что сегодня известны как уникальные мастера работы с лошадыю.

«С той стороны, где клей», останутся все прочие, несмотря на их титулы, звания и медали.

Ведь все эти прочие представляют те или иные системы, где лошадыю управляют только с помощью боли, а следовательно, всерьез рассматривать их опыт нет ни нужды, ни желания.

Я слышал много оскорбленных воплей от титулованных «лошадников» о том, что я напрасно сбрасываю их со счетов.

В качестве основного аргумента их некоторой причастности к искусству установления отношений с лошадыю ими обычно приводится их большой, или даже гигантский стаж.

Это их любимый аргумент.

Кто-то мучает лошадей двадцать лет, кто-то тридцать, а кто-то пятьдесят. И на основании этого стажа тупого мучительства «лошадники» требуют признания и уважения, если и не как мастера, то хотя бы как человека, имеющего некоторое отношение к лошадям.

Чушь полная.

Можно хоть тридцать, хоть сто лет водить смычком по обратной стороне скрипки (где нет струн), но музыки все равно не будет, и музыкантом такой человек не станет.

Долговременность такого вождения смычком — это скорее признака идиотизма, но никак не мастерства.

Причем среди этой публики немало людей сердечных, неплохих, по сути, которым не хватило понимания то ли в мозгах, то ли в душе того, что нужно перевернуть скрипку.

Мне совершенно неинтересны, разумеется, спортсмены.

Это существа вообще не обсуждаемые.

В том, что они делают с лошадыями, нет ни мастерства, ни искусства, ни ума.

Их — легионы, но ни один из них не достоин упоминания или обсуждения.

Весь их опыт — только отрицательного свойства, а конный спорт причинил столько зла и страданий лошадыям, что их именами я не хотел бы пачкать страницы этой книги.

Мастера современной классической школы, типа Оливейры²³, Подхайского²⁴, братьев Перальто²⁵ или их последователей, или выдающихся циркачей — тоже, по сути, ничего не открыли, тоже примитивно мучили лошадыю «железом» и точно так же, как и спортсмены,

использовали принципиально неверные методы, ничего не дающие и не могущие дать, — то есть болевое принуждение и наказание, но некий интерес они все же представляют, так как хранят некоторые традиции старых европейских школ.

О них (для объективности картины) несколько сквозь зубы, но упомянуть я буду вынужден, хотя, впрочем, считайте, уже упомянул.

А вот всерьез я расположен говорить о тех людях, которые решились и скрипку перевернули струнами вверх.

Таких людей в мире очень немного.

С кем-то из них мне довелось дружить, у кого-то учиться, кого-то учить, с кем-то конфликтовать, но так уж вышло, что я знаю всех.

О них-то и мой рассказ.

Трудно сказать, кто из них первый, кто последний.

Романтический ли итальянец, замкнувшийся в увешанных древним «железом» стенах своего замка, или абсолютно нищий, суровый чешский мальчишка в резиновых сапогах, который учит элементам Haute Ecole своего свободного и счастливого рыженького Гастона под несмолкающий коровий рев на далекой ферме, или легендарная Силк Валентин, которая видит мир и своих лошадей только из своей инвалидной коляски...

Я не знаю, кто из них первый, кто второй.

Их объединяет умение «слышать лошадь и быть услышанным ею», их роднит честная любовь к лошади и умение переубеждать мир.

Каждый из героев этой главы делает сейчас колоссальное, неоценимое дело, разворачивая вспять тысячелетние представления человека о лошади, круша заблуждения и предрассудки о ней, примером своего отношения утверждая совершенно новый для человечества образ взаимоотношений человека и лошади.

Есть, безусловно есть помимо них талантливейшие и очень мягкие с лошадью мастера, есть цирковые дрессировщики, ломающие подлую природу цирка, такие как Кни, Грюсс, как русская Лена Павлович²⁶, есть очаровательная Магали Делгадо и ее муж Пиньон, есть Жан Марк Эмбер, да и еще многие мастера, перед которыми я преклоняюсь.

Но сегодняшним предметом исследования я все же выбрал не просто талантливых и знаменитых мастеров, а тех людей, что принципиально меняют мировую лошадиную судьбу, доказывая, что лошадь бесконечно умна, что лошадь хочет и умеет дружить с человеком, что все, что делал на протяжении известных нам трех тысяч лет человек с лошадью, — было дикой ошибкой.

Причем, в силу своей природы я не способен писать комплиментарные портреты даже симпатичных или дорогих мне людей.

Я, вероятно, исследуя даже столь высокую и важную мне материю, буду ехидничать и придираться.

Постарайтесь не обращать на это внимания. В конце концов помните, что и в блистательном семнадцатом веке — отцы-основатели *Haute Ecole* — тоже не всегда были в ладах друг с другом и тоже порой прохаживались насчет друг друга с убийственной жесткостью.

Там, где я буду не совсем корректен по отношению к тому же Пату Парелли, смело списывайте это на латентную вражду меж его и моей школами.

Итак, начнем.

Начнем с усатого американца, сделавшего из отношений с лошадью поразительно успешный бизнес,— с того самого Пата Парелли.

Парелли — это крупный хромой дядька в белой шляпе.

Очень «оковбоенный», то есть весь, от каблуков вышитых сапожищ до верхушки своего белого «стетсона», настоящий на традициях американской ковбойщины.

Ковбойщина (вестерн) — это и часть брэнда, и стиль, и особенность посадки, мимики и пластики.

Унаследовав традиции вестерна, он унаследовал и его незатейливость, отсутствие сложных и эффектных элементов, всякое отсутствие французской «отэколевской» (или любой другой европейской или общемировой) внешней эстетики.

Вестерновская езда предполагает только самые простые и очень жестокие и разрушительные для лошади экзерсисы. Описывать не буду — долго, скучно и противно. Достаточно сказать, что порожденная безграмотными и беспощадными к лошади пионерами Дикого Запада, езда «вестерн» по сей день сохраняет дух ее основателей и в принципе другой быть не может. (Ковбойская лошадь грубо заезжалась, грубо использовалась без малейших представлений о лошадиной анатомии и биомеханике, примерно, как и военная лошадь, и лет за пять «убивалась».)

С ликвидацией практической ковбойщины возникло декоративное направление верховой езды, продолжающее все эти традиции.)

Парелли хранит удивительную верность внешней традиции вестерновской езды (шляпы, шпоры, чаппарахос^a, лассо на луке седла), но не практикует большинства грубых и безжалостных элементов, составляющих ее суть. (Примерно, как и *Haute Ecole*, сохранившая ботфорты, бронзовую оковку седел, золоченые эмблемы, странную форму путлиц, стремяна XVII-XVIII веков, все основные аллюры, щиты и латы на стенах манежей, элементы, фигуры и движения старой школы, но отрекшаяся от методов времен Плювинеля и ушедшая

в абсолютную свободу лошади от любого, даже минимального насилия.)

Свое учение — Natural Horsemanship — Парелли внешне основал целиком на вестерне, скорее всего потому, что искренне не знал о том, что в мире существуют еще какие-то стили.

(Я показал ему каприоли и испанскую рысь своих лошадей — он был настолько удивлен, что долго растерянно молчал. Он долго раздумывал о том, что же такое Санкт-Петербург, и внезапно пришел к выводу, что это город «неподалеку от Грузии». То есть не только с мировой историей школы верховой езды, но и с географией тоже у Парелли такой очень американский порядочек.)

Несмотря на все это Парелли является изобретателем самой массовой (по всему миру) системы взаимоотношений с лошадью, в которой *почти* нет наказаний, где все основано на играх, мягкости и попытках постижения стиля лошадиной психологии.

Система успешна и победоносно шествует по миру.

На нее потягивают, но она, похоже, этого даже не замечает.

Обязательно находятся шавочки, которые сами ни черта не умеют, но заявляют, что Парелли ничего не открыл нового, что он лишь оформил хорошо известное старое, а в качестве доказательства обязательно приведут какого-нибудь дядю Яшу со своей конюшни, который тоже не всегда бил лошадь ломом, а иногда просто лопатой, следовательно, с лошадьми был мягок еще до всякого Парелли.

Все это полная чепуха. Парелли действительно создал принципиально новый стиль взаимоотношений человека и лошади.

Его учение идеологично, эффективно на практике и доступно.

В Англии, Австралии, Германии, Италии открываются пареллиевские центры, где специальные инструкторы учат сотни и тысячи студентов умению дружить с лошадью.

У всех получается. Если, конечно, мозги не затуманены жадной получением розеток или готовностью оплачивать спортивные звания лошадиной кровью и жизнью.

Есть, конечно, и у Парелли некоторые проблемы.

В основном, вероятно, с имиджмейкером.

Пятидесятипятiletний Парелли косит, по устаревшему американскому шаблону, под фермерского сынка-переростка, но он уже настолько отполирован годами шоу, конференций и представлений, что его желание выглядеть эдаким вот «посконным» американцем забавно.

Приглядевшись в первую же встречу, я увидел стопроцентного шоумена, у которого заучена и отработана пластика, речь и мимика.

Каждое движение репетировано тысячу раз, каждая улыбка дозирована и точно соразмерена с необходимостью улыбнуться.

Очень подозрительный и хитрый Парелли в нормальном разговоре с трудом выходит из роли бога, к которой его приучила его огромная паства, его последователи, фанаты, сторонники, подражатели и вздыхатели.

Впрочем, надолго выходить из роли бога все равно не получается.

Это так, короткими сполохами мелькнет живая и не репетированная реакция, но тут же Парелли спохватывается и снова принимает свою чертовски удобную позу лошадиного пророка, бога и апостола одновременно.

Было бы величайшей глупостью осуждать его за это.

Гораздо более крепкие духовно и интеллектуально люди, когда судьба подкидывала им роль мессии, почти обожествленного главы секты, подчинялись своей роли, пропитывались ею и ею же поглощались без остатка.

Если бы Парелли имел дело с людьми и их религией, он был бы абсолютно невыносим.

С его ярко выраженной тенденцией к сектантству, тенденцией собрать «верных», строго отмаркировать их в соответствии с внутренней иерархией и отгородиться от прочих, он вполне мог бы стать во главе любой фанатичной общины, хоть суннитской, хоть старообрядческой.

По счастью, он имеет дело и с лошадьми тоже, которые не только не признают в нем живого бога, но не всегда и равным-то считают. Это слегка отрезвляет Парелли.

И это же, вероятно, поддерживает в нем ту минимальную нормальность, которая делает относительно возможным некоторое общение.

Но это пустяки, внешнее.

Теперь о главном.

Он слышит лошадь. Безусловно, слышит.

Природой ему дано понимать и чувствовать ее боль, смятение и страх.

Это уже колоссальный и очень редкий дар, без которого никакое мастерство в работе с лошадью в принципе невозможно.

Он посвящен в некое «лошадиное время», то есть он точно понимает, сколько именно часов, дней и месяцев требуется лошади на постижение условий взаимоотношений с человеком, и никогда он не торопит лошадь, и точно так же никогда не пропустит того момента, когда по лошадиным часам пришло время понимать, слушаться или бунтовать.

Его «Семь игр», если кратко суммировать, учат лошадь не бояться человека и не ждать от него зла. Учат лошадь приветливости, общительности и желанию быть вместе с человеком. (По мне, «Семь игр» несколько незатейливы, очень густо замешаны на технике безопасности и сильно уступают «отэколевским» и индейским играм в быстроте и качестве контакта с лошадью.)

Его «клиники», то есть показательные, демонстрационные уроки, которые он проводит по всему миру, неизменно собирают тысячи людей. Его книжки и кассеты выходят огромными тиражами.

Секрет пареллиевского успеха — в его абсолютной демократичности.

Он адресован всем и всем понятен со своей многоуровневой системой, которая учит устанавливать с лошадью взаимоотношения и дружить с ней.

Эта же система до определенного момента практически очень легка, и овладение ею под силу любому человеку, даже не наделенному никакими лошадиными талантами.

Пареллиевское учение (вернее, только первый, низший уровень) — Natural Horsemanship — хорошо тем, что для успеха в нем достаточно только желания, доброты и уважения к лошади.

Достаточно, по сути, ужаса и омерзения к той беспросветице и садизму, которым учит спорт.

Разумеется, воспитанная в духе Natural Horsemanship лошадь никогда не будет делать сложных элементов, но пареллиевской пастве они никогда и не пригодятся.

А фанатизм пареллистов потрясающий.

Вспоминаю нашу первую встречу.

Было это в Солихуле, на его английской базе.

Это черт знает где, глухая английская провинция, куда не так-то просто добраться.

Правда, на шоссе от Уорвика через каждые пятьсот метров начинаются специальные дорожные указатели, подсказывающие, что центр Парелли направо, прямо или налево.

Два огромных холодных ангара английского Центра были забиты наплотню.

Причем, забиты очень опытной публикой.

Пареллиевские фанаты, знающие, что просидеть без всякого движения, слушая Учителя, наблюдая за Учителем, робкими жестами с места подражая Учителю, придется часов восемь, по меньшей мере, приходят с подушками, грелками, термосами, одеялами, пледами и спальными мешками, в которых сидят, высунув лишь свою зачарованную физиономию.

Это — в одном ангаре, там где манеж, где трибуны, где непосредственно большой открытый урок — «клиника».

Весь второй ангар — торговля.

Здесь часы «Парелли», подушки, кепочки, подгузники «Парелли», недоуздки, уздечки, седла, книги, кассеты, брошки, маечки и куртки — и все Парелли.

Брэнд — везде и у всех. На рукавах, на спинах, на груди, на лбах.

На меня мрачно косились белобровые английские фермеры и двузубые, редкостно зайцеобразные десятилетние леди с «морковными палочками»¹⁵ в руках, обшаривая взглядом и выискивая пареллиевскую нашлапочку с пером, лошадиной головой и фамилией Учителя.

Не видя таковой — суровели или брезгливо отворачивались.

Чужой!

Мне даже попытались запретить курить трубку в торговом ангаре, но тут же прибежал какой-то коленчатый тип в белой ковбойской шляпе, разъяснил белобровым, что я — гость Учителя, и от меня отстали.

За вход на такую «клинику» платят фунтов двести, если не ошибаюсь.

Люди здесь разные.

Закутавшись в электроодеяла на батарейках, в шотландские пледы, прижавшие к животу грелки,— здесь, на трибунах, удравшие с ипподромов красноносые жокеи, рядышком какие-то индусы в лиловых чалмах, синхронно, как по единой команде, водящие камерами в смуглых тонкопалых руках, за индусами густая россыпь ищущих свой путь в мире лошади английских старушек, девочек и дам, здесь же, в характерных клановых болотных кеппи — владельцы призовых рысаков, а рядом — фермеры в деревянных пиджачках, застенчиво согревающиеся из кожаных фляжек.

Парелли в белой шляпе на очень прилично двигающемся караковом коне дефилирует по манежу перед трибунами и безостановочно говорит, говорит, говорит.

Хохмит, спрашивает, восклицает, повествует, рассуждает.

Иногда для оживляжа — осадит коня, пройдет коротким, хорошо организованным галопчиком или — под шквал восхищенных аплодисментов — сделает ужасающее пиаффе.

На коне — аккуратненький «пареллиевский» недоуздок, достаточно строгий, обеспечивающий (если надо) очень болезненное давление своими тоненькими веревочками с узелками на храп лошади. Если разобраться — средство управления еще то!

Но железок во рту — формально нет.

Впрочем, недоуздок подобран в тон лошади, и его как бы и не видно.

Сидит Парелли даже не просто прилично, а очень хорошо, нежно сидит, на самом длинном стремях, и все понимает про необходимость минимизировать свое присутствие на спине лошади.

Действительно мастер, черт возьми.

Периодически он начинает какие-то свои, натуралхосменшипские манипуляции с белыми толстыми веревками, идущими от недоуздка к его рукам, и тем самым отлично заводит замерзшие трибуны.

Индусы бросают камеры, старушки перестают трясти вымпелами с брэндом «Парелли», фермеры прячут флажки — и все начинают усерднейшим образом копировать движение рук Учителя. (В этот момент трибуны очень похожи на огромный экипаж байдарки, у которого разом украли все весла, но привычка грести осталась.)

Поначалу я глядел на все это с ужасом.

Действительно это напоминает камлание в очень сплоченной и агрессивной тоталитарной секте.

Привыкнув к абсолютной и принципиальной непубличности, закрытости Haute Ecole, которая стережет свои секреты работы с лошастью, как сотня церберов, я с ужасом ждал, что Парелли проколется и действительно покажет всей этой огромной и непонятной толпе что-нибудь дельное. Нет. Ничего дельного или хотя бы понятного для них не было.

И, тем не менее, дикая жажда двух с половиной тысяч человек, жажда узнать главный секрет лошади, секрет дружбы с ней каким-то волшебным образом удовлетворялась.

В этом Парелли действительно гений.

В результате применения его системы лишь избранные, редчайшие единицы могут повторить даже те нетрудные вещи, что делает он сам.

Но выстроить отношения с лошастью — крайне легкие, симпатичные и простые — сможет каждый.

Секрет тут прост — лошадь, самая бешеная, заводная, свирепая, на самом деле при элементарном умении человека апеллировать не к ее дикой, табунной сути, а к мудрости и спокойствию — чертовски общительное и очень доброжелательное существо, которое понимает все и в отношениях с человеком готова вести себя безукоризненно.

В данном, пареллиевском, случае — лошадь понимает, что ей предлагаются отношения, которые ее, по большому счету, ни к чему не обязывают.

Она с легкостью идет на них.

Коренной ошибкой (как я уже говорил) было бы на основании некоторой ядовитости написанного выше заподозрить меня в неприязни к Парелли.

Отнюдь.

Парелли — очень большой мастер.

Он предложил миру принципиально иную идеологию отношения к лошади — и эта идеология была массой принята, так как основывалась и ориентировалась на интерес среднего пользователя, который хоть уже и осознал дикость и бессмыслицу конного спорта, но так никогда и не придет к профессиональному посвящению своей жизни лошади и работе с ней.

Если ядовитость — которую, честное слово, я пытался скрыть — и проскальзывала, то это лишь оттого, что меня в Парелли убивает его компромисс со спортом, и я ясно вижу основную проблему его системы.

Ну, со спортом понятно.

Здесь все объясняется нормальной американской жадностью.

Спорт, который постоянно страдает от неуправляемости своих забитых и задерганных лошадей, периодически в лице наиболее грамотных и хитрых спортсменов бухается перед Парелли на колени и просит помощи.

А спорт — это удивительное сочетание обезумевших, несчастных лошадей, с которыми у их владельцев идет постоянная война, и миллионов долларов и евро, задействованных в нем.

Парелли, лошадиный пророк, все великолепно понимающий про принципиально порочную природу конного спорта, тут же идет со спортом на компромисс.

Очень большие деньги, понять можно.

Но и осуждать Парелли нельзя, ведь он, в отличие от современных «отэкольщиков», не давал никаких обетов держать в секрете те принципиальные приемы работы с лошадьми, которые, попадая в спорт, могут на долгие годы продлить его бессмысленную жизнь или, не дай бог, вдохнуть новую.

Да, слава богу, Парелли с его страстью к шоу и всеразбалтыванию всего в своих кассетах и книжках и не знает никаких секретов обучения сложным вещам.

Конверта с волосом из хвоста вороного жеребца он никогда не получит.

Спортивным лошадям он с помощью пролога своей системы — «Семи игр» — быстренько подлатывает психику, не более, скатываясь до уровня почти Монти Робертса.

Но помимо безобразного компромисса со спортом в Natural Horsemanship есть и серьезная, системная проблема, слава богу, не очень заметная.

Объясняю.

Идеология (блестящая) пареллиевского учения — это напрямую идеология любви к лошади и уважения к ней.

Принимается безоговорочно.

Начальная стадия Natural Horsemanship, игры и первый уровень — великолепны, поддержаны идеологией, поддерживают ее, действительно учат контакту с лошастью.

Это — пока «игры», и пока идет работа в руках.

Стоит всаднику в первый раз взобраться на лошадь — и по розовому фасаду учения бежит первая трещина.

В качестве средства управления выступает веревочный, со специальными узелками недоуздок. Как я уже говорил выше, его мягкостью можно обмануть только полных лохов. Но он все же чуть-чуть мягче любого «железа». Это уже колоссальный шаг вперед, учитывая, что 99% людей так, вероятно, никогда и не решатся полностью довериться лошади, сняв с нее все.

Ладно, понятно, что Natural Horsemanship система демократическая и ориентированная на толстых чувствительных бизнесменов, которым раз в году надо провести (в мире с собственной совестью, не мучая лошадь) так называемую «ковбойскую недельку», то есть покататься в шляпах, с игрушечными кольтами, на совершенно погашенных и безопасных лошадях по пейзажам Канады или Калифорнии.

Но потом — на уровнях повыше — Парелли предлагает надеть «железо», то есть вернуться к тому, от чего и бегут люди в объятия его учения.

И совершенно неважно, какие слова он при этом говорит и как мотивирует. Все слова про «железо» я уже слышал.

Обычно Пат из кожи лезет. Понимая, что расписывается в полной ущербности части своего знаменитого учения — велеречивничает страшно.

Но суть от этого не меняется.

«Железо» есть «железо», и никакого другого предназначения, кроме болевого контроля и болевого же направления, — у него нет.

Так замечательно, так восхитительно начинавшаяся Natural Horsemanship вынуждена возвратиться к болевому воздействию, чтобы обучить лошадь чему-либо более сложному, чем транспортировка толстых бизнесменов.

Парелли можно теоретически понять — секрета свободного сбора, известного Haute Ecole, Natural Horsemanship не знает.

А воспитывать и всерьез учить лошадь нужно.

А без сбора это невозможно.

Вот и возвращается «железо».

Короче, все, что в Natural Horsemanship начинается после игр и первого уровня — это, по сути, некоторое шарлатанство.

Надеюсь, невольное.

Все выше сказанное — отнюдь не попытка похоронить Natural Horsemanship, а честный ее анализ.

Повторяю и готов подписаться: игры и часть первого уровня — великолепны и являются гигантским шагом вперед в деле установки правильных и честных отношений с лошадью.

Я очень бы не хотел задеть чувства тех, кто любит Парелли или занимается по его системе.

Это хорошие люди, сделавшие верный выбор.

Упаси бог, я очень боюсь лишить тех лошадей, которые живут в поле пареллиевского учения, — счастья быть не битыми, не мучимыми и, в общем, понимаемыми.

Так или иначе, первый уровень и игры — это лучшая из общедоступных практик и гениальное открытие.

Парелли, впрочем, знает свой контингент.

Первые уровни и игры обещают сказочную близость с лошастью, понятность ей, нежность с нею.

Они же, по сути своей, призрачно обещают и ее полную свободу при полном подчинении.

Обычный человек, если он не собирается сделать работу с лошастью своей профессией, никогда дальше игр и первого уровня и не полезет и для удовлетворения своих чувств к лошади — вполне обойдется и тем призрачным обещанием немислимого лошадиного счастья, на что первый уровень тонко и умело намекает.

Веревочный недоуздок и морковная палочка — вроде бы символизируют полную непричастность к легионам мучителей лошади.

Мессия Пат в своих рекламных роликах демонстрирует свою полную богоравность, разъезжая на раскляченной, но полностью голой лошади.

Правда, литература и ролики тонко подчеркивают, что это — удел богов. Всем прочим — безобидный недоуздок.

Идеология доброты к лошади, которая и привлекает сотни тысяч людей, остается, вроде бы, выдержанной.

Сердечный протест против тупого и примитивного насилия над лошастью удовлетворяется сопричастностью к новой лошадиной религии — к Natural Horsemanship.

И мало кто знает, что все, что дальше самых начальных уровней, то, что предназначено для «продвинутых», — абсолютно никчемно и на самом деле ничем не отличается от других мучительских систем.

Чудо, которое ожидалось от высоких уровней Natural Horsemanship, оказывается блефом, оттого-то и уходят из школы Парелли самые талантливые и блестящие ученики, типа чеха Гонзы, о котором рассказ еще впереди.

Впрочем, и того, что в Natural Horsemanship действительно положительно и действительно честно, — вполне хватает, чтобы имя Парелли было на законных основаниях огненными, победно горящими буквами вписано в настоящую историю лошади. Зря он вообще и сам пошел дальше своих игр.

Ему бы застыть, остановиться — и начать позировать для большой конной статуи.

Ан нет, система как товар выглядела неполной, и гениальные «игры» получили весьма двусмысленное продолжение.

Я подозреваю, что понимание этого обстоятельства должно было страшно мучить самого Парелли.

А еще страшнее было понимать, что очень и очень скоро должны прийти те, кто, взяв за основу первые уровни учения и идеологию, нормально доделают великую систему Пата Парелли.

Один уже взялся за дело.

Он уже постучался, властно и смело заколотил в высокие ворота храма лошадиной славы, предложив совсем другой конец, совсем иное продолжение истории Natural Horsemanship.

Стук этот раздался из маленькой, расплзшейся своими домишками по склонам гор чешской деревни Борово.

Гонзе — двадцать семь или двадцать восемь лет.

Высокий.

Длиннорукий.

Угрюмый.

В белой шляпе.

Вообще, все это совершенно отдельная, шекспировская история.

Бывший когда-то любимым учеником Пата, Гонза был изгнан из пареллиевского рая.

Прочь от увенчанного белым «стэтсоном» престола Natural Horsemanship, прочь от двора, казны, от доходных и шумных шоу по всему миру.

Насколько я знаю — изгнание было скорым и свирепым.

Любимый ученик оказался талантливее учителя и имел неосторожность как-то продемонстрировать это.

Талант и успех Гонзы, которые почти автоматически делали его наследником престола Natural Horsemanship, стали слишком заметны придворным, свите, прессе, фанатам и самому Парелли.

Замкнутый маленький чех, который легко брался за самых сложных лошадей и всегда добивался с ними успеха, который за каких-то полтора года в Америке опасно приблизился к уровню славы главных инструкторов и самого Пата, конечно же, был неуместен.

Как я понимаю, Гонза, честно следуя основной идеологии Парелли, пойдя на высокие, специальные уровни, не надел «железо», а, наоборот, снял с коня все, дав ему свободу и право выбора.

Когда это увидели, ему немедленно указали на выход.

Полностью безудачечная езда, даже без сбора, даже самая простая (я здесь и не заикаюсь об элементах) — это примета лишь самого мессии Natural Horsemanship Пата.

портретами, отстроили ему роскошную «бочку»^c и маленькую школу, где уже сейчас подготовлены три карликовые комнатки для будущих студентов Гонзы.

Гастон — рыженький белогривый мерин, главный конь Гонзы,— вернулся из Америки вместе с ним.

История Гастона типична.

Несмотря на небольшой рост Гастон был яростным и сильным коном, переполненным презрением к тупому человечеству и огромной гордостью.

Попытки разобраться с ним обычными средствами, которые наперебой советовали местные лошадики, приводили лишь к тому, что Гастон, с окровавленным, разодранным «железом» ртом, шалея, нес бедного маленького Гонзу в туманы сырых полей, где рано или поздно от него избавлялся.

Периодически в судьбе Гонзы и Гастона появлялись новые очередные умельцы в педерастических штаниках и бархатных касках.

Гастон все гуще обрастал, по их настоянию, ремешками и железками, но смирить этого коня не было никому по силам.

Его кастрировали — не помогло.

Когда мы в первый раз встретились — рыжий, сильно обросший Гастон, окруженный свитой из шести навалявшихся в весенней грязи кобыл, ел в леваде хорошее светлое сено.

Никакой особой царской повадки.

Нормальное, философски-отрешенное, вполне даосское лошадиное настроение. Глаз — покойный, без особой игры или понтов. Росточек действительно невелик, но сложение очень крепкое и легкое.

Характер проявился лишь в ту минуту, когда какая-то из маленьких кобыл хватанула Гастоново сено.

Рыжий тут же треснул ее сомкнутыми зубами в шею.

Без ярости, но так авторитетно, что кобылка даже не окрысилась в ответ, не приложила ушки, а без всякого скандала отвернулась и долго глядела в горы.

На подошедшего Гонзу Гастон глянул мельком, но все же чуть подольше, чем на меня.

Вообще, выражение «глянул» совершенно неприменимо к лошади. Переводя на общечеловеческий с лошадиного, я несколько дал маху. Лошадь, если выражаться с предельной точностью, как говорят сиу, «Ишта огна ичу-пи» — буквально «принимает в глаза». Видит — в нашем привычном понимании — лошадь человека очень редко.

Сейчас объясню эту головоломку.

Глаз лошади устроен так, что предметы или существа автоматически оказываются в поле ее зрения, лишь только они вообще появились где-то поблизости. Никаких специальных усилий от лошади не требуется.

Никаких взглядываний — тем более.

Глаз спокойной лошади вмещает бесконечное множество подробностей жизни вокруг нее, со всеми их нюансами. Но любая лошадь умеет поразительно показать глазами, какое место в этом наборе предметов и существ занимаете вы.

Либо вы — в числе прочего, просто подробность пейзажа, пусть даже самая неприятная и наскучившая, либо — доминанта, некое самое главное обстоятельство.

Только в этом, кстати, очень редком случае, лошадь вас «видит».

Умение читать или чувствовать лошадиный взгляд — отдельное искусство, необходимое для правильной и честной работы с лошадью или для ее воспитания. Пока лошадь не увидела вас как доминанту, как центральное обстоятельство, на которое уже накручен мир вокруг, — учить ее чему-либо бесполезно. Пока она просто «Ишта огна ичу-пи» — глаз остается пустоват.

И лишь завоевав ее душу, вы начинаете ощущать волшебную связь меж темно-многоцветным глянцем огромного круглого зрачка и собой. (Конечно, бывают ситуации, когда лошадь взглядывается и далее, напряженно концентрируясь на беспокоящем ее обстоятельстве, но это, как правило, ситуация экстремальная. Я говорил о спокойной, ничем не смущаемой лошади.)

Важный малыш Гастон ужасно мне, разумеется, напомнил моих Перста, Каоги, Липисину, Ташунку — да и всех лошадей, с которыми меня сводила судьба. Прежде всего, этим умением очень четко и акцентированно видеть главного в своей жизни человека.

Я для него остался деталью пейзажа, а Гонза сразу стал главным, стержневым его обстоятельством.

Возвращаюсь к истории Гонзы и Гастона.

Когда-то, когда с Гастоном еще не было никакого сладу, Гонза впервые услышал про Парелли, раздобыл какую-то методическую литературу и начал сперва сам, что называется, потихоньку «парелльничать» за сараем.

Результат оказался ошеломительным.

Гастон, быстро выяснив, что все переменялось, тут же переменялся сам.

Гневные и гордые лошади, как правило, еще более умны, чем просто лошади.

И пошло-поехало.

Гонза был настолько талантлив, что уже через пару лет попал в личные ученики Парелли, уехал в Америку, прославился... а потом,

потом был низвергнут обратно, как справедливо полагал, вероятно, мессия Пат,— в неизвестность, туманы и скучные, безбрежные моря чешского пива, из которого нет ни выплыву, ни спасения.

Там Гонза, отрезанный от мира, от выступлений, от прессы, от славы — дерзкий изгнанник Гонза, посягнувший на прерогативу мессии, — уже никогда не будет опасен.

Его великий и ненужный секрет отношений с лошастью должен с печальным чавканьем затонуть в пиве и коровьем навозе.

Но низвергнутый Гонза не сдался.

Он стиснул зубы.

Он-то помнил и знал, что владеет мастерством и секретом.

К тому же — с ним был Гастон, живое воплощение самых смелых мечтаний любого лошадника.

Когда мы встретились, он буравил меня своими крестьянскими чешскими глазками, а я очень пристально и недоверчиво присматривался к нему.

Мир мастеров тесен — мы к этому моменту знали почти все друг о друге.

Но мы — дети разных школ. Он все знал про замкнутость и высокомерие мастеров Haute Ecole.

Я знал все об исключительной тенденции парелльщиков делать любой попавший к ним прием — общеизвестным.

Меня это не очень устраивало.

Свой первый вопрос по существу (это было что-то про постановку свободной лошади на курбет) Гонза задал, преодолевая себя, с диким трудом.

Но задал.

Рядом с ним стоял Гастон, и все время он «видел» Гонзу.

Делал ли тот случайный шаг назад — Гастон тоже делал такой шаг, смещался ли Гонза влево — Гастон следовал за ним.

Когда говорил Гонза, чуть повернутые к нему уши рыжего белогривого конька напряженно застывали, он жадно слушал, высеивая из массы сложных звуков знакомые ему и нужные.

Только лошадь, которая уверена в человеке, которая точно знает, что тот никогда не причинит ей зла, будет так «видеть» и слышать его.

И я решил, что Гастон дает Гонзе самую лучшую характеристику.

И грех не поверить малышу Гастону.

Я растаял и ответил. Предельно подробно и честно, как никому.

Хотя курбет — это наш, «отэколевский», элемент, и техника обучения ему не имеет к парелльщикам ни малейшего отношения.

Гонза тут же, в «бочке», воздвигнутой для него местным крестьянством, — все услышанное от меня и воплотил, да так здорово, что я тысячу раз пожалел о своей искренности.

Мне стало ясно, что Гонза недолго просидит в своем коровнике.

По сути, то, что он сейчас делает, есть абсолютно логическое развитие системы самого Парелли. То самое, честное.

Когда сложность элементов не только не требует любых вспомогательных средств, а базируется лишь на понимании и желании лошади.

У Гонзы в воспитании пять лошадей.

Он потихонечку учит их всех, сложных и разных, оставаясь свободными, быть вместе, не склочничать, объединяться и дружить, подчиняясь его воле.

Будучи все же учеником Парелли, он и учит по-пареллиевски, в тоненьких недоузdochках.

По моему совету он решился за этот год сделать немыслимую штуку: когда лошади обвыкнутся друг с другом, недоуздки снять, образовать свободный табун, и этот свободный табун пустить синхронно испанским шагом, а Гонза, в белой шляпе, верхом на Гастоне должен быть в самом центре его.

Он жутко загорелся этой идеей.

Разумеется, Гонзу понесло в Haute Ecole, так как именно сложные элементы при условии абсолютной свободы лошади есть пробный камень крепкости отношений с нею.

Одно дело поболтаться по полям, нюхнуть ветра и леса, порысать или пробежаться галопом, другое дело — выполнять элементы, которые требуют предельного напряжения всех мышц, расчета и сообщения.

То, что я видел своими глазами, было очень недурно.

Его полностью свободный Гастон и в руках, и под всадником делает очень энергетический пиаф, хороший пассаж, попытки пасады, то есть некие начальные элементы моей родной «Высокой Школы».

При этом Гонза жутко самолюбив и сложен.

Изобретя совершенно идиотский способ сбора (но все-таки сбора), он остается и собирается остаться ему верен, хотя я честно рассказал ему свой, который в сто раз проще, удобней и для воспитателя, и для лошади.

Однако Гонза хочет все делать сам, и как это делать — он тоже хочет придумать сам.

Я много видел упрямцев, но он — редкостный.

Его, правда, извиняет его одержимость. Он полностью, всецело, абсолютно одержим идеей лошадиной свободы, и несмотря на полное отсутствие иппологического образования, глубинных древних знаний, он душой своей со всей отчетливостью сознает, что иначе никак нельзя.

В действительности в отношениях с лошастью в глухом тупике люди находятся уже несколько тысячелетий, и Гонза знает, что будет одним из первых, кто найдет, нащупает верную дорогу прочь из тупика.

И поведет за собой очень и очень многих.

Я не знаю и не могу судить, да и он сам не знает, для кого он ищет этот путь.

Для человека или для лошади.

Чье счастье для него важнее.

Что, впрочем, совершенно неважно.

В истории мира человек и лошадь переплелись так тесно, что порой трудно определить, где кончаются интересы человека и начинаются интересы лошади.

Понятно, что со временем он добьется своего и прославится и займет престол Natural Horsemanship.

Возможно, к тому времени Natural Horsemanship и Haute Ecole уже будут неким единым целым и будут тем прообразом будущих отношений человека и лошади, когда полностью свободная лошадь будет полностью понята человеком, и человек будет понятен лошади.

Гонза в этом смысле — абсолютно человек будущего.

Чешская бомба, оказавшаяся в самом фундаменте знаменитой системы Пата Парелли.

Фитиль ее тлеет. Огонек все ближе подбирается к пороховому устью.

Она рванет, но не разнесет Natural Horsemanship взрывом в клочья, а лишь вызовет тектонические сдвиги слоев, так что учение, на глазах, примет совсем другие очертания, избавившись от фальши и противоречий.

Он провожал меня, разумеется, в белой шляпе.

Верхом на рыжем Гастоне.

По правую и левую руку его, точно выдерживая единый с Гастоном ритм, шли коротким галопом четыре лошади.

Три гнедые и серая.

Пока еще в недоуздках.

Итальянец Марио Люраши — абсолютная противоположность и Парелли, и Гонзе.

Открытый, блистательный, храбрый, дерзкий, хвастливый, проказливый и великодушный романтик — он есть и по сути своей, и по форме — последний живой мастер старой Haute Ecole.

Сейчас у него четыре жены.

Все четыре — действующие.

Живут вместе, но содержание жен не гаремное, а строго индивидуальное.

Для каждой жены либо выстроен некий отдельный домик на территории древнего аббатства, либо выделены покои в самих корпусах его.

На секундочку представьте себе, сколь обаятельным человеком надо быть, чтобы, приведя в дом новую жену, суметь уговорить старую не обидеться и не уйти.

Причем эта уговоренная жена (Жужу) мало того, что чертовски хороша собой, самодостаточна, так еще и немислимо храбра.

Я не знаю больше женщин, которые бы падали с сорокадвухметровой высоты так непринужденно и весело, так не меняясь в лице... и так тщательно поправив тушь на ресницах,— Жужу знаменитая каскадерша.

Когда жен стало две, им уже не так трудно было принять третью, которая появилась сперва как некое приложение к пятнадцати бизонам.

Бизоны были привезены для шоу, которое организовывал Марио в парижском диснейленде.

А три жены уже совсем легко восприняли появление четвертой.

Будет пятая — примут пятую.

Дело житейское.

Такой вот редкий вариант многоженства без оттенка свинства.

Вечерами, впрочем, все жены, дети, редкие ученики собираются в старой огромной трапезной аббатства, что служит сейчас парадной залой и главной экспозицией, где сконцентрированы немислимые редкости «иппической» истории и истории американских индейцев.

Здесь — седла четырнадцатого века, в высоченных витринах — «железо» всех эпох, на стенах и колоннах — древние, шитые бисером боевые рубахи команчей и ассинибойнов, здесь же рыцарские латы, а на столах — опять-таки седла, мечи, ожерелья из двадцатисантиметровых когтей гризли, кожаная проплетка которых пропитана потом смуглых шей великих вождей Сиуксов и Кроу и еще хранит не убитый за двести лет их запах.

Запах кожи, дыма, боевой раскраски, крови, пота и прерий.

Здесь же и кухня, а посредине залы — великанский камин, большущий настолько, что под его куполом, внутри, вокруг огня — можно и сидеть, и лежать, что все, разумеется, и делают, для любых серьезных бесед собираясь в камине.

Марио к тому же «настоян» на древних книгах.

Сколько раз, чтобы ответить на очередной мой вопрос или меня же урезонить, он открывал сундучки и из-под старых томагавков и

шпор, из-под уздечек принца Конде, кольчуг и киверов доставал прижизненное издание Плювинеля, которого в мире сохранилось едва с десяток книг, — и, севши у сундучка по-турецки или прошествовав с огромным кожаным томом в камин, начинал мерно зачитывать волшебные абзацы.

Оттуда же мог быть извлечен и Гериньер или Соломон де ля Брюэ, с пометками и правками автора.

Марио победоносно читал или пересказывал, водя пальцем по огромным шуршливым гравюрам, которыми полны эти фолианты...

Каминное пламя мигало то в одном, то в другом стекле его очков, разливаясь, выдергивало из тьмы очертания винчестеров и шпаг или вдруг, расплывшись на огромных тополевых колодах, которыми топили камин, подробнейше рисовало леопардовые шкуры под седлами Наполеона, трещинки старой кожи седельных луков и глубокие морщины самого Марио и одурелые от кабалистики нашего бесконечного спора лица жен и рожицы детей.

У Марио есть потрясающая черта — и Плювинеля, и Гериньера он всегда читал, как собственные мемуары.

От первого лица.

Хмурился, посмеивался, кокетничал, дымя зеленой сигарой, — и фраза за фразой, слово за словом, голос его и интонации менялись, появлялся сам собой старофранцузский акцент с его хлесткой акцентацией окончаний.

И в этом не было никакого театра и никакой натяжки. Его органическая связь с авторами этих книг, силой и авторитетом которых он порой убеждал меня в тех очевидных вещах, которые как-то не воспринимались мною даже из его уст, не нуждалась ни в каких доказательствах.

Дискуссия могла вестись о каприолях или курбете с галопа, о менках ног или преимуществах сель-а-пике, перед сель-португез^d, о том, был ли Гериньер толстяком, были ли «люнетт» глупостью ли нет, — да о чем угодно.

Если я упорствовал в споре и Марио вспыхивал (что бывало частенько), — книги летели в сундук, и с грохотом начинался общий спуск в манеж, расположенный как раз под трапезной.

Все оживало.

Начинали орать дети и гудеть гости.

Смачно давилась в китайской пепельнице зеленая гавайская сигара и туда же выколачивалась трубка.

Щелкая и гудя, разгорались лампы, озарявшие рыжий песок манежа и отсверкивавшие в старой бронзе стремян, мундштучных «боф-фетках» и галунах, накинутых на плечи киношных мундирах, кото-

рые всегда валялись кучей у манежа и разбирались участниками и свидетелями спора для согрева.

Жены, дожевывая на ходу, уже вели через ворота манежа поседланного Мигеля, или Торбиско, Дуаля или Эмилио, или даже самого легендарного Торео — долгогривых андалусийцев, воспитанных Люраши в традиции Haute Ecole, воспитанных безупречно, умеющих все.

Я помню каждую из этих лошадей, практически со всеми мне посчастливилось работать.

Они были потрясающими, живыми и страстными лошадьми, но они же были и лошадьми-призраками, пришедшими сюда из семнадцатого века.

Абсолютное совершенство их образования и движений, их капризности и балансе — тогда мне казались нездешними, нереальными.

Меня поражал Торео — светло-серый и черноглазый андалусийский жеребец, с густейшей длинной гривой.

Он был надменен и нежно-величествен, эдакий святой лошадиного мира.

С людьми, несмотря на свое блестящее образование, очень холоден и отстранен, очень снисходителен и сух со всеми без исключения.

В отличие от множества лошадей, работающих с «железом», он «видел» людей, и взгляд его был почти гипнотическим, заводящим.

Во взгляде его черных огромных глаз было столько презрения и жалости к своим прекрасным, вдохновенным, влюбленным в него мучителям, что не заметить этого было нельзя.

Когда снималось «железо», он преображался. Презрение исчезало из глаз.

Как-то очень рано, еще до первого кормления лошадей, когда все аббатство еще почивало, когда еще не растаял туман, я увидел Торео, гулявшего в леваде за большим конюшненным корпусом.

Широченную грудь серого андалуза обвивали хвосты тумана, невидимая в серой, сырой дымной густоте голова угадывалась по мгновенно появлявшемуся и тут же исчезающему мерцанию гигантских черных глаз и горловому жеребцовскому рокоту.

Торео, один, сам по себе, то шел испанским шагом, развеивая копытами одышь и дробя ее на сотни прозрачных завитушек, то останавливался, рокотал — и с места поднимался в высочайший курбет, полностью, кроме задних копыт, исчезая в тумане.

У меня хватило ума вжаться в стену за часовней, так, чтобы жеребец не заметил меня.

Марио же был первым, по сути, человеком в мире, который начал ездить без уздечки, «железа» или недоуздка, с одним только кордео.

Он, впрочем, не придавал этому никакого сакрального значения.

Скорее, он просто пробовал. Или понтовался.

Не очень регулярно. Даже испанский шаг с всадником в исполнении суперлегендарного Торео без уздечки был не слишком убедителен. (На свободе же Торео был гениален до одурения.)

Но Люраши открыл, что в принципе это возможно, вдохновив Магали Делгадо, меня, Эмбера, да еще несколько человек не просто снять все ремешки и железки, но и воспитывать лошадь без них, доверяясь ей.

Если возможен пассаж и испанский шаг, значит, и вся остальная Haute Ecole, несмотря на всю свою сложность, не нуждается вообще ни в каких средствах принуждения.

Я повторяю, он очень небрежно отнесся к своему открытию, сам будучи человеком семнадцатого века, нисколько не приняв это открытие всерьез.

Он всего-навсего следовал правилу Школы, живой и органичной частью которой всегда был, правилу доведения доверия всадника к лошади до абсолюта.

Haute Ecole, по сути, изобрела универсальную формулу, которая в приложении к каждой конкретной лошади дает потрясающие результаты, исключая насилие и наказание.

Если лошадь что-то не делает — то ее просто этому не научили. Если лошадь что-то делает плохо — значит, ее плохо научили.

Лошадь всегда права.

Сам он до конца не смог, да и не хотел переступить старую традицию, преодолеть вековую магию шитых золотом вальтрапов и бронзовых литых блямб на мундштуках, но понимал, что ученики, которым он сумел передать идею Школы, непременно это сделают.

Это вопрос времени.

Он понимал, что в искусстве настоящих отношений с лошадью дни уздечек и «железа» по большому счету сочтены.

Но сам оставался верен тем внешним правилам, которым его научили в его настоящей жизни, в семнадцатом веке, на грунте плювинелевского манежа.

Люраши, будучи великим знатоком и коллекционером древнего «железа», учил, что ненависть к «железу» (в которой он почти сразу меня заподозрил) должна основываться на доскональном его знании, понимании всех нюансов его действия и полном представлении о том, каким оно было у разных народов во все времена.

Все верно.

Ничего нельзя отрицать от незнания. (В результате я со своей яростной ненавистью к «железу» оказался одним из восьми имеющих в мире специалистов по данному вопросу и владельцем поразительного собрания всех приспособлений, обеспечивающих болевой

контроль над лошастью, от киммерийской эры, лурдской и протомеотской — до двадцатого века.)

Люраши родился на Сицилии, в семье итальянского коммуниста, что, впрочем, никак на нем не сказалось.

Приехал во Францию.

Обладая феноменальным даром работы с лошастью, он за каких-то двадцать лет эту Францию покорил, стал абсолютным монополистом во французском кинематографе — по части лошадей и трюков с ними, сказочно разбогател, обвесился орденами, титулами и званиями, купил аббатство двенадцатого века под Парижем, которое перестроил под конюшни для своих пятидесяти лошадей.

В комнатенке над старой трапезной — живет сам.

Здесь же, в аббатстве — над конюшнями — «амуничник» на восемьсот играющих в кино седел, шорная мастерская, где Марио сам пошивает путлища и подперсия по настроению.

На огромной, лязгающей электрической машине.

Тут же — шкапы с коробочками. А в коробочках — литые пряжки и бронзовые блямбочки всех эпох. (Мое появление возле коробочек, надо сказать, всегда воспринималось панически. Люраши знал мою слабость к «отэколевской» атрибутике. А когда я сообщал, что беру очередные пряжки — аж стонал!)

Посреди аббатства из того же желтого щербатого камня, из которого возведены башни и стены, Марио воздвиг маленькую часовню.

Вместо икон — таблички с именами лошадей.

Тех, что были когда-то с ним. А сейчас уже в небесных левадах резвятся у копыт гигантского долгогривого бога, или — вернулись в свои старые гравюры.

Меня уже тогда мучила мысль о несовместимости «железа» и дружбы с лошастью.

Черное презрение глаз Торео.

Пена и слюна на старой бронзе «отэколевских» мундштуков.

Я начинал ненавидеть совершенство движений и сложные элементы. Люраши мои мучения воспринимал насмешливо и прохладно.

Из-за «железа» я когда-то уехал и больше никогда ему не позволил.

Прошло время, я вырос и многое понял.

Его миссией было не снятие уздечки или «железа».

Его миссия была лишь — донести до своих учеников тот великий и сложный комплекс элементов, который наилучшим и самым эффективным образом раскрывает способности лошади.

Он пришел ко мне из семнадцатого столетия, чтобы рассказать, что в принципе может лошадь.

А уж как я этого буду добиваться — вопрос моей совести, моей любви к лошади и моего таланта

Когда его не станет (а такой день, к сожалению, придет, как он приходит ко всем), я, наверное, не успею в Париж на похороны.

Хотя мы давно разошлись, и я стараюсь не вспоминать своего учителя — мне будет очень больно.

Но и эта боль пройдет.

А как-нибудь потом, случайно открыв любой из фолиантов Haute Ecole, на пожелтевших от времени гравюрах рядом с де Нестьером и Плювинелем — я вдруг увижу знакомую, горбоносую, дерзкую физиономию господина Марио Люраши.

Которой там никогда не было и которой я, изучивший все эти книги досконально, до последней черточки, никогда там не видел.

И, разумеется, Марио будет не в полартековой курточке и не на мотоцикле, на котором он гоняет в Париж на аукционы индейских древностей.

И даже не в своей фирменной куртке с бело-золотым шитьем на спине.

Он будет в том, в чем ему и положено быть природой.

В колете и ботфортах.

И на гравюрах он будет, вероятно, вместе с Торео, Эмилио, Мигелем и Дженио, с главными лошадьми своей жизни.

Свихнется парочка доцентов-искусствоведов, разбираясь, откуда могла появиться в старых гравюрах фигура, которой там никогда не было.

Фигура Марио Люраши.

Но доцентов развезут по психушкам, и все заглохнет.

Может быть, еще покривляются газетчики, да пяток библиофилов-антикваров на всю оставшуюся жизнь обзаведется нервным тиком в тяжелой форме.

Но эта история с появлением в старых гравюрах XVII века персонажа, которого там никогда не было, так и останется абсолютной загадкой.

Для всех.

А я один буду знать, что просто Марио вернулся туда, откуда являлся ко мне.

Не более того.

Италия.

Верона.

Та самая, на улицах которой кудрявые мальчики в двухцветных штанишках с гультфиками, декламируя прелестную возвышенную чушь, гвоздили друг друга шпагами к мостовой, если верить Шекспиру и Дзеффирелли.

В Вероне ежегодно — гигантская лошадиная всемирная выставка, именуемая Фиеркавалли.

Фиеркавалли — это клокочущие, гомонящие, покупающие и продающие толпы, месящие друг друга в ажиотации лошадиного шопинга, горы отвратительных седел, шпор, сапог, попон, которыми можно было бы укутать Марс, скрыв его от глаз астрономов, очереди за контрафактными «морковными палочками», дурацкие шумные шоу то с ковбойским, то с итальянским уклоном, жара и глаза сотен лошадей, задушенных гвалтом, пестротой толп и абсолютной невнятицей происходящего.

По сути — все лошадиные большие выставки, хоть во Франции, хоть в Германии, хоть здесь, в Италии, — чертовски похожи.

Везде одинаково важно толкуются испанцы в шляпках, на гривастых, большеглазых андалусийцах, у которых медиаканами храп стесан до крови.

Их теснят припадочные, шитые золотом португальские дамы, изображающие подобие школьного шага на хрипящих, парализованных болью от адского «железа» лузитано.

Им вслед сплевывают ковбойцы, у которых все силы жизни явно были потрачены на приобретение и ношение запредельных по величине, толщине кожи и количеству блямб чаппарахос и очень блестящих шпор.

И на все это глазеет обязательный тип с мыльницей, открывший рот так надолго, что в нем можно не торопясь пересчитать весь непрожеванный попкорн.

Везде все одно и то же.

Что в Париже, что в Вероне, выбрав в ярмарочной толпе самое густое место, сквозь него обязательно прут развязные типы в доспехах из нержавеющей стали с полосатыми имитаторами копий.

Что в Париже, что в Вероне — непременно орет, высовываясь из-за шторы примерочной, синеногий придурочный отпрыск в трусиках, но в бархатной каске, которому мама подбирает на вешалках рединготик и бриджики.

А мимо примерочных кабинок бредут на свое шоу бедолаги камаргу — островные французские лошадки, которых обсюсюкивает публика, не замечающая, впрочем, что у всех камаргу капсюль, то бишь верхний ремень уздечки, обеспечивающий давление на храп и нераскрываемость рта, — сделан из ржавой велосипедной цепи.

В Вероне все, как и везде.

Хотя веронская Фьеркавалли еще душнее прочих гигантских конных ярмарок. (Итальянцы!)

А теперь представьте себе, как сквозь все это шопингующее одурелое месиво едет в инвалидной коляске, озаряя толпу светлым взглядом средневековой ведьмы-мученицы, полноватая парализованная женщина сорока лет.

Ее сопровождает вороной, огромный, сказочно статный, мохноногий конь фризской породы.

Конь хмурится, ворчит и закладывает уши, когда дорогу коляске уступают недостаточно быстро.

Его черная горбоносая голова всегда рядом с головой женщины в коляске. Всегда над нею.

Это — Силк Валентин и Бико.

В Вероне Силк, так же как и на всех подобных мероприятиях, просто зарабатывала на жизнь, участвуя то в общих шоу пареллиевской школы, то в неких персональных представлениях.

Она собирала везде и всегда, и здесь тоже, тысячные залы.

Толпы лошадиников со всего мира, привыкшие к мучительству как к норме в отношениях с лошадью, застывали в полном недоумении, в первый раз увидев Силк и Бико.

Королева Английская, пригласившая Силк и Бико и впервые увидевшая их воочию, даже не пыталась скрыть слезы.

Она не одинока.

Везде, где Силк дает открытые уроки или шоу,— залы либо мертво и обалдело молчат, либо разрываются овациями, либо плачут.

То, что показывает Силк,— это не мастерство.

Это выше, чем мастерство.

Бико ходит рядом с колясочкой школьным шагом, пассажирует и пиаффирует, делает неплохие песады, менки ног, ложится, осаживает и делает пируэты...

Он абсолютно свободен.

Он свободен не только потому, что на нем нет ни уздечек, ни недоуздов, но еще и потому, что его воспитатель, его человек — не может даже подняться и сделать хотя бы один шаг.

Не всегда даже может дотянуться и коснуться его рукой.

Но вороной конь остается всегда — без исключений — абсолютно предан и абсолютно послушен.

Когда Силк впервые встретилась с Бико — тот был обычным молодым жеребчиком и, как все молодые жеребчики, убежденным, что человек — это страшная пакость.

А Силк сразу влюбилась в Бико.

Когда она решила подъехать на своей колясочке слишком близко — Бико рассвирепел, зубами за плечо выволок влюбленную Силк из ее инвалидной коляски и потащил по манежу.

Она не кричала. А сопротивляться не могла.

На следующий день она снова — дерзко — подъехала к нему вплотную, и Бико со всей мощи своих задних ног врезал по коляске, опрокинув ее вместе с Силк.

Храбрый и юный, переполненный мощью, все понимающий про людей, как и все лошади, он готов был к бою с человеком.

С любым.

С его веревками, железками, с его подлостью и жестокостью.

Но Бико совершенно не представлял себе всей привораживающей силы человеческой любви.

Силк ради отношений с этим конем поехала учиться, училась у Парелли, но совершить абсолютное чудо ей удалось не с помощью «Семи игр».

Завоевывая душу коня, она применила самое главное человеческое оружие — до той поры неизвестное лошади.

Это была безупречная, последовательная честность в отношениях, безупречное равенство.

Никаких ремешков, никаких веревок, никаких железок.

И еще — бесконечное терпение и бесконечное бесстрашие.

И вороной хулиган растаял — и раскрыл сердце свое женщине по имени Силк Валентин.

Они подружились.

Конь оказался абсолютно способен на самые тонкие, самые невероятные отношения.

Парелли, прекрасно понимая, какой рекламной мощью наделен образ инвалида, подружившегося благодаря его системе с очень хулиганистым и свободолюбивым конем, взялся опекать Силк, возя ее по миру как живое свидетельство действенности своего учения.

Силк, как вы уже успели заметить, пошла значительно дальше учения Пата, кое-где перейдя границы дозволенного в рамках Natural Horsemanship мастерства, но рекламный эффект был так велик, что Парелли предпочел этого не заметить.

Расчет правильный. Это ведь был не молодой, амбициозный и опасный Гонза.

Я думаю, Силк понимает все это.

Но ее благодарность Пату за все, что тот для нее сделал, никогда, скорее всего, не позволит Силк уйти из системы Парелли.

В своей родной Германии она имеет сотни учеников, которые приходят, привлеченные, скорее, ее образом, а не учением Парелли.

Но она предпочитает и об этом не задумываться.

И честно служит инструктором «четвертого плюс» уровня в германском пареллиевском филиале.

Она очень верна Пату.

Мне довелось давать ей уроки Haute Ecole.

В том, что она приехала ко мне в Россию, не было ни грани предательства — она получила все необходимые благословения главы Natural Horsemanship, зарядила аккумуляторы своей колясочки, взяла «морковную палочку», ушанку (у нас как раз был август) — и погрузилась в самолет.

Как я понял, и ее тоже стала подгрызать некоторая незатейливость Natural Horsemanship, отсутствие в обиходе ее школы простого знания техники постановки лошади на балансе, к примеру, на испанскую рысь или сентаво.

А у всякого мастера есть этот священный зуд — восходить по ступени сложности элементов все выше и выше.

Лошадь — сказочно талантливое существо.

Когда ты это чувствуешь, то хочется этот талант раскрывать и раскрывать, осваивая и уча все новые элементы и фигуры.

Когда это делается в игре, практически на свободе, без любых средств принуждения, — никогда даже самые невероятные экзерсисы лошади вреда причинить не могут.

Силк, как выяснилось, все это прекрасно знала.

И оказалась прилежной и сказочно талантливой ученицей.

Как я узнал потом, в ее визите была и некая прелестная шпионская подноготная — парельщики, собиравшие ее в дорогу, наказали ей выведать секрет свободного сбора.

О чем она, въехав на своей колясочке в манеж, в первую очередь, как честный человек, и поведала.

Вообще — все было по-честному.

Она в моем манеже изучала сложные элементы, я изучал ее.

И еще неизвестно, кто у кого учился.

Разумеется, Силк как таковая, на своей инвалидной колясочке, со своим Бико или другими лошадьми, имеет безупречный статус великого доказательства лошадиной мудрости и умения лошади дружить с человеком, когда человек не идиот или не спортсмен.

Это понятно и в комментариях не нуждается.

Более того, если в случае с другими мастерами что-то можно списать на энергетику, на технику, на умение протушировать или завести лошадь сумасшедшей игрой, вместе с ней бегая и резвясь, — то в случае с Силк ничего ни на что не спишешь.

Силк практически неподвижна. Инвалидная коляска, даже немецкая, очень толковая вещь и маневренная, но не в вопросах взаимоотношений с лошастью.

К тому же Силк беззащитна.

Если раздухарившийся в игре Перст, к примеру, попрет на меня всей мощностью своих шестисот килограммов живого веса — я уклонюсь, отступлю, отскользну в миллиметре от его копыт или груди, а Силк этого не сможет.

Я могу быть энергетически настойчив, обучая сложному элементу. Я рядом, язык моих движений абсолютно понятен лошади, я вовремя коснусь прутиком задней ноги, груди или живота — я всегда подскажу.

В конце концов, я сяду верхом и все, что невозможно объяснить лошади на свободе или в руках, объясню сверху, классической игрой собственным весом на ее спине, переносом своей тяжести на ее передние ноги или бедра, мобилизацией мышц крупа или лопаток.

Силк, вроде бы, на это не способна в силу своего колясочного состояния — и, тем не менее, ее Бико, да и другие ее лошади, недурно выучены и абсолютно тактичны с нею.

В первый же день учебы Силк вслед за ней в манеж через открытые огромные двери влетел ястреб.

Кривоклювый, пестрый, крикливый.

Я его хорошо знаю, он частенько наведывается.

Распотрошит, жутко насорив перьями, кого-нибудь из толстомордых, изнеженных манежных воробушков или голубя, дурацки покладает кровавым клювом — и мгновенно сматывается через настешь открытые летом двери.

Тут он, вместо того чтобы разбойничать, начал чертить над инвалидной колясочкой кривые круги и вопить громче обычного.

Сел на грунт, чего вообще не делают ястребы при людях и лошадях.

Развалил крылья и застыл, вцепившись своим невероятным взглядом в мерцание спиц инвалидной коляски.

А потом перевел взгляд острейших желтых глаз на лицо Силк. И как перевел! С какой плотоядной наглостью!

Мгновенно и беспощадно обозначив ее беззащитность и слабость.

А любая лошадь в тысячи раз умнее любого ястреба.

И тоже — по логике этого мира — слабости прощать не должна.

Но прощает.

И мои, очень горячие, страстные и склонные к буйству лошади обходились с ней со всей возможной деликатностью, даже не пытаясь провоцировать на те экстремальные игры, к которым привыкли, общаясь с человеком.

Силк — это феноменальный по силе и дерзости вызов всему лошадиному миру, который привык все решать «железом», побоями, мучительством и все равно решить ничего не может.

А она — воплощение вроде бы полной беспомощности, которая даже если и захочет нагрубить или наказать, то не сможет этого физически, — и так легко, так великолепно учит лошадь всему, чему захочет.

Я видел, как легко она «слышит» полностью незнакомую и амбициозную лошадь.

Моих лошадей она тоже «услышала», и была услышана ими.

Я не могу описать, как именно она из своей инвалидной коляски воспитывает лошадей и учит их сложным элементам.

Хотя это, наверное, самое интересное.

Здесь нет тайны — просто это долго, покойно, нежно, приветливо, и неопишимо, как неопишима всякая кропотливая, нежная работа.

Рядом со мной она ехала на колясочке по грунту манежа, зачарованно наблюдая за движениями прутика у лошадиных ног.

Я передавал ей прутик — и она все спокойно повторяла сама.

Счастьем и озорством разгорались глаза Силк и, сжав пухленький кулачок, она победно трясла им, когда у нее получалось.

А получалось почти всегда.

Ястреб в тот август больше не прилетал.

Она поняла, как учить балансе и испанской рыси, — и заспешила к своему вороному горбоносому Бико.

Своими выступлениями, преподаванием, своими отношениями с любыми лошадьми Силк доказала себе и миру самое главное.

Доказала, что любые проблемы в отношениях человека и лошади — есть лишь прямое следствие глупости и злобы именно человека.

И ничего более.

Нет глупости и злобы — нет проблем.

^a *Чаппаракос* — ковбойские кожаные полштаны, которые надеваются поверх джинсов.

^b «*Морковная палочка*» — пареллиевский хлыстик. Обычный маленький шамбарьер, но интенсивно морковного цвета. Знак касты. Цвет рукояти символизирует принадлежность к разным уровням.

^c «*Бочка*» — небольшой круглый манежик, как правило крытый, с искусственным грунтом.

^d *Сель-а-нике, сель-португез* — виды седел, объединенные общим типом, но несколько рознящиеся по форме и величине задних и передних луков.

алант — страшная штука.

Гай Светоний Транквилл был чертовски талантлив, его книжка «Жизнь двенадцати цезарей» вот уже восемнадцать веков является мировым бестселлером.

В конце концов, именно он изобрел жанр грязного политического портрета, такой соблазнительный и успешный.

Именно Светоний выяснил, что пятна крови и спермы образуют на странице тот волшебный узор, который читающей публике всегда будет интереснее, чем какие-то там буквы.

С его легкой руки запутанные, сложные, затравленные миром люди, державшие на своих императорских плечах весь фундамент тогдашнего мира — Древний Рим — весело предстают шельмецами и уродами, извращенцами и шизофрениками.

И уже так навсегда остаются в истории, потому что сынок римского легионера — Светоний — помимо колоссального литературного таланта имеет еще и некий статус первоисточника.

Статус, кстати, крайне сомнительный, ибо никого из тех, о ком писал, Светоний никогда не видел.

У него, правда, было время пошуршать старыми свитками и послушать своего спятившего дедушку, который был тридцать шестым гасителем восемьдесят четвертого светильника при дворе и кое-какие сплетни вполне мог аккумулировать и пересказать внуку.

Но не более.

Тем не менее юный император Рима, Калигула, что буквально означает «сапожок», зарубленный пьяными центурионами, добитый историками и дошельмованный киношниками, — сын императора Германика, мальчишка, выросший за частокколами легионерских лагерей, которого укладывали спать на своих плащах, укрыв от дождей изрубленными щитами, старые преторианцы, тот самый Сапожок-Калигула, который в реальности миловал тысячами, а донос о покушении на него даже не стал читать и не принял, заявив, что «он ничем и ни в ком не мог возбудить ненависти», — представлен у вруна Светония в виде какой-то и вовсе фантастической мрази.

Калигула таким и остался в истории.

Его настоящее лицо, его подлинный образ уже никому не были нужны и ни для кого не представляют интереса, ведь очень талантливый Гай Светоний Транквилл предложил образ куда более смачный и

соблазнительный — образ дикого развратника и шизоидного кровопроливца.

К слову, развратность Калигулы стала чем-то хрестоматийным и нарицательным, и его историческая физиономия навсегда искажена гримасой похоти.

Однако если пошуршать теми же свитками, которыми когда-то шуршал старик Светоний, внезапно выяснится, что именно Калигула изгнал из Рима «спинтриев», взлелеянную императором Тиберием секту поклонников самых грязных сексуальных забав.

Гая Калигулу с трудом уговорили не топить «спинтриев» в море, что он хотел сделать, повинувшись естественному и, судя по всему, большому и подлинному чувству брезгливости к развратникам.

Так вот талантливые люди, историки и писатели, умеют превратить белое в черное.

Волшебная сила искусства.

Тацит и другие серьезные источники в отношении Калигулы никогда не были столь категоричными. Как, впрочем, и в отношении прочих героев своей Истории.

Но и Тацит, и другие, читаемы за это только унылыми историками, которые грустно роют свои червоточные ходы в их Анналах, вхолостую поковыривая в носах и тиская бледные статейки в неизвестных альманахах, а Светоний был, есть и будет абсолютным хитом.

Его будут читать, как и читали, все. Его будут цитировать и экранизировать.

Кровь и сперма — все же куда лучший информационный товар, чем какая-то история. Во все времена так было и так будет. (Впрочем, даже беглое знакомство с «Восемнадцатой главой» Иосифа Флавия легко объясняет и подлинные причины убийства Калигулы, и его посмертное ошельмовывание.)

Я впервые прочел историю императора-Сапожка лет в семь.

Разумеется, в скандальном, каноническом изложении вруна Гая Светония Гранквилла.

И почти ни слову не поверил.

Но когда читал, как подавший центурион, промазав мимо шеи Калигулы, разрубил ему подбородок, и Калигула упал, заорав заговорщикам: «Я еще жив!» — и как древнеримское офицерье добивало Сапожка на глазах у его гвардии, думал о том, что же случилось с Инцитатусом, тем самым конем, которого Калигула, эпатируя двор и мир, решил ввести в Сенат, сделав консулом.

История коня почти неизвестна.

Судя по тому, что после убийства Калигулы даже малюсенькую его дочку, некий «центурион Юлий Лупп²⁷ разбил о стену», Инцитатус долго не прожил.

Душу, вероятно, отвели и на нем.

Тем более что у Инцитатуса был дом — «дворец с прислугой и утварью», подаренный ему Сапожком, оформленный на него, как и положено было, по всем крючкотворным уложениям римского права.

Соблюдая правовые нормы, отобрать его можно было лишь у мертвого или изгнанного.

А дом был хорош.

Его милое великолепие просвечивает даже сквозь злобные светониевские строчки.

Вороний жеребец в пурпурной попоне и жемчугах бродил вечерами по всем покоям своего дома, процокивая мимо белых рядов статуй и колонн в триклиниях^а.

Слуги расстегивали бронзовые фибулы, снимали попону — и жеребец медленно входил в бассейн, вода которого чуть парилась по ночам посреди атриума главной залы.

Вокруг дома Инцитатуса бродили преторианские караулы с мечами наголо, устанавливавшие тишину, чтобы ничто не побеспокоило жеребца.

Спасибо, конечно, хорошему человеку Гаю Калигуле, но лошади абсолютно безразличен уровень эстетизма ее дома.

Красота конюшни говорит лишь о благородстве тюремщика, но никак не о привычках или желаниях узника.

Это, правда, нисколько не умаляет заслуги Гая как основоположника идеологии правильного конюшенного менеджмента, когда все должно служить безопасности лошади и ее удобству.

Он не во всем был, к сожалению, прав, но начало он положил прекрасное.

Более того, по моему глубочайшему убеждению, нормальная конюшня и должна быть отчасти культовым сооружением — и по части некоей ненужной роскоши, и по избытку эстетизма.

Вообще-то это тот вопрос, когда безразличие лошади можно не принимать в расчет, как, впрочем, никогда и нигде не принимаются в расчет вкусы любого божества при воздвижении ему храмов или святилищ.

Возможно, Сапожок просто эпатировал древнеримскую общественность, но, я полагаю, он был искренен в своем желании обеспечить Инцитатусу очень комфортную жизнь.

Он презирал человеческий мир, хорошо его чувствовал, судя по всему, был благороден и горяч — и искал применение своей высокой чувственности вне общества людей.

На самом деле, говоря о лошадином доме, то есть о конюшне, я должен еще раз сразу и честно предупредить, что все, что бы мы ни делали для услаждения или облегчения конюшенной жизни лошади, ею никогда не будет оценено.

На отношения с лошастью никак не может повлиять ни стоимость ее попон, ни наличие кондиционеров или сплит-систем, ни ажурность решеток в конюшне.

Это все чисто человеческие забавы, к которым всегда будет равнодушен тот, ради кого все это великолепие и воздвигается, но чей настоящий дом — абсолютная свобода.

Тем не менее — от времен фараоновых до дней настоящих люди безумствуют, возводя и украшая конюшни.

Сохранившимся до наших дней главным романтическим образчиком человеческих представлений о лошадином доме навсегда останутся конюшни принца Конде в Шантильи, неподалеку от Парижа, ныне именуемые Музеем живых лошадей.

Это действительно феноменально красивое и бесконечно длинное здание. Высокосводное и гулкое, наполненное на высоте писками летучих мышей и голубиным воркованием, а внизу — храпами, фырканиями, жеванием, тончайшими звуками соломы, которую мнут лошадиные ноги, сдобными звуками падающего из-под хвостов навоза, цоканьем копыт по древнему камню проходов.

Ровно раз в два часа благородство и гармонию этой великой конюшенной симфонии разрушает утробный адский крик гигантского осла породы пуату, который тоже здесь проживает.

Возможно, как и все ослы, он не может переносить тишину слишком долго.

Лошади и пони на крик пуату реагируют философически.

Бесконечность конюшенного здания ровно посередине прерывается манежиком, круг которого оправлен уходящим уже совсем в невероятную высоту главного купола серым резным французским камнем.

На манежике — в красном высокогорлом мундирчике — вечно пасажирует на вороном фризе юная негритянка.

За манежем — мертвая, музейная часть, где собрано все, что имеет малейшее отношение к лошади и где две бесконечные шеренги пыльных деревянных жеребцов демонстрируют попоны, седла, медиаканы и стремена разных эпох и народов.

Здесь же резное золото старых пузатых карет и линялые лошадиные мумии в пафосных позах.

За дверцами карет, внутри, если тайком открыть, — пылища и распатроненные шелковые сиденья, вывороченная из подушек баранья шерсть и голубиный помет.

На пыльном, истоптанном мышами полу кареты — раздавленные стеклышки лорнетки и старый пистолетный кремень.

Здесь тихо, здесь помалкивают голуби и нетопыри, но ровно раз в два часа и сюда — усиленный гигантскими сводами с живой конюшни — докатывается адский крик ослика Пуату.

Посетителей тут почти не бывает. Иногда забредают какие-то старикашки в котелках, пощелкают тростями по плитам, покашлиют — и исчезают в темнотах крохотных арочных коридорчиков, ведущих в «подковные», или «сапожные», или «анатомические» зальчики, где тысячи подков, сотни окаменевших сапог, ржавые машины для стрижек лошадей и бесстыже-ало-салатовые пластиковые муляжи лошадиных кишечника, сердец и ног.

История конюшен патетична, но мила.

Где-то здесь покоится сердце принца Конде.

Настоящее сердце.

Когда Конде умер и сердце остановилось — придворный хирург изъясил его из груди принца, согласно его предсмертной воле.

Конде завещал похоронить свое сердце среди своих лошадей, дому которых он посвятил всю жизнь и все состояние.

Легко представить себе, как лился желтым дождем воск со свечей на исшарканные плиты пола, как храпели во тьме лошади вслед хирургу и камердинеру принца, которые, исполняя его завещание, метались по проходам конюшен с еще кровоточившим, завернутым в синий бархат сердцем Конде, ища для него местечко.

Тем не менее хорошей конюшней Музей живых лошадей в Шантильи, несмотря на весь романтизм, культовость и архитектурный пафос, все же не является.

Пафос пафосом, но лишь часть лошадей имеет денники, остальные живут в стойлах.

В просторных, но стойлах, что вообще недопустимо.

Стойловое содержание подразумевает привязывание лошади головой к стене, ограничивает ее возможности лечь, и вообще — является запредельным безобразием.

Я совершенно не собираюсь терять время на воздыхания по поводу утраченной лошадию свободы или тюремной сущности конюшни.

Повздыхать, конечно, можно, но суть от этого не меняется. Сейчас нет другого способа обеспечить лошади жизнь, здоровье и безопасность, кроме как предоставив ей кров.

Другое дело, что сбережение ее здоровья в условиях конюшни — это отдельный, тяжелый труд, требующий массу специальных иппологических познаний, средств и умного стыда за свою роль тюремщика.

Здесь можно было бы энергично заправить большие пальцы рук за вырез жилетки, поправить историческое пенсне и начать громить уклады разных конюшен.

Благо это нетрудно, так как серость, жадность и безразличие в вопросах содержания лошади человечество проявляло и проявляет безграничные.

Хотя следует все же помнить и знать, что, как в деле воспитания, так и в деле содержания — почти ничего, за редкими исключениями, кроме маразма, и не наблюдалось.

Ведь у всякого существа дом — это место наибольшей безопасности и наибольшего комфорта, это территория воли и непререкаемого старшинства этого существа.

У лошади все три тысячи лет — за исключением, возможно, дома Инцитатуса, последнего приюта Команча и еще двух-трех светлых случаев — конюшня была местом особого мучения.

Если в манеже, в поле лошадь все же имеет небольшой шанс, взбунтовавшись, на хотя бы кратенькое освобождение от человеческой глупости и жестокости, то в дикой душной тесноте стойла лошадь совершенно беззащитна перед человеком.

Здесь-то человек царствует над лошастью безраздельно.

Именно здесь, в конюшне, человек в течение нескольких тысяч лет практиковался в ветеринарии.

Шизоидность этих практик невероятна, но я не позволю себе потешаться даже над самыми дикими из них, так как побудительной причиной были все же намерения вылечить или облегчить страдания.

Достаточно почитать того же Гериньера, который в последней части своей «Всаднической школы» приводит рецептуру и методики лечения лошадей.

Закачивание лошадям уксуса через ноздри, насильственное скармливание рыбьих желудков, кровопускания и повторяющийся вечным рефреном клистир с раствором селитры (см. фотографии) — это еще самые невинные из ветеринарных «забав» того времени.

Изданный в 1774 году «Лечебник» Иоганна Бергарда Фишера предлагает в случае «мочевого запора» поступить следующим образом: «Положи немножко соли ей в задницу, смочи крестец крепким спиртом и зажги».

Есть и другая рецептура: «Напустить в мочево́й ствол блох и клопов, чтобы они своим щекотаньем пузырь напруживали».

Если поджигания лошади и засовывание ей в половые органы клопов не помогали — следовал третий, радикальный способ — «закапывают лошадь по крестец в теплом навозе, однако, чтобы передняя часть наруже была».

Я не ерничаю и особо не выискиваю казусов, беру примеры первые попавшиеся, на той странице, где наугад мною сейчас открылся «Лечебник».

Я вполне допускаю, что определенное количество ошибок должно было быть совершено, чтобы в результате ветеринария стала настоящей наукой и эффективной практикой.

Смущает в старой ветеринарии лишь то, что на протяжении тысячи, примерно, лет — рецептура не менялась, несмотря на всю свою недейственность или убийственность.

Человеческая медицина все-таки маневрировала, выискивала хотя бы не смертельные способы лечения, не убийственные лекарства.

Ветеринария же довольно точно отражая общественные представления о лошади как о существе легко умирающем и в общем-то расходном, топталась на месте, из века в век повторяя ахинею о кровопусканиях, селитре и закапываниях в навоз.

Сравнение с человеческой медициной для ветеринарии вообще не выгодно, ибо со времен Гиппократом медициной было накоплено немало того, что успешно практикуется и сейчас.

В сегодняшнюю ветеринарную практику ничего из опыта трех тысяч лет вообще не вошло.

Пусть побуждения идиотов старины, засовывавших клопов в пенис, вероятно, были самыми благими.

Однако поражает, безусловно, маниакальность, с которой ветеринары прошлого в каждую увиденную ими лошадиную задницу норовили закачать раствор селитры.

Это было очень модным средством «от всего» в XVII-XIX веках.

Впрочем, оставим ветеринарию прошлого в покое.

(Зато когда при вас в следующий раз какой-нибудь дурак начнет закатывать глаза по поводу конников старины, их мастерства или умения — вы с совершенно чистой совестью можете надеть закатывателю глаз ведро на голову и отстучать по этому ведру что-нибудь старинное, но бодрое.)

К сожалению, конюшня, лошадиный дом — был и местом применения иной изобретательности человека, куда более постыдной.

Человек всегда стремился улучшить лошадь, всегда стремился подогнать ее пропорции и внешность под определенные моды.

Небезызвестный Генслер в 1851 году сокрушался по следующему поводу: «Задний проход, от неумеренного вкладывания в него перцу, имбирю, табаку и прочего, употребляемых, как известно, для того,

чтобы лошадь выше носила хвост, воспаляется и делается болезненным...»

Заметьте, осуждается «неумеренное» вкладывание.

Умеренное вкладывание «перцу и имбирю»²⁸ считалось нормальным.

В действительности же почти весь девятнадцатый век бредил приподнятыми лошадиными хвостами, придававшими лошадям сходство с популярными тогда живописными изображениями.

Этот хвост, что в реальности поднимается в минуты сильного возбуждения или веселья, обозначая игру духа, стремились не просто искусственно поднять, но и закрепить в этом положении.

Для красоты.

Называлось это «англизация»²⁹.

Особливо непременно считалась «англизация» лошадей, идущих под дамское седло.

Для этого хвост отрезался ножом или пилою. Позже была изобретена хвосторубка «куп-ке», которой живой хвост, в котором, кстати говоря, продолжается позвоночник, легко обкусывался (см. фотографии), хотя все знали, чем такие забавы заканчиваются и сколь они опасны.

Возьмем все тот же «Лечебник»: «Облегченье и укорачивание хвоста — суть дело великой важности. И хотя острой нож и топор есть нужное притом обстоятельство, однако делаются от того опасные припадки, и часто неприметная порча, до самого мозга доходя, причиняет смертельное ротосведение или следует антонов огонь^b, при котором кормная кишка от коротьбы хвоста вон выходит».

Добавлю, что происходило не просто отрубание целого отдела позвоночника, заключенного в хвостовой репице, а это 12-15 позвонков и важнейшие нервы, но были изобретены методики, которые оставшийся обрубок приводили к эдакому закрючиванию, придававшему ему сходство с хвостом собаки.

Чтобы добиться этого, судя по описанию Гериньера, который, надо отдать ему должное, ужасается предлагаемой процедуре, лошадь после отрезания хвоста полтора месяца держали в неподвижности, привязав обрубок к специальной системе блоков и крепежей на потолке конюшни (это если лошадь не умирала в течение недели).

Обрезание хвостовой репицы вместе с целым отделом позвоночника практикуется, кстати, и до сих пор, до настоящего дня.

В Америке, Англии, во Франции, на арабском Востоке.

Ладно, хвосты.

Но не было такого места на лошади, которое бы в соответствии с вкусами или модой определенного времени не подвергалось дегенеративному и всегда безжалостному воздействию.

Когда в XVIII веке стали модны лошади в «яблоках»³⁰, был изобретен способ, при котором те места, где, по мысли дизайнеров, должны были располагаться «яблоки», кружочками выбривались, прижигались кружочками же разогретого докрасна железа, а затем образовавшийся на месте ожога струп сразу, по образованию, отдирался, а обнажившуюся рану натирали едким луковым соком.

Выраставшие через полгода в этих кружочках волосы были, как правило, белого цвета, что и создавало эффект «яблок», столь любимых дамами и живописцами.

Делалось таких кружочков от 100 до 300 штук.

Вышеуказанным способом создавались белые «яблоки».

Черные или темные «яблоки» на светлых лошадях делались ожогом негашеной известью (карбидом) или окисью свинца.

Для получения «яблок» каштанового цвета по рекомендации специалистов того времени «следует взять фунт неочищенной азотной кислоты, унцию порошка купороса, унцию обожженного серебра».

Далее следует описание девятидневной пытки лошади, прижигаемой азотной кислотой. Цитировать не хочу — противно.

(Так называемые «яблоки» бывают и вполне естественного происхождения. Чаще всего они проявляются от неравномерного проливания весной и осенью, держатся очень недолго и не отличаются яркостью. Естественно, заданную живописцами моду на яркое «яблоко» естественные процессы удовлетворить не могли.)

Очень приличный живописец Антонио Пизанелло оставил этюд «Голова лошади с разрезанными ноздрями» (см. фотографии).

Пизанелло не утверждал моду в данном случае, а лишь ее фиксировал.

Разрезание ноздрей было очень частым делом, начиная с античных времен.

До XVIII века, когда военным лошадям научились перерезать голосовые связки, чтобы они ржанием не выдавали себя в засадах или при нападении, — ноздри прорезались примерно так, как это показано у Пизанелло.

Это тоже лишало лошадь возможности громко заржать.

Причем у Пизанелло приведен еще очень деликатный вариант прорезания ноздрей.

Манера эта сохранилась у всех народов до начала двадцатого столетия.

Генслер в 1851 году фиксирует, что «татары распарывают лошадям своим храпки, в предосторожность от фырканья, во время тайных разъездов».

Ипподромное и скаковое дело широко практиковало не просто прорезание ноздрей, а вырезание их полностью на пол-ладони вверх.

Считалось, что чем больше воздуха ухитрилась хлебнуть лошадь на каждый темп своего движения — тем большую резвость в заезде или скачке она может показать.

Ноздри, или, говоря языком лошадиных барышников, «храпки», по мнению ипподромщиков, «служили для умерения вхождения в легкие во время бега вдыхаемого воздуха».

Затем-то ноздри и отрезали, чтобы они не препятствовали «вхождению воздуха» и установке рекордов.

Понадобилось несколько десятилетий этой бредовой практики, гибель тысяч лошадей, чтобы устроители бегов и скачек от нее отказались.

Причем отказались не из жалости к лошади, а видя бесполезность этого метода для улучшения «резвостных показателей».

Особая история — уши.

Разные эпохи знали разные моды на величину лошадиных ушей. Кавалеристы, как вы помните, просто срезали их до основания.

Светская верховая езда, охоты и выезды — изобретали формы корректировки лошадиных ушей.

Гериньер с грустью описывает следующую методу, цитируя, судя по всему, наставления версальских придворных практиков: «Следует заказать ловкому мастеровому сделать две крепкие формы из меди или железа. Форма должна в точности повторять форму уха, которую вы бы желали получить. Затем надо изготовить еще одну такую же форму. Ухо лошади заключается меж двумя формами, которые скрепляются при помощи винтового инструмента. Затем при помощи скальпеля обрезается все, что выходит за пределы этой формы...»

Если владельцу или всаднику казалось, что уши не совсем гармонично стоят на голове — то вырезалось сантиметров пять-семь кожи из лошадиной головы, между ушами. «Затем следует сблизить и сшить два края образовавшейся раны, чтобы натянуть уши и поставить их ровно».

Маразм торжестовал.

Когда в моду вдруг вошли белые «звездочки» на лошадиных лбах — первыми подсутились англичане.

Вот английский рецепт, как на гнедой или вороной голове живой лошади сделать белую «звездочку»: «Следует при помощи клейма, сделанного в форме большого сапожного шила, проткнуть кожу поперек в середине лба и отделить кожу от кости при помощи этого шила. Затем следует взять четыре свинцовых клинка, пропустить в сделанные дыры и разместить так, чтобы они образовали выпуклость в середине лба...»

Далее следует длинное и откровенно садистское описание того, как эти клинки «стягиваются веревочками», как «ране дают загно-

иться, не трогая ее...» и как в результате трехмесячных мучений лошади, которая должна оставаться все это время совершенно неподвижной, чтобы не расчесать рану, получается вожделенная белая «звездочка».

При продаже лошади, для сокрытия ее возраста, который всегда можно точно определить по зубам, делалось следующее: «Чтобы продать восьмилетнюю лошадь за лошадь шести годов — ей выдалбливают долотом или выскабливают резцом новые чашечки на зубах, большей частью на угловых, выжигают их раскаленным железом».

Все процедуры такого рода — и ушные, и зубные, и «яблочные» — могли производиться лишь в специальных станках, в которых любую лошадь можно было обездвижить подвешиванием под живот и привязыванием каждой ноги и головы.

Одна из разновидностей такого станка изображена на фотографии.

Могу сказать честно, что продолжать список пыток и издевательств, изобретенных светской и военной верховой ездой, можно очень долго.

Повторяю — нет ни единого места на теле лошади, которое не было бы изуродовано человеком либо в угоду моде, либо собственной серости, либо коммерции.

Ветеринария, которая ничего не могла придумать дельного, к тому времени изобрела помимо станков массу способов парализовать лошадь, сделав сопротивление подобным операциям невозможным.

Это у ветеринаров получалось неплохо.

И все это происходило в конюшнях, ибо только четыре стены, наличие станков, штата ухмыляющихся конюхов, возможность натуго привязать и обездвижить — позволяли успешно проводить все эти операции.

Творилось все это, вероятно, и под романтическими сводами Шантильи.

По крайней мере, как-то разбирая один из пыльных углов музея, за стендом с подковами я нашел старый хвосторез, дубовые рукоятки которого были так засалены и затерты, что, видно, не одну сотню хвостов им оприходовали.

Это все очень мерзкие вещи, но, как мне кажется, человеку, желающему понимать лошадь, их знать необходимо.

И не только потому, что, подходя к любой лошади, с которой вы собираетесь связать свою жизнь, надо знать всю историю рода лошадиного, всю летопись их мук и несчастий, но и для того, чтобы в тысячный раз вспомнить, что есть путь, который не ведет никуда, — путь дикой бездумной жестокости и высокомерия, и что отношение

человека с лошастью прочнее всего строится на безусловном знании вины своего вида перед таким великим и таким беззащитным видом «эквус».

Отрицание необходимости этих знаний равносильно отрицанию вообще истории.

Манипуляции с хвостами и ушами, с «яблоками» и «звездочками» однозначно доказывают то, что три тысячелетия люди воспринимали лошадь лишь как прилагательное к величию и бравате человека.

В результате — мы имели кавалерию, сейчас имеем конный спорт и «тройки», то есть нечто неподражаемо тупиковое.

Грустно все это.

Данное повествование ни в коем случае нельзя воспринимать как попытку опорочить саму идею конюшенного содержания лошади.

Все равно другого выхода нет.

Но конюшня должна быть домом, истинным, настоящим домом, где лошадь знает, что она в полной безопасности.

Даже пилку зубов — а это дело неперемное, так как зубы у лошади растут почти всю жизнь и при условии конюшенного содержания не стачиваются, а, отрастая чрезмерно, ранят изнутри щеки, — лучше производить не в жилом, родном деннике лошади, а в специальном медицинском боксе, где делаются все ветеринарные дела, где лошадь расчищается и стрижется.

Если такового на конюшне нет, то лучше для совершения хоть зубной пилки, хоть прививок, хоть лечения лошадь перевести в любой другой, не ее денник.

Это кажется наивным, но очень много лет жизни с лошадьми доказали мне, что это правильная практика.

Вообще, старинная история конюшен довольно однообразна.

Кроме зверств и совсем уж откровенной глупости — ничто не оживляет этого унылого, кроваво-навозного, гудящего мухами пейзажа.

Разве что пробредет мимо тощий красноносый ветеринар с баночкой клопов и огромным клистиром, полным раствора селитры.

Или протарахтит полная жестяных воронок разного калибра — тачка веселого кротолова.

На ручках тачек, нанизанные на куканы, болтаются гроздьи дохлых кротов.

Уже с XVI века в штатах крупных конюшен и конных заводов обязательно присутствует кротолов.

Понятно зачем.

Кроты изрывали прогулочные поля глубокими и опасными для лошадиных ног норами.

Кротоловство было особым искусством, с секретами и мистикой. Мастерство передавалось по наследству.

Внешне сперва все выглядело тривиально — кротолов наткивал свои жестяные вороночки в разные кротовьи норы на поле.

Но потом настоящий кротолов опускался на колени и, приблизив рот вплотную к устью воронки, начинал гудеть на разные лады.

Гудение сменялось дребезжанием голоса и, наконец, пронзительным визгом и скрипом.

Повизжав, погудев и поскрипев, кротолов бросался со всех ног к одной, только ему ведомой норке (как он ее вычислял, для меня непостижимо) и, дождавшись появления головы одуревшего, видно, от его вокализмов крота, ловко тюкал его крюком по макушке, поддевал — и с фокуснической быстротой нанизывал на свой кукан, который носил, как ожерелье.

Были кротоловы, которые закачивали мехами особый дым в норки и так выгоняли кротов на поверхность, были те, что подводили воду, но это были уже не совсем настоящие мастера.

Настоящие мастера-кротоловы изводили кротов и выманивали их на поверхность — только силою и виртуозностью собственной глотки, только знанием особых «кротовьих» тонов.

Представления о чистоте, о конюшенной чистоте, были заурядными.

Конюшни францисканского монастыря в Лейстере (Англия) считались если не образцовыми, то, по крайней мере, весьма и весьма благополучными.

Подняв историю этих конюшен, можно обнаружить красноречивейший факт, который лучшим образом характеризует представления старины о гигиене лошади: когда бедолагу короля Ричарда III (Глостера) убили на Босвортском поле в 1485 году, его быстренько захоронили в Лейстерском францисканском монастыре.

В «хорошем гробу», как с некоторой укоризной замечает хронист. (Учитывая репутацию этого монарха, укоризну можно понять.)

В 1536 году, когда для разграбления католических монастырей Англии был найден прекрасный повод, именуемый Реформацией, могилу Ричарда Третьего раскопали, обшарили на предмет всяких ценных вещей, которые сторонники убитого короля могли зарыть вместе с его телом, останки раскидали по монастырю.

А вот гроб короля, тот самый «хороший гроб», сразу же практичными англичанами был превращен в «большую конюшенную кормушку», в каковой должности он и пребывал до «полного своего изветшания и съедения».

Насчет «съедения» тоже все понятно. В голодные дни или месяцы лошади с тоски и от голода начинают глотать все, что хоть чуть-чуть похоже на еду или имеет ее запах.

Во всем прочем описания старинных конюшен сводятся к скучнейшим перечислениям шорников, герольдов, пажей по вооружению и так далее...

Правда, поливальщики манежей были известны еще со времен Версальской школы.

Но это все уже не очень существенно.

Запертая в темной и вонючей тесноте стояла или маленького денника, изведенная скукой и отчаянием лошадь — естественно, наживала множество так называемых «конюшенных пороков».

Скука и полная беспросветица порождали «прикуску», «медвежью качку», судорожное копание ногами пола, онанизм у жеребцов, отбивание задом по стенам и т. д.

Все эти «пороки» здравствуют и поныне, поскольку конюшенное содержание мало изменилось.

Следует, я полагаю, все же снять пенсне историка, так как в действительности лошадь, заснувшая волшебным сном в деннике конюшни пятнадцатого века и проснувшаяся в конюшне века двадцать первого, — никакой разницы меж ними не увидит.

Те же мухи.

Та же духота.

Теснота и вонь.

Запоры на ржавых дверях. Маленькое тусклое оконце.

Все то же самое.

Проснувшаяся сегодня лошадь услышит тот же надрывный «пылевой» кашель из соседского денника, который слышала в своем пятнадцатом столетии, те же удары задних ног по стенам, а в ответ — глупый смех подавшего конюха. (От злости на мир и заточение — лошади порой бьют задом в двери и стены, как бросаются с кулаками на тюремные стены и двери узники-люди.)

Никаких принципиальных изменений не произошло, и, говоря о конюшенном порядке, мне постоянно приходится мешать прошлое и настоящее.

Лошадь, по самой своей сути, по своей природной предназначенности, — очень энергичное существо, которое должно находиться в постоянном движении.

Движение — ее органическая, ежеминутная потребность, даже более сильная, чем потребность в еде, сне, сексе.

К тому же надо помнить, до какой степени лошадь любит свободу, ставя ее, возможно, вообще, превыше всего.

Превыше сытости, удовольствий и безопасности.

Традиционное конюшенное содержание, лишая даже иллюзии свободы, лишая воздуха, света, движения — действительно очень быстро развивает те самые «конюшенные пороки».

А дальше все происходит по уже известному сценарию.

Не умея и не желая устранить причины возникновения этих пороков — человек тратит массу времени и средств, чтобы изо-

брести механические способы борьбы с их проявлениями и следствиями.

Все это очень напоминает беспомощность и глупость, которую человек вообще демонстрирует во всем, что касается отношений с лошастью.

С пороком, именуемым *прикуска*, борются едкими, горькими, жгучими мазями на основе кайенского перца, которыми покрывают в деннике все, до чего лошадь может дотронуться ртом.

Изобретаются так называемые «английские стоялые недоуздки», которые на любую попытку лошади ухватить зубами любой выступающий предмет — мгновенно отвечают ударом стальных игл ей в губы и ноздри (см. фотографии).

Очень известный аппарат Бурдаевича в аналогичной ситуации ранит лошади гортань (5).

Кормушки, двери — либо просто оковываются железом, либо оснащаются щетками из торчащих гвоздей, не позволяющих лошади ухватиться за них зубами.

Изобретаются железные ошейники, функция которых — душение лошади в ответ на попытку прикуски (3). (Ошейники, кстати, очень популярны и сегодня.)

Совсем недавно ветеринары разобрались, что прикуска есть не только дурная привычка, «конюшенный порок», но еще и способ, которым больная гастритом лошадь пытается хоть чуть-чуть, заглатывая огромное количество воздуха — успокоить боль в животе.

Примерно такая же история с онанизмом.

Жеребца, переполненного мощью и желаниями, ставят в одной конюшне с кобылами, лишают всякого движения, доводят до помешательства скукой, теснотой и чрезмерным кормлением — и удивляются, что он начал уже не просто баловаться легкой эротикой, а всерьез, помногу онанировать.

Выглядит это следующим образом: жеребец распускается (эрекционирует) и начинает ритмично и с некоторой оттяжкой постукивать себе членом об живот.

И так до семяизвержения, до пота, пены, воплей, побагровения глаз и прочих эмоциональных излишеств.

Это может происходить пять, десять раз на дню, до полного истощения и шатания.

За онанизм жеребцов чаще всего просто очень сильно бьют.

Когда бить надоедает или некогда — ставят «ежика». «Ежик» — это привязывающиеся на живот подушки с иголками, на которые жеребец, распустившись, накаляется penisом. (Метод, хоть и древний, но распространенный и сейчас, в XXI веке. Только чтобы не возиться со сложной иглочной конструкцией, сегодня на кусок войлока пришивают обыкновенную колючую проволоку, а уж войлок подвязывают под живот.)

В старину для борьбы с жеребцовым онанизмом очень популярен был так называемый «щит Бенедикта» — сложное захлопывающееся приспособление (см. фотографии).

Если лошадь, осатанев от необходимости почему-то стоять запертой в тесной клетушке, начинает отбивать задом по стенам, ее опять-таки бьют.

В давние времена в этом вопросе проявлялось чуть больше изобретательности: в XIX веке рекламировалось хитроумное приспособление: когда лошадь бьет — специальный механизм приводит в движение одну из досок стены, которая бьет в ответ, или реагирует резким опусканием доски с потолка.

И никто не хочет разобраться, что «конюшенные пороки», — много и сочно описанные в литературе и сегодня представленные на любой конюшне во всей полноте, в действительности есть прямое следствие только скуки, отчаяния и вечной непонятости лошади.

Возникали, впрочем, и отчаянные оппозиционеры тогдашним конюшненным порядкам.

В частности — начало XIX века породило кратенький, но крайне скандальный труд неизвестного автора, который посмел посягнуть на кавалерийскую практику — палить из пистолетов в конюшнях во время лошадиной еды.

Труд так и называется — «Стрельба в конюшнях вредна для лошадей» (опубликован в 1823 г.).

Хоть и очень тонким перышком, но он так очаровательно написан, что кое-что я процитирую: «Обыкновение стрелять в самой конюшне у лошадей при задавании им овса в корм — вредно здравью многих лошадей.

При выстреле, учиненном в конюшне, обыкновенно лошади храпят ужасно, дрожат сильно, бросаются во все стороны стойла, ударяют передними коленами об стены конюшни и в несколько секунд покрываются мылом, тот каплет со всего их тела, и оне ужасно тревожатся...»

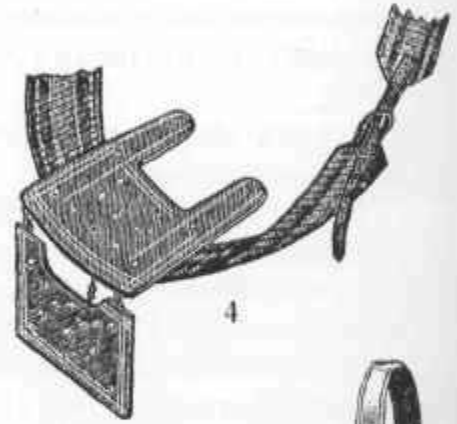
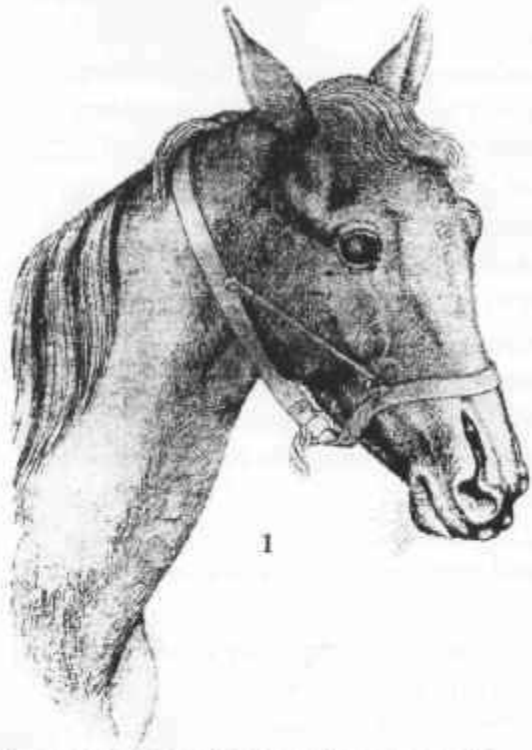
Сочинение в действительности вызвало ярость кавалеристов, у которых пальба из пистолетов во время лошадиного обеда была непременной практикой приучения лошади к выстрелам.

Сочинитель был объявлен «недоучкою с расстроенной жалостью и умом».

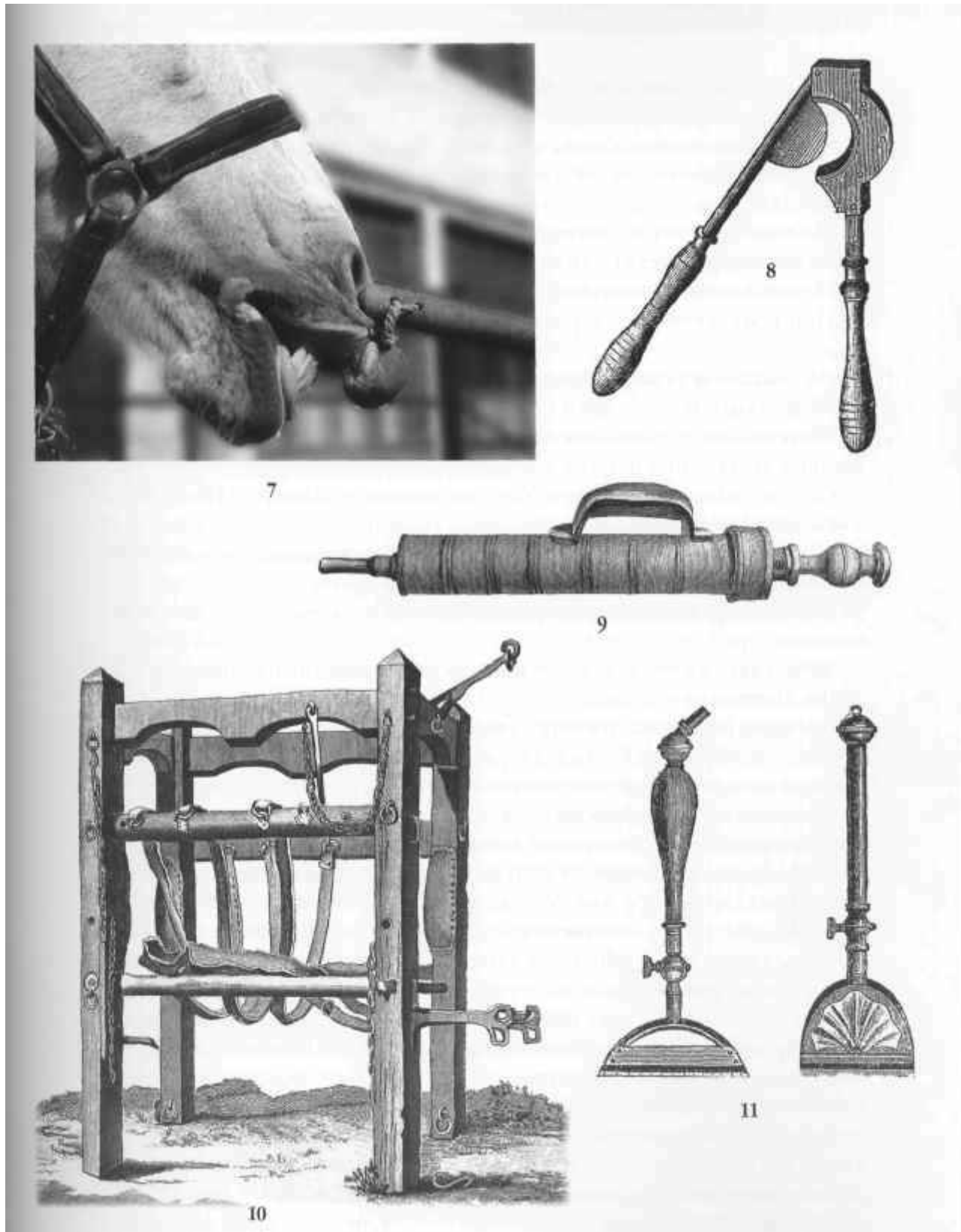
Выступивший в каком-то из конских журнальчиков того времени «гусарского полка ротмистр и кавалер» изъявил желание самолично «выпороть затейника, поднявшего руку на непременные кавалерийские традиции многих славных полков».

Стрельба в конюшнях, разумеется, продолжилась.

В доказательство действенности своей методики офицерство демонстрировало лошадей, которые никак не реагировали на выстрелы.

3

1 — набросок А. Пизанелло «Голова лошади с разрезанными ноздрями»; 2 — недоуздок, врезающийся в хруп; 3 — ошейник против прикуски; 4 — щит Бенедикта; 5 — аппарат Бурдаевича; 6 — английский недоуздок; 7 — закрутка; 8 — хвосторубка куп-ке; 9 — клистир; 10 — станок для полной фиксации лошади; 11 — опаливатель шерсти

При обследовании все продемонстрировавшие хладнокровие лошади оказались просто уже глухими от пальбы, которой их долго мучили. (Просто надо знать строение лошадиного уха, которое в десятки раз более чуткое, чем человеческое.)

На свое несчастье, живущие в холодных странах лошади имеют обыкновение обрастать на зиму шерстью.

Порой достаточно густой и длинной.

При конюшенном содержании шерсть создает конюхам массу неудобств.

Ее дольше и тяжелее чистить. Вспотевшая от работы лошадь сохнет очень долго.

Шерсть, в общем-то, не слишком украшает, огрубляя самые совершенные лошадиные формы, что называется, «простит».

Сейчас лошадей стригут, безболезненно и быстро. Придумано двадцать, по меньшей мере, фасонов стрижек.

Но до изобретения электрических стригальных машинок дело обстояло совсем грустно.

Отраставшую на зиму шерсть обычно ликвидировали «опаливанием».

«Опаливали» специальным приспособлением, основанным на действии ацетилена или газа.

По сути, это была обычная горелка, типа паяльной лампы, но не струйного, узкого действия, а с расширенным устьем, которое и пламя подавало не струей, а «лопаточкой» (см. фотографии).

Умельцы «опаливали» до десятка лошадей за час.

С «готовой», уже опаленной лошади снимали закрутки (закрутка — это специальная веревочка с палкой, которой можно намертво «завинтить» лошадиную губу или ухо, парализовав лошадь болью (см. фото) и ее, еще дымящуюся, ошалевшую, полив водой, чтобы пригасить тление шерсти, заталкивали обратно в стойло, а в конюшенный проход выводили следующую.

На следующую лошадь ставили «закрутки» и широкой струей газового пламени — в диком, заволакивающем все волосяном дыму — начинали сжигать на ней шерсть.

На шее, на животе, на голове.

Барон Врангель, русский просветитель и «конелюбец», в своем труде достаточно благодушно отзывается об этом способе «лишения лошади излишней шерсти», сетуя лишь на то, что процедура усложняется непременно чисткой лошади ножом, необходимой для соскобления образовавшегося на ее теле нагара.

У него описаны и еще более дикие и казусные процедуры, типа «потнения» лошади, о которых сам барон тоже отзывается с пониманием и симпатией.

По счастью, его труд, равно как и труд его адепта и переводчика Урусова, за давностью лет уже превратился в макулатуру, читать ко-

торую возможно либо лишь по большой нужде, либо выискивая бредовые курьезы.

Кстати, иногда болевое парализующее действие «закрутки» не помогает, и тогда три-четыре конюха, повиснув на лошади, удерживают ее голову за недоуздок, пока с ней производятся те или иные манипуляции.

А в почтенные былые времена и сегодня — такие «удержания» могут привести только к травмам, подобным той, что изображена на фотографии.

«Закрутки», опаливания, избияния, «ежики», кайенский перец, стреноживания, смирительные попоны... и так далее и тому подобное.

Ничего более важного и поучительного конюшенные летописи человечества не предлагают.

И все остальное в них — примерно в таком же духе.

Неумение понимать лошадь, прислушаться к ней, почувствовать ее и услышать — заменяют, как и в случае с верховой ездой, сотнями идиотских приспособлений, чаще — безжалостных, иногда — забавных, а на самом деле совершенно не нужных, так как любые проблемы с лошадью, как при работе с ней, так и при ее содержании — при желании, при уважении к лошади, к ее душе и свободе решаются очень легко.

Вообще, я уже устал описывать весь этот конюшенный маразм прошлого и настоящего.

Я, к сожалению, очень хорошо зная конюшенный мир, не могу рисовать благостные картинки, хотя, порой, очень бы хотелось.

Разумеется, чудовищные условия содержания, приводящие и к развитию пороков и к психическим расстройствам лошадей, не являются абсолютно повсеместными.

По крайней мере, не 100% конюшен такие.

Лишь 99.

Есть и редкие, совершенно прелестные исключения, когда домашняя жизнь лошади не превращена в пытку.

Где человеком для лошади тщательно создается иллюзия свободы, там предоставляется возможность много и полноценно гулять, где лошадиный комфорт соблюден до мелочей, где все делается с поправкой на уважение к лошади и на основании современных открытий иппологической науки.

Но, к сожалению, не они являются чем-то характерным и повсеместным.

В мое время в Санкт-Петербурге, самой характерной, пожалуй, была конюшня одной безвозрастной дамочки с постным православным личиком, фамилию которой я не помню, так как более она была известна по своему прозвищу.

И за глаза, да и в глаза тоже — ее называли, уж извините, Мандавошкой.

Прозвище прилепилось намертво.

Дано ей было это название то ли за удивительное портретное сходство с этим милым насекомым, то ли за привычку с рекордной скоростью заводиться в любых, попавших в ее поле зрения мужских штанах.

Благо, алкоголики-конкуристы или спившиеся шорники, а также кузнецы и жокеи, представляющие мужскую половину конного мира, были не слишком разборчивы, а после четвертого стакана и вовсе начинали бесчестить овец и такс, если таковые находились поблизости.

Наша дамочка была все же чуть предпочтительнее неудобной, в принципе, таксы, следовательно, всегда имела огромный успех.

Пробавлялась дамочка, как водится, спортивной выездкой, прокатом, подъездкой и последующей продажей лошадей.

Она болталась по нищим колхозным конюшням, где за бесценок скупала в меру разбитых лошадей, притаскивала их к себе и за пару месяцев, битьем и «железом», «подработав» — легко, со свистом впаривала их восторженным лохам из числа желающих обзавестись собственной лошастью.

Увечила Мандавошка в процессе своей «подъездки» лошадей окончательно, на всю жизнь делая их полными инвалидами.

Лохи-покупатели, разумеется, этого не понимали, так как дама явно была талантливой актрисой и очень классно играла матерую лошадицу, все понимающую и знающую.

На людях дамочка появлялась всегда со свитой из гремящих шпорами конюшенных девочек, таких же уродливых и засаленных, как она сама, и таких же распальцованных.

Впрочем, речь, не о ней, а о ее конюшне.

Дамочкина конюшня была чрезвычайно удачно расположена в старом петербургском парке, неподалеку от метро, что и создавало среди частных владельцев и прокатчиков особую ажиотацию.

Очередь на постой, то есть на право поставить в Мандавошкиной конюшне свою лошадь — была огромной и страстной.

Дамы в норках, прикатывавшие на конюшню в джипах, и девочки с хлыстиками, случалось, расцарапывали друг другу физиономии, оспаривая приоритетность своей очереди.

Сама конюшня была маленьким, загадочного происхождения фанерным баракком без окон, с очень низким потолком.

С потолка свисали постоянно искрящие во тьме старые и очень гнилые провода, которые, чтобы пройти или провести лошадь — надо было отвести ручкой лопаты или швабры в сторону.

По обе стороны феноменального узкого коридорчика, узкого настолько, что не всякая лошадь могла по нему протиснуться, располагались закуточки без окон, настолько маленькие, что в них едва поместилась бы коза.

В эти закуточки гремящая шпорами Мандавошкина свита запикивала лошадей, которые там, как правило, и стояли двадцать четыре часа в сутки.

Полы были, разумеется, гнилыми, причем до такой степени, что даже уже и не подламывались под лошадьми, а давно превратились в месиво из навоза, кусков истлевших досок и старой туалетной бумаги.

Сортира в бараке, разумеется, не было — и прокатчики, да и постояльцы, по малой и по большой нужде хаживали к лошадям в закуточки.

Кормили лошадей какой-то грязью из раскисшей кучи во дворике, отходами мукомольной фабрики.

Надо отдать должное, с намоканием, подкисанием и заплесневением кучи периодически боролись, накрывая ее драным полиэтиленом.

В этом загадочном бараке, где с большим трудом можно было бы разместить двух лошадей, размещалось сорок.

А публика, желающая поселить свою лошадь в удобном месте, в старом парке, где по выходным было так престижно дефилировать на лошади под старыми тополями, — все шла и шла, шурша купюрами.

Мандавошка приветливо оттопыривала лиловые ушки на шуршание, потом притворно кривилась, жеманилась, хваталась за голову, но обменивалась молниеносным взглядом с засаленной своей свитой — и жестом делила вонючий закуточек еще пополам.

Все остальное было делом техники.

В конюшенный коридорчик втискивался веселый алкоголик с досками и гвоздями — и, отмахиваясь распухшей башкой от конструкторских идей свиты, начинал «уплотнение», деля микроскопические Мандавошкины закуточки новыми хлипкими перегородками.

Потом снова раздавалось шуршание купюр — и уже поделенный закуток делился еще пополам.

В эту очень маленькую и очень вонючую, новую «пополам» втискивалась очередная несчастная лошадь.

При этом дамочка непременно причитала, что движет ею только «любовь к лошадам». Дошло бы и до ста лошадей, вероятно, так как в жадности своей и Мандавошка, и свита ее — удержу не знали никакого.

Но тут произошло то, что и должно было произойти — все загорелось.

Как-то вечером покачались, поискрились провода — а потом вместо привычной малой синей искры посыпали крупными белыми сполохами.

И сполохи эти, впиваясь в сено и гнилую фанеру, за несколько секунд разожгли из Мандавошкиной конюшни такой кострище, что и на дальних от конюшни деревьях парка крючило и ожигало листву.

И горели в этом кострище сорок лошадей.

Тех, кто был поближе к выходу, — обожженных, тлеющих, наглотавшихся огня, — еще как-то вытолкали добрые люди, прибежавшие на пламя.

Тех же, кто был подальше — в «пополамных» закутках, — спасти не мог бы никто и никогда.

Огнем разрывало фанеру в раскаленные клочья.

Засевая дымящими осколками все вокруг — взрывался старый шифер крыши.

А сквозь разрывы — в небо ввинчивался ревущий огонь, сразу смыкавшийся с огнем из дверей и разорванных стен.

За какие-то двадцать минут всю конюшню растерзало в красные светящиеся хлопья, высоко взлетевшие вместе с душами тридцати лошадей над тополями старого парка.

Когда барак догорел — на месте его не осталось ничего, кроме раздувшихся лошадиных трупов, лежавших так же тесно, как размещались живые лошади в закутках.

Мандавошка, прикатившая к самому концу пожара, огрызаясь на репортеров, что-то трагически выжимала из калькулятора, в окошечке которого отражалось зарево, мешающее видеть цифры.

В течение недели пейзаж в парке был обременен массой рыдающих девочек с хлыстиками.

Норковые же дамы рыдали, не вылезая из джипов.

Шорники, кузнецы, жокеи и конкуристы устроили в строительном вагончике бесконечную слезливую тризну, притащив одну таксу на всех.

На те места, откуда тракторами сволокли раздутые тела лошадей — возлагались разные цветочки.

Но кто-то из лошадей, разумеется, уцелел.

И уже через неделю Мандавошкина свита и прокатчики, гремя шпорами, устроили на пепелище веселые соревнования по конкуру.

Сама же дамочка, к слову, быстро оправившаяся от своего несчастья и некоторых финансовых проблем, с владельцами сгоревших лошадей сляпала новую конюшню, куда переместились свита, уцелевшие лошади, алкоголик с досками, шорники и конкуристы с таксой.

Дела у нее идут неплохо.

Она утверждает, что это был форменный поджог, и сама она видела девочек с конкурирующей конюшни, которые на стены ее барака, мерзко хихикая, писали керосином.

Чувствительные прокатчицы и частные владельцы одно время хотели организовать какой-то даже гранитный мемориал, без вечного огня, но с высеченными в граните стихами и большими емкостями для слез.

Пособирали с недорыдавших девочек средства, но потом, правда, плюнули на эту затею и забыли.

На Мандавошку катили, конечно, и даже в стихах и газетках, а совершенно зря. «Любители лошадей» прекрасно видели, куда они посягают тех, в любви к кому ежеминутно — и так приторно — признаются, тех, кому готовы писать бесчисленные посмертные стихи. (Очень, кстати, трогательные и искренние.)

Мандавошка, показывая им, где их лошади будут жить, — не нацепляла на их физиономии никакие волшебные очки.

Те очки, что меняли бы реальность, представляя страшный, вонючий и тесный барак с обвисшими гнилыми проводами полноценным и добрым лошадиным домом.

Но, грубо говоря, «потребитель»-постоялец — был согласен и на такое.

По сути, им просто было глубоко наплевать, где и как двадцать четыре часа в сутки живут их лошади.

Просто тут и сама дамочка, и ее постояльцы зримо продолжили старую людскую конюшенную традицию, где из-под сюсюканья, дорогих подкормочек, стишков и поцелуйчиков все равно вылезает старое отношение к лошади как к скоту, место которого в дерьме и духоте.

Короче, если отвлечься от этой документальной и многим памятной трагедии, будет понятно, что рынок конюшенных услуг сегодня вполне можно удовлетворить тем, что предлагают такие вот мандавошки.

Перечитал свой текст — и поразился, какое рекордное количество яда можно, оказывается, разместить на квадратном сантиметре бумаги. Михаил Евграфович отдыхает.

Но я действительно их ненавижу.

И мандавошек, и их питательную среду — лошадничающих дамочек обоих полов.

Наделенный даром понимать и чувствовать лошадь, я вынужден и лошадиную ненависть к этой публике понимать и разделять.

А солидарность с собственным биологическим видом мне, слава богу, не очень свойственна.

Самое кошмарное во всей этой конюшенной истории, которая насчитывает никак не менее трех тысяч лет, это бесспорное — и биологическое и интеллектуальное — понимание лошадью дикости того, что с ней делают.

Осознание ею тупости и несправедливости того, кто доминирует в этом мире, устанавливая свои порядки.

Того странного примата, что лезет к лошади в смертоносные друзья.

Одной рукой это существо пишет посвященные ей сотни поэм и тысячи картин, воспекает и прославляет, создает пафосные скульптуры и фильмы разной степени слезоточивости.

Другой рукой это же существо затворяет ржавый засов денника, оставляя воспеваемое, обожествляемое существо по имени лошадь в духоте и дерьме, без движения и малейшей надежды на перемену жизни, рвет ей рот «железом», избивает, а наиболее продвинутым в деле издевательства над лошастью садистам — вешает на шеи олимпийские медальки, которые символизируют лишь особую степень садизма в садистском ремесле конного спорта.

Трудно сказать, чего здесь больше, лицемерия или нормального, традиционного человеческого фашизма, который вообще является краеугольным камнем всякого человеческого мировоззрения.

Я, в данном случае, без осуждения, ибо глупо осуждать абсолютную реальность.

Известный термин «фашизм» кажется жестковатым, но он объясняет очень многое в этой ситуации и позволяет легче понять ее парадоксальность.

Ребята из Третьего рейха тоже не желали задумываться о том, что у тех, кого они тысячами направляют в газовые камеры, есть души и судьбы, интеллект и сильнейшая способность испытывать любовь и боль.

Эти ребята не сомневались в своем праве так поступать, всерьез полагая, что являются неким расовым высшим звеном развития человечества и через то имеют право навязывать свою волю всему живому.

Если разобраться, немецкий фашизм — был лишь доведением до логического абсолюта позиции человека в отношении всех прочих живых существ на земле. Хоть убейте меня, но особой разницы между расовым фашизмом и фашизмом эволюционным, который исповедует 99,9% человечества, нет никакой.

Немецкий фашизм был непрочен. Общечеловеческий давно и окончательно победил, и на основе его создана почти вся цивилизация.

Хорош фашизм или плох — вопрос философский.

Будучи мастером воспитания лошадей, я могу лишь констатировать его полную неэффективность в своем ремесле, то есть в деле установления отношений с лошастью и ее воспитания.

Я не случайно заговорил о фашизме — благодаря эмоциональной силе этого неприятного термина легче понять человеческие побудительные мотивы и психологические механизмы как особенностей традиционной верховой езды, так и конюшенного содержания, которые являются темой данной главы.

Но все это, в общем, лирика, возвращаемся к нашей конюшенной теме, теме лошадиного дома, который может быть и прекрасен.

Сейчас я постараюсь кратко описать то, каким он может быть.

Каждая лошадь, чтобы оставаться здоровой и нормальной, должна иметь: зимний теплый денник размерами не менее 18 квадратных метров, летний «дышательный» денник размерами не менее 25 ква-

дратных метров с собственным прогулочным двориком, дверь в который должна быть открыта в любую погоду.

С теплым денником, я полагаю, все ясно.

Это отгороженное помещение в конюшне, непременно снабженное окном, автоматической принудительной вентиляцией, отоплением, которое позволяет всегда поддерживать около 12 градусов по Цельсию, резиновыми полами, дверьми, тем, что на милом языке девятнадцатого века называлось «солонолизнями», а нынче коряво зовется «солонкою», игрушками, как катательными, так и качательными, и массой тому подобных аксессуаров.

Касательно игрушек: это специальные пластиковые бочки или шары, имеющие во чреве своем некоторое количество сухариков, которые лошадь добывает путем очень аккуратного катания бочки или шара.

Внутри игрушки — некий лабиринт.

Путь сухарика из чрева наружу чертовски сложен.

Сухарик высыпается лишь в том случае, если бочку чуть прокатить под правильным углом, вовремя остановить и легонько катануть обратно.

Я пробовал — у меня ни черта не получилось.

Лошади понимают смысл игрушки очень быстро — и, если возможности гулять нету, как в особо морозные, так и в гололедистые дни, то игрушка может их занять на час или два очень основательно.

Потом, правда, вырабатывается профессионализм.

Перст, к примеру, ухитряется опустошить игрушку минут за десять. Но он давно выработал очень эффективную тактику затискивания игрушки в угол и методичного подкидывания ее носом по стене вверх под разными углами. До полного опустошения.

Прочие лошади, будучи еще не такими специалистами, честно гоняют бочки и шары по всему деннику.

Вообще, надо в первую очередь помнить, что лошадь необходимо занимать, развлекать, отвлекать от ее черных тюремных мыслей.

Их содержателю должно быть ежеминутно стыдно за их несвободу.

Годится все. Игрушки, специальные небьющиеся зеркала в денниках, возможность много и полноценно общаться с другими лошадьми.

Есть и денниковые игры, когда лошади приучаются, к примеру, сдавать резиновые тазы, служащие кормушками.

После завтрака, обеда и ужина — лошадь должна свой опустевший тазик либо отдать в руки конюха, либо выкинуть в проход.

Каждые два часа — сено, так как еда — это в общем, тоже чудесное развлечение. Чистка — совершенно бессмысленное и не очень нужное для лошади дело — в такой ситуации обретает некие права на существование, так как тоже развлекает лошадь.

Здесь я описываю крайние случаи, когда лошадь вынуждена целый день проводить в конюшне, что бывает очень редко.

Денник должен быть такого размера, чтобы лошадь могла и побродить чуть-чуть, и лечь, привольно вытянувшись. То есть уж никак меньше 4,5 x 4,5 м не получается.

Меньшая площадь права на существование не имеет.

Рядом с денником должна находиться емкость, в которой всегда можно замочить сено.

Делать это необходимо не всем лошадям, но если есть хоть малейшие респираторные проблемы, хоть самый легохонький кашель — замачивание сена в емкости перед предложением его лошади — дело неперемное.

Замачивание (не смачивание из леечки или рюмки) парализует летучесть спор, пыльцы, мельчайшей пыли, микроскопических грибков, которых миллиарды в любом тюке сена, даже самом аппетитном на вид.

Проникая в легкие, самые зловердные из этих грибков, да те же фузариин альтернария, поражают альвеолы и вызывают кашель, а затем и эмфизему.

Обьяснять лошадиный кашель простудой может только клинический идиот, не имеющий ни малейшего понятия о физиологии лошади.

Вообще, пребывания в деннике надо избегать всеми способами как страшного зла.

Никакие кондиционеры, окна и вентиляции не способны обеспечить лошадь тем количеством чистого воздуха, которое ей необходимо.

Посему наилучшей формой конюшенного содержания является размещение лошади в «дышательном деннике».

«Дышательный» денник — это крытое помещение очень просторное, имеющее одну сплошную стену и три стены, являющиеся просто загородками.

Прелесть «дышательного» денника в его снабженности собственным двориком, мощным резиною и огороженным, не настолько большим, чтобы по нему можно было бы носиться галопом, но и не маленьким.

Здесь лошадь, пусть и ограниченная в свободе, но все-таки может организовать какой-то свой собственный мир. Тут есть возможность бродить, греться на солнце или уйти в темную прохладу навеса.

Однако ничего лучше свободы, то есть жизни в полях, для лошади нет и быть не может.

«Дышательные» денники — это тоже отчасти крайняя мера.

Проблема в том, что очень дорогие, очень ученые и знаменитые лошади, как правило, обречены на такое вот трепетное содержание, при котором страх получения лошадью случайной травмы в полях становится доминантой, и лошадь, ради ее абсолютной безопасности и целостности, определяют в некие тепличные условия.

Примерно так выглядят все современные «отэколевские» конюшни, в том числе и у меня.

Зимой, ранней весной и поздней осенью лошади живут в «дышательных» денниках, во двориках и на своих прогулочных пространствах, возвращаясь в теплую конюшню лишь на ночь.

Правда, во все названные выше времена года лошадь пребывает в «дышательном» деннике в попоне.

В морозы — это очень теплая попона с капором, практически до ушей, когда морозов нет — попона на теплой войлочной или синтепеновой подкладке без капора, в иные дни — совсем легкая попона.

С учетом того обстоятельства, что дверь в прогулочный дворик из «дышательного» денника всегда открыта и лошадь может уйти из-под крыши — попоны должны быть непромокаемыми.

Лошади, как выяснилось, чрезвычайно любят и сухую метель, и мокрую, и крапающий холодный дождь, и прямой ливень, и даже град, и уходят из-под крыши во дворики специально постоять под метелью или дождем.

Даже самые непромокаемые попоны рано или поздно промокают, посему на каждую лошадиную душу необходимо иметь две, как минимум, сменные теплые попоны.

Вообще, единственный, связанный с лошадьми вопрос, в котором меня не надо слушать, это вопрос кутанья лошадей.

Здесь я всегда малость перегибаю.

Но заставить себя *не надеть* попону на лошадь, когда мне самому даже просто зябковато, у меня так ни разу и не получилось.

Притом, что я прекрасно понимаю всю разницу наших термических ощущений, знаю, что то, что мне представляется холодом, для лошади пусть и не очень комфортная, но все же терпимая температура.

Из дворики «дышательных» денников должны быть калитки или ворота на те прогулочные пространства, где лошадь может иметь некую иллюзию свободы, то есть место, где можно пастись и носиться.

У меня таким пространством является достаточно большой огороженный сад с прудом, полуостровом, аллеями и лужайками, целиком предоставленный в лошадиное пользование.

Грунт таких пространств — совершенно особая история.

Учитывая способность лошади глубоко пропахивать копытами землю во время безудержных галопов и погонь друг за другом, необходима полная уверенность в том, что грунт не содержит гвоздей, стекол, железок, острых камней, проволок и прочей дряни, как строительного, так и необъяснимого происхождения.

Мне в свое время крупно повезло.

Был у меня приятель из налоговой полиции, карманы которого всегда были набиты свежеполученными взятками.

Человек широкий и веселый, он набранные за день взятки всегда при встречах, хохоча и хохмя, раздавал друзьям. (Деньги, разумеется, оставлял себе, я говорю о вещественных, предметных взятках.)

Ходил он в крупных чинах, следовательно, и давали ему не какой-то вздор, типа конфет или подписки на «Литературную газету», а вещи качественные и очень впечатляющие.

Шумен он был необычайно.

«Глебыч, не побрезгуй!», — говорил он, вытаскивая наборы часов и портсигаров, кольца и кулончики.

При этом он всегда произносил загадочную, абсолютно идиотскую фразу — «Солнце встает один раз!»

Содержимое его деловой папки напоминало сундучок Флинта.

Как-то всучил он мне перстень с бесстыже-огромным сапфиром и сапфироснащенную же булавку для галстука, которая помимо большой синей каменюги была «уделана» еще и бриллиантами.

Как я понял, это было скромное подношение от производителя пышек, уклоняющегося от налогообложения.

Я как раз в ту пору делал для лошадей прогулочный грунт и уже основательно намучился от присутствия в нем тех самых железок и стекол.

Рабочие вроде бы как и выбирали их, но очень халтурно и вяло.

Копали неглубоко и особо внимательны не были.

Перстенок и булавка оказались очень кстати.

Собрав рабочих, я предъявил им перстень, померцав сапфировой синевой в душу каждого из них, затем показал булавку для галстука, добив еще одним сапфиром и бриллиантами.

Завернул оба предмета в грязную, ржавую фольгу и сообщил труженикам, что я сейчас запроу их (тружеников) на замок в строительном вагончике, в котором окон не было, а сам закопаю шалабушки в прогулочной леваде.

Тот, кто найдет сапфиры пышечника, будет обладать ими до конца дней своих и передаст детям своим.

Согнал всех в вагончик. Запер на засов.

И зарыл булавку и перстень, обернутые ржавой фольгой, где-то на пространстве в полгектара. По-честному.

Перстенок в одном месте.

Булавку — в другом.

Закапывал глубоко, но быстро, понимая, что у меня есть где-то минут пять, пока эта публика черными своими ногтями не процарапает стены вагончика и не обретет возможность подглядеть, где именно я закопал драгоценности.

Уложился.

Скинул засов с двери вагончика и еле успел отпрянуть от хлынувшей наружу с лопатами и ломami наперевес маленькой, но очень возбужденной толпы моих рабочих.

Боже, как они копали!

Как они погнали на мотоцикле в город и через час вернулись с двумя металлоискателями!

Как разламывали и разбирали каждый земляной ком!

Через двое суток безостановочной копки и разборки выкопанного, они готовы были на реальное убийство друг друга за право копать, то есть находились в хорошей рабочей кондиции.

Еще через сутки первая кровь обагрила лопаты.
Одного увезла милиция, другого — «скорая».
Но остальные раненые, наспех перевязавшись, продолжали копать и искать.

Отработанные батарейки для металлоискателей — сыпались как гильзы из пулемета.

В черных пальцах перетирался каждый кубический сантиметр левады.

Вскоре они нашли перстень.

Еще через сутки — булавку.

Моя добыча была куда богаче — шесть ведер ржавых железок и стекол, вывороченных на поверхность их кровавыми лопатами.

Не буду утверждать, что левады надо непременно очищать именно таким образом, но и этот способ, согласитесь, не так уж плох.

Конюшенная жизнь тоже может быть счастливой.

И лошади, несмотря на все ограничения свободы, великолепно понимая правила игры, умеют как-то очень разумно и нежно выстроить свою домашнюю жизнь, понимая, что мир больше не принадлежит им так, как он принадлежал их праотцам, когда земля была чиста от человека и следов его жизни.

Мой любимый герой, Молчальник шевалье де Нестьер, самый храбрый и лошаделюбивый отец-основатель Haute Ecole, тот самый, что заставлял своих учеников познать боль от «железа», вставляя им в рот мундштук, все же вряд ли решился бы оставить своих учеников, среди которых были короли и кардиналы, герцоги и принцы крови, коротко привязав за недоуздок, хотя бы на сутки в стойле.

По колено в дерьме.

В мухах. С закруткой на носу, с «ежиком» на деликатном месте, в ожидании «опаления» шерсти. И без всякой надежды на перемену жизни.

Хотя, ей-богу, следовало бы.

Впрочем, не все потеряно, так как народились новые мастера, и история новой Haute Ecole только начинается.

^a *Триклиний* (лат. triclinium) — столовая древнеримского дома.

^b *Антонов огонь* — гангрена.

подозревал, когда начинал писать эту книгу, что она, по сути, для очень немногих читателей.

Лишь для тех, кто искренне пытается понять судьбу лошади, ее душу и историю, чьи мозги не загажены болтовней и бреднями конюшенных девочек или олимпийских чемпионов.

Для тех, у кого в душе всегда жил протест против того порядка отношений с лошастью, который и по сей день кажется незыблемым.

Для тех, кто умеет называть вещи своими именами.

Всем прочим эта книга совершенно бесполезна и воспринята ими не будет.

На некие озарения, возникшие под ее влиянием, рассчитывать не приходится.

К сожалению, ни один спортсмен или жокей не ужаснется и не повесится.

Не те люди!

Итак, можно с абсолютной уверенностью утверждать, что всякий поиск отгадки лошадиной души в далеком и не очень далеком прошлом — бесполезен.

Равно как бесполезно искать там секреты дружбы с лошастью.

Сейчас можно сознаться, наконец, что весь накопленный в лошадином деле человеческий опыт только отрицательного свойства, и поэтому начинать надо с чистого листа, как будто бы человек и лошадь встретились только сегодня.

Все, что было, весь тот жуткий крестный путь, по которому прошла в мировой истории лошадь, таща на себе крест проклятой человеческой любви к ней и потребности в ней, распятая миллионы раз ради простой забавы и столько же раз ради сомнительной необходимости,— одна из самых позорных страниц в истории человечества.

Тому, кто желает познать лошадь, дружить с лошастью, выстраивать с ней отношения, основанные на любви и понимании, тому, кто желает воспитывать ее и видеть потрясающие результаты этого воспитания и этой дружбы,— можно совершенно спокойно отправлять на свалку, в полное забвение, так называемый «опыт поколений».

Единственное исключение — принципы Haute Ecole, когда-то сформулированные де Нестьером:

- 1) если лошадь чего-либо не делает, значит, этому ее не научили;
- 2) если лошадь что-либо делает плохо, значит, ее плохо (неумело) научили;
- 3) лошадь всегда права.

Более того, «отэкольщики» оставили очень верные представления о технике обучения лошади сложнейшим элементам и фигурам.

Причем, «отэколевская» техника заключается не в железках и ремешках, что позволяет ее применять с потрясающим успехом и для совершенно «голой» лошади.

Очень точным, даже с точки зрения современной иппологии, является и «отэколевское» представление о продолжительности занятия с лошадью — не более 15 минут, не считая открывающей дыхание разминки.

Спортсмены ввели в моду и обиход долгие, часовые или двухчасовые, тренировки до пота, до мыла в паху, до полного осатанения лошади.

Мода эта вползла в так называемый «большой спорт» из банальных прокатов, куда любители добираются порой издалека и с проблемами, и которые хотят, оправдывая долгую и дорогую дорогу, оттянуться с лошадью если и не по полной, то хотя бы час-полтора.

Да и «драть» с прокатчиков за час хозяевам прокатов как-то сподручнее, час — это все же некий солидный временной отрезок, на который и цена другая.

Всемирная конюшенная диктатура перепачканных навозом девочек, объявивших себя берейторами, тоже привела к бессмысленному и разрушительному для лошади удлинению времени занятий.

Навозные девочки, несмотря на все понты и гонор, просто лебезят перед владельцами лошадей.

Но это лебезение обычно заключается не в земных поклонах и угодливости, а в диком удлинении времени своих садистских забав с хозяйской лошадью.

Навозная девочка, даже что-то зная и понимая, боится, что ее поменяют на другую навозную девочку, если она не будет мучить лошадь долго.

Пятнадцатиминутный «отэколевский» стандарт занятия — для них финансовый смертный приговор.

На самом же деле лошадь должна возвращаться из манежа после занятия, включающего такие элементы, как каприоль и испанская рысь, почти совершенно сухой и ровно дышащей, разве лишь рисунок жилка на шее и плечах должен стать отчетливее, и могут чуть-чуть, не до мыла — помокреть паха.

Все, что сверх этого, — пот, мыло, тяжкое дыханье по окончании занятия — примета абсолютной серости в деле знания лошадиной физиологии, миологии и воспитания в целом.

Поясняю.

Лошадь все понимает в течение трех-пяти минут.

Ровно столько времени ей требуется для усвоения любого нового элемента или упражнения. Если в течение трех минут понимания не наступило и лошадь не показала точного намека на требуемое от нее движение — значит, объяснения неверны и настаивать бессмысленно.

Надо слезать, собирать вещи и ехать учиться.

К Гонзе, например.

Если же элемент понят и взят лошадей в работу, то на совершенствование его, на привычку к нему и подгонку необходимых групп мышц в день достаточно пяти-семи минут.

Больше — тоже нельзя, ибо травмоопасно, миологический аппарат лошади не рассчитан на продолжительные нагрузки.

Это, впрочем, можно прочесть в любом ветеринарном справочнике, в любом иппологическом учебнике.

Но навозные девочки считают иначе.

Эти девочки — вообще особая статья.

Нормальный человек, ставший хозяином лошади и впервые оказавшийся на конюшне, — попадает в полное рабство к злобному, безграмотному и очень амбициозному конюшённому социуму.

На любой конюшне, помимо спор плесени, мух, крыс и яиц глист, за кучами старых навозных опилок обитают существа со странно перекошенными рожами, в выгоревших дожелта, когда-то черных, бархатных касках.

Эти существа никогда не снимают шпор и педерастических рейтузиков, очень любят давать агрессивные советы новичкам и истошно орать на лошадей.

Пол их с первого взгляда установить невозможно.

Сами они для определения пола друг друга используют метод совокупления за навозной кучей или в амуничнике.

Там-то все они для себя и выясняют про пол партнера, но, как правило, их устраивает любой результат.

Существа знают пару фамилий олимпийских чемпионов, очень любят слова «шамбон» и «мышечное кольцо», могут, поднатужившись до боли и выделений, вспомнить еще пару терминов или, двигая кадыком, порассуждать о мастерстве старых кавалеристов.

Это — конники.

Навозные мальчики и навозные девочки.

В их абсолютном подчинении находятся лошади.

Под их же власть попадает и любой нормальный человек, которого в конюшню привела любовь к лошадям.

Ему очень быстро навязывают самые дикие взгляды на воспитание лошади, объясняя, что других взглядов не существует, его приучают терпеливо выносить избиения своей лошади, говоря, что иначе нельзя, и так делали деды и прадеды, его легко втягивают в медленное, но верное убийство его же лошади, вынуждая заниматься конкурром, выездкой или троеборьем, в зависимости от того, что больше по душе этим навозным кураторам.

Эти люди — конюха, так называемые берейторы, тренеры — охотно передают любому, кто способен оплачивать их услуги, весь набор собственных ошибок и заблуждений, который им самим когда-то помешал достичь хоть чего-нибудь всерьез значительного, даже в своем примитивном спорте.

Но спортсмены-неудачники — это еще лучший вариант.

Бывшие медаленосцы, как правило, настойчиво передают те садистские методы, которые некогда все же позволили им отхватить пару розеток и медалек.

Хочу честно вас предупредить, что, следуя хотя бы одному их совету, приняв во внимание лишь одно их слово, вы непременно станете обычным врагом лошади и сделаете лошадь своим врагом.

Бежать от них надо, как от огня.

И от медаленосцев, и от неудачников.

Затыкать уши, боясь случайно услышать что-либо из того, что они проповедуют.

Следует твердо, непоколебимо помнить, что все произносимое ими на лошадиную тему — есть абсолютная ахиня.

Если, не дай бог, вы пару раз их выслушаете и на свое несчастье запомните хоть что-либо, то живое, нормальное желание понимать лошадь и слышать ее — будет убито в вас наповал.

Могут сколько угодно дуть щеки олимпийские чемпионы в разных дисциплинах конного спорта, но, поверьте, уж их-то опыт вообще гроша ломаного не стоит и заслуживает полного забвения в первую очередь.

Никакого отношения к искусству отношений с лошастью, к воспитанию и настоящей выездке их болтовня не имеет.

Спортивные регалии есть всего-навсего сертификат особой жестокости к лошади. Ничего более.

К примеру, эта публика годами, набив лошади рот «железом», тыча шпорами и колотя палками по ногам, учит лошадь пиаффе, разбивая ей при этом спину, срывая психику, — и в результате получает некий набор натужных рефлекторных движений, видеть которые невыносимо.

На самом же деле, без всяких железок и палок пиаффе делается любой лошади за неделю, без битья, принуждения, тяжелейших травм поясницы, обычно причиняемых лошади по время обучения этому элементу.

Старинные кавалерийские трактаты или ипподромные байки «рысачников», «скакашников», конюшенные сказания возомнивших себя берейторами девочек и мальчиков — все это полный вздор, концентрат серости и маразма.

Никакого отношения к познанию лошади это не имеет.

Слава богу, уже много десятков лет в мире существует относительно точная наука, изучающая лошадь, именуемая иппологией, — и практически все ее открытия, в любой области, хоть по части конюшенной, хоть по части биомеханики и физиологии лошади, пока находятся в полном противоречии с убеждениями чемпионов, получемпионов, прокатчиков, конюхов, жокеев, лошадничающих дамочек и тому подобной публики.

Я говорю «пока», ибо пока стенка идет на стенку.

И не только в России.

Мне постоянно приходится видеть и убеждаться в том, какую ярость у лошадиников вызывают любые реальные знания о лошади.

Термография (в ее ветеринарном приложении), как абсолютная диагностика лошадиного состояния, — вызывает ужас и ненависть навозных девочек, понимающих, что термографическое обследование лошадей, с которыми они занимаются, — приговор для них.

Они понимают, что может выявить термография, безжалостно фиксирующая именно причиняемые, в основном всадником, травмы мышц, костей и сухожилий.

Реальная убийственность конкурра для лошади (прыганья через крашенные палочки), многократно доказанная научно, демонстративно во внимание не принимается. В боксы ипподромных старт-машин лошадей по-прежнему заводят в основном в «чехлах», чтобы лошадь не видела, куда ее ведут.

Дешевая, праздная, к слову сказать, уловка.

Лошадь понимает, что ее заводят в бокс для нового истязания скачкой. Сопrotивляется обычно страшно. Даже и в «чехле».

Впрочем, обо всем этом в «Лошадиной энциклопедии» и так уже написано достаточно.

Кто хотел понять, тот понял.

И не все так грустно.

Судя по тому, что этот свирепый мир все же породил Парелли, Гонзу, великую Силк Валентин и еще несколько человек, понявших, что так дальше нельзя и что трехтысячелетний опыт общения с лошадью сегодня может привести только в смрадный тупик ипподрома или спортивной конюшни — все же есть надежды на то, что все переменится.

Один из моих жеребцов, тоненький вороной Каоги, о котором я так подробно писал в главе о воспитании лошади и который вечно находился в страшном конфликте с манежными голубями и воробушками, на днях, когда я уже заканчивал книгу, сильно меня удивил.

Вообще, голуби появились в манеже для какой-то съемки, их привезли в коробках, выпустили, а потом они прижились, тем паче что у них появилась важная воспитательная роль.

Они ведут себя настолько шумно и безобразно, настолько нагло и бессистемно, с переворотами, вывертами, кувырками, с боем крыльев и стремительным пикированием, носятся в воздухе манежа, так громко курлычут и так постоянно и метко роняют какой-нибудь мусор, камешки, перья на головы людям и лошадям, что я решил их не выселять, а оставить, чтобы приучать самых молодых лошадей к разного рода внезапностям.

Внезапность и экстремальщину голубиная диаспора манежа обеспечивает в полном объеме.

Захравшиеся и сексуально озабоченные, эти белые и пестрые голуби «скоростной» николаевской породы с боем крыльями и переворотом, ухитряются пролететь в сантиметре от лошадиных ушей.

Или, подняв пыль и мусор, могут выстрелить собой из темной резьбы старой арки аккуратно под ноги пассажирующей лошади.

Или тучей, с грохотом крыл рвануть тараном со стен прямо в коня и всадника.

В общем, чудесные птички. В огромном манеже им, разумеется, было где развернуться.

Этой весной они все вздумали сочетаться браком.

Ор и воркование, бесноватые пролеты с соломинками и веточками для гнезд, пролеты без веточек — приобрели уже откровенно маниакальный характер.

Перст, который очень одобрительно относится ко всякому буйству и хулиганству, с ними задружился и даже нежничал, приветственно похрюкивая и корча голубям рожи.

Кобылы начали откровенную охоту, налетая по время прогулок на всю голубиную тучу, лупя по птицам и задом и передом.

Но больше всех возмущался Каоги.

Малыш, привыкший к абсолютной сосредоточенности, отличник, ухитряющийся всю свою безбрежную жеребцовую эмоциональность концентрировать в своих идеальных высоких движениях, — возненавидел голубей, с их мешающей суетой, всем сердцем.

Лишь пару раз под седлом он позволил себе не то что бы сорваться, но обратить на них внимание, заложить уши и клацнуть зубьями в ответ на наглый пролет над его головой.

Но это под седлом.

Отпущенный гулять, он превзошел в свирепости и изобретательности самих кобыл.

Он мог носиться по манежу, преследуя наглых птиц, часами.

Одну голубиху он даже зашиб, с демонской точностью подбив ее в полете ударом задних копыт.

В общем, мальчик объявил голубям войну и начал ее выигрывать.

И тут, как-то очень ранним утром я услышал трубный рев гулявшего в манеже Каоги.

Малыш вообще голосист, но это было что-то особенное.

Он стоял в дальнем конце манежа и непрерывно орал то в потолок, то в грунт манежа, низко склоняя голову и трогая что-то храпом.

У его копыт — с выражением крайней доброжелательности на большеклювой рожнице, почти еще совершенно лысый — сидел, развалив голые, розово-лиловые крылья голубенок — и во все свои круглые и глупые глаза глядел на вороное чудовище.

Голубенок взмаргивал и откачивался назад, когда его оевало ветром из ноздрей жеребца.

А Каоги продолжал орать и аккуратно, чтобы не задеть лилового дурачка, покапывал рядом с ним грунт копытом. Родители голубенка тем временем занимались важнейшим делом.

В своем гнезде, халтурно сделанном в своде, папа голубенка, кряхтя, *топтал маму*.

Каоги дождался, пока я, чертыхаясь, приволок лестницу, положил голубенка в шапку и, поднявшись в арку, сунул его в гнездо, к глупо воркующим родителям.

Дождавшись — он ломанулся прочь, самым резвым галопом, на какой был способен, с радостными круппадами и курбетами.

И с тех пор каждый раз на занятиях, проходя в руках или под седлом мимо того гнезда, под той аркой, — он ставил уши и коротко всхрюкивал, совершенно счастливый.

Он перестал охотиться на голубей и больше никого из них не убил.

Я абсолютно не понимаю, зачем я под конец рассказал эту историю, которая не имеет ни малейшего аллегорического или дидактического смысла.

Разум лошади, высокий, просветленный и благородный, как-то и сомнению не подвергается.

Человек не годится на роль того голубенка, он слишком силен и опасен.

И человек не бывает так обворожительно беспомощен, как этот лиловый и большеклювый младенец.

А жеребец-то, в общем, не сделал ничего чрезвычайного.

Наверное, эта история попросилась в самый финал книги лишь потому, что заканчивать повествование о крестном пути, распятии и воскресении лошади нельзя было разговором о навозных девочках, конкурсах и скачках.

Я полагаю, что дети наши о публике такого рода и о такого рода забавах будут читать с той же недоверчивой усмешкой, с какой мы открываем «Конский лечебник» восемнадцатого столетия, с его рекомендациями клистира с селитрой и клопов в мочевого канал.

И для детей наших — а уж для внуков подавно — главными словами, обращенными к лошади, будут слова старых сероволосых заклинателей лошадей, странные — и такие потрясающе понятные самим лошадям слова древнего языка прерийных сиу: «Шунка-вакан, нагики уачи йело».

Что значит, если помните, — «мне нужна душа этой лошади».

Комментарии

¹ *Джеймс Филлис* (умер в 1914 г.). Сын лондонского нотариуса. Морочил — и, надо сказать, блестяще — головы разного рода «любителей», издавая книжечки, скроенные по типу сегодняшних «Как стать миллионером». Темой, правда, было не стяжание, а так называемая «выездка». Сотни страниц советов и наставлений по этому поводу.

На деле отличался крайней жестокостью к лошади, которая, кстати, заметна даже в его жюльнических сочинениях. Сами сочинения же представляют собой методики, где лошадь представлена в роли глупой мясной машины, у которой надо выработать рабское послушание под воздействием боли от мундштука и шпор.

Все книжки снабжены фотографиями, на которых Филлис самодовольно демонстрирует редкостно безобразную посадку и светлые моржовые усы.

Оказавшийся ненужным в Европе — уехал подрабатывать в Россию. Был допущен со своими уроками в пару казарм, но в основном халтурил в цирке. Впечатленные его жестокостью русские циркачи (даже циркачи!) спровоцировали большой очаровательный скандал. Пользуясь незнанием русского языка Филлисом, коверный перед его выступлениями в цирке громко объявлял публике: «Англичанин-дрессировщик, настоящий лошадиный си-филис! Бедствие всех лошадей!»

Так называемые «методики» Филлиса до сих пор прилежно изучаются спортсменами в России, которые, честно перечитывая эту ахинею, тщатся раскрыть для себя секреты выездки, не очень понимая, что книжки Филлиса написаны по принципу «пилите, Шура, пилите!».

² *Чжуан-Цзы*. Гениальный древнекитайский философ, один из основателей даосизма, религиозно-философской системы, предлагающей не уповать ни на что сверхъестественное, но все искать внутри себя самого — и свободу, и счастье, и правду, и презрение к смерти. Его сочинения переиздавались тысячи раз. О нем самом мало известно, но под обаянием Чжуан-Цзы мировая философия находится уже две с половиной тысячи лет.

³ *Ауристан (страна луров)* — область на юго-западе Ирана, знаменитая в древности мастерством обработки бронзы. Сохранились несколько луристанских удил XII века до н. э. Для них характерны либо очень сложные, рельефные, однофигурные псалии, либо еще более сложные многофигурные. Один из вариантов луристанских удил см. приложение.

⁴ «*Историческая мелкота*». Меня несколько смущает мой же собственный термин «мелкота», но по сравнению с циклопическими именами Плювинеля, де Несьера, Гериньера, к сожалению, подобное определение «младших» мастеров Haute Ecole является наиболее точным.

Хотя среди «мелкоты» были блистательные, легендарные всадники, такие как де Солверг, де Нойи, маркиз де ля Бинь и шевалье Д'Абзак, Дюпати дю Кламм, автор нескольких очень разумных (по меркам того времени) книжек, в частности, изданной в 1771 году «Наука и искусство верховой езды, демонстрируемые в соответствии с природой», Монфокон де Рогль, де Люберсак, Дюгаст и де Виллемот.

В «мелкоте», по моей логике, оказывается и Гаспар де Сонье, тоже очень талантливый всадник и писатель.

Но! Все вышеперечисленные, несмотря на свою явную одаренность, либо родились слишком поздно, когда все основные открытия Школы были уже совершены

и лавры поделены, либо просто являлись адептами, продолжателями какой-либо одной из линий Haute Ecole.

К примеру, де Солверг и де Нойи всю жизнь копировали мегазвезду Haute Ecole де Нестьера, с которым преданно дружили, всегда понимая его превосходство. Они великолепно копировали все, включая и молчаливость де Нестьера, и его манеру седлаться, одеваться, привычки и взгляды.

Де Солверг и де Нойи служили под началом де Нестьера в Версальской школе, были очень известны и почитаемы, но в истории Haute Ecole остались лишь тенями де Нестьера. Этот пример показателен.

Среди перечисленных мною вроде бы блистательных имен — всего лишь бледные копии Плювинеля, де Нестьера, Гериньера, Пигнателли и других отцов Школы. Таковы маркиз де ля Бинь и шевалье Д'Абзак, Гаспар де Сонье и Монфокон де Рогль, Кулон, де Кириной, де Рошфор, де Бурновиль и де Плесси. Можно с огромным почтением салютовать шерботому известняку их могильных плит, но при этом помнить, что никаких открытий ими не совершено и что они были не учителями, а лишь учениками.

Разумеется, я прошу прощения у их теней за нехорошее слово «мелкота», которое коснулось и их.

С большим основанием к «мелкоте» можно отнести Вильяма Кавендиша, герцога Ньюкастла, который всю жизнь лез в настоящие мастера, но так и не вылез. Хотя сам о себе он везде, где только может, сообщает как о столпе Haute Ecole, но мы-то помним и колесики от шпор, привязанные на конец шамбарьера, и постоянное применение медиаканы, и привычку «гнуть голову до сапога», и прочие проявления жестокости Ньюкастла, которые всегда резко контрастировали с подлинным духом Школы.

Страстное желание хвастунишки Ньюкастла стать великим мастером Школы дорого обходилось лошадям, которых он воспитывал. Постоянная потребность блеснуть невиданной по высоте каприолью, продолжительностью тер-а-тера, стремление во что бы то ни стало сравняться с Плювинелем или Соломоном де ля Брюэ делали его езду «аффектированной», грубой, нервной, тщеславной — и, по сути своей, не «отэколевской». Будь моя воля — я вообще бы вычеркнул Ньюкастла из анналов Haute Ecole, но такие вещи решая, разумеется, не я.

К «мелкоте» я с чистым сердцем отношу и вельможных особ, вроде «великого конюшего» ле Грана, и хвастливого барона Д'Айземберга, тоже «великого конюшего», но уже при дворе вице-короля Неаполя, и подобную им публику, которая, пользуясь служебным положением, вошла в историю Школы.

К примеру, тот же ле Гран (де Бельгард) всю свою сознательную жизнь, изводясь от зависти к Плювинелю, всяко ему пакостил и вредил при дворе. Кстати, это именно он через своего приятеля Тальмана де Ро запустил прозвище Грубиян применительно к великому Плювинелю. Именно он, морщась и закатывая глаза, непристойными жестами пародировал сурового старика (Плювинеля) перед дамами и бездельниками. Если бы не благоволение к Плювинелю короля, «великий конюший» извел бы мастера без малейших колебаний.

У ле Грана было огромное влияние при дворе и большая власть во всех лошадиных вопросах. Он всю жизнь вредил Школе, но все время был где-то поблизости от нее, а история, сослепу, как это часто бывает, сопричислила ле Грана к блистательной плеяде отцов-«отэкольщиков».

Плювинель, в общем-то, побаиваясь возможностей ле Грана, вынужден был всю жизнь перед ним расшаркиваться, но зато в своем главном труде «Exercice de monter a cheval», сделав ле Грана одним из персонажей, он очень почтительно вложил ему в уста редкостные глупости. Очаровательная месть.

К той же категории «примазавшихся» и «примазанных историей» относится и маркиз де Мариальва.

⁵*Псалии.* С этим термином вечная неразбериха. Дело в том, что по-гречески слово «псалион» обозначает именно сами удила. То есть, говоря, к примеру, «удила с колючими псалиями», мы говорим «удила с колючими удилами». Тем не менее во всей советской и русской исторической и археологической науке слово «псалии» почему-то обозначает любые — прямые или кривые, узорные или плоские — ограничители на кольцах удил. В «Энциклопедии» я подчиняюсь этой странной традиции и тоже употребляю слово «псалии» совершенно неправильно.

Происхождение этих ограничителей предельно понятно, хотя историки и археологи по их поводу темнят и фантазируют. Работа рукой была очень грубой, и чтобы грызло удила не пролетало рот «насквозь» при резком натяжении поводка с одной стороны, были изобретены те самые «щечки», или ограничители, которые и стали называться псалиями.

Древняя история и археология представляют сотни видов этих ограничителей, десятки видов их креплений к грызлу. Но, строго говоря, «псалиями» они не являются. «Псалии» — это непосредственно сами удила. Каким образом произошла эта подмена понятий, сейчас уже не выяснить, да и не сильно хочется.

⁶ Я знаю всего два сохранившихся в мире мундштука с шардон. Один находится у меня и представлен на фотографии в таблице мундштуков (см. приложение). Скорее всего, он относится не к «отэколевским» временам, а к самой середине или даже началу XVI века.

Второй мундштук с шардон хранится в закрытой частной коллекции, я его видел, он помладше, примерно начала XVII столетия.

Что удивительно, механизмы выбрасывания шипов до сих пор работают.

⁷ Поразительно, но при самом тщательном изучении всех без исключения античных военных теоретиков и практиков, писавших свои труды и трактаты о тактике и стратегии, — и у Апполодора, и у Энея Тактика, Афинея, Секста Юлия Фронтинна, Флавия Вегеция Рената, Марка Витрувия Поллиона, — практически нигде нет ни единого слова о кавалерии или ее использовании. Серьезные античные авторы так пишут об организации войска, как будто кавалерии и вовсе не существует, либо будто она несет лишь моральную, театрально-прикладную функцию и не нуждается ни в каких серьезных боевых наставлениях и стратегемах. И это при том, что в вышеперечисленных трудах есть все — от методик по рытью колодцев до способов чистки доспехов.

Лишь у Флавия Вегеция Рената в третьей книге в 23-й главе есть кратенькое упоминание об уязвимости катафрактариев (тяжелых всадников) и в 24-й главе — о колесницах. Высказывание о колесницах приведу полностью, оно очень характерно для античного представления об этой глупейшей затее, которая позже была так воспета живописцами и кинематографом: «Цари Антиох и Митридат пользовались в своих военных походах колесницами с косами, запряженными четверками лошадей. Вначале они вызвали большой страх, но потом стали предметом насмешек. Трудно для такой колесницы с косами найти совершенно ровное поле, малейшим препятствием она задерживается, а если поражена или ранена хоть одна лошадь, колесница уже выходит из строя.

Но эти колесницы потеряли всякое значение главным образом благодаря следующему приему римлян: когда начинался бой, римляне быстро разбрасывали по полю трибулы, когда на них попадали лошади, они гибли. Трибула — это защитное орудие, сколоченное из четырех заостренных кольев, как его ни бросить — оно крепко становится на трех кольях, а четвертым, поднятым кверху, наносит вред».

Помимо деревянных больших трибул, которые использовались против колесниц, рассеивались малые трибулы, медные или железные, которые гасили атаку любой кавалерии без малейших усилий со стороны атакуемых. Единственный полководец, который нашел способ нейтрализовать трибулы, или, как я именую их по-испански, — «эспины», был Фридрих Прусский.

Эта скотина, узнав, что поле, на котором он предполагал атаку своей кавалерии, засеяно эспинами, сгонял из обозов и лазаретов больных, разбитых и потерявших всадников лошадей, которых гнали по этому полю перед атакующими полками. Шедшие первыми, ненужные Фридриху, больные и раненые лошади сбивали «эспины» в свои копыта и оставались на этом поле навсегда.

Во всех армиях мира именно лошади были основной мишенью лучников, пращников, арбалетчиков, мушкетеров, артиллеристов. Причем эта практика достаточно древняя. Древнеиндийские источники, вроде Махабхараты, описывают ее следующим образом: «И тут Вирата пронзил Сушармана десятью стрелами и пронзил также четырех его коней — пятью стрелами каждого».

⁸ *Классификация стремян* — дело несложное. Некоторую часть можно очень точно классифицировать по известному труду Ля Валетта. Другую — по аналогам,

имеющимся в Сомярском замке, в собрании Марио Люраши, в собрании петербургского Эрмитажа и некоторых частных собраниях Польши, Италии и Голландии. Мне, по счастью, довелось очень хорошо узнать и изучить эти коллекции.

Что касается стремян, время изготовления и применения которых датируется от IV до XII в., то и здесь есть абсолютно авторитетные источники, позволяющие идентифицировать любые древние стремяна с точностью до столетия по принципу аналогии формы и материала. Это описания и точные зарисовки стремян из раскопок В. Мажитова Мрясимовских, Муракаевских, Ишимбаевских, Лагереvских, Первого Хусаиновского, Ямаши-Таусского и других курганов Южного Урала. Описания предметов, найденных в кремационных погребениях северо-западных предгорий Алтая.

Существуют фундаментальные труды «Археология СССР», в которых полностью описаны и зарисованы все раскопочные находки, имеющие отношение к кочевническим древностям Восточной Европы и Средней Азии V-VIII вв., сибирские древности, находки в могильниках восточноевропейских степей VIII-X вв.

С помощью всей этой литературы, полный список которой я привожу в библиографии, можно с достаточной точностью классифицировать и определять по его происхождению любое лошадиное «железо», хоть стремяна, хоть удила, хоть «псалии» или подпружные пряжки или украшения уздечек.

Идентифицируя для частных и государственных собраний древнее «железо», я тоже всегда пользуюсь этими драгоценными книгами и пока ни разу не ошибся.

Впрочем, в приложенных таблицах, содержащих описания как стремян, так и шпор, мундштуков, медиакан, я указываю лишь те образцы, которые знаю сам и которые тщательно мною изучены, датированы и классифицированы с особенной точностью.

Хочу особо поблагодарить и отметить здесь виднейшего русского собирателя наших дней, хранителя миллионов предметов русской старины, великого специалиста — моего друга Михаила Сурова, который, кряхтя и печалась, но все же без единого слова возражения переживал мои грабительские рейды в закрома его огромных коллекций. У него я выгребал, выгребая и буду выгребать все, что имеет хотя бы малейшее отношение к лошадиной амуниции прошлого.

⁹ *Жан-Марк Эмбер*. Вполне симпатичный француз, самородок, вдохновленный Марио Люраши, начал демонстрировать езду на «голой» лошади. Ездит со шпорами, но без сбора. Элементов не выполняет практически никаких. Рысь, галоп, осаживание, менки.

Основной конь — аргентинский криолло, мерин Никито.

¹⁰ *Дерек Кноттенбельт*. Потрясающий ветеринар современности.

¹¹ *Алексис Грюсс, Аюсьен Грюсс*. Современные мастера жанра цирковой дрессуры, патриархи французского цирка. Династийные циркачи. Алексис, к примеру, всю жизнь таскает за собой древнюю цирковую кибитку, в которой когда-то родился. Абсолютные традиционалисты, используют арниры и прочие неременные аксессуары цирковой дрессуры. Работают с любыми лошадьми — с фризами, андалусийцами, текинцами.

¹² *Ульрих фон Юнгинген* (убит в 1410 г.). Великий магистр Тевтонского ордена. Доблестный, но очень склочный рыцарь, начавший в 1410 г. войну ордена с Польшей и проигравший ее в битве при Грюнвальде (Танненберге). Сам он легко отделался — его убили в битве, а вот Тевтонский орден после Грюнвальда «опускали» долго и по-всякому, лишали земель, замков, гербов, пока не опустили окончательно и не ликвидировали.

¹³ Существует общепринятый канонический штамп, утверждающий, что при знаком хорошей посадки всадника являются опущенные пятки.

Это вздор.

Сидящий без седла, то есть наиболее гармонично приспособившийся к движениям лошади, расслабленный всадник всегда и непременно будет иметь опущенными вниз не пятки, а носки.

Разумеется, наиболее естественным положением ног будет легкое опускание носков вниз, но требования деревянно-напряженной, искусственной посадки в спортивной выездке категорически требуют опускания именно пятки.

Поскольку это положение противоестественно и вызывает лишнее напряжение, лишаящее посадку легкости, гармоничности и способности не мешать лошади двигаться, то изобретаются специальные средства, создающие зрительную иллюзию опущенной пятки.

Таковыми средствами являются резиновые подкладочки на стременах, закошенные в ту или иную сторону, а также специальные подпяточники, вкладывающиеся в сапоги.

Подпяточник, некий внутренний, направленный вверх каблук, спрятанный в сапоге, обеспечивает зрительную иллюзию опущенной пятки, но это лишь иллюзия.

Бедные лохи, насмотревшиеся выездковых кассет и не знающие этого милого секрета, тянут пятку вниз до вылезания глаз, закрепощают ноги, весь корпус и следствием этого приобретают ту самую декоративно-деревянную посадку, которая так нравится профанам, но на самом деле является приметой полного дилетантизма и очень опасной глупостью, так как всадник, сидящий на лошади напряженно, непременно с нее свалится.

Вообще, сколько аллюров — столько посадок.

Сколько фигур — столько посадок.

У всадника есть одна задача — сделать для лошади свое присутствие на ее спине как можно менее заметным и обременительным, посему основной задачей хорошего всадника является то, что отцы-«отэколычики» называли «лишением себя всякого веса».

А уж как этого достигать, каждый решает сам. Кто-то слегка сутулится, как Люраши или Оливейро, кто-то продвигает вперед ноги от бедра, кто-то прогибается — в общем, каждый решает это в соответствии с движением лошади и собственной конституцией.

¹⁴*Магали Делгадо*. Очень непростая фигура, символизирующая сегодня поиск и метания наиболее одаренных лошадиников Франции. Магали, тоже вдохновленная Люраши, периодически снимает с коня «железо» и уздечку и так выступает на крупных шоу, парижском Салон дю Шеваль и других мероприятиях подобного рода, срывая бешеные аплодисменты. Но я своими глазами видел, как Магали разминается и репетирует свой номер — с мундштуком. Она, вероятно, понимает всю тупиковость традиционной езды с «железом», но окончательно оторваться от этой традиции не может. Она выросла в ней и ею воспитана. Впрочем, основную имиджевую ставку Магали последнее время делает на безудачечную езду, к овладению которой искренне стремится.

Самый знаменитый ее конь Дао де Кюренн, потрясающий серый лузитано.

¹⁵*Восточные скифы*, захоронив своего вождя, уже насыпав курган — и над его телом и над трупами его лошадей, жен и слуг, — на этом не успокаивались. В зависимости от окружности кургана убивали еще двадцать-тридцать лошадей и столько же всадников. Мертвые лошади с всадниками ставились вокруг кургана, как сторожа. Делалось это нехитрым образом: в землю вбивались колья, три штуки, на эти колья нанизывались и мертвые лошади, и мертвые люди. Для лошадей колья имели перекладину, которая поддерживала их живот, не давая осесть на землю.

¹⁶*Царь Давид*. Одно из главных действующих лиц Священного Писания, почитается христианской церковью, как святой, богоотец и пророк.

Судя по всему, абсолютный параноик. Издевательства над лошадьми не были единственным делом святого пророка, помимо этого он много и затеисто развратничал, злоупотребляя служебным положением, писал куплеты, известные как «псалмы царя Давида», и изобретал новые способы убийств, как разовых и одиочных, так и массовых.

В частности, взяв один из Аммонитских городов, Давид, как умиленно свидетельствует Священное Писание, «народ, бывший в нем, вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры и бросил их в обжигательные печи» (2-я книга Царств, гл. 12, стих 31).

Отличался истерической набожностью и капризами.

¹⁷ *Монголы.* В действительности, если внимательно изучить важнейшие источники того времени, а их немного — это «История монгалов» Плано Карпини, «Хроники» Фомы Сплитского, летописи Рашид-ад-Дина, «Мэн-да бэй-лу» (полное описание монголо-татар) Чжао Хуна, самый серьезный китайский источник, «Хэй-да ши-люэ» (краткие сведения о черных татарах) Пэн-Дая и Сюй-Цина, а также «Великая Хроника» Матфея Парижского и несколько русских летописей — то становится очевидно, что практически все монголо-татарские победы к конному бою и лошадям ни малейшего отношения не имеют.

Монголы лучше всех в мире стреляли из луков, виртуозно обращались с камне-метами, стрелометами, двух- и трехлучными станковыми арбалетами и огнеметами китайского типа.

В их войске главной силой, по крайней мере начиная с 1232 г., были китайские инженеры, которые проектировали метательные машины, создавали их и обслуживали.

Вторым великим козырем монголов были «хашары», осадные толпы, собранные из местного населения, которые эти машины таскали, добывали и обрабатывали для них снаряды (выворотка камней и обтеска). Эти же «хашары» закидывали фашинами, землей и дровами крепостные рвы. Они же принимали на себя расплавленный свинец, смолу, вар, камни, бревна и стрелы со стен.

Рашид-ад-Дин свидетельствует, что при осаде Ходжента, к примеру, «было пятьдесят тысяч „хашары" и двадцать тысяч монголов». В книге «Мэн-да» дано точное описание этого события: «Всякий раз при наступлении на большие города они сперва нападают на маленькие города, захватывают в плен население, угоняют и используют на осадных работах. Когда людей захвачено много, им дается приказ набирать много камней и нести на себе много дров или земли.

Когда люди пригнаны, они заваливают крепостные рвы вокруг городских стен тем, что принесли, и заравнивают рвы.

„Хашар" же используют для обслуживания колесниц со станковыми арбалетами, камнеметами, куполов для штурма, катапультных установок, таранных установок».

Использовались «хашары» как в полевых сражениях, так при осадах и штурмах. Но полевых схваток было ничтожно мало, сведения о них противоречивы и не точны.

Основной список монголо-татарских побед — это осады и штурмы крепостей и городов, т. е. те боевые действия, в которых кавалерия вообще не участвовала.

Эти осады и штурмы, собственно, и «делали» войну, как было во время и русского, и европейского походов джихангира Бату-хана (Батыя).

Были осаждены и взяты штурмом города Владимир-Суздальский, Рязань, Владимир на Клязьме, Торжок, Козельск, Киев, Краков, Вроцлав, Буда, Пешт, Братислава, Пуканец, Крупина, Эстергольм, Свач, Дривасто, Катарро, Дубровник, Загреб, Углич, Ярославль, Кострома, Галич, Ростов, Тверь, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Суздаль, Москва и др.

Примерно такая же картина и в азиатской компании предшественника джихангира — там тоже сплошные штурмы и осады — Бухара, Самарканд, Хорезм: можно перечислять практически до бесконечности. В Средней Азии и Китае городов и крепостей много. И все были взяты монголами.

Каждый штурм, каждое взятие города — это в первую очередь штурмовое пешехотное сражение с применением «высоких технологий» того времени, из которых, как это ни парадоксально, и состоит, в основном, военная история монголов.

¹⁸ *Атилла* (395-453). Абсолютный властитель гуннов (хунну), каким-то образом склеивший из гигантского количества кочевых диких племен, не испытывавших друг к другу никакой симпатии, одну из самых больших армий в истории человечества и уютивший ею пространства от Китая до Франции.

Судя по той публичной истерике, которую он устроил в битве на Католаунских полях, когда велел собрать со всей своей армии седла, создать из них гору и поджечь ее, чтобы броситься в огонь в случае поражения, Атилла был очень артистичным психопатом.

Зачем было палить седла, имевшие своей основой деревянный массивный арчаг, очень искусно сделанные и богато украшенные, мне все же не очень понятно.

Если у Атиллы желание зажариться на глазах у всей своей армии было настолько непреодолимым, то для этой цели вполне хватило бы обломков десяти повозок

из тех 20 тысяч повозок и повозочек, которые имели хунну в своем распоряжении и которыми окружились, ожидая нападения римлян и союзных Риму (на тот момент) вестготов.

Впрочем, битва на каталаунских полях ничем не закончилась. Вестготы устроили поминки по затоптанному ими же своему царю Теодориху, римляне одни действовать не решились, и Атилла, огрызаясь, отступил, чтобы чуть позже, благополучно и с комфортом, помереть чудесной смертью от сексуального переутомления.

¹⁹ *Публий Корнелий Эмилиан Сципион* (Африканский) (235-183 гг. до н. э.). Эталонный образец римского военного аристократа и полководца. Жестокость, милосердие, доблесть, осторожность никогда не были мотивацией его поступков, а лишь служили ему инструментами для его полководческой работы. С восхитительной бесстрашностью большого хирурга, пользуясь этим инструментарием, Публий Корнелий Сципион прооперировал античный мир своего времени, удалив огромную карфагенскую язву, которая всерьез угрожала существованию Рима, а следовательно и цивилизации. Он разгромил Ганнибала, а затем уничтожил Карфаген.

Конфуз с унесшим его с поля боя конем некоторые историки объясняют тем, что конь был оцарапан и испугался, но я полагаю, что причина была в полном отсутствии правильных навыков езды, которых в то время быть и не могло.

Раненые лошади, как доказывает вся история войн, остаются в строю, повинуюсь табунному чувству и желанию быть рядом с себе подобными. Лишь грубость и глупость всадника может спровоцировать серьезное неповиновение и так называемый «разнос», жертвой которого и стал Сципион. Он же, без сомнения, сам и спровоцировал коня.

Если верить римским первоисточникам, Сципион лично ввязался в сражение, перекидываясь какими-то дротиками с Ганнибалом или с тем карфагенянином, которого он принял за Ганнибала, перепсиховал с непривычки, надергал страшным своим римским «железом» коня за рот — и тот, обезумев от боли, ломанулся прочь из боя.

Еще спасибо коню-умнице, что он, несмотря на боль, потащил Сципиона в римскую сторону, а не в лагерь карфагенян.

²⁰ Русская кавалерия была ничем не лучше. Слава казаков — абсолютно дутая. Основной казачьей стилистикой всегда была варварская, жестокая езда без сбора, на прогнутой спине и с задранной головой, «топориком», как говаривали сами казаки. Жестокость и примитивность казачьей езды можно сравнить только с нигерийской ездой или ездой афганских племен.

Тирион, в частности, сообщает о том, что французский маршал Мюрат во время войны 1812 г. при стычках с казаками даже никогда не вынимал саблю из ножен, а пользовался только хлыстом.

Относительно, очень относительно некие азы верховой науки получили те казачьи сотни, что воевали в составе «Казачьих кавалерийских дивизий СС» на стороне немцев в войне 1941-1945 гг.

²¹ *Ян Жижка* (1360-1424). Гениальный полководец, зачинщик Гуситских войн, ставивший на уши всю рыцарскую Европу столь долго, сколько ему позволило здоровье. В молодости принимал участие в Грюнвальдской битве (1410), где, вероятно, и вошел во вкус участия в массовых мероприятиях такого рода.

В 1419 году, явно скучая и занимаясь судебными тяжбами с соседями, узнал о сожжении церковниками Яна Гуса, с которым когда-то дружил. Не думаю, что Жижка всерьез вникал в гуситскую казуистику и понимал догматическую суть конфликта Гуса с папским католицизмом, но, будучи лично оскорблен фактом сожжения приятеля и чувствуя народные настроения, понял, что появился сказочный шанс вступить в войну практически со всем цивилизованным миром. Для него, надо сказать, это в действительности было куда более интересным занятием, чем тяжбы и почти бескровные, скучные разовые драки с соседями.

Будучи невероятно одаренным (судя по результатам деятельности) полководцем и очень мощным лидером, Жижка легко объединил всех в Чехии, кто был хоть чем-нибудь да недоволен. Тут очень кстати подвернулся очередной крестовый поход, пришедший в Чехию добивать «гуситскую ересь» (последователей Яна Гуса),

казавшуюся папистам очень вредной и совершенно нестерпимой. Жижка легко расколошматил первый крестовый поход, потом второй, а потом — массовое истребление европейского рыцарства у него вообще вошло в привычку. Он очень скучал, если на горизонте подолгу не появлялись воины «святого престола», а завидев их, радовался как младенец. И сразу громил и бил. Пленных не брал, выкупов не требовал. Просто убивал, да каждый раз весело, с огоньком и выдумкой.

Когда рыцарство, возмущенное его скверными манерами, наотрез отказалось ходить крестовыми походами на Чехию, Жижка отчаянно заскучал и, чтобы чем-нибудь занять руки, начал бить непосредственно гуситов, тех самых, от имени которых боролся с крестоносными нашествиями на Чехию. Когда бить стало больше некого — заскучал опять, да так, что и умер.

Жижка вообще был большим затейником и фантазером. Это касалось и тактики сражений, и даже таких мелочей, как завешание. После смерти Жижка, по его же завещанию, был освежеван своими сторонниками, которые часть кожи употребили на барабан, звук которого должен был вдохновлять жижковцев бить всех, кого видят, а часть, вероятно, на более прозаические нужды. По крайней мере чех Франтишек, мой приятель-антикварщик, который, помимо рыцарских шпор и других железок, занимается вообще любым средневековьем, несколько раз, всегда очень патетично выпучивая глаза, предлагал мне то пороховницу, пошитую из кожи Жижки, то рукописную библию XVI в., переплетенную в кожу Жижки, то «мизерекордию» в ножнах, обтянутых кожей Жижки, и пр.

При внимательном рассмотрении немногих современных изображений Жижки — его портретного сходства с шарпеем мною обнаружено не было, так что откуда такое количество кожи слепого полководца гуляет по рукам антикварщиков — я не понимаю.

²² Примерно то же утверждал и *маршал де Сакс*. Он не был так афористически точен, но все же хорошо формулировал принципы воинского тренинга лошади. Маршал честно писал, что любовь к лошади губит кавалерию. Он утверждал, что военной лошади «необходимо постоянно причинять боль и делать их сильнее за счет скачек и жестких упражнений».

²³ *Оливейро Нуно*. Средний португальский всадник, использовавший банальные болевые методы, но ставший авторитетным благодаря тому, что всю жизнь строил невразумительные методики, которые воспринимались с тем большим благоговием, чем меньше были понятны.

Особого упоминания, честно говоря, не заслуживает.

²⁴ *Алоиз Подхайский*. Эталонный представитель Венской школы, полковник, красавец. Необыкновенное внимание, как и все «венцы», уделявший блеску ботфортов и положению форменной треуголки на голове. Традиционалист. Считается, что именно он явил миру образец действительно сказочной посадки, легкой, непринужденной и при этом подлинно школьной.

По мне, Подхайский сидел несколько на плечах, близковато к шее, что уже делало посадку не вполне классической, но термин «посадка Подхайского» имеет хождение до сих пор и считается высшим комплиментом, как в самой Венской школе, так и за ее пределами.

Один из богов Испанской школы в Вене, бывший директором Школы в период с 1939 по 1956 г., что уже говорит о многом — так как стать директором, реальным лидером очень замкнутого, очень высокомерного, непримиримо-кастового сообщества венских обер-берейторов, действительно помешанных на мастерстве, мог только суперталантливый всадник и воспитатель лошадей.

При этом надо понимать, что, как сейчас, так и в годы Подхайского, Венская школа была государством в государстве. С очень жесткими правилами, с невероятно высокими требованиями как к лошадям, так и к людям. Впрочем, венский традиционализм не имеет ничего общего с настоящим испанским.

Медиаканы не употребляются. Выездка лошади достигается не столько болевыми средствами (хотя ими тоже), сколько исключительной немецко-австрийской занудливостью в сочетании с применением действительно очень хорошей техники, целиком взятой из трактатов *Haute Ecole*.

Работал, по традиции Венской школы, разумеется, только с лошадьми липпицианской породы, преимущественно с линией Маэстозо, отличавшейся рослостью, невероятной широкогрудостью и более сухой, чем в прочих линиях этой породы, конституцией.

Наиболее знаменитые лошади, воспитанные Алоизом: Маэстозо Алеа, Маэстозо Меркурио, Плуте Теодоросто, Неро, Тейя.

Автор очень неплохих, но не очень откровенных книг «Мои танцующие белые лошади», «Полный тренинг лошади и всадника», «Искусство дрессажа» и др.

Неполная откровенность в изложении методик — тоже дань традициям Венской школы.

Самые известные ученики: Артур Коттас, Эйшингер.

²⁵ *Перальто, братья Анджелъ и Рафаэль.* Испанцы. На момент написания книги оба здравствуют. Если говорить о старой, да еще и в мрачном испанском варианте, «Высокой Школе», то они, вероятно, непревзойденные в своем роде, мастера.

Вообще, испанская ветвь Haute Ecole остановилась в развитии где-то в середине XVIII в., а из всех приемов Школы взяла только самые жестокие. Эта ветвь (как, кстати, и португальская) всегда была, есть и будет абсолютно чужда основной «денстеровской» идее Haute Ecole — идее любви к лошади, равенства с ней.

Братья Перальто используют «железо», арниры, медиаканы, испанские стремена «вакеры», которые имеют очень острый угол и употребляются порой в качестве болевого дополнения к огромной шпоре. Лохов братья потрясают тем, что управляют лошастью вроде бы никак не работая поводом — у них совершенно свободны руки, что они ежеминутно и демонстрируют зрителю. На самом деле это фокус. Повод пристегнут к специальной кнопке на поясе, и управление, предельно жесткое, достигается при помощи уклонов корпуса. Но это теперь уже не только «перальтовская» фишка, это практикуют многие испанцы и португальцы.

Братья Перальто — участники сотен коррид, следовательно, всю жизнь публично мучили и убивали не только лошадей, но и коров. Все элементы Haute Ecole в их исполнении отличаются формальным совершенством, механистичностью, но для посвященного человека, понимающего, чего все это стоило лошади, все выглядит довольно мерзко. В работе перальтовских лошадей всегда заметны нервозность и постоянное присутствие болевой компоненты. Нервная высота пассажиров — свидетельство грубой подбивки. Выездка братьев Перальто — чистой воды дрессировка, т. е. выработка двигательных рефлексов в ответ на болевой раздражитель. Работают Перальто только с андалусийцами, которых сами же и выращивают на небольшом собственном заводике. Отличаются редким неумением слышать и понимать лошадь.

²⁶ *Лена Павлович.* Очаровательная русская циркачка, серьезный мастер «Высокой Школы» в цирковом смысле этого слова. Родилась в Москве в 1964 году. Будучи нединастийной циркачкой, не имела в качестве постоянного наставника никого из светил цирка и не от кого не могла усвоить уроки дикой цирковой жестокости. От прочих циркачек отличается умением понимать лошадь, за последние годы еще более гуманизировалась.

Лошади: Нагар, Глаудис, Хитрец, Арбалет, Заказ. Ученики: А. Букин, Е. Алинцева.

Элементы: балансе (переднее и заднее), пассаж, пиаффе, испанская рысь, пасада, каприоль в руках, испанский шаг, очень классная «свобода», т. е. работа с лошадьми, которые вроде бы свободно перемещаются по манежу, но на самом деле двигаются по строго определенному для них сценарию.

Работает с любыми лошадьми — с тракеницами, буденовцами, рысаками, латвийцами.

Арниры не употребляет. Не бьет.

¹⁷ *Юлий Лупп (Луп).* Один из участников заговора против Калигулы. Вошел в историю не столько как большой любитель разбивать младенцев о стены, сколько как исключительный трус. За совершенное убийство императора Гая Калигулы, происшедшее 24 января 41 года, заговорщики, в числе которых был и главный зачинщик Кассий Херея, по приговору сената, были казнены. В числе приговорен-

ных был и Юлий Лупп. На эшафоте он канючил, плакал, умолял, т. е. вел себя абсолютно непристойно.

²⁸Поголовная, практически без исключения, мода XVIII и XIX вв. Г. Теннекер, автор очень популярной в свое время книги «Конюшенной порядок», изданной в 1820 г., описывает в подробностях сию моду: «Поелику лошадь нам только тогда нравится, когда хорошо носит хвост, что и действительно показывает силу и природное ее происхождение, то нельзя довольно смотреть за тем, чтобы хвост всегда был в хорошем положении. Самое англизирование (обрезание хвоста) — как бы хорошо оно ни было — не всегда для сего достаточно; а посему и надо употреблять различные средства для достижения сей цели. К сим средствам принадлежит и употребление перца, после которого лошадь не только в продолжение некоторого времени лучше носит хвост, но и делается более горячею и получает более живые и свободные движения. Для сего действия употребляют или целые зерна, которые кладут ей в задний проход, или шарики, сделанные из толченого перца, муки и воды, которые также по несколько штук впускают в задний проход.

Искусственное сие раздражение прямой кишки производит не только то, что лошадь лучше носит хвост, но она даже кажется и более горячею, и даже шире и толще, пока продолжается раздражение; ибо в сем случае она напрягает брюшные мышцы и старается вытеснить раздражающее тело.

Кроме всего поднимает поясницу и спину, движение задних ее ног делается более свободным, и лошадь представляется сильною, проворною и красивою».

В настоящее время эта традиция сохранилась только в цирке и у корридных лошадей.

²⁹*Энглизация, англизирование (англизирование).* Здесь я тоже процитирую источники того времени, которые своими формулировками лучше любых доказательств продемонстрируют повсеместность этого идиотского обычая. Тот же Теннекер в «Конюшенном порядке» пишет следующее: «Кто продает лошадей простых или улучшенных без всякого англизирования и без подвязывания на спину хвоста, тот, если только не хочет торговать одними крестьянскими лошадьми, не понимает конской торговли и никогда не получит от нее выгоды... Лошадь ленивая, невнимательная, окостенелая в ногах, истощенная работою и разбитая ногами, при англизировании, скручивании и подвязывании хвоста делается живою, проворною и даже вольнее в движениях, пока только продолжается боль в ранах и напряжение».

³⁰Впрочем, мода иногда менялась. В конце XVIII в. место «яблок» заняли «тигровые полосы». Г. Штутергейм описывает, как после долгих процедур, проводимых по разным рецептурам, шерсть серых лошадей испещрялась полосами наподобие тигриных. «Для превращения светло-серых лошадей в чубарых или тигров или для произведения на них других отметин употребляется адский камень, от чего происходят в результате на шерсти красно-бурые пятна. Я часто видел, как из светло-серой лошади делали тигра, и все ошибались. Между прочим, помню еще светло-серую лошадь господина Ш., служившего со мною вместе в Саксонском гусарском полку, которая столь искусно была разрисована, что полковые офицеры сначала принимали за природную шерсть тигра. И известный волтижер Киарини имел между своими лошадьми рисованного тигра, которого все зрители принимали за настоящего».

Литература

- Albrecht K.* Principles of dressage. London, 1981.
- Antoine de Pluvenel.* Exercice de monter a cheval. S. 1., 1666.
- Back W., Clayton H.* Equine locomotion. W. B. Saunders, 2001.
- Barroil.* L'art equestre. S. 1., 1887.
- Baucher F.* Dictionnaire raisonne d'equitation. S. 1., 1833.
- Baucher F.* Dressage du cheval de selle. S. 1., 1891.
- Baucher F.* Methode d'equitation. S. 1., 1859.
- Baucher F.* Passe temps equestres. S. 1., 1840.
- Bourgela.* Le nouveau Newcastle. S. 1., 1771.
- Brereton].* The Horse in war. David & Charles, 1976.
- Capitaine Picard.* Ecole Cavalerie. Paris, 1880.
- Carnat G.* Le fer a cheval. S. 1., 1951.
- Cavendish.* Methode et invention de dresser. S. 1., 1658.
- Comte d'Aure.* Cours d'equitation. Paris, 1888.
- Cueriniere F. R. de la.* Ecuyer du roi et d'aujourd, hui Belin. S. 1, 2000.
- De Bregrieres C.* Manuel des equyers. S. 1., 1725.
- De Curnieu Baron.* Lecons de sience hippique. S. 1., 1857.
- De la Balme M.* Essais sur l'equitation, 1773.
- De La Brue S.* La Cavalerie Francaise. S. 1., 1602.
- Dupaty de Clam.* Le science et l'art de l'equitation. S. 1., 1776.
- Equine Dentistry / Ed. by G.J. Baker, J. Easley.* W. B. Saunders, 1999.
- Fillis J.* Journal de dressage. S. 1., 1903.
- Fillis J.* Principes de dressage. S. 1., 1891.
- Flaschi.* Trattato d'ellimbrigliare,maneggiare e ferrare. S. 1., 1556.
- Franconi V.* Course d'equitation pratique. S. 1., 1855.
- Frouville de.* Maniere de dresser les chevaux. S. 1., 1784.
- Gail.* Oeuvres de Xenophon. S. 1., 1795.
- Gerlach.* Cours d'equitation militaire. S. 1., 1830.
- Grisone.* L'ecurie de F. G., gentilhomme napolitain. S. 1., 1559.
- Hartley E. H.* Bits and Bitting. David & Charles, 2000.
- Hodgson D., Rose R.* The Athletic Horse. W. B. Saunders, 1994.
- Hunersdorf.* Equitation allemande. S. 1., 1843.
- Hyland A.* The hors in the middle ages. Sutton & Sutton, 1999.
- Hyland A.* The horse in the ancient world. Sutton & Sutton, 2003.
- Hyland A.* The medieval warhorse. Sutton & Sutton, 1994.
- Hyland A.* The warhorse. Sutton & Sutton, 1998.
- Khottenbelt D., Pascoe R.* Diseases and disorders of the horse. Mosby, 1999.
- Khottenbelt D., Pascoe R.* Manual of equine dermatology. W. B. Saunders, 1999.
- La Gueriniere.* Ecole de Cavalerie. S. 1., 1733.

- Le Cheval et la Guerre*. Paris: Association pour L'Academie d'Art, 2002.
- Loch S.* Dressage. London, 2001.
- Luraschi M.* Un vrai cingle de cheval. Caracol, 1987.
- Malm G. A.* Bits and bridles: An encyclopedia. Grasshopper Publishers Kansas, 1996.
- Mauleon de.* Methode de dressage. S. 1., 1895.
- Memoires de Mr DArtagnan*, capitaine-lieutenant de la premiere Compagnie des Mousquetaires du Roi. A Cologne: Chez Pierre Marteau, 1701.
- Musany.* Dressage des chevaux difficiles. S. 1., 1880.
- Musany.* Dressage methodique. S. 1., 1879.
- Rene de Menou.* Exercice de monter a cheval. S. 1., 1651.
- Richardson C.* The Horse breakers. London: J. A. Allen, 1998.
- Sainte-Phale.* Dressage. S. 1., 1904.
- Saunier de.* Parfaite Connaissance des Chevaux. S. 1., 1734.
- Saunier G. de.* Principes de la cavalerie. S. 1., 1749.
- Solleysel de.* Le veritable parfait Marechal. S. 1., 1672.
- Susane.* Cavalerie francaise. S. 1., 1874.
- Touduze G.* Le Roy Soleil. Paris, 1908.
- Vallet.* Le chic a cheval. S. 1., 1902.
- Waring G.* Horse behavior. S. 1., 2003.
- Аммиан Марцеллин.* Римская история. М., 1994.
- Античные государства Северного Причерноморья// Археология СССР.* М., 1984.
- Аппиан Александрийский.* Римская история. М., б. г.
- Аппиан.* Римские войны. М., 1950.
- Арриан.* Поход Александра. М., 1993.
- Археологический сборник.* Вып. 1-34.
- Библия.* Б. м., 1999.
- Брикс Г.* Примечания//Денисон Дж. История конницы. М., 2001.
- Буденный.* Книга о Лошади. М., 1959.
- Бычко С. В. (Ийваччин).* Русско-лакотский разговорник. СПб., 2005.
- Витт В.* Лошади Пазырыкских курганов. М., 1952.
- Врангель.* Книга о Лошади. СПб., 1903.
- Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966.
- Генслер И.* Ручная конская книга. СПб., 1851.
- Геродот.* История. Л., 1885.
- Гешвенд.* Руководство к познанию лошади. СПб., 1868.
- Гиппика, или наука о конях.* Б. м., 1685.
- Гиппократ.* Избранные книги/ Пер. В. Руднева. М., 1994.
- Гумилев А.* История народа Хунну. М., 2004.
- Далматов.* Справочная книжка кавалериста... М., 1921.
- Дао Дэ Цзин / Пер. В. Перелешина.* М., 2000.
- Дао Дэ Цзин / Пер. Ян Хин-Шуна.* Харьков, 2002.
- Дао Дэ Цзин / Пер. В. Малявина.* М., 2003.
- Дарвин Ч.* Собр. соч. СПб., 1908.
- Де Брак.* Аванпосты легкой кавалерии. Б. м., 1906.
- Денисон Дж.* История Конницы. М., 2001.
- Домнин А.* Рубка и прикладное фехтование в коннице. М., 1927.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии// Археология СССР.* М., 1985.

- Древняя Русь*// Археология СССР. М., 1985.
- Журнал коннозаводства и охоты.* (СПб.) 1850-1854 .
- Записки для охотников до лошадей/* Сост. ген.-лейт. П. Цорном. М., 1822-1827.
- Инструкции и приказы для кавалерии короля Пруссии Фридриха Великого.* СПб., 1903.
- Иосиф Флавий.* Иудейская война. Минск, 2004.
- Иосиф Флавий.* Иудейские древности. Ростов-на-Дону, 2003.
- Кн. Щербатов, гр. Строганов.* Книга об арабской лошади. СПб., 1990.
- Корнелий Тацит.* Анналы. М., 1969.
- Кости и плоть Дзэн: (Сто одна история Дзэн).* СПб., 2004.
- Крафт Гогенлоэ-Ингелфинген.* Беседы о коннице. Варшава, 1889.
- Крисп Гай Саллюстий.* Югуртинская война. М., 1891.
- Ксенофонт.* Анабасис. М., 1951.
- Маврикий.* Тактика и стратегия. М., 1903.
- Мажитов В.* Курганы Южного Урала. М., 1981.
- Макиавелли Николо.* О военном искусстве. Л., 1939.
- Марковин В.* Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су. М., 2002.
- Матфей Парижский.* Великая хроника. М., 1979.
- Миура И., Сасаки Р. Ф.* Коаны Дзен. СПб., 2004.
- Могильников В.* Кочевники северо-западных предгорий Алтая в 9-11 веках. М., 2002.
- Моммзен Т.* История Рима. М., 2004.
- Монтень М.* Опыты. М., 1979.
- Мунэнори Я.* Хэйхо Кадэн Се/ Пер. Хирояки Сато. СПб., 1998.
- Мэн-да Бэй-лу.* М., 1957
- Нитобэ И.* Бусидо. София, 2004.
- О строении конского дела.* Б. м., 1687.
- Описание коней чужеземных.* Б. м., 1686.
- Осипов.* Новейший и совершенный российский конный знаток, ездок, заводчик и коновал. СПб., 1791.
- Павсаний.* Описание Эллады. М., 1996.
- Письма Плиния Младшего.* М., 1984.
- Плано Карпини Дж. Дель.* История монгалов. М., 1957.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. М., 1961.
- Полибий.* Всеобщая история. М., 1899.
- Прокопий Кесарийский.* Война с вандалами/ Пер. Т. Чекаловой. СПб., 1993.
- Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М., 1946, 1952, 1960.
- Рош А. де ля.* Карманная книжка о службе легкой кавалерии. СПб., 1834.
- Свифт Дж.* Сочинения. М., 1947.
- Свод археологических источников.* Все выпуски// Археология СССР.
- Сохо Т.* Письма мастера Дзен мастеру фехтования. СПб., 2003.
- Степи Евразии в эпоху средневековья*// Археология СССР. М., 1981.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время* // Археология СССР. М., 1989.
- Тараторин В.* Конница на войне. Минск, 1999.
- Тит Ливии.* История Рима от основания города. М., 1989.

- Урусов.* Книга о Лошади. СПб., 1911.
- Учение,* како объезжати лошадей господина Антониа де Плувинелла, королевского величества французского начального конюшего. М., 1670.
- Финно-угры ТА* балты в эпоху средневековья// Археология СССР. М., 1987.
- Фишер И. Б.* Скотной лечебник. М., 1774.
- Фукидид.* История. М., 1981.
- Хэммонд И.* Конкистадоры. М., 2002.
- Чжан Чжэнь-цзи.* Практика Дзэн. СПб., 2004.
- Чжуан-Цзы I* Пер. В. Малявина. М., 2004.

Приложение

1 — персы (V в. до н. э.); 2 — парфяне (IV в. до н. э.); 3 — Рим (I—III вв.);
4 — греки (V в. до н. э.); 5 — сарматы (II—IV вв.);
6 — Закавказье (VIII в. до н. э.)

1

3

4

2

5

1 — луры (X-VIII вв. до н. э.); **2** — сарматы (II—IV вв.); **3** — «киммерийцы» (VII в. до н. э.); **4** — скифы (VI в. до н. э.); **5** — предскифское время (VIII-VII вв. до н. э.); **6** — скифо-меотский период (IV в. до н. э.) («колочие псалии»); **7** — сарматы (I в. до н. э.); **8** — Русь (X в.); **9** — аланы (X в.); **10** — анты (I в.); **11** — хазары (X в.); **12** — монголы (XIII в.)

1 — Европа, XVII в. (канон Пиньятелечи); 2 — Англия, XV в. (канон — ?);
 3 — Франция, XVI в. (канон Гризоне); 4 — Италия, XVI в. (канон Фиаччи);
 5 — Европа, XVI в. (канон Пигнателли); 6 — Франция, XVII в. (канон Плюви-
 нель); 7 — Испания, XVII в. (канон ля Брюэ); 8 — Голландия, XVII в. (канон — ?)

1 — конкистадоры (время — ?); **2** — Франция, конец VIII в.; **3** — Франция, начало XIX в.; **4** — Польша, XVIII в.; **5** — Англия, XVIII в.; **6** — Европа, XI-XIII вв.,
7 — Франция, начало XIX в.; **8** — Европа, середина XVIII в.; **9** — мундштук Марио Люраши, XX в.; **10** — Германия, мундштук времен Первой мировой войны;
11 — Франция, середина XIX в.; **12** — Италия, начало XVIII в. (жанетт);
13 — современный спортивный мундштук

1 — медиакана (Европа, XVI в.); **2** — медиакана (Австрия, XVIII в.); **3** — шпора хунну (III—V вв.); **4** — арабский Восток (XI-XV вв.); **5** — эспина (трибула) (время — ?); **6а, 6б** — боевой мундштук с шипами (Англия, XIV-XV вв.); **7** — готическая рыцарская шпора (XIII-XIV вв.); **8** — Европа (XV в.); **9** — Австрия (XVIII в.); **10** — Франция (XVII в., Haute Ecole); **11** — Мексика (XIX в.); **12** — Англия (XVIII в.)

Стремена

1 — VIII в.; 2 — сяньбийцы (V в.); 3 — аланы (V—VI вв.); 4 — хунну (IV в.); 5 — славяне (VIII в.); 6 — печенеги (VIII в.); 7 — франки (VII в.); 8 — норманны (X в.); 9 — монголы (XI—XIII вв.); 10 — саксы (X в.); 11 — Китай (XV в.); 12 — Италия (XIV в.); 13 — Англия (XIV в.); 14 — Россия (XVI в.); 15 — Корея (XIX в.); 16 — Италия (XVIII в.); 17 — половцы (X в.); 18 — Франция (XVIII в.), конюшни Людовика XIV

19 — Италия (XV в.); **20** — Франция (XVII в.); **21** — Россия (?) (XIX в.); **22** — Англия (XV в.); **23** — Фландрия (XVIII в.); **24** — Литва (XVII в.); Афганистан (XVIII в.); **26** — Австрия (XVIII в.); **27** — Китай (время — ?); **28** — Франция (XVII в.); **29** — Саксония (XVIII в.); **30** — Польша (XVIII в.); **31** — Венгрия (XVII в.); **32** — Франция (XVII в.); **33** — Франция (XVIII в.); **34** — Франция (XIX в.); **35** — Германия (начало XX в.)

36 — Италия (XIV в.); **37** — Россия (XIX в.), реплика; **38** — Южная Америка (XIX в.);
39 — Южная Америка (XVIII-XIX вв.); **40** — Португалия (XVII-XX вв.) (в ходу до на-
стоящего времени)